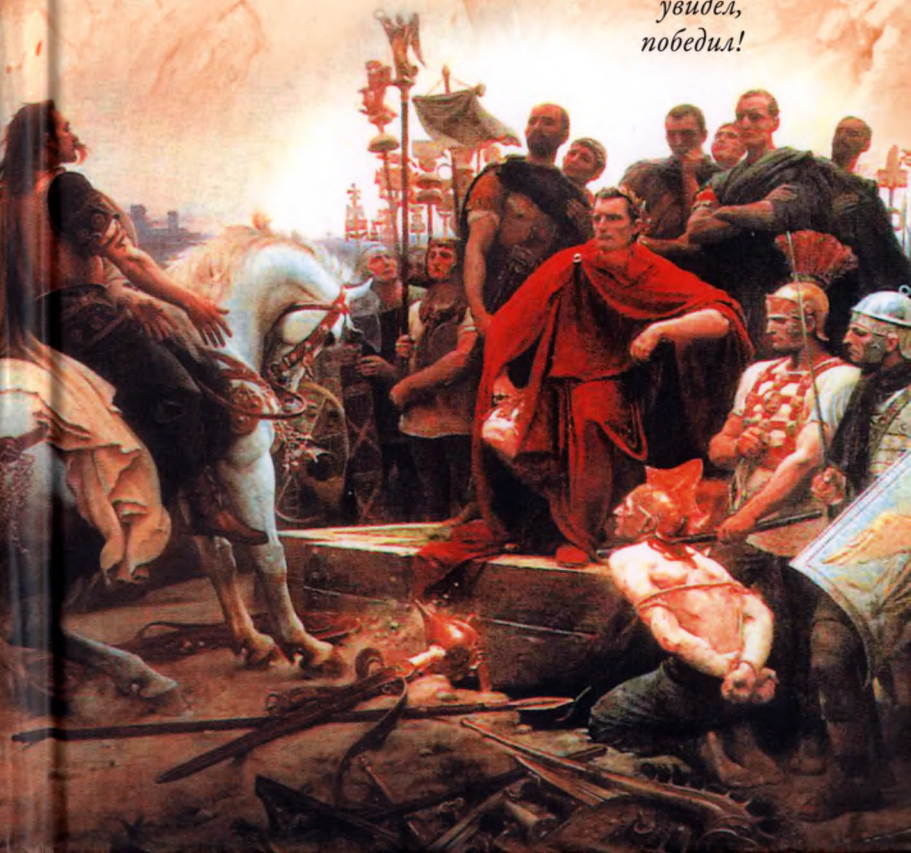

■ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ■

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

*Пришел,
увидел,
победил!*

ГЛЕБ БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА**

**Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»**

УДК 93/99
ББК 63.3 (0) 3
Б68

Серия «Историческая библиотека»

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Благовещенский, Гл.

Б68 Юлий Цезарь / Глеб Благовещенский.— М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2011.— 508, [1] с. — (Историческая библиотека).

ISBN 978-5-17-074514-2 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9725-2055-8 (ООО «Астрель-СПб»)

Бесстрашный воин, гениальный стратег, искусный политик, легендарный обольститель женщин, несравненный оратор, выдающийся писатель — это лишь часть превосходных качеств Юлия Цезаря, что снискали ему славу в веках! Исполненный внутренних противоречий, он всегда и во всем поступал нестандартно, как и положено великому человеку. Именно поэтому на его деяниях и было суждено учиться потомкам!

Книга подробно рассказывает о жизни и подвигах Юлия Цезаря, позволивших ему стать одним из самых знаменитых властителей всех времен.

УДК 93/99
ББК 63.3 (0) 3

Подписано в печать 12.05.11

Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 2000 экз. Заказ № 1045

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Гл. Благовещенский, 2011
© ООО «Астрель-СПб», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не без робости и смущения приступаю я к рассказу о Юлии Цезаре. Удастся ли мне, хотя бы в самой малой степени, приблизиться к пониманию и побуждений одного из гениев истории? Удастся ли убедить тебя, читатель, в правомерности этого приближения? Причем сделать это, оставаясь на реальной почве исторически достоверных фактов, свидетельств древних авторов единственного дошедшего до нас сочинения самого Цезаря. А сколь ответственна эта задача! Ведь для из нас Древний Рим — это в первую очередь Юлий Цезарь...

Лев Остерман. *Римская история в лицах*

Юлий Цезарь: человек и властелин.

Такова тема этой книги.

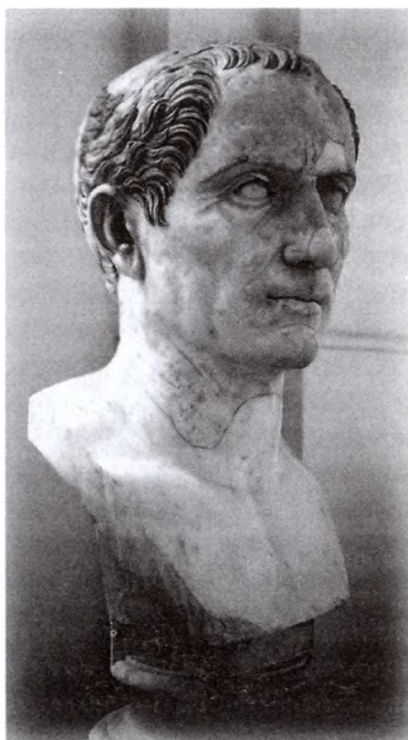
От главного героя повествования нас отделяет внушительный шлейф даже не лет, а столетий. Конечно же, это серьезно усложняет задачу.

Однако мы располагаем свидетельствами древних историков и записями самого Цезаря. Также существует целый ряд современных исследований, посвященных ему. Столь изрядный арсенал фактов позволяет создать вполне убедительный исторический портрет.

Начать стоит с того, что Юлий Цезарь был настоящим воином.

Он замечательно владел любым оружием, превосходно управлялся с конем. Физическая выносливость Цезаря не знала пределов. На марше он всегда следовал впереди войска, чаще всего пешком. Предпочитал двигаться с непокрытой головой, невзирая на непогоду. Как военный стратег он делал ставку на скорость; невероятная стремительность передвижения его легионов вошла в легенду. Известно, что он даже зачастую обгонял гонцов, специально посланных возвестить о его приближении!

Военные демарши Цезаря ставили его современников в тупик своей новизной и дерзостью. Внезапность и

Юлий Цезарь

решительность натиска он талантливо сочетал с тактическими маневрами. Цезарь никогда не атаковал, не исследовав детально место предполагаемой битвы; при этом он не жалел средств на содержание целой армии разведчиков. Практически всегда ему удавалось переигрывать противников. Он был способен напасть на врага, едва закончив марш и даже не позволив отдохнуть своим солдатам.

Цезарь игнорировал суеверия, хотя смолodu был жрецом храма Весты. Никакие приметы не могли отвратить его от избранного стратегического решения.

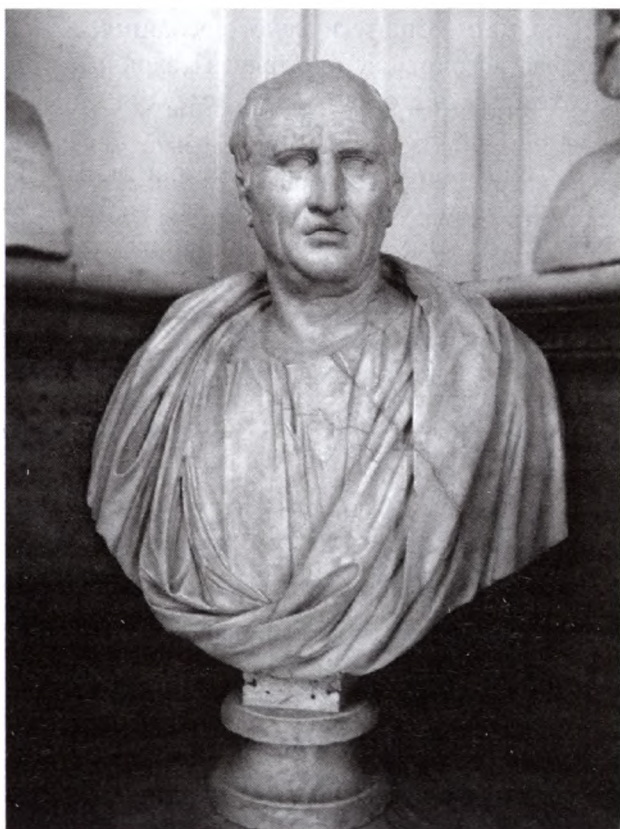
Разбивая наголову неприятеля, Цезарь имел обыкновение захватывать его лагерь, не оставляя ни малейшей надежды на контрнаступление. Если его легионеры под натиском противника начинали отходить, Цезарь бесстрашно бросался в самую гущу сражения, бился как лев, хватал отступавших за шею, обращая их движение вспять. Когда ситуация в сражении становилась тревожной, Цезарь нередко отсылал лошадей, причем в первую очередь — свою собственную, тем самым делая невозможной саму мысль об отступлении.

Кстати, Буцефал, конь Цезаря, вполне соответствовал своему хозяину! Ноги Буцефала походили на человеческие. Его копыта были не сплошными, а словно разделялись на пальцы, как у людей. Когда Буцефал еще только родился, гадатели предрекли, что его владельцу суждено править целым миром. Буцефал не подпускал к себе никого, кроме Цезаря, выручая его из любых военных передряг. Впоследствии Цезарь возвел верному Буцефалу памятник прямо перед храмом Венеры Прародительницы.

Сословная принадлежность солдат не заботила Цезаря; он всему предпочитал доблесть. К солдатам был предупредителен, заботился о них; впрочем, во время боя

мог казнить любого за малейшее ослушание. Легионеры Цезаря постоянно находились в готовности; неважно, что их ждало: новый марш или очередное сражение,— они были готовы ко всему!

Забавно, что Цезарь обыкновенно норовил серьезно преувеличивать военную мощь противника, воспитывая тем самым в солдатах нестигаемую стойкость духа. Доблестных воинов Цезарь поощрял, закрывая глаза на лю-

Цицерон (Музей Капитолия)

бые их проступки. Однако предателей, мятежников и трусов ждала заслуженная кара.

Юлий Цезарь всегда хорошо платил своим солдатам. После каждой победы он позволял легионерам как следует расслабиться, погулять на славу. О павших в бою сокрушался, как о родных. Его скорбь не знала пределов. Он не успокаивался, не отомстив жестоко за гибель своих воинов.

Относясь подобным образом к солдатам, он пользовался их безграничной преданностью. Когда легионеры проявляли себя в бою не самым лучшим образом, они были чуть ли не в отчаянии, и Цезарю приходилось их утешать и успокаивать, нежели порицать.

Примечательно, что у Цезаря не было текучки в войсках, как у других полководцев. Его легионеры были готовы терпеть любые лишения, холод, зной, голод, безденежье, лишь бы только сражаться под эгидой своего любимого командира. В сражении каждый был готов пойти на подвиг, лишь бы заслужить поощрение Цезаря.

Настоящих мятежей среди его воинства не было. Только во время гражданских войн, уже в зрелую пору его жизни, некоторые легионы пытались переметнуться к противнику или, как накануне Африканского похода, выставлять Цезарю особые требования. Действуя как кнутом, так и пряником, Цезарь добивался восстановления порядка, стыдя отступников. Однако даже главных заговорщиков он обычно наказывал лишь уменьшением причитающейся им доли награды.

Да, как это ни удивительно, но Юлий Цезарь демонстрировал нрав мягкий и великодушный — в отличие от прочих властелинов. Причем не только к своим солдатам, а буквально ко всем.

О друзьях же Цезарь заботился больше, чем о себе! Так, например, когда он однажды ехал с Гаем Оппием

через глухой лес, и того свалила внезапная болезнь, Юлий Цезарь уступил своему другу единственный кров, а сам остался ночевать на голой земле под открытым небом.

Став обладателем верховной власти в Риме, он возвысил всех своих соратников, даже тех, кто был самого низкого происхождения. Во время гражданских войн Цезарь возвестил, что будет считать своими друзьями всех из враждебной ему партии Помпея, кто просто-напросто воздержится от участия в конфликте! Когда Помпей был разбит, многие из его сторонников удалились в добровольное изгнание. Цезарь милостиво позволил им вернуться и даже предоставил для них ряд ответственных должностей. Более того, согласно вердикту Цезаря, статуи Помпея, низвергнутые народом с площадей, были восстановлены.

Имея обширную сеть агентов, Цезарь заранее знал почти обо всех попытках заговора против себя. Примечательно, что он не карал заговорщиков, а лишь извещал Сенат о них и вынашиваемых ими планах.

Готовность Цезаря выносить любые тяготы военной обстановки контрастировала с его стремлением к роскошной и расточительной жизни. Начав со скромного обиталища, Цезарь, стоило ему только стать понтификом, перебрался в грандиозные государственные покои. Однажды он возвел виллу у озера Неми, не пожалев на нее огромных средств. Когда вилла была готова, Цезарю она не понравилась, и он приказал сровнять ее с землей (словно позабыв о своих чудовищных долгах).

Будучи проконсулом в Испании, Цезарь, нимало не смущаясь, настойчиво предлагал союзникам изыскать возможности для уплаты его долгов. В Галлии Цезарь не

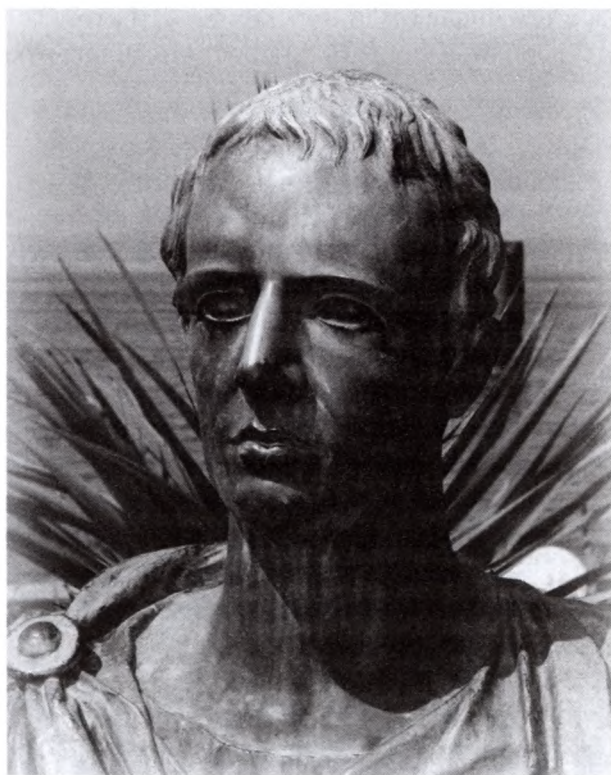
брезговал разорением храмов и капищ; города брались приступом и затем подвергались им разорению в большей степени ради наживы, нежели в военных целях. Став римским консулом, он похитил из капитолийского храма три тысячи фунтов золота, заменив его позолоченной медью. В сущности, Цезарь всегда стремился к тому, чтобы на руках у него всегда было достаточно средств. Без денег — какая вообще может быть власть?! Все добытые Цезарем средства расходовались на содержание его армии, на подкупы влиятельных и полезных лиц, на устройство величественных и невероятных зрелищ для народа, в том числе гладиаторских боев. В итоге солдаты его боготворили, а народ Рима просто носил на руках.

Юба

Цезарь неистово любил драгоценности, особенно жемчуг. Жаловал своим благосклонным вниманием также и сосуды, картины, статуи. Весьма ценил ученых рабов красивой наружности, выкладывая за них просто фантастические суммы!

Не обходил он своим вниманием и женский пол, не жалея на женщин никаких средств. Известно, что Цезарь был любовником многих знатных женщин — в том числе Постумии, жены Сервия Сульпиция, Лоллии, жены Авла Габиния, Тертуллы, жены Марка Красса, и даже Муции,

Гай Валерий Катулл (бюст Сермионе)

жены Гнея Помпея. Но больше всех прочих любил он мать Брута, Сервилию: еще в свое первое консульство он купил для нее жемчужину стоимостью в шесть миллионов; впоследствии, во время Гражданской войны, Цезарь, не считая других подарков, продал Сервилиии с аукциона богатейшие поместья за бесценок. Если верить Светонию, то *«среди его любовниц были и царицы — например мавританка Эвноя, жена Богуда: и ему, и ей, по словам Назона, он делал многочисленные и богатые подарки. Но больше всех он любил Клеопатру: с нею он и пировал не раз до рассвета, на ее корабле с богатыми покоями он готов был проплыть через весь Египет до самой Эфиопии, если бы войско не отказалось за ним следовать; наконец, он пригласил ее в Рим и отпустил с великими почестями и богатыми дарами, позволив ей даже назвать новорожденного сына его именем».*

При любви к роскоши и женщинам Цезарь, однако, был удивительно неприхотлив в еде. Вина он, кстати, почти не употреблял. Оказавшись за столом, где по недостатку средства подавали несвежее масло, он был способен отведать его в большей мере, нежели все прочие — дабы не смутить хозяев.

Обилие военных походов, триумфы, пиры и женщины, напряженная политическая жизнь — и при всем при этом Цезарь еще умудрился проявить себя в качестве незаурядного писателя! Он создал замечательные «Записки о Галльской войне», о которых великим Цицероном было сказано: «Записки, им сочиненные, заслуживают высшей похвалы: в них есть нагая простота и прелесть, свободные от пышного ораторского облачения. Он хотел только подготовить все, что нужно для тех, кто пожелает писать историю, но угодил, пожалуй, лишь глупцам, которым захочется разукрасить его рассказ своими завитушками, разумные же люди после него уже не смеют

взяться за перо». Кроме того, им были написаны «Гая Юлия Цезаря комментарии к гражданской войне», повествовавшие во всех деталях о его борьбе за верховную власть в Риме против Гнея Помпея. Наряду с этим Цезарь стал автором книг «Об аналогии», «Против Катона», а также нескольких драматургических и поэтических творений; известно и его эпистолярное наследие (в частности, письма к Цицерону). Эти произведения или не сохранились, или дошли во фрагментах.

Отдельно следует упомянуть ораторский дар, что был присущ Юлию Цезарю. Судя по свидетельствам современников, речь идет действительно о даре. Цезарь мог убедить кого угодно и в чем угодно. Он блестяще выступал в Сенате, вызывая восхищение даже у самых горячих своих недоброжелателей. Не менее результативными были его обращения к солдатам — во время войны. Любые сомнения и страхи, проникавшие в душу легионеров Цезаря, тут же исчезали; им на смену приходили безудержная отвага и желание победить, и тогда исход схватки уже не оставлял никаких сомнений...

Таков — в самых общих, конечно же, чертах — портрет Юлия Цезаря...

Пленительная его противоречивость открывает выдающиеся качества Цезаря и решительно нестандартный характер его деяний, невольно побуждая сделать простой вывод: это был поистине **великий человек!**

Глава 1

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

Знаменитые историки древности — Плутарх и Гай Светоний Транквилл — практически ничего не сообщают о самых ранних годах жизни Юлия Цезаря. Однако мы знаем, что он появился на свет 13 июля 100 г. до н. э. Возможно, правда, что это случилось двумя годами ранее. В те времена детям приходилось достаточно рано вступать во взрослую жизнь. Не стал исключением и Цезарь. Еще будучи совсем желторотым юнцом, он уже должен был жениться! Причем его женитьба отнюдь не явилась результатом сердечной привязанности. Таково было решение родителей Цезаря. Род Юлиев был весьма знатен, однако к времени рождения героя нашего повествования от бывшего материального благополучия семьи мало что оставалось. Чтобы сохранить прежний уровень жизни, было просто необходимо предпринять срочные действия. Отцу Цезаря, судя по всему, не пришло в голову ничего другого, кроме как женить своего юного сына на дочери одного из римских патрициев, принадлежавшего к не слишком знатному — всадническому сословию, но необыкновенно богатого. Едва ли уместно вме-

нять ему это в вину — заключение подобных союзов являлось и до сих пор является быстрым и надежным способом поправить финансовое положение. Характерно, что обе стороны были в выигрыше: патриций автоматически восходил на новый иерархический уровень, прежде недостижимый для него, а род Юлиев вновь оказывался при деньгах. Теперь можно было опять устраивать роскошные празднества и презентации! Что же касается чувств малолетних супругов, до них, конечно же, никому не было дела.

Цезарь сызмальства отличался крайней строптивостью. По исключительной младости лет перечить отцу он не имел возможности, но, со своей стороны, сделал все для того, чтобы его брак с Коссуцией (а именно так звали дочь пресловутого патриция) распался как можно быстрее.

Так оно и произошло.

Юлий младший, находясь в гуще светской жизни, очень скоро определился со своими приоритетами. Он не видел никакого смысла в том, чтобы спускать семейные средства на непрерывные увеселения, зато денно и нощно мечтал попробовать себя на рискованном политическом поприще. Остро ощущая, сколь изрядны возможности удачливых политиков, Цезарь стремился войти во власть. Однако рассчитывать на быструю карьеру при захватившем власть Луции Корнелии Сулле, абсолютном диктаторе, ему было практически невозможно. Следовало сделать ставку на оппозицию. Теперь уже сам Юлий Цезарь задумался о том, что неплохо было бы сойтись с руководством оппозиционеров, прибегнув к испытанному средству — женитьбе.

Уже тогда он был стремителен в своих решениях.

Бедная и незадачливая Коссуция была им категорически отвергнута ради Корнелии (не исключено, что этому решению Цезаря дополнительно способствовала безвре-

менная кончина его отца). Та приходилась дочерью самому Луцию Цинне. Цинна четырежды избирался консулом и пользовался колоссальной популярностью у городской бедноты. Будучи лишен Суллой своих полномочий, Цинна пылал ненавистью к диктатору и желал их вернуть себе обратно любой це-

Кальпурния

ной. Молодой Цезарь, блестяще образованный аристократ, отличавшийся крайним честолюбием, был для Цинны большой находкой (между прочим, Цезарь действительно получил великолепное образование, несмотря на то что в процессе обучения выказал поистине выдающиеся способности, умудряясь списывать одновременно с трех источников!). Цинна тотчас же дал свое согласие на брак. Необходимо заметить, что новое бракосочетание было вдвойне желанно Цезарю, поскольку помимо гипертрофированного честолюбия, в его сердце жила неумная страсть к Корнелии. Супруга отвечала ему тем же и вскоре подарила Цезарю дочь — Юлию.

Пожалуй, он тогда даже и близко не мог предвидеть, какие последствия возымеет его решение стать мужем дочери опального консула. А случилось так, что Сулле незамедлительно доложили о намерении представителя одного из знатнейших, а теперь еще и богатейших семейств Рима жениться на дочери едва ли не самого могущественного из его оппонентов. Диктатор пришел в ярость и, призвав к себе Юлия Цезаря, потребовал, чтобы тот отказался от заключения этого брака. Вот как все происшедшее описано у Плутарха: *«Когда Сулла захватил власть, он не смог ни угрозами, ни обещаниями побудить Цезаря к разводу с Корнелией, дочерью Цинны, бывшего од-*

но время единоличным властителем Рима; поэтому Сулла конфисковал приданое Корнелии. Причиной же ненависти Суллы к Цезарю было родство последнего с Марием, ибо Марий Старший был женат на Юлии, тетке Цезаря; от этого брака родился Марий Младший, который был, следовательно, двоюродным братом Цезаря».

Неприязнь Суллы к решению Цезаря и несговорчивость последнего подтверждает и Светоний: «Диктатор Сулла никакими средствами не мог добиться, чтобы он развелся с нею». Однако Цезарю было явно мало одного этого вызова. Не довольствуясь тем, что дерзко ослушался владыку Рима, он громогласно заявил о своем намерении примкнуть к жреческому сословию. Решение это было продуманным: религия и власть — неодолимая твердыня. Сулла понимал это не хуже самого Цезаря. Именно поэтому жреческий демарш Юлия-младшего явился для диктатора последней каплей. В сущности, Цезарь подписал себе приговор. Его спасти уже ничего не могло; в сравнении с тем, что ему теперь грозило, потерю им жениного приданого можно было вообще игнорировать. Оставалось одно: немедленное бегство!

Почему Цезарь не был умерщвлен тотчас по оглашении своих намерений?

Ответ более чем прост: деятельное вмешательство друзей и родственников (особенно активными сторонниками Цезаря выказали себя двое: Мамерк Эмилий и Аврелий Кота), а также горячие ходатайства влиятельных и могущественных покровителей из числа служителей культа.

О последних следует сказать особо.

Прежде всего необходимо уточнить: не столько служителей, сколько *служительниц*. Речь идет о весталках.

Сегодня уже мало кто знает о них.

Само слово «весталки» почти ушло из обихода.

А ведь некогда это был один из самых могущественных социальных институтов Древнего Рима. Пожалуй, более удачной возможности хотя бы вкратце рассказать здесь о нем, нельзя и представить.

Юлий Цезарь был связан с весталками практически всю жизнь — как в юности, даже будучи лишен Суллой жреческого сана, так и позднее, уже сделавшись императором.

Но кем же они вообще были, эти весталки?

Их назвали в честь римской богини Весты (у греков она звалась Гестией). Веста была богиней — покровительницей семейного очага и жертвенного огня. Ее культ был учрежден Нумой Помпилием, вторым по счету властителем Рима. Он правил Римом в 716—673 (672) гг. до н. э. Именно Нуме Помпилию пришла в голову идея перенести храм Весты из располагавшегося к юго-востоку

Изображение богини Весты (1553. *Promptuarii Iconum Insigniorum*)

Нума Помпилий

Пейзаж с храмом весталок (худ. Адам Эльсхаймер. 1600)

от Рима городка Альба-Лонга (кстати, это, образно говоря, колыбель рода Юлиев, к которому принадлежал Цезарь) прямо в столицу. Характерно даже место, что избрал Нума Помпилий для нового храма. Он соорудил его практически напротив римского Форума, тем самым словно раз и навсегда давая понять, что принятие любых государственных решений будет отныне находиться под строгим и неукоснительным контролем жрецов Весты. То, что в храме всегда пламенел священный огонь, было особенно символично: покуда он горит, пребывать Риму и владыкам его в благоденствии! Основной обязанностью весталок было постоянное наблюдение и поддержание этого огня.

Всем, конечно же, известен современный лозунг об обществе равных возможностей. Этот искусственно вымученный тезис не выдерживает никакой критики сегодня.

ня, а уж применительно к Древнему Риму, а именно к жрицам Весты, и вовсе непригоден! О том, чтобы войти в храм «с улицы», и думать не стоило. Критерии отбора порождали суровостью. Прежде всего возраст: 6—10 лет. Избранницы (даже в столь юном возрасте) должны были обладать безукоризненно правильной речью, отличаться превосходным телосложением и отменным здоровьем. Будущая весталка не могла быть сиротой (за редчайшими исключениями). Предпочтение отдавалось девочкам из благородных семей и знатных родов; их родители и родственники получали от императора более чем щедрые дары. Любопытно, что девочка могла принадлежать даже к... рабскому сословию! В случае одобрения жрецами ее кандидатуры родители новоявленной весталки немедленно освобождались от рабства и получали статус свободных граждан. Ну а поскольку свободным гражданам не пристало владеть жалкого существования, то их даже обеспечивали пристойной работой. Еще одна важная деталь: юная дева должна была сама выказать желание стать весталкой! Будучи же принята в храм, она должна была сохранять свою девственность до 30 лет... Если к этому прибавить, что за любое ослушание и провинность полагались жестокие наказания, да и обязанностей у маленьких жриц было хоть отбавляй, осознать в возрасте 6—10 лет значимость грядущих привилегий были готовы не столько дети, сколько их родители. В тех случаях, когда девочки не слушали родителей и всеми силами противились избранию, верховный жрец имел право самостоятельно отобрать двадцать кандидаток, которым предстояло тянуть жребий.

Как только девочка избиралась годной для храма, ей немедленно брили голову и облачали в неприметное холщовое одеяние. При попытке использовать украшения, ленты и т. д. весталка каралась столь же жестоко, как и за

утрату невинности. В последнем случае преступивших закон весталок обрекали на смертную казнь! Сам ритуал отличался особенной дикостью: несчастных живыми замуровывали в стены жуткой подземной темницы. Историки отмечают, что, видимо, неслучайно само место возведения темницы носило название «проклятой пустоши». Перед исполнением ритуала жриц, лишенных сана, проводили по городским улицам с закрытыми лицами: даже на те жалкие мгновения жизни, что еще им оставались, они лишались права созерцать божий свет. После позорного прохождения по городу бывших весталок на краткое время бросали в подземелье; кроме хлеба и воды им ничего не полагалось. Интересно, что каждый подобный случай был поводом для объявления общегородского траура; не работало ни единой лавки, а немногочисленные прохожие сновали с пасмурными, опущенными долу лицами. Кстати, избранникам весталок, дерзнувших поправить священный завет, выпадала не менее горькая доля. Правда, тут уж обходились без торжественных процессий и ритуалов: их просто-напросто забивали батогами...

Если же весталка, которой выпадала очередь следить за огнем Весты, нечаянно засыпала, и огонь затухал или вообще гас (это было очень скверным предзнаменованием для Рима!), ее хоть и не умерщвляли, но зато немилосердно секли плетями в темнице, раздев перед этим донага.

Все эти факты невольно рождают вопрос: а стоило ли вообще родителям девочек стремиться, чтобы тех избрали весталками? Справедливости ради заметим, что далеко не все матери желали подобной участи для своих дочерей, прекрасно зная, что могут в любой момент их навсегда лишиться. Однако было немало и тех, кто сознательно, чуть ли не с самого рождения готовил своих детей к принятию сана. Однако и в самом деле: каковы

же были привилегии, дарованные весталкам, и существовали ли они вообще?

Они имели место, это несомненно!

Хоть весталкам было суждено нести тяжкое бремя сана вплоть до достижения ими тридцатилетнего возраста, они, тем не менее, могли свободно покидать храм. На всех торжественных мероприятиях им отводились почетные места, а горожане относились к ним чуть ли не с благоговением. Весталки могли помиловать преступника, осужденного на смертную казнь, одним лишь поручительством, не приводя никаких доказательств его невиновности. У весталок также было право выступать в качестве примиряющей стороны в спорах и разногласиях между представителями самых знатных родов империи (это обеспечивало почву для очень перспективных знакомств). Если за кого-то просила даже простая жрица Весты (не говоря о верховной, которой они все подчинялись), то игнорировать эту просьбу не мог никто, даже владыка Рима! Весталки могли путешествовать по стране с пышной свитой и в роскоши, а кроме того, им перепало немало ценностей из пожертвований верующих.

Забавно, но лишь редкие весталки пользовались правом оставить храм в тридцать лет! Даже перспектива завести семью и зажить нормальной жизнью, используя накопленные средства и приобретенные важные связи, судя по всему, их не особенно привлекала. Вдобавок, стоило только какой-либо из них решиться на столь смелый шаг, как в ее едва только начавшейся мирской жизни начинали происходить очень странные события: напасти и беды то и дело сыпались на голову, а от бывшего здоровья не оставалось и следа! Женщины хворали и чахли... Что и говорить, все это выглядит действительно очень странным и неправдоподобным стечением обстоятельств; ну а

в Древнем Риме на сей счет бытовало мнение, что такова кара великой Весты, налагаемая на дерзких отступниц.

Подавляющее большинство девушек не покидали храма.

В разные времена при нем находилось от шести до двадцати весталок.

Именно к их защите и прибегли сторонники опального Юлия Цезаря, справедливо полагая, что коллективное ходатайство жриц Весты не может остаться неудовлетворенным. Более того: хлопотать весталкам предстояло практически «за своего», поскольку Цезарь, как вы помните, тоже имел жреческий сан (правда, сам он поклонялся богу Юпитеру).

Естественно, столь активное и беспримерное заступничество возымело свои плоды. Сулла не смог тогда умертвить Цезаря, как ему этого ни хотелось; правда, жреческого сана он его все-таки лишил, попутно присвоил себе полагавшееся ему наследство и приданое жены, но это было уже несущественно. Птичка вырвалась из его когтей на свободу!

Цезарь же, избегнув немедленной смерти, был достаточно мудр, чтобы понимать: не сумев уничтожить его открыто, Сулла наверняка прибегнет к услугам наемных убийц, дабы ликвидировать тайно. Останься Цезарь тогда в Риме, ему бы точно было не сносить головы. Как сообщает Плутарх, Сулла действительно собирался *«уничтожить Цезаря и, когда ему говорили, что бессмысленно убивать такого мальчишку, ответил: „Вы ничего не понимаете, если не видите, что в этом мальчишке — много Мариев“*. Это подтверждает и Светоний: *«Сулла долго отвечал отказами на просьбы своих преданных и видных приверженцев (которые убеждали его сменить гнев на милость и пощадить Цезаря.— Г. Б.), а те настаивали и упорствовали; наконец, как известно, Сулла сдался, но воскликнул, повинуюсь то ли божественному внушению, то ли*

собственному чутью: „Ваша победа, получайте его! но знайте: тот, о чьем спасении вы так стараетесь, когда-нибудь станет погибелью для дела оптиматов, которое мы с вами отстаивали: в одном Цезаре таится много Мариев!“»

Иметь своим врагом Суллу было равносильно смертельному приговору. Уже сама внешность этого человека, дорвавшегося до управления Римом, могла привести в содрогание даже внутренне стойкого человека. Знаменитый автор романа «Спартак» Рафаэлло Джованьоли не раз упоминает о Сулле на страницах своей книги. Пожалуй, можно без преувеличения сказать, что его описания внешности Суллы и его страшной кончины не имеют себе равных.

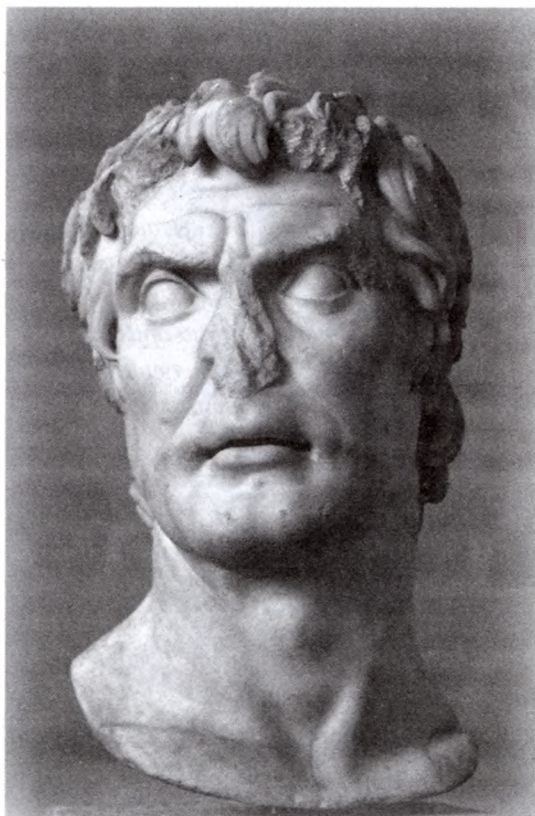
Так, он пишет:

«Этому необыкновенному человеку было пятьдесят девять лет. Он был довольно высок ростом, хорошо и крепко сложен, и если в момент появления в цирке шел медленно и вяло, подобно человеку с разбитыми силами, то это было последствием тех непристойных оргий, которым он предавался всегда, а теперь больше, чем когда-либо. Но главной причиной этой вялой походки была изнурительная неизлечимая болезнь, наложившая на его лицо и на всю фигуру печать тяжелой, преждевременной старости.

Лицо Суллы было ужасно. Не то чтобы вполне гармонические и правильные черты его лица были грубы — напротив, его большой лоб, выступающий вперед нос, несколько напоминающий львиный, довольно большой рот, властные губы делали его даже красивым; эти правильные черты лица были обрамлены рыжеватой густой шевелюрой и освещены серо-голубыми глазами — живыми, глубокими и пронизательными, имевшими одновременно и блеск орлиных зениц, и косой, скрытый взгляд гиены.

В каждом движении этих глаз, всегда жестоких и властных, можно было прочесть стремление повелевать и жажду крови.

Но верный портрет Суллы, изображенный нами, не оправдывал бы эпитета „ужасный“, который мы употребили, говоря о его лице, — а оно было действительно ужасно, потому что было покрыто какой-то отвратительной грязновато-красной сыпью, с рассеянными там и сям белыми пятнами, что делало его очень похожим,

Сулла

по ироническому выражению одного афинского шута, на лицо мавра, осыпанное мукой.

Когда Сулла, медленно ступая, с видом пресыщенного жизнью человека входил в цирк, на нем сверх туники из белоснежной шерсти, вышитой кругом золотыми украшениями и узорами, была надета, вместо национальной паллы или традиционной тоги, изящнейшая хламида из яркого пурпура, отороченная золотом и приколотая на правом плече золотой застежкой, в которую были вправлены драгоценнейшие камни. Как человек, с презрением относящийся ко всему человечеству, а к своим согражданам в особенности, Сулла был первым из тех немногих, которые начали носить греческую хламиду.

При рукоплесканиях толпы усмешка искривила губы Суллы, и он прошептал: „Рукоплещите, рукоплещите, глупые бараны!“»

Теперь, надо полагать, вы куда отчетливее представляете себе, какой человек оказался главным противником Юлия Цезаря! О каком-либо противостоянии нечего было и думать, уж слишком неравны были силы. Следовало спастись бегством, причем немедленно.

Глава 2

ЦЕЗАРЬ ПРОТИВ СУЛЛЫ, ИЛИ БЕГСТВО ИЗ РИМА

Итак, Юлий Цезарь принял решение бежать.
Куда же он направился?

Согласно Плутарху, *«он долгое время скрывался, скитаясь в земле сабинян (некогда горцы, обитавшие в Апенниннах, сабиняне впоследствии изрядно распространились, но более всего их находилось в центральной части Италии; они непрестанно воевали с римлянами, так что диктатор Сулла даже поставил своей целью напрочь извести их как народ.— Г. Б.). Но однажды, когда он (то есть Цезарь.— Г. Б.) занемог и его переносили из одного дома в другой, он наткнулся ночью на отряд сулланских воинов, осматривавших эту местность, чтобы задерживать всех скрывающихся. Дав начальнику отряда Корнелию два таланта, Цезарь добился того, что был отпущен, и тотчас, добравшись до моря, отплыл в Вифинию, к царю Никомену».*

Это произошло в 80 г. до н. э.

Название «Вифиния» может легко поставить в тупик современных читателей. Однако здесь нет никакой тайны. Вифиния — это страна, расположенная между Черным и Мраморным морями; она занимала, таким обра-

зом, часть территории современной Турции. Плутарх практически не распространяется на тему пребывания Юлия Цезаря у Никомеда, зато Светоний сообщает довольно любопытные детали: *«Военную службу он начал в Азии, в свите претора Марка Терма. Отправленный им в Вифинию, чтобы привести флот, он надолго задержался у Никомеда. Тогда и пошел слух, что царь растлил его чистоту; а он усугубил этот слух тем, что через несколько дней опять поехал в Вифинию под предлогом взыскания долга, причитавшегося одному его клиенту-вольнотпущеннику. Дальнейшая служба принесла ему больше славы, и при взятии Митилен он получил от Терма в награду дубовый венок»*. Воинская доблесть Цезаря не смогла воспрепятствовать распространению скверных слухов о том, что он делит ложе с царем Никомедом. Доподлинно известно, что Цезарю именно тогда присвоили в народе несколько весьма характерных кличек, например: «вифинская царица», «царская подстилка» и т. д.

Между прочим, Цезарь сильно рисковал, отправляясь к Никомеду. Этот царь, полное имя которого было Никомед IV Филопатр, некогда лишился своей страны, уступив в военном противостоянии понтийскому владыке Митридату VI. Столь стремительный рост могущества Митридата и его честолюбивые помыслы были не по нраву римлянам. Все тот же Сулла оказался куда более умелым военным стратегом, нежели Никомед, и сумел наголову разгромить Митридата. Прогнав понтийские рати с земель вифинского царства, Сулла вернул их Никомеду, ставшему рьяным сторонником римлян.

Да и как иначе?

Ведь он же получил от Суллы обратно свой трон, бесцеремонно отнятый Митридатом!

Учитывая, что Никомед был готов оказать Сулле какую угодно любезность, даже странно, что тот не вос-

пользовался столь удобной возможностью окончательно свести счета с Цезарем. Возможно, он просто не успел. Ведь в те времена гонцы в силу объективных причин передвигались несравненно медленнее, и новости и приказы, как правило, всегда запаздывали. Вполне вероятно, что Цезарь учитывал вероятность того, что Никомед вполне может создать ему серьезные неприятности, желая выслужиться перед Суллой. Именно поэтому он не стал задерживаться в Вифинии. Однако реальная опасность уже подстерегала его!

Как отмечает Плутарх, *«проведя здесь (то есть у Никомеда. — Г. Б.) немного времени, он на обратном пути у острова Фармакуссы (соврем. Милет. — Г. Б.) был захвачен в плен пиратами, которые уже тогда имели большой флот и с помощью своих бесчисленных кораблей властвовали над морем. Когда пираты потребовали у него выкупа в двадцать талантов, Цезарь рассмеялся, заявив, что они не знают, кого захватили в плен, и сам предложил дать им пятьдесят талантов. Затем, разослав своих людей в различные города за деньгами, он остался среди этих свирепых киликийцев с одним только другом и двумя слугами; несмотря на это, он вел себя так высокомерно, что всякий раз, собираясь отдохнуть, посылал приказать пиратам, чтобы те не шумели. Тридцать восемь дней пробыл он у пиратов, ведя себя так, как если бы они были его телохранителями, а не он их пленником, и без малейшего страха забавлялся и шутил с ними. Он писал поэмы и речи, декламировал их пиратам и тем, кто не выражал своего восхищения, называл в лицо неучами и варварами, часто со смехом угрожая повесить их. Те же охотно выслушивали эти вольные речи, видя в них проявление благодушия и шутливости. Однако, как только прибыли выкупные деньги*

из Милета и Цезарь, выплатив их, был освобожден, он тотчас снарядил корабли и вышел из милетской гавани против пиратов. Он застал их еще стоящими на якоре у острова и захватил в плен большую часть из них. Захваченные богатства он взял себе в качестве добычи, а людей заключил в тюрьму в Пергаме. Сам он отправился к Юнку, наместнику Азии, находя, что тому, как претору, надлежит наказать взятых в плен пиратов. Однако Юнк, смотревший с завистью на захваченные деньги (ибо их было немало), заявил, что займется рассмотрением дела пленников, когда у него будет время; тогда Цезарь, распрощавшись с ним, направился в Пергам, приказал вывести пиратов и всех до единого распять, как он часто предсказывал им на острове, когда они считали его слова шуткой».

Описание этого примечательного эпизода мы встречаем и у Светония:

«Во время этого переезда, уже в зимнюю пору, он возле острова Фармакуссы попался в руки пиратам и, к великому своему негодованию, оставался у них в плену около сорока дней. При нем были только врач и двое служителей: остальных спутников и рабов он сразу разослал за деньгами для выкупа. Но когда, наконец, он вы платил пиратам пятьдесят талантов и был высажен на берег, то без промедления собрал флот, погнался за ними по пятам, захватил их и казнил той самой казнью, какой не раз, шутя, им грозил».

Вместе с тем историки явно расходятся в ряде существенных деталей. Плутарх полагает, что инцидент с пиратами произошел, когда Цезарю стало известно о кризисе власти, с которым столкнулся его могущественный не-

друг Суллы, а потом и о неожиданной кончине диктатора. Эти события заставили его расстаться с Никомедом и устремиться в Рим. По данным же Светония, Цезарь сумел достичь Рима без особых помех и, словно стремясь вознаградить себя за вынужденное отсутствие, развернулся там вовсю. Светоний так и пишет: *«Когда пришла весть о кончине Суллы, и явилась надежда на новую смуту, которую затевал Марк Лепид, он поспешно вернулся в Рим. Однако от сообщества с Лепидом он отказался, хотя тот и прельщал его большими выгодами. Его разочаровал как воздъ, так и самое предприятие, которое обернулось хуже, чем он думал. Когда мятеж был подавлен, он привлек к суду по обвинению в вымогательстве Корнелия Долабеллу, консуляра и триумфатора; но подсудимый был оправдан. Тогда он решил уехать на Родос, чтобы скрыться от недругов и чтобы воспользоваться досугом и отдыхом для занятий с Аполлоном Молоном, знаменитым в то время учителем красноречия»*. По версии Светония, именно на пути к Родосу Цезарь и стал пленником пиратов.

Расхождение существенное, что и говорить...

Однако давайте обратимся к логике. Цезарь, для которого Рим был практически всем, наверняка спал и видел,

Марк Эмилий Лепид

как бы ему туда вернуться, мечтая о том, чтобы власть Суллы как можно быстрее подошла к концу. Теперь представьте себе: он после внушительного отсутствия наконец достигает Рима, но, будучи разочарован некоторыми аспектами борьбы за власть, предпочитает... оставить Рим уже по собственному желанию и, удалившись на Родос, заняться самообразованием! Согласитесь, звучит совершенно неубедительно. Именно поэтому порядок событий по версии Плутарха представляется гораздо более правдоподобным.

Цезарь, хоть и знал, что дела Суллы плохи, но понимал: о возвращении в Рим не может быть и речи, покуда Сулла жив. На этом этапе следовало избрать выжидательную тактику, как Цезарь и поступил. А поскольку было не совсем понятно, сколько ему предстоит пребывать в ожидании, Цезарь решил усовершенствовать некоторые совершенно необходимые политическому лидеру навыки, что лучше всего было сделать на Родосе.

Плутарх пишет:

«Цезарь сначала отправился на Родос, в школу Аполлония, сына Молона, у которого учился и Цицерон и который славился не только ораторским искусством, но и своими нравственными достоинствами. Цезарь, как сообщают, и от природы был в высшей степени одарен способностями к красноречию на государственном поприще и ревностно упражнял свое дарование, так что, бесспорно, ему принадлежало второе место в этом искусстве; однако первенствовать в красноречии он отказался, заботясь больше о том, чтобы стать первым благодаря власти и силе оружия; будучи занят военными и гражданскими предприятиями, с помощью которых он подчинил себе государство, он не дошел в ораторском искусстве до того предела, который был ему указан приро-

дой. Позднее в своем произведении, направленном против сочинения Цицерона о Катоне, он сам просил не сравнивать это слово воина с искусной речью одаренного оратора, посвятившего много времени усовершенствованию своего дара».

Покуда Цезарь упражнялся на Родосе в искусстве красноречия, История не стояла на месте. В 78 г. до н. э. произошло важнейшее для судьбы Юлия Цезаря событие: в Риме скоропостижно скончался Луций Корнелий Сулла. Как уже отмечалось, проникновеннее прочих поведал об особых обстоятельствах его смерти Рафаэлло Джованьоли; пусть его «Спартак» и художественное произведение, но он создавал его на основе фактических свидетельств, бережно согласуя факты с силой собственного воображения.

Предоставим ему слово:

«Сулла зашел в альков и, усевшись, стал подымать железные гири разного веса, припасенные для того, чтобы купающийся мог проделывать гимнастические упражнения и тем вызвать пот. Выйдя из алькова, он опустился в бассейн с горячей водой. Усевшись на мраморную скамейку, он весь отдался приятному ощущению теплоты, приносившей ему большое облегчение, судя по выражению довольства, появившемуся на его лице.

...Сулла, лицо которого, быть может вследствие кутежа прошлой ночи, казалось более постаревшим и мертвенным, чем в предыдущие дни, вдруг застонал от жестоких болей; он жаловался на необычную тяжесть в груди. Поэтому Диодор, закончив растирание, пошел звать Сирмиона из Родоса — отпущенника и врача Суллы, жившего вместе с Суллой и повсюду сопровождавшего его.

Сулла же, под влиянием охватившей его дремоты, опустил голову на край бассейна и, казалось, заснул.

Через несколько мгновений вернулся Хризогон, и Сулла, вздрогнув, поднял голову.

— Что с тобой? — спросил его отпущенник, с тревогой подбежав к бассейну.

— Ничего... какая-то дремота... Знаешь, я видел сон.

— Что же тебе приснилось?

— Я видел мою любимую жену Цецилию Метеллу, умершую в прошлом году, и она звала меня к себе.

— Не обращай внимания на эти суеверия...

— Суеверие? Зачем так думать о снах, Хризогон? Я всегда относился с очень большим доверием к снам и поступал всегда так, как мне через них приказывали боги. И мне не приходилось раскаиваться.

— Если ты говоришь о походах, то победами ты обязан своему уму и своей доблести, а не внушениям снов.

— Больше, чем мой ум и моя храбрость, Хризогон, мне всегда помогала благосклонная ко мне судьба, поэтому именно ей я только и доверялся. Поверь мне — наиболее успешными были те мои походы, которые я проводил стремительно и без размышления.

Воспоминания о деяниях, из которых многие были гнусными, но многие были, действительно, великими и славными, казалось, вернули немного спокойствия душе Суллы и несколько прояснили его чело. Поэтому Хризогон считал удобным доложить ему о том, что, согласно его повелению, Граний прибыл из Кум и ждет его приказаний.

При этом имени лицо экс-диктатора внезапно передрнулось от гнева; дико сверкнув глазами, он закричал хриплым, яростным голосом:

— Введи его... сейчас же... сюда... ко мне... этого наглеца, который один во всем мире осмелился издеваться над моими решениями... а желает моей смерти!

И худыми, костлявыми руками он судорожно сжал края бассейна.

— Но не можешь ли ты подождать, пока выйдешь из ванны?..

— Нет... нет... немедленно... сюда... передо мной... я его хочу...

Хризогон вышел и тотчас же вернулся с эдилом Гранием. Это был человек сорока лет, богатырского телосложения; на его лице, заурядном и грубом, отражались хитрость и злоба. Но, входя в ванную комнату к Сулле, он был очень бледен и плохо скрывал свой страх. Рассыпаясь в поклонах и целуя руки, он обратился к Сулле дрожащим от волнения голосом:

— Да покровительствуют надолго боги великодушному Сулле Счастливому!

— Ты не так говорил третьего дня, подлый негодяй! Ты смеялся над моим приговором, которым ты справедливо был присужден к уплате штрафа в государственную казну, и кричал, что не хочешь платить, так как через день-другой я умру, и с тебя сложат штраф.

— Нет, никогда, никогда, не верь этой клевете...— пробормотал испуганный Граний.

— Трус, теперь ты дрожишь? Ты должен был дрожать, когда оскорблял самого могущественного и счастливого из всех людей... Трус!..

И с этими словами Сулла, пылая гневом, ударил по лицу несчастного, который упал у бассейна, плача и умоляя о прощении.

— Жалости... прошу тебя о жалости... умоляю о прощении!..— кричал бедняк.

— Жалости?!— кричал Сулла гневно.— Жалости к тебе, оскорбившему меня... в то время как я страдаю от ужасных болей?.. Ты должен умереть, трус, здесь и сейчас, перед моими глазами... Я горю желанием упиться

твоими последними судорогами, твоим предсмертным хрипением.

Сулла бесновался и корчился, как безумный, и в бешенстве кричал придушенным голосом рабам:

— Эй, вы... лентяи... чего зеваете... Хватайте его, бейте до смерти, здесь, при мне... задушите его... убейте!..

И так как рабы, казалось, не решались, он закричал, из последних сил, но страшным голосом:

— Задушите его, или я прикажу всех вас распять, клянусь факелами и змеями Эриний!

Рабы бросились на несчастного, повалили на пол, стали бить его и топтать, а Сулла, продолжая метаться и беситься, подобно дикому зверю, почуявшему кровь, все кричал:

— Вот так! Сильней!.. Бейте!.. Топчите!.. Душите этого негодяя!.. Душите его, душите!.. Ради всех богов ада, душите его!..

Граний, избиваемый четырьмя рабами, которые были сильнее его, пытался защищаться, нанося нападающим сильные удары.

Рабы, сперва пассивно повинувшись, били свою жертву почти без усилий, но, когда Граний стал бить их, расшвырнули и стиснули его так, что он не мог уже пошевелиться; тогда один из них сдавил ему горло обеими руками и, упершись изо всех сил коленями в его грудь, задушил в несколько секунд.

А Сулла, с глазами, почти вылезшими из орбит, с пеной на губах, весь отдавшийся зрелищу избиения, упивался им с жестоким сладострастием дикого зверя, восклицая слабевшим голосом:

— Так... так!.. Сильнее... дави... души!

Но в тот момент, когда Граний выпускал дух, Сулла сам, истощенный усилиями, криками и приступом своей

бешеной лихорадки, упал навзничь в бассейн и прохрипел голосом таким слабым, какого никогда у него не слышали:

— На помощь... умираю!.. На помощь!..

Лицо бывшего диктатора помертвело, веки закрылись, стиснутые зубы скрипели, губы судорожно искривились.

В то время как Хризогон и остальные рабы хлопотали возле Суллы, стараясь привести его в чувство, внезапная судорога потрясла его тело, на него напал приступ сильнейшего кашля, и, немного спустя, извергая огромное количество крови, издавая глухие стоны и не открывая глаз, он умер.

Так закончил жизнь в шестьдесят лет этот человек, столь же великий, сколь и коварный; его огромный талант и величие души были подавлены его жестокостью и сладострастием. Он совершал великие дела, но навлек на свое отечество много несчастий, и, прославленный, как великий вождь, он оставил в истории по себе память как о худшем гражданине; поэтому, изучая все совершенное им в жизни, трудно решить, чего в нем было больше — мужества и энергии или коварства и притворства».

Если бы Цезарю не хватило выдержки, и наш невольный изгнанник вознамерился бы вернуться в Рим, не дождавшись смерти Суллы, не исключено, что на месте джованьоллиевского Грания вполне мог оказаться он сам...

Глава 3

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦЕЗАРЯ. НАЧАЛО ВХОЖДЕНИЯ ВО ВЛАСТЬ

Известие о смерти Суллы стало для Цезаря сигналом к возвращению.

В Риме ему не пришлось сидеть без дела.

Плутарх пишет:

«По прибытии в Рим Цезарь привлек к суду Долабеллу по обвинению в вымогательствах в провинции, и многие из греческих городов представили ему свидетелей. Долабелла, однако, был оправдан. Чтобы отблагодарить греков за их усердие, Цезарь взялся вести их дело, которое они начали у претора Македонии Марка Лукулла против Публия Антония, обвиняя его во взяточничестве. Цезарь так энергично повел дело, что Антоний обратился с жалобой к народным трибунам в Рим, ссылаясь на то, что в Греции он не находится в равном положении с греками.

В самом Риме Цезарь, благодаря своим красноречивым защитительным речам в судах, добился блестящих успехов, а своей вежливостью и ласковой обходительностью стяжал любовь простонародья, ибо он был более

внимателен к каждому, чем можно было ожидать в его возрасте. Да и его обеды, пиры и вообще блестящий образ жизни содействовали постепенному росту его влияния в государстве.

Сначала завистники Цезаря не обращали на это внимания, считая, что он будет забыт сразу же после того, как иссякнут его средства. Лишь когда было поздно, когда эта сила уже так выросла, что ей трудно было что-либо противопоставить, и направилась прямо на ниспровержение существующего строя, они поняли, что нельзя считать незначительным начало ни в каком деле. То, что не пресечено в зародыше, быстро возрастает, ибо в самом пренебрежении оно находит условия для беспрепятственного развития. Цицерон, как кажется, был первым, кто считал подозрительной и внушающей опасения деятельность Цезаря, по внешности спокой-

Плутарх

ную, подобно гладкому морю, и распознал в этом человеке смелый и решительный характер, скрывающийся под маской ласковости и веселости. Он говорил, что во всех помыслах и образе действий Цезаря он усматривает тиранические намерения. „Но,— добавлял он,— когда я вижу, как тщательно уложены его волосы и как он почесывает голову одним пальцем, мне всегда кажется, что этот человек не может замысливать такое преступление, как ниспровержение римского государственного строя“».

Выражение «почесывать голову одним пальцем» следует понимать иносказательно. В Древнем Риме так говорили об изнеженных, непригодных к испытаниям людях, от которых никак не приходится ожидать каких-либо решительных действий. Цицерону мудрости было не занимать, однако, положившись на науку жестов в большей степени, чем следовало, он явно недооценил Юлия Цезаря. Случись все по-другому, судьба Древнего Рима могла бы стать кардинально иной...

Смерть тирана Суллы большинством римлян была воспринята с невероятным облегчением и радостью. Поэтому те, кто намеревался сделать карьеру на общественном поприще, например в политике, так и норовили предстать в образе жертв диктаторского режима. Имя Юлия Цезаря пользовалось достаточной известностью в Риме, тем более что ему даже не нужно было притворяться. Народ, в сущности, уже воспринимал его как героя. Это все существенно облегчало, так что не приходится удивляться тому, как стремительно пошла вверх политическая карьера Цезаря по возвращении в Рим.

Светоний сообщает: *«Первой его должностью по возвращении в Рим была должность войскового трибуна, присужденная ему народным голосованием. Здесь он деятельно*

помогал восстановлению власти народных трибунов, урезанной при Сулле».

Плутарх же по поводу этого избрания делает дополнительное уточнение:

«Первое доказательство любви к нему народа Цезарь получил в то время, когда, добиваясь должности военного трибуна одновременно с Гаем Помпилием, был избран большим числом голосов, нежели тот, второе же, и еще более явное, когда после смерти своей тетки Юлии, жены Мария, он не только произнес на форуме блестящую похвальную речь умершей, но и осмелился выставить во время похорон изображения Мария, которые были показаны впервые со времени прихода к власти Суллы, так как Марий и его сторонники были объявлены врагами государства. Некоторые подняли голос против этого поступка, но народ криком и громкими рукоплесканиями показал свое одобрение Цезарю, который спустя столь долгое время как бы возвращал честь Мария из Аида в Рим.

Держать надгробные речи при погребении старых женщин было у римлян в обычае, в отношении же молодых такого обычая не было, и первым сделал это Цезарь, когда умерла его жена. И это вызвало одобрение народа и привлекло его симпатии к Цезарю, как к человеку кроткого и благородного нрава».

Возможно, уже тогда Цезарь был в состоянии провидеть собственную судьбу... Одно из мест его памятного обращения по поводу усопшей тетушки, которую звали Юлией, особенно характерно.

Согласно Светонию, «в речи над Юлией он, между прочим, так говорит о предках ее и своего отца: „Род моей тетки Юлии восходит по матери к царям, по отцу же к

бессмертным богам: ибо от Анка Марция происходят Марции-цари, имя которых носила ее мать, а от богини Венеры — род Юлиев, к которому принадлежит и наша семья. Вот почему наш род облечен неприкосновенностью, как цари, которые могуществом превыше всех людей, и благоговением, как боги, которым подвластны и самые цари“.

(Между прочим, у целого ряда современных историков сложилось твердое мнение о том, что Анк Марций и Нума Помпилий, законодатель ритуалов и основатель храма Весты, сыгравшего важную роль в судьбе Цезаря, это одно и то же лицо! Причиной разделения могло быть желание кокетнее обозначить свершения на религиозном поприще и деяния сугубо мирские.)

Несмотря на то что достопамятная речь на похоронах жены была сочтена многими его недругами лживой и помпезной, Цезарь сильно горевал по поводу своей утраты. Он действительно любил ее, в противном случае разве стал бы он бросать вызов самому диктатору Сулле, не желавшему их брака? Приданое Корнелии отнюдь не было его целью, поскольку род Юлиев не знал нужды в средствах. Это было действительно серьезное личное горе. Цезарю еще не однажды пришлось вспоминать о кротком и смиренном нраве безвременно оставившей его супруги, поскольку следующий (уже третий) его брак оказался исключительно неудачным.

Чтобы как-то развеяться от тягостных дум, Цезарь, уже будучи одним из двух квесторов, а значит имея свободный доступ к казне и государственным архивам (деньги + тайная информация = ВЛАСТЬ!), с готовностью согласился на поездку в Испанию.

Светоний свидетельствует:

«В должности квестора он получил назначение в дальнюю Испанию. Там он, по поручению претора (а пре-

тором тогда, между прочим, был некий Ветёр; о его близких и доверительных отношениях с Цезарем сказано у Плутарха: „Он [Цезарь] отправился в Испанию в качестве квестора при преторе Ветере, которого он всегда почитал и сына которого позже, когда сам стал претором, сделал квестором“.— Г. Б.) *объезжая однажды для судопроизводства общинные собрания, прибыл в Гадес и увидел в храме Геркулеса статую Великого Александра. Он вздохнул, словно почувствовав отвращение к своей бездеятельности,— ведь он не совершил еще ничего достопамятного, тогда как Александр в этом возрасте (а именно в 33 года.— Г. Б.) уже покорил мир,— и тотчас стал добиваться увольнения, чтобы затем в столице воспользоваться первым же случаем для более великих дел. На следующую ночь его смутил сон — ему привиделось, будто он насилует собственную мать; но толкователи еще больше возбудили его надежды, заявив, что сон предвещает ему власть над всем миром, так как мать, которую он видел под собой, есть не что иное, как земля, почитаемая родительницей всего живого».*

Между прочим, толкователи отнюдь не стремились ввести Цезаря в заблуждение. Наиболее авторитетное издание того времени по толкованию снов — это, конечно же, «Онейрокритика» Артемидора Далдианского (2-я половина II в. до н. э.).

В Книге I этого удивительного трактата сказано:

«Соединение с матерью толкуется сложно, разнообразно и требует разбора по многим отдельным случаям, чего большинству снотолкователей не удавалось достичь. Дело в том, что само по себе соединение еще не выражает значение сна: сон этот сбывается по-разному, судя по различию объятий и телесных поз.

Прежде всего, следует сказать о соединении лицом к лицу с матерью, которая жива (потому что живая мать и мертвая означают разное). Стало быть, когда человек соединяется с матерью лицом к лицу („естественным образом“, как говорят некоторые), и мать его жива, то означает это вот что. Если у сновидца отец здоров, то будет у него с отцом вражда, потому что в таких случаях возникает ревность даже к посторонним людям; если же отец болен, то он умрет, потому что сновидец станет при своей матери сразу и сын и муж. Сон этот к добру для всякого работника и ремесленника: ведь ремесло обычно называют „матерью-кормилицей“, а стало быть, такая с ним близость означает не что иное, как обилие работы и заработка от ремесла. К добру он также для всех демагогов и политиков, потому что мать означает родную землю; и, как в соединении по любовному уставу мужчина владеет всем телом женщины, охотной и послушной, так и сновидец будет располагать всеми делами государства».

Что ж, как говорится, из песни слова не выкинешь. Приняв на веру толкование, Цезарь не мог не прийти в неистовство. Он уже внутренне отрешился от недавних утрат и теперь кипел от ярости, что находится так далеко от родины, где ему явно суждено в скором времени взять все бразды правления в свои руки. Он добился увольнения и направился в Рим, не преминув по пути проявить себя во всем блеске.

Светоний продолжает:

«Покинув, таким образом, свою провинцию раньше срока, он явился в латинские колонии (речь идет о Галлии.— Г. Б.), которые добивались тогда для себя гражданских прав. Несомненно, он склонил бы их на какой-

нибудь дерзкий шаг, если бы консулы, опасаясь этого, не задержали на время отправку избранных для Киликии легионов. Это не помешало ему вскоре пуститься в Риме на еще более смелое предприятие. Именно за несколько дней до своего вступления в должность эдила он был обвинен в заговоре с Марком Крассом, консуляром, и с Публием Суллой и Луцием Автронием, которые должны были стать консулами, но оказались уличены в подкупе избирателей. Предполагалось, что в начале нового года они нападут на Сенат, перебьют намеченных лиц, Красс станет диктатором, Цезарь будет назначен начальником конницы, и, устроив государственные дела по своему усмотрению, они вернут консульство Автронию и Сулле. Об этом заговоре упоминают Танузий Гемин в истории, Марк Бибул в эдиктах, Гай Курион Старший в речах; то же самое, по-видимому, имеет в виду и Цицерон, когда в одном из писем к Аксию говорит, что Цезарь, став консулом, утвердился в той царской власти, о которой помышлял еще эдилом. Танузий добавляет, что из раскаяния или из страха Красс не явился в назначенный для избирения день, а потому и Цезарь не подал условленного знака: по словам Куриона, было условлено, что Цезарь спустит тогу с одного плеча. Тот же Курион, а с ним и Марк Акторий Назон сообщают, что Цезарь вступил в заговор также с молодым Гнеем Пизоном; а когда возникло подозрение, что в Риме готовится заговор, и Пизон без просьбы и вне очереди получил назначение в Испанию, то они договорились, что одновременно поднимут мятеж — Цезарь в Риме, а Пизон в провинции — при поддержке амбронов и транспаданцев (галльские племена. — Г. Б.). Смерть Пизона разрушила замыслы обоих».

Мы видим, что технологии политической борьбы тогда ничем не отличаются от тех, что в ходу в наши дни.

Одних симпатий народа политику, стремящемуся к вершине, никогда не хватает, да вдобавок и пресловутые чувства народные, как правило, весьма переменчивы; энтузиазм конкурентов может легко свести на нет все усилия. Поэтому, увы, используются любые средства. Чем заманчивее цель, тем более они отвратительны. В этом плане Цезарь был абсолютно схож с теми, кто, подобно ему, мечтал о владычестве над Римом. Он, естественно, как и они, тоже не брезговал ничем, в том числе и подкупом.

Плутарх приводит очень любопытные сведения на сей счет:

«Щедро расточая свои деньги и покупая, казалось, ценной величайших трат краткую и непрочную славу, в действительности же стяжая величайшие блага за дешевую цену, он, как говорят, прежде чем получить первую должность, имел долгов на тысячу триста талантов. Назначенный смотрителем Аппиевой дороги (древний аналог Рублевского шоссе. — Г. Б.), он издержал много собственных денег, затем, будучи эдилом, выставил триста двадцать пар гладиаторов, а пышными издержками на театры, церемонии и обеды затмил всех своих предшественников. Но и народ, со своей стороны, стал настолько расположен к нему, что каждый выискивал новые должности и почести, которыми можно было вознаградить Цезаря.

Рим тогда разделялся на два стана — приверженцев Суллы, имевших большую силу, и сторонников Мариа, которые были полностью разгромлены, унижены и влачили жалкое существование. Чтобы вновь укрепить и повести за собой марианцев, Цезарь, когда воспоминания о его щедрости в должности эдила были еще свежи, ночью принес на Капитолий и поставил сделанные втай-

не изображения Мария и богинь Победы, несущих трофеи. На следующее утро вид этих блестящих золотом и сделанных чрезвычайно искусно изображений, надписи на которых повествовали о победах над кимврами, вызвал у смотрящих чувство изумления перед отвагой человека, воздвигнувшего их (имя его, конечно, не осталось неизвестным).

Слух об этом вскоре распространился, и римляне сбежались поглядеть на изображения. При этом одни кричали, что Цезарь замышляет тираннию, восстанавливая почести, погребенные законами и постановлениями Сената, и что он испытывает народ, желая узнать, готов ли тот, подкупленный его щедростью, покорно терпеть его шутки и затеи. Марианцы же, напротив, сразу появившись во множестве, подбодряли друг друга и с рукоплесканиями заполнили Капитолий; у многих из них выступили слезы радости при виде изображения Мария, и они превозносили Цезаря величайшими похвалами, как единственного человека, который достоин родства с Марием.

По этому поводу было созвано заседание Сената, и Луций Катул, пользовавшийся тогда наибольшим влиянием у римлян, выступил с обвинением против Цезаря, бросив известную фразу: „Итак, Цезарь покушается на государство уже не путем подкопа, но с осадными машинами“. Но Цезарь так умело выступил в свою защиту, что Сенат остался удовлетворенным, и сторонники Цезаря еще более осмелели и призывали его ни перед чем не отступить в своих замыслах, ибо поддержка народа обеспечит ему первенство и победу над противниками.

Между тем умер верховный жрец Метелл, и два известнейших человека, пользовавшихся огромным влиянием в Сенате — Сервилий Исаврийский и Катул,— боролись

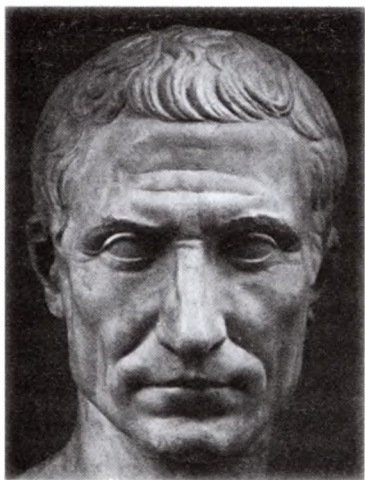
друг с другом, добиваясь этой должности. Цезарь не отступил перед ними и также выставил в Народном собрании свою кандидатуру. Казалось, что все соискатели пользуются равной поддержкой, но Катул, из-за высокого положения, которое он занимал, более других опасался неясного исхода борьбы и потому начал переговоры с Цезарем, предлагая ему большую сумму денег, если он откажется от соперничества. Цезарь, однако, ответил, что будет продолжать борьбу, даже если для этого придется еще большую сумму взять в долг. В день выборов, прощаясь со своей матерью, которая прослезилась, провожая его до дверей, он сказал: „Сегодня, мать, ты увидишь своего сына либо верховным жрецом, либо изгнанником“. На выборах Цезарь одержал верх и этим внушил Сенату и знати опасение, что он сможет увлечь народ на любую дерзость.

Поэтому Пизон и Катул упрекали Цицерона, пощадившего Цезаря, который был замешан в заговоре Катилины. Как известно, Катилина намеревался не только свергнуть существующий строй, но и уничтожить всякую власть и произвести полный переворот. Сам он покинул город, когда против него появились лишь незначительные улики, а важнейшие замыслы оставались еще скрытыми, Лентула же и Цетега оставил в Риме, чтобы они продолжали плести заговор.

Неизвестно, оказывал ли тайно Цезарь в чем-нибудь поддержку и выражал ли сочувствие этим людям, но в Сенате, когда они были полностью изобличены, и консул Цицерон спрашивал у каждого сенатора его мнение о наказании виновных, все высказывались за смертную казнь, пока очередь не дошла до Цезаря, который выступил с заранее обдуманной речью, заявив, что убивать без суда людей, выдающихся по происхождению своему и достоинству, несправедливо и не в обычае римлян, если это

не вызвано крайней необходимостью. Если же впредь до полной победы над Катилиной они будут содержаться под стражей в италийских городах, которые может выбрать сам Цицерон, то позже Сенат сможет в обстановке мира и спокойствия решить вопрос о судьбе каждого из них.

Это предложение показалось настолько человеколюбивым и было так сильно и убедительно обосновано, что не только те, кто выступал после Цезаря, присоединились к нему, но и многие из говоривших ранее стали отказываться от своего мнения и поддерживать предложение Цезаря, пока очередь не дошла до Катона и Катула. Эти же начали горячо возражать, а Катон даже высказал в своей речи подозрение против Цезаря и выступил против него со всей резкостью. Наконец, было решено казнить заговорщиков, а когда Цезарь выходил из здания Сената, то на него набросилось с обнаженными мечами много сбежавшихся юношей из числа охраня-

Юлий Цезарь

ших тогда Цицерона. Но, как сообщают, Курион, прикрыв Цезаря своей тогой, благополучно вывел его, да и сам Цицерон, когда юноши оглянулись, знаком удержал их, либо испугавшись народа, либо вообще считая такое убийство несправедливым и противозаконным. Если все это правда, то я не понимаю, почему Цицерон в сочинении о своем консульстве ничего об этом не говорит. Позже его обвиняли в том, что он не воспользовался

представившейся тогда прекрасной возможностью избавиться от Цезаря, а испугался народа, необычайно привязанного к Цезарю. Эта привязанность проявилась через несколько дней, когда Цезарь пришел в Сенат, чтобы защищаться против выдвинутых подозрений, и был встречен враждебным шумом. Видя, что заседание затягивается дольше обычного, народ с криками сбегался и обступил здание, настоятельно требуя отпустить Цезаря».

Интереснейший момент!

Он отражен и у Светония: «Цезарь привлек на свою сторону многих, в том числе брата консула Цицерона, и добился бы победы, если бы колеблющемуся сенату не придали стойкости речь Марка Катона. Но и тогда он не переставал сопротивляться, пока римские всадники, вооруженной толпой окружавшие Сенат под предлогом охраны, не стали угрожать ему смертью за его непомерное упорство. Они уже подступали к нему с обнаженными клинками, сидевшие рядом сенаторы покинули его, и лишь немногие приняли его под защиту, заключив в объятия и прикрыв тогой. Лишь тогда в явном страхе он отступил и потом до конца года не показывался в Сенате».

Да, нельзя не оценить, сколь очевидны порой тайные знаки Судьбы.

Да, для Цезаря, казалось бы, все обошлось в итоге вполне благополучно, но сами обстоятельства вооруженного конфликта с людьми Цицерона почти в точности предвещали последние минуты грядущего владыки Рима...

Однако вернемся к теме намеренных и непомерных трат и позволим

Катон

Плутарху закончить: *«Поэтому и Катон, сильно опасаясь восстания неимущих, которые, возлагая надежды на Цезаря, воспаляли и весь народ, убедил Сенат учредить ежемесячные хлебные раздачи для бедняков. Это прибавило к остальным расходам государства новый — в сумме семи миллионов пятисот тысяч драхм ежегодно, но зато отвратило непосредственно угрожающую великую опасность, так как лишило Цезаря большей части его влияния как раз в то время, когда он собирался занять должность претора и вследствие этого должен был стать еще опаснее».*

«Должен был стать еще опаснее» — какой страшный смысл заключают в себе эти слова Плутарха! Они могут быть отнесены к любому, кто идет во власть...

Относительно извечной темы «хлеба и зрелищ» сказано и у Светония: *«В должности эдила (то есть Цезарь одновременно курировал всю сферу развлечений, все строительство в Риме, а также осуществлял контроль за всеми храмами! — Г. Б.) он украсил не только комиции и форум с базиликами, но даже на Капитолии выстроил временные портики, чтобы показывать часть убранства от своей щедрости. Игры и травли он устраивал как совместно с товарищем по должности, так и самостоятельно, поэтому даже общие их траты приносили славу ему одному. Его товарищ Марк Бибул открыто признавался, что его постигла участь Поллукса: как храм божественных близнецов на форуме называли просто храмом Кастора, так и его совместную с Цезарем щедрость приписывали одному Цезарю. Вдобавок Цезарь устроил и гладиаторский бой, но вывел меньше сражающихся пар, чем собирался: собранная им отовсюду толпа бойцов привела его противников в такой страх, что особым указом было запрещено кому бы то ни было держать в Риме больше определенного количества гладиаторов».*

Однако была и еще одна проблема: Цезарь был вдовцом. Семьи, в политическом понимании, у него не было.

Правда, он заботился об их общей с покойной Корнелией дочери и впоследствии удачно выдал ее замуж, но это совсем не то.

Политик не может быть одинок!

Народ никогда не поймет этого.

Резон очевиден: уж если кому-то не под силу решить семейный вопрос, как же тогда он совладевает с целым государством?!

Итак, Цезарю было просто необходимо жениться.

И он это сделал.

Теперь уже в третий раз!

(Впрочем, не в последний...)

Самое забавное, что его избранницей оказалась римлянка Помпея, приходившаяся племянницей... покойному диктатору Сулле!

Да, такова едкая ирония жизни.

Заметим, что батюшкой избранницы Цезаря был сам Руф Помпей Квинт, уже к тому времени покойный, но являвшийся в разные времена и трибуном, и претором, и консулом, а главное — верным партнером Суллы!

Спрашивается, чего ради Цезарю понадобилось связывать себя узами брака с представительницей подобного рода?

Да тут и думать нечего: этого требовали политические интересы!

Женитьба на Помпее давала возможность Юлию Цезарю привлечь на свою сторону тех, кто до сих пор почитал Суллу и скорбел о его кончине. Вот и весь секрет!

Однако за политическую изворотливость Цезарь заплатил изрядную цену. Да, Помпея была молода, очень даже недурна собой и отличалась веселым нравом. В силу своей молодости она толком еще и не помышляла о семье (не говоря о том, чтобы возложить на себя тяжкое бремя обязанностей супруги выдающегося государствен-

ного деятеля), ее влекли к себе удовольствия и развлечения. Выйти замуж ее побудили родственники, видевшие для себя особую выгоду в обретении родства с Юлием Цезарем. Сама же Помпея даже не была влюблена в Цезаря, а сердце ее принадлежало некоему Публию Клодию. Этот хитрец и проныра, пекущийся на досуге о нуждах плебса, горел желанием сделать Помпею своей любовницей. Тот факт, что она только что стала женой Цезаря, лишь еще больше его распалял. Помпея, в свою очередь, мечтала о том же. Как упоминает в своем исследовании «Жены двенадцати цезарей» Жак Роэрга де Сервье, она слыла невероятной ветреницей и отличалась просто невероятной влюбчивостью. И покуда Цезарь вершил дела Рима, любовники затевали самые невероятные козни, чтобы урвать несколько мгновений наедине.

О горестном для Юлия Цезаря адюльтере его супруги очень подробно рассказывает Плутарх:

«Был некий человек из числа старинной знати, известный своим богатством и красноречием, но в бесчинстве и дерзости не уступавший никому из прославленных распутников. Он был влюблен в Помпею, жену Цезаря, и пользовался взаимностью. Но женские комнаты строго охранялись, а мать Цезаря Аврелия, почтенная женщина, своим постоянным наблюдением за невесткой делала свидания влюбленных трудными и опасными.

У римлян есть богиня, которую они называют Диброю, а греки — Женскою. Фригийцы выдают ее за свою, считая супругою их царя Мидаса, римляне утверждают, что это нимфа Дриада, жена Фавна, по словам же греков — она та из матерей Диониса, имя которой нельзя называть. Поэтому женщины, участвующие в ее празднике, покрывают шатер виноградными лозами, и у ног богини помещается, в соответствии с мифом, священ-

ная змея. Ни одному мужчине нельзя присутствовать на празднестве и даже находиться в доме, где справляется торжество; лишь женщины творят священные обряды, во многом, как говорят, похожие на орфические. Когда приходит день праздника, консул или претор, в доме которого он справляется, должен покинуть дом вместе со всеми мужчинами, жена же его, приняв дом, производит священнодействия. Главная часть их совершается ночью, сопровождаясь играми и музыкой.

В том году праздник справляла Помпея, и Клодий, не имевший еще бороды и поэтому рассчитывавший остаться незамеченным, явился туда, переодевшись в наряд арфистки и неотличимый от молодой женщины. Он нашел двери отпертыми и был благополучно проведен в дом одною из служанок, посвященной в тайну, которая и отправилась вперед, чтобы известить Помпею. Так как она долго не возвращалась, Клодий не вытерпел ожидания на одном месте, где он был оставлен, и стал пробираться вперед по большому дому, избегая ярко освещенных мест. Но с ним столкнулась служанка Аврелии и, полагая, что перед ней женщина, стала приглашать его принять участие в играх и, несмотря на его сопротивление, повлекла его к остальным, спрашивая, кто он и откуда. Когда Клодий ответил, что он ожидает Аbru (так звали ту служанку Помпеи), голос выдал его, и служанка Аврелии бросилась на свет, к толпе, и стала кричать, что она обнаружила мужчину. Все женщины были перепуганы этим, Аврелия же, прекратив совершение таинств и прикрыв святыни, приказала запереть двери и начала обходить со светильниками весь дом в поисках Клодия. Наконец его нашли укрывшимся в комнате служанки, которая помогла ему войти в дом, и женщины, обнаружившие его, выгнали его вон. Женщины, разойдясь по домам, еще ночью рассказали своим мужьям о случившемся.

На следующий день по всему Риму распространился слух, что Клодий совершил кощунство и повинен не только перед оскорбленными им, но и перед городом и богами. Один из народных трибунов публично обвинил Клодия в нечестии, и наиболее влиятельные сенаторы выступили против него, обвиняя его наряду с прочими гнусными беспутствами в связи со своей собственной сестрой, женой Лукулла. Но народ воспротивился их стараниям и принял Клодия под защиту, что принесло тому большую пользу в суде, ибо судьи были напуганы и дрожали перед чернью. Цезарь тотчас же развелся с Помпеей. Однако, будучи призван на суд в качестве свидетеля, он заявил, что ему ничего не известно относительно того, в чем обвиняют Клодия. Это заявление показалось очень странным, и обвинитель спросил его: „Но почему же тогда ты развелся со своей женой?“ — „Потому, — ответил Цезарь, — что на мою жену не должна падать даже тень подозрения“. Одни говорят, что он ответил так, как действительно думал, другие же — что он сделал это из угождения народу, желавшему спасти Клодия. Клодий был оправдан, так как большинство судей подало при голосовании таблички с неразборчивой подписью, чтобы осуждением не навлечь на себя гнев черни, а оправданием — бесславие среди знатных».

Вот так завершилась эта отвратительная история.

Если бы Клодий был осужден, его бы непременно удавили.

И поделом ему!

Однако свершилось иное.

Хоть и будучи знатного рода, Клодий впредь неизменно возвещал о своих симпатиях к народу (словно бы помня, благодаря кому сохранил жизнь) и в итоге добился для себя должности народного трибуна! В этом качестве

он впоследствии попортил немало крови Цицерону, став чуть ли не главным оппонентом последнего на политическом олимпе.

Благодаря презренному Клодию, как вы уже знаете, завершился третий брак Юлия Цезаря. Это был не самый краткосрочный брак в его жизни (66—62 гг. до н. э.), и он, надо думать, все ж таки кое-чему его научил. Тем более что Цезарю предстояло впоследствии отважиться на еще одно бракосочетание; но об этом речь впереди...

Крушение брака было символичным.

Цезарь мучительно нуждался в переменах.

Причем самых коренных!

Он непоправимо увяз в грязной политической возне, а вдобавок ему не давали покоя кредиторы. Как известно, рано или поздно за все приходится платить. Лучшим выходом для Цезаря было бы оставить Рим.

Естественно, на время.

Речь отнюдь не шла о добровольном статусе пожизненного изгнанника.

Просто человеку было необходимо прийти в себя, разобратся с чувствами, осмыслить дела былые и реально подумать о грядущем.

Глава 4

ИСПАНИЯ: ПЕРВОЕ БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Будучи претором, он мог выбирать, куда ему отправиться.

Плутарх пишет:

«После претуры Цезарь получил в управление провинцию Испанию. Так как он не смог прийти к соглашению со своими кредиторами, с криком осаждавшими его и противодействовавшими его отъезду, он обратился за помощью к Крассу, самому богатому из римлян. Крассу нужны были сила и энергия Цезаря для борьбы против Помпея; поэтому он удовлетворил наиболее настойчивых и неумолимых кредиторов Цезаря и, дав поручительство на сумму в восемьсот тридцать талантов, предоставил Цезарю возможность отправиться в провинцию.

Рассказывают, что, когда Цезарь перевалил через Альпы и проезжал мимо бедного городка с крайне немногочисленным варварским населением, его приятели спросили со смехом: „Неужели и здесь есть соревнование из-за должностей, споры о первенстве, раздоры среди знати?“ — „Что касается меня, — ответил им Цезарь с

полной серьезностью,— то я предпочел бы быть первым здесь, чем вторым в Риме“. В другой раз, уже в Испании, читая на досуге что-то из написанного о деяниях Александра, Цезарь погрузился на долгое время в задумчивость, а потом даже прослезился. Когда удивленные друзья спросили его о причине, он ответил: „Неужели вам кажется недостаточной причиной для печали то, что в моем возрасте Александр уже правил столькими народами, а я до сих пор еще не совершил ничего замечательного!“»

Но вот он достиг Испании.

Ему уже приходилось бывать в этой стране совсем еще молодым человеком, теперь же Юлий Цезарь был одним из самых влиятельных политиков Рима. Он уже в полной мере познал смертельное очарование власти и горечь измены и предательства. Для него Испания была своего рода отдыхом. Однако отличие Цезаря от обычных людей заключалось в том, что праздность для него была решительно неприемлема. Впрочем, на сей раз он был готов к тому, что рассчитывать на досуг в Испании ему едва ли приходится. Несмотря на то что он обладал уже вполне серьезным жизненным опытом, участвовал в схватках с пиратами, но вот в настоящих военных сражениях ему еще не приходилось принимать участия. Тем более что ему предстояло выступить в качестве военного стратега и распоряжаться жизнями вверенных ему легионеров.

Любопытная деталь: Испания явилась для Цезаря ареной его первой настоящей войны. Последняя война, которую Цезарю было суждено вести в жизни, также прошла на полях Испании. Своего рода кольцо обратного времени...

У Плутарха сказано: «Сразу же по прибытии в Испанию он развил энергичную деятельность. Присоединив в течение

нескольких дней к своим двадцати когортам еще десять, он выступил с ними против каллаиков и лузитанцев, которых и победил, дойдя затем до Внешнего моря и покорив несколько племен, ранее не подвластных римлянам».

Война оказалась стремительной и недолгой.

Могло создаться впечатление, что это отчасти умаляло весомость его триумфа, но главный смысл всего свершившегося был иным. Цезарь глубоко осознал, что способен быть военным стратегом. Едва ли у кого-то могло возникнуть предположение о том, что Цезарю недоставало уверенности в своих воинских талантах. И в первое же свое сражение в Испании он наверняка вступал, будучи убежденным в своей неминуемой победе! Однако когда твердое внутреннее убеждение подкрепляется впечатляющими практическими результатами, вывод один: командирского полку прибыло! Опыт, полученный в Испании, уже сравнительно скоро пригодится Цезарю, когда Рим будет охвачен чередой гражданских войн. Но пока что до этого дело еще не дошло...

Возвращаться в Рим было рано, Цезарь еще не вполне восстановился от душевных ран. Поэтому, освободившись от боевых лат, он с неменьшим энтузиазмом приступил к разрешению гражданских проблем. Как известно, работа лечит все! Как отмечает Плутарх, Юлий Цезарь *«установил согласие в городах и прежде всего уладил споры между заимодавцами и должниками. А именно, он предписал, чтобы из ежегодных доходов должника одна треть оставалась ему, остальное же шло заимодавцам, пока таким образом долг не будет выплачен. Совершив эти дела, получившие всеобщее одобрение, Цезарь выехал из провинции, где он и сам разбогател и дал возможность обогатиться во время походов своим воинам, которые провозгласили его императором».*

Вот оно!

Уезжал претором, а стал императором.

Пусть это еще и не имело своей силы.

Важно, что титул был оглашен!!!

Обратите внимание и еще на одно обстоятельство.

Как правило, военачальники в случае успешной военной кампании предпочитали оставлять самые ценные трофеи для себя, уделяя своим солдатам лишь жалкие крохи, да еще норовили выдавать им жалованье ПОСЛЕ сражения. Вряд ли нужно объяснять, почему! Лицемерное утверждение, что солдат, получивший деньги, будет думать в первую очередь не о сражении, а о том, чтобы их как можно результативнее потратить, едва ли может быть сочтено справедливым. Ведь солдат, не только не бедствующий, а регулярно получающий вознаграждение от командира, стремится служить и сражаться еще лучше: ведь, чем успешнее война, тем богаче трофеи. А чем больше трофеев, тем счастливее заживет семья солдата после его возвращения домой.

Вы помните, как в Риме Цезарь, неслыханной щедростью снискал любовь и симпатии народа. Именно благодаря этому ему и удалось совершить столь стремительное восхождение на политический олимп!

Так что рецепт был ему известен.

Он поступил по отношению к солдатам так, как некогда — к римской бедноте. Итог более чем показателен: легионеры, не чая в нем души, немедленно объявили Цезаря императором!!!

Его умение управлять людьми, всецело подчиняя себе их сердца, поистине не знало равных...

Что ж, познав терпкий вкус военных побед и ощутив удовлетворение результатами своих мирных свершений, Цезарь неожиданно для всех очень скоро собрался и решил вернуться в Рим. Несравненному Плутарху принадлежит один блестящий афоризм: «*Лицам, домогающимся*

триумфа, надлежало оставаться вне Рима, а ищущим консульской должности — присутствовать в городе».

Ох, как это верно!

В Риме как раз подошла пора избрания консула.

Кем был консул в те времена?

Абсолютным владыкой Рима!

Правда, надо оговориться: вообще-то этих консулов было два. Один избирался из благородного сословия, то есть был патрицием, а другой — как это ни парадоксально — плебеем. По крайней мере всего за историю Рима примерно около 30 процентов консулов происходили из социальных низов. Как бы то ни было, консулы разграничивали (или, скажем так, пытались разграничивать) сферы влияния, и все шло своим чередом. Консулу предоставлялся год (не четыре, как ныне). Считалось, что за год достойный владыка вполне может проявить свои истинные таланты. На благо Риму или во вред ему — вопрос уже другой.

Цезарь, как вы, наверное, помните, до этого избирался претором. Иными словами, он имел статус первого помощника консула. После этого оставалось преодолеть всего лишь ступеньку и править миром.

Но это лишь с одной стороны...

А с другой стороны, легионеры Цезаря уже объявили его императором, играючи проигнорировав тем самым древнеримскую табель о высших рангах. Он вполне мог принять этот титул и учинить затем приличное безобразие в Европе. Однако в перспективе это сулило встречу со всеми легионами Рима, что имело бы для Цезаря и его войска фатальные последствия.

Нет, следовало возвращаться в Рим и, обратившись за содействием ко всем друзьям и соратникам, попробовать добиться официального статуса.

Так Цезарь и поступил.

Глава 5

ВЛАСТЕЛИН РИМА.

ЧЕТВЕРТОЕ БРАКОСОЧЕТАНИЕ ЦЕЗАРЯ

Между тем возникла одна существенная проблема: Цезарь несколько припоздал со своим прибытием в Рим. Все та же пресловутая скорость передвижения... Шансов на титул он себя практически лишил, правда, еще оставалась возможность побороться за статус соискателя. Тут еще можно было преуспеть.

Обратимся к Светонию:

«Срок выборов был уже назначен, и он мог выступить соискателем, лишь вступив в город как частный человек. Он пытался добиться для себя исключения из закона, но встретил сопротивление и должен был отказаться от триумфа, чтобы не потерять консульство.

Соискателей консульства было двое: Марк Бибул и Луций Лукцей; Цезарь соединился с последним. Так как тот был менее влиятелен, но очень богат, они договорились, что Лукцей будет обещать центуриям (специальным коллегиям, в задачи которых входило избрание консулов.— Г. Б.) собственные деньги от имени обоих. Оптиматы (идейная фракция, сражавшаяся за приви-

легии аристократии, представлявшей римский сенат.— Г. Б.), узнав об этом, испугались, что Цезарь не остановится ни перед чем, если будет иметь товарищем по высшей должности своего союзника и единомышленника: они дали Бибулу полномочия на столь же щедрые обещания, и многие даже снабдили его деньгами. Сам Катон не отрицал, что это совершается подкуп в интересах государства.

Так он стал консулом вместе с Бибулом. По той же причине оптиматы позаботились, чтобы будущим консулам были назначены самые незначительные провинции — одни леса да пастбища (судя по всему, речь идет об отдаленных провинциях.— Г. Б.). Такая обида побудила его примкнуть во всех своих действиях к Гнею Помпею, который в это время был не в ладах с сенатом, медлившим подтвердить его распоряжения после победы над Митридатом. С Помпеем он помирил Марка Красса — они враждовали еще со времени их жестоких раздоров при совместном их консульстве — и вступил в союз с обоими, договорившись не допускать никаких государственных мероприятий, не угодных кому-либо из троих».

Став консулом (пусть даже и посредством соискательства), Юлий Цезарь почти совсем перестал себя сдерживать. Наверное, тогда многие припомнили, о чем их некогда предупреждал Сулла, призывая незамедлительно умертвить Цезаря — во избежание роковых последствий.

Светоний продолжает:

«По вступлении в должность он первый приказал составлять и обнародовать ежедневные отчеты о собраниях сената и народа. Далее, он восстановил древний обычай, чтобы в те месяцы, когда фаски (особые

путья, символизировавшие власть магистрата; их в течение месяца носили ликторы за одним конкретным консулом, а потом переходили с ними в ведение другого консула.— Г. Б.) *находились не у него, перед ним всюду ходил посольный, а ликторы следовали сзади. Когда же он внес законопроект о земле, а его коллега остановил его, ссылаясь на дурные знамения, он силой оружия прогнал его с форума. На следующий день тот подал жалобу в сенат, но ни в ком не нашел смелости выступить с докладом о таком насилии или хотя бы предложить меры, обычные даже при меньших беспорядках. Это привело Бибула в такое отчаяние, что больше он не выходил из дому до конца своего консульства и лишь в эдиктах выражал свой протест.*

С этого времени Цезарь один управлял всем в государстве по своей воле. Некоторые остроумцы, подписываясь свидетелями на бумагах, даже помечали их в шутку не консульством Цезаря и Бибула, а консульством Юлия и Цезаря, обозначая, таким образом, одного человека двумя именами; а вскоре в народе стал ходить и такой стишок:

*В консульство Цезаря то,
А не в консульство Бибула было:
В консульство Бибула, друг,
Не было впрямь ничего.*

Стеллатский участок (единственная земля в привилегированном районе, не подлежавшая приватизации частными лицами.— Г. Б.), объявленный предками неприкосновенным, и Кампанское поле, оставленное в аренде для пополнения казны, он разделил без жребия между двадцатью тысячами граждан, у которых было по трое и больше детей. Откупщикам, просившим о послаблении, он сбавил третью часть откупной суммы и

при всех просил их быть умеренней, когда придется навласть цену на новые откупа. Вообще он щедро раздавал все, о чем бы его ни просили, не встречая противодействия или подавляя его угрозами. Марка Катона, выступившего в сенате с запросом, он приказал ликтору вытащить из курии и отвести в тюрьму. Луция Лукулла, который слишком резко ему возражал, он так запугал ложными обвинениями, что тот сам бросился к его ногам. Цицерон однажды в суде оплакивал положение государства — Цезарь в тот же день, уже в девятом часу, перевел из патрициев в плебеи врага его, Публия Клодия, который добивался этого долго и тщетно (это тот самый Клодий, что стал любовником третьей жены Юлия Цезаря. — Г. Б.).

Наконец, он нанял доносчика против всей враждебной партии в целом: тот должен был объявить, что его подговаривали на убийство Помпея, и, представ перед рострами, назвать условленные имена подстрекателей. Но так как одно или два из этих имен были названы напрасно и только возбудили подозрение в обмане, он разочаровался в успехе столь опрометчивого замысла и, как полагают, устранил доносчика ядом».

Однако пришло время Цезарю подумать и об устройстве своей личной жизни. Сильно обжегшись в последнем своем бракосочетании с Помпеей, Цезарь с величайшей серьезностью отнесся к выбору новой спутницы жизни. В кандидатках у него просто не было отбоя. Да и сам он явно тяготел к женскому полу. Он, безусловно, знал толк в женщинах. Среди его подруг были даже царицы! Успеху Цезаря у женщин удивляться не приходится. Он практически всегда был триумфатором. А женщины всегда восхищаются и льнут к победителям. Но не только своим царственным положением привлекал он к себе.

Прежде всего, это была личность. С людьми, наделенными столь харизматическими качествами, какими отличался Юлий Цезарь, по-настоящему интересно. Вдобавок и внешность у него была соответствующая.

Светоний пишет:

«Говорят, он был высокого роста, светлокосый, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые.»

Юлий Цезарь

Здоровьем он отличался превосходным: лишь под конец жизни на него стали нападать внезапные обмороки и ночные страхи, да два раза во время занятий у него были приступы падучей.

За своим телом он ухаживал слишком даже тщателью, и не только стриг и брил, но и выщипывал волосы, и этим его многие попрекали. Безобразившая его лысина была ему несносна, так как часто навлекала насмешки недоброжелателей. Поэтому он обычно зачесывал поредевшие волосы с темени на лоб; поэтому же он с наибольшим удовольствием принял и воспользовался правом постоянно носить лавровый венок.

И одевался он, говорят, по-особенному: он носил сенаторскую тунику с бахромой на рукавах и непременно ее подпоясывал, но слегка: отсюда и пошло слово Суллы, который не раз советовал оптиматам остерегаться плохо подпоясанного юнца».

Выбирал Цезарь долго, но в итоге остановил свой выбор на Кальпурнии, красивой и добродетельной девушке из знатного рода. Уместно отметить, что жену подбирал себе Цезарь-консул, а не простой человек. Ему мало было просто удачно жениться. Он хотел жениться таким образом, чтобы максимально использовать родню своей избранницы для упрочения своей власти. В случае Цезаря это оказался даже не дуплет, а триплет, поскольку параллельно он сумел пристроить и свою дочь — этот союз также был ему на руку, даже весьма.

Но обратимся к Светонию:

«Около того же времени он женился на Кальпурнии, дочери Луция Пизона, своего преемника по консульству, а свою дочь Юлию выдал за Гнея Помпея, отказав ее первому жениху Сервилию Цепиону, хотя тот и был его

главным помощником в борьбе против Бибула. Породившись с Помпеем, он стал при голосовании спрашивать мнение у него первого, тогда как раньше он начинал с Красса, а обычай требовал держаться в течение всего года того порядка спроса, какой был принят консулом в январские календы (1 января.— Г. Б.).

При поддержке зятя и тестя он выбрал себе в управление из всех провинций Галлию, которая своими богатствами возможностями и благоприятной обстановкой сулила ему триумфы. Сначала он получил по Ватиниеву закону (то есть волей народа, а не по решению сената.— Г. Б.) только Цизальпинскую Галлию с прилежащим Иллириком, но вскоре сенат прибавил ему и Косматую Галлию: сенаторы боялись, что в случае их отказа он получит ее от народа.

Окрыленный радостью, он не удержался, чтобы не похвалиться через несколько дней перед всем сенатом, что он достиг цели своих желаний, несмотря на недовольство и жалобы противников, и что теперь-то он их всех оседлает. Кто-то оскорбительно заметил, что для женщины это нелегко; он ответил, как бы шутя, что и в Сирии царствовала Семирамида, и немалой частью Азии владели некогда амазонки».

Однако вернемся к четвертому браку Цезаря.

Кальпурния смогла стать славной женой для Цезаря. Он действительно сделал удачный выбор! Кальпурния оставалась его супругой на протяжении целых пятнадцати лет, вплоть до его смерти в 44 г. до н. э.

Как пишет о Кальпурнии Жак Роэрга де Сервье в уже упоминавшейся нами работе «Жены двенадцати цезарей», «ее несравненная красота сочеталась с поразительным здравомыслием, острословием и красноречием, в чем она не уступала самым выдающимся ораторам, к тому же

она была наделена истинно царской щедростью». Что ж, у Цезаря и Кальпурнии явно было немало общего. Сам блестящий оратор и властитель, никогда не стоявший за деньгами ради пушного эффекта или заветной цели, Цезарь наверняка был очарован, встретив схожие качества у своей супруги!

Де Сервье именно это и отмечает:

«Короче говоря, это была женщина, во всех отношениях подходящая для такого человека, как Цезарь, который вынашивал поражающие воображение планы завоевания мира.

При всех неудачах и превратностях судьбы Кальпурния умела сохранять душевное спокойствие, ровный нрав, и этого в ней ничто не могло изменить. Какие бы победы, какие триумфы ни одерживал бы Цезарь, у нее от этого не прибавлялось ни чванства, ни гордыни.

Трудно, конечно, встретить такую женщину среди тех, кто занимает столь высокое положение в обществе, и это тем более заслуживало особой похвалы в Кальпурнии, ибо все вокруг, казалось, возносили до небес ее амбиции и тщеславие. У нее не было большого состояния, как у Цезаря, который, будучи простым сенатором, только благодаря своему выдающемуся гению и поразительному, несравненному мужеству стал властелином римлян».

Впрочем, за семейной жизнью Цезарь отнюдь не забывал об институте власти. Своего тестя, отца Кальпурнии, он сумел протолкнуть на пост консула, чтобы тому перешли полномочия после того, как закончится консулат Цезаря. Естественно, это было им сделано лишь для того, чтобы и далее продолжать управлять Римом. Эта политическая интрига была настолько неприкрытой, что

не укрылась от всеобщего внимания, вызвав немало едких пересудов. Когда Пизон сделался консулом, как отмечает Плутарх, *«это вызвало сильное негодование Катона, заявлявшего, что нет сил терпеть этих людей, которые брачными союзами добывают высшую власть в государстве и с помощью женщин передают друг другу войска, провинции и должности»*. Катон был далеко не одинок; целый ряд сенаторов был не в восторге от того, как Цезарь пытается обходить ради власти все мыслимые законы. Другой новоявленный родственник Цезаря, Помпей, тоже не остался в долгу, деятельно ему помогая.

У Плутарха сказано: *«Помпей вскоре же после своей свадьбы заполнил форум вооруженными воинами и этим помог народу добиться утверждения законов, а Цезарю получить в управление на пять лет обе Галлии — Предальпийскую и Заальпийскую — вместе с Иллириком и четыре легиона. Катона, который отважился выступить против этого, Цезарь отправил в тюрьму, рассчитывая, что тот*

Катон и Порция (Музей Ватикана)

обратится с жалобой к народным трибунам. Однако, видя, что Катон, не говоря ни слова, позволяет увести себя и что не только лучшие граждане угнетены этим, но и народ, из уважения к добродетели Катона, молча и в унынии следует за ним, Цезарь сам тайком попросил одного из народных трибунов освободить Катона».

Вообще, тогда сенат римский изрядно лихорадило. Происходило что-то несусветное, прежде небывалое. Во всем этом был, конечно же, повинен Цезарь. Ряд красноречивых штрихов, найденных нами у Плутарха, прекрасно отражает тогдашнюю атмосферу на римском олимпе власти:

«Бибул, товарищ Цезаря по консульству, всеми силами противодействовал его законопроектам; но так как он ничего не добился и даже вместе с Катоном рисковал быть убитым на форуме, то заперся у себя дома и не появлялся до истечения срока должности... Из остальных сенаторов лишь очень немногие посещали вместе с Цезарем заседания сената, прочие же, недовольные оскорблением их достоинства, воздерживались от участия в делах. Когда Консидий, один из самых престарелых, сказал однажды, что они не приходят из страха перед оружием и воинами, Цезарь спросил его: „Так почему же ты не боишься и не остаешься дома?“ Консидий отвечал: „Меня освобождает от страха моя старость, ибо краткий срок жизни, оставшийся мне, не требует большой осторожности“.

Но наиболее позорным из всех тогдашних событий считали то, что в консульство Цезаря народным трибуном был избран тот самый Клодий, который осквернил и брак Цезаря, и таинство ночного священнодействия. Избран же он был с целью погубить Цицерона; и сам Це-

заль отправился в свою провинцию лишь после того, как с помощью Клодия ниспроверг Цицерона и добился его изгнания из Италии».

Несмотря на то что, казалось, Цезарю практически во всем сопутствовала удача, его самоуправство и намеренное попираание законов не могло, конечно же, не возыметь последствий. У него были достаточно могущественные противники, не менее самого Цезаря жаждавшие припасть к кормилу власти. То, что консулом после Цезаря стал Пизон, не снимало с него ответственности за все его деяния, осуществленные в течение консульского срока. В воздухе явственно запахло судом.

Светоний пишет:

«По окончании его консульства преторы Гай Меммий и Луций Домиций потребовали расследования мероприятий истекшего года. Цезарь поручил это сенату, но сенат отказался. Потратив три дня в бесплодных пререканиях, он уехал в провинцию. Тотчас, как бы в знак предупреждения ему, был взят под суд по нескольким обвинениям его квестор; а вскоре и его самого потребовал к ответу народный трибун Луций Антистий, и, только обратясь к другим трибунам, Цезарь добился, чтобы его не привлекали к суду, пока он отсутствует по делам государства.

А чтобы быть уверенным и в будущем, он особенно старался иметь каждый год среди магистратов людей, ему обязанных, и только тем соискателям помогал или допускал их до власти, которые соглашались защищать его во время отсутствия; он доходил до того, что от некоторых требовал клятвы и даже расписки.

Но когда Луций Домиций, выдвинутый в консулы, стал открыто грозить, что, став консулом, он добьет-

ся того, чего не добился претором, и отнимет у Цезаря его войско,— тогда Цезарь вызвал Красса и Помпея в Луку, один из городов своей провинции, и убедил их просить второго консульства, чтобы свалить Домиция; для себя же он с их помощью добился сохранения командования еще на пять лет.

Полагаясь на это, он вдобавок к легионам, полученным от государства (общим числом четыре; тогда как на свои средства Юлий Цезарь снарядил целых шесть.— Г. Б.), набрал новые на собственный счет, в том числе один — из трансальпийских галлов (он носил галльское название „алауда“), которых он вооружил и обучил по римскому образцу и которым впоследствии всем даровал римское гражданство».

Вот очередной пример того, как следует обходиться с людьми! Ведь легионерам, как правило, не приходилось и мечтать о том, чтобы вернуться в русло мирной жизни. Цезарь же не только с неслыханной щедростью одарял их во время военных походов, но еще и позаботился о том, чтобы реально обеспечить им будущее, дабы они стали равноправными римскими гражданами и могли обрести счастье!

Как это разительно отличается хотя бы от нынешних времен, когда все больше отечественных генералов попадают под действие закона о коррупции. И это когда вверенные им офицеры прозябают, зачастую не смея мечтать даже о собственном жилье, ну а уж о простых солдатах и говорить не приходится...

Вот потому-то за Цезаря легионеры и шли горой, готовые пожертвовать даже жизнью! Этим, пожалуй (а не исключительно его военным гением!), в изрядной степени могут быть объяснены и непрерывные победы Цезаря на поле брани, и обретенная им в итоге возможность бросить дерзкий вызов Риму!

А наша современная армия — деструктивирована и, увы, теперь лишь жалкая и бледная тень той, какой она была некогда, еще всего каких-то несколько десятилетий назад, заставляя трепетать и считаться с Россией весь мир...

Право, есть о чем подумать!

Но вернемся к Цезарю.

Сознание того, что за его плечами верная боевая рать, способная ради него пойти практически на все, придало Цезарю непоколебимую уверенность в своих силах. Как свидетельствует Светоний, *«с этих пор он не упускал ни одного случая для войны, даже для несправедливой или опасной, и первым напал как на союзные племена, так и на враждебные и дикие, так что сенат однажды даже постановил направить комиссию для расследования положения в Галлии, а некоторые (конечно же, это был извечный недоброжелатель и оппонент Цезаря Марк Катон.— Г. Б.) прямо предлагали выдать его неприятелю. Но когда его дела пошли успешно, в его честь назначались благодарственные молебствия (причем трижды: в 57, 55 и 52 гг. до н. э.— Г. Б.) чаще и дольше, чем для кого-либо ранее».*

Впрочем, событиям в Галлии, известным ныне как *Галльские войны* (55—50 гг. до н. э.), целиком посвящена следующая глава, занимающая по праву центральное место в этой книге.

Глава 6

ГАЛЛЬСКИЕ ВОЙНЫ

Без преувеличения можно сказать, что это был наиболее масштабный военный демарш Юлия Цезаря. Краткое резюме этого затянувшегося на годы триумфального похода имеется у Светония:

«Вот что он совершил за девять лет своего командования. Всю Галлию, что лежит между Пиренейским хребтом, Альпами, Севеннами и реками Роданом и Рейном, более 5149,9 км в охвате, он целиком, за исключением лишь союзных или оказавших Риму услуги племен, обратил в провинцию и наложил на нее 40 миллионов ежегодного налога.

Первым из римлян он напал на зарейнских германцев и, наведя мост, нанес им тяжелые поражения. Он напал и на британцев, дотоле неизвестных, разбил их и потребовал с них выкупа и заложников. Среди стольких успехов он только три раза потерпел неудачу: в Британии его флот был почти уничтожен бурей, в Галлии один из его легионов был разбит наголову при Герговии, в германской земле попали в засаду и погибли легаты Титурий и Аврункулей».

Всего три поражения за долгих девять лет!

Одно это уже может побудить детально изучить все обстоятельства столь выдающейся военной кампании. То обстоятельство, что происходившее имело место свыше двадцати столетий тому назад, не явится препятствием, как это ни парадоксально. А все потому, что Галльские войны (корректнее все-таки говорить именно о Галльской войне, состоявшей из конкретного ряда батальных эпизодов) имеют своего очевидца и биографа в лице самого Цезаря! И хотя целиком привести здесь его знаменитые «Записки о Галльской войне», увы, нет никакой возможности, мы намерены, тем не менее, максимально полно представить в рамках главы цитаты и фрагменты из данного исторического документа.

(Будет уместно упомянуть о твердом мнении специалистов по поводу авторства финальной части «Записок». Например, С. Л. Утченко, виднейший отечественный исследователь жизни и деяний Цезаря, утверждает: «Последняя, то есть восьмая, книга „Записок о Галльской войне“ написана Авлом Гиртием, одним из видных офицеров Цезаря». Ценность источника это ни в коей мере не умаляет, тем более что Гиртий был другом Цезаря и сражался с ним в Галлии плечом к плечу.)

И напоследок позвольте привести удивительные слова Плутарха, четко почувствовавшего, что Галльская война открыла для Цезаря возможность стремительного выхода за прежние границы его личности, — он стал иным, обрета дар принятия решений, по сути, уже на сверхчеловеческом уровне: *«Что же касается до времени, когда Цезарь вел эти войны и ходил в походы, подчинившие Галлию, то здесь он как бы начал иную жизнь, вступив на путь новых деяний. Он выказал себя не уступающим никому из величайших, удивительнейших полководцев и военных деятелей. Ибо, если сравнить с ним Фабиев, Сципионов и Метеллов*

или живших одновременно с ним и незадолго до него Суллу, Мария, обоих Лукуллов и даже самого Помпея, воинская слава которого превозносилась тогда до небес, то Цезарь своими подвигами одних оставит позади по причине суровости мест, в которых он вел войну, других — в силу размеров страны, которую он завоевал, третьих — имея в виду численность и мощь неприятеля, которого он победил, четвертых — принимая в расчет дикость и коварство, с которыми ему пришлось столкнуться, пятых — человеколюбием и снисходительностью к пленным, шестых — подарками и щедростью к своим воинам и, наконец, всех — тем, что он дал больше всего сражений и истребил наибольшее число врагов. Ибо за те неполные десять лет, в течение которых он вел войну в Галлии, он взял штурмом более восьмисот городов, покорил триста племен, сражался с тремя миллионами людей, из которых один миллион уничтожил во время битв и столько же захватил в плен».

Поистине, такое превзойти немислимо...

Но с чего же все началось?

И вот здесь нам будет правильнее всего обратиться непосредственно к «Запискам о Галльской войне» самого Цезаря.

«Галлия,— сообщает Юлий Цезарь в первых же строках своего труда,— по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги, в другой — аквитаны, в третьей — те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем — галлами... Самые храбрые из них — бельги, так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем

соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами, либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории».

Как мы видим, в случае с галлами речь изначально шла о народе исключительно воинственном. Учитывая относительную территориальную близость к римским провинциям, возникновение вооруженного конфликта с галлами представляло собой всего лишь вопрос времени.

Что касается галлов, их верховные вожди лелеяли замыслы не менее грандиозные, нежели их соседи-римляне. Методы, которые они использовали для достижения своих целей, были не менее коварны и жестоки, чем те, что бытовали среди римской верховной знати.

Согласно Цезарю,

«у гельветов первое место по своей знатности и богатству занимал Оргеториг. Страстно стремясь к царской власти, он, в консульство М. Мессалы и М. Писона (Пизона, тестя Цезаря.— Г. Б.), вступил в тайное соглашение со знатью и убедил общину выселиться всем народом из своей земли: так как гельветы, говорил он, превосходят всех своей храбростью, то им нетрудно овладеть верховной властью над всей Галлией. Склонить на это гельветов было для него тем легче, что по природным условиям своей страны они отовсюду стеснены: с одной стороны — весьма широкой и глубокой рекой Рейном, которая отделяет область гельветов от Германии, с другой — очень высоким хребтом Юрой — между севанами и гельветами, с третьей — Леманнским озером и рекой Роданом, отделяющей нашу Провинцию от гельветов. Все это мешало им расширять район своих набегов и вторгаться в земли соседей: как люди воинствен-

ные, они этим очень огорчались. Они полагали, что при их многолюдстве, военной славе и храбрости им было слишком тесно на своей земле, которая простиралась на две-сти сорок миль в длину и на сто шестьдесят в ширину.

Эти основания, а также авторитет Оргеторига склонили их к решению приготовить все необходимое для похода, скупить возможно большее количество вьючных животных и телег, засеять как можно больше земли, чтобы на походе было достаточно хлеба, и укрепить мирные и дружественные отношения с соседними общинами. Для выполнения всех этих задач, по их мнению, довольно было двух лет, а на третий год должно было состояться, по постановлению их народного собрания, поголовное выселение. Оргеториг взял на себя посольство к общинам...»

Техническое оснащение и приличное вооружение, конечно же, важны. Однако еще было необходимо убедить всех в том, что предлагаемая им война будет краткосрочной и успешной. Идеологическая обработка масс у галлов была поставлена на уровне, практически как в Риме. Оргеториг как оратор добивался невероятного владения массами, почти как сам Цезарь.

Позволим Цезарю продолжить свое описание:

«Оргеториг доказывает им, что эти попытки очень легко осуществимы, так как сам он должен получить верховную власть в своей общине, а гельветы, несомненно, самый сильный народ в Галлии; он ручается, что при своих средствах и военной силе обеспечит им царскую власть. Под влиянием подобных речей они дают друг другу клятвенные обязательства и надеются, что после захвата царской власти они овладеют всей Галлией при помощи трех самых сильных и могущественных народов».

Однако Орбеториг хоть и был столь же уверен в себе, как и сам Юлий Цезарь, однако он забыл о главном — об осторожности. Его замысел имел все шансы на то, чтобы блестяще осуществиться, но произошла утечка информации, фатальная для Орбеторига.

У Цезаря так сказано об этом:

«Но об этих замыслах гельветы узнали через доносчиков. Согласно со своими нравами они заставили Орбеторига отвечать перед судом в оковах. В случае осуждения ему предстояла смертная казнь посредством сожжения. Но в назначенный для суда день Орбеториг отовсюду собрал на суд всех своих крепостных, около десяти тысяч человек, а также приказал явиться всем своим клиентам и должникам, которых у него было много; при помощи всех этих людей он избавился от необходимости защищаться на суде. Когда возмущенная этим община пыталась вооруженной силой осуществить свое право и власти стали набирать народ из деревень, Орбеториг умер; по мнению гельветов, есть основания подозревать, что он покончил с собой.

После его смерти гельветы, тем не менее, продолжали заботиться о выполнении своего решения выселиться всем народом. Как только они пришли к убеждению, что у них все для этой цели готово, они сожгли все свои города числом до двенадцати, села числом около четырехсот и сверх того все частные хутора, сожгли и весь хлеб, за исключением того, который должны были взять с собой на дорогу, — с тем чтобы не иметь уже никаких надежд на возвращение домой и, таким образом, быть более готовыми на какие угодно опасности: каждому приказано было взять с собой муки на три месяца. Они уговорили также своих соседей — рауриков, тулингов и латовиков — сжечь, подобно им, свои города и села и двинуться

вместе с ними. Наконец, они приняли к себе и включили в число своих союзников также боев, которые поселились за Рейном, затем перешли в Норик и осаждали Норею».

Просто поразительные строки!

Галлы намеренно сжигают все мосты за собой, чтобы все могли осознать суровость выбора: победа или смерть. Как это ни парадоксально, но схожим образом через несколько лет предстояло поступить и Юлию Цезарю, когда он решал для себя вопрос, как ему поступить. Он, подобно галлам, предпочел сжечь мосты и благодаря этому вскоре стал самым известным римлянином на все времена (впрочем, еще не ведая об этом). Пожалуй, не встань на пути у галлов Цезарь со своими легионами, возможно, что им бы удалось в итоге отпраздновать победу. Но увы... Однако не будем забегать вперед, а вернемся к «Запискам» Цезаря.

«Было вообще два пути,— обращает наше внимание Цезарь,— по которым гельветы могли выступить из своей страны: один узкий и трудный — через область секванов, между Юрой и Роданом, по которому с трудом может проходить одна телега в ряд; кроме того, над ним нависали весьма высокие горы, так что даже очень небольшой отряд легко мог загородить дорогу; другой шел через нашу Провинцию и был гораздо легче и удобнее, так как и между гельветами и недавно покоренными аллоброгами течет река Родан, в некоторых местах проходима вброд...

Приготовив все необходимое для похода, они назначают срок для общего сбора на берегу Родана. Это был пятый день до апрельских календ, в год консульства Л. Писона и А. Габиния.

При известии о том, что гельветы пытаются идти через нашу Провинцию, Цезарь ускорил свой отъезд из

Рима, двинулся самым скорым маршем в Дальнюю Галлию и прибыл в Генаву».

Вот так все и произошло.

Встреча была неминуема, и галлов уже ничто не могло спасти.

Правда, они еще об этом даже не подозревали.

(Позвольте сделать здесь небольшое, но необходимое отступление. Мы действительно цитируем «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. Однако вместо ожидаемого рассказа от первого лица Цезарь прибегает к достаточно известному литературному приему и пишет о себе в третьем лице. Словно бы это военные дневники некоего легионера, бывшего подле Цезаря. Достаточно просто учесть это и не забывать, кто именно является истинным рассказчиком.)

Однако в связи с этим возникает деликатная проблема, о сути которой мастерски поведал С. Л. Утченко, автор наиболее авторитетной монографии, детально воссоздающей все аспекты личности Юлия Цезаря, а также представляющей анализ всех его достижений.

Так, он отмечает:

«Давно замечено, что явно тенденциозные мемуары (в особенности, конечно, „Записки о гражданской войне“) весьма умело построены таким образом, что производят впечатление полной правдивости. О себе Цезарь (подобно Ксенофону в „Анабазисе“) неизменно говорит только в третьем лице, что опять-таки подчеркивает объективность и искренность изложения.

Какие же основные черты выделены в „самохарактеристике“ Цезаря? В „Галльской войне“ уделено много внимания военным дарованиям самого автора: быстроте его действий, мобильности, большой предусмотритель-

ности, умению предвидеть намерения врага. Ряд крупных сражений описан вполне профессионально. Создается образ отнюдь не любителя, дилетанта, но знатока военного дела, опытного и талантливоего полководца.

Частично в этом же первом произведении Цезаря, а главным образом в „Записках о гражданской войне“, подчеркиваются и другие черты „самохарактеристики“: мягкость и милосердие по отношению к врагам, популярность среди солдат, необычайная преданность воинов своему полководцу. Все это опять-таки подается без всякого „нажима“, иногда как бы походя, и производит впечатление полной объективности. Однако эта „объективность“ и эта „скромность“, как и постоянное упоминание о себе лишь в третьем лице, приобретают несколько иную окраску, если учесть, что таким не бросающимся в глаза приемом имя Цезаря в обоих произведениях упоминается 775 раз! В итоге можно сказать, что произведения как самого Цезаря, так и других авторов, входящие в „Corpus Caesarianum“, представляют собой образец своеобразного жанра, который занимал определенное место в истории античной литературы. Это жанр военных мемуаров, примечательный, между прочим, тем, что в подобного рода произведениях причудливо сочетается использование документального материала с элементами „военного романа“».

Все это следует помнить, знакомясь с извлечениями из «Записок» Цезаря, без которых сегодня невозможен объективный и сколь-либо достоверный рассказ о событиях Галльской войны.

Автор «Записок» не разменивается на посторонние детали.

Он сразу же приступает к делу.

Мы читаем:

«Во всей Провинции он (то есть Цезарь.— Г. Б.) приказал произвести усиленный набор (вообще же в Дальней Галлии стоял только один легион) и разрушить мост у Генавы. Как только гельветы узнали о его прибытии, они отправили к нему послами знатнейших людей своего племени. Во главе посольства стояли Наммей и Веруклеть. Они должны были заявить, что гельветы имеют в виду пройти через Провинцию без всякого для нее вреда, так как никакого другого пути у них нет, и просят его соизволения на это. Но так как Цезарь помнил, что гельветы убили консула Л. Кассия, разбили его армию и провели ее под ярмо, то он не считал возможным согласиться на их проход: он понимал, что люди, враждебно настроенные, в случае разрешения пройти через Провинцию не воздержатся от причинения вреда и насилий. Однако, чтобы выиграть время до прихода набранных солдат, он ответил послам, что ему нужно будет время, чтобы об этом подумать: если им угодно, то пусть они снова явятся к апрельским Идам.

Тем временем, при помощи бывшего при нем легиона и солдат, которые уже собрались из Провинции, он провел от Леманнского озера, которое изливается в реку Родан, до хребта Юры, разделяющего области секванов и гельветов, вал на протяжении девятнадцати миль в шестнадцать футов высотой и ров. По окончании этих сооружений он расставил вдоль них посты и заложил сильные редуты, чтобы тем легче задержать врагов в случае их попытки пройти против его воли. Как только наступил условленный с послами день и они снова к нему явились, он объявил им, что, согласно с римскими обычаями и историческими прецедентами, он никому не может разрешить проход через Провинцию, а если они попытаются сделать это силой, то он сумеет их удержать. Гельветы, обманувшись в своих надеждах, стали

делать попытки, иногда днем, а чаще ночью, прорваться частью на связанных попарно судах и построенных для этой цели многочисленных плотках, отчасти вброд, в самых мелких местах Родана. Но мощь наших укреплений, атаки наших солдат и обстрелы каждый раз отгоняли их и в конце концов заставили отказаться от их попыток».

Обратите внимание, в сущности, война еще толком даже и не началась, не так ли? Еще не было ни одного сражения, еще не пролито ни капли крови, однако Цезарь как стратег уже продемонстрировал свое блестящее превосходство. Он, толком еще даже не вступив в нее, ВЫИГРАЛ войну. Наверняка самые умудренные опытом галлы уже тогда почувствовали недоброе. Им бы придумать хорошенько и поворотить назад. Быть может, именно так они бы и желали поступить. Были бы даже рады. Но назад — куда?! Ведь за их спиной отныне ничего больше не было. Все было ими же предано огню. Оставалась лишь жуткая и безмолвная пустыня отчаяния. Именно вся неистовая сила этого отчаяния и устремляла галлов вперед к их гибельной судьбе...

Цезарь с сухой объективностью профессионала отмечает: *«Оставался единственный путь через страну секванов, по которому, однако, гелветы не могли двигаться, вследствие его узости, без разрешения секванов. Так как им самим не удалось склонить последних на свою сторону, то они отправили послов к эдую Думноригу, чтобы при его посредстве добиться согласия секванов. Думнориг, благодаря своему личному авторитету и щедрости, имел большой вес у секванов и вместе с тем был дружен с гелветами, так как его жена, дочь Оргеторига, была из их племени; кроме того, из жажды царской власти он стремился к перевороту и желал обязать себе своими услугами как можно боль-*

ше племен. Поэтому он берет на себя это дело, добивается у секванов разрешения для гельветов на проход через их страну и устраивает между ними обмен заложниками на том условии, что секваны не будут задерживать движения гельветов, а гельветы будут идти без вреда для страны и без насилий».

Если покойный Оргеториг, подбивший галлов на дерзкий военный демарш, не придавал большого значения распространению агентурных сведений, то Юлий Цезарь прекрасно знал, что информация — бесценна. Он вовремя позаботился о том, чтобы его с максимальной достоверностью информировали обо всем, что творится в стане галлов. Поэтому от его внимания не укрылся маневр, который замыслили галлы.

В тексте «Записок» так и сказано:

«Цезарю дали знать, что гельветы намереваются двигаться через области секванов и эдуев в страну сантонов, лежащую недалеко от области толосатов, которая находится уже в Провинции. Он понимал, что в таком случае для Провинции будет очень опасно иметь своими соседями в местности открытой и очень хлебной людей воинственных и враждебных римлянам. Поэтому он назначил комендантом построенного им укрепления своего легата Т. Лабизна, а сам поспешил в Италию, набрал там два легиона, вывел из зимнего лагеря еще три зимовавших в окрестностях Аквилеи и с этими пятью легионами быстро двинулся кратчайшими путями через Альпы в Дальнюю Галлию. Здесь кеутроны, грайокелы и катуриги, заняв возвышенности, пытались загородить путь нашей армии, но были разбиты в нескольких сражениях, и на седьмой день Цезарь достиг — от самого дальнего в Ближней Галлии города Окела — области воконтиев в Дальней Провинции. Оттуда он

повел войско в страну аллоброгов, а от них — к сегусиам. Это — первое племя за Роданом вне Провинции».

Еще один важнейший момент, характеризующий способ ведения боевых действий Юлием Цезарем. Скорость, скорость и еще раз скорость! Покуда галлы вязко и натужно пытаются переориентировать свои рати, Цезарь стремглав совершает головокружительный марш-бросок по Европе и позиционно блестяще переигрывает противника! Он истинный стратег!

Действия галлов на территории эдуев несли для последних катастрофу. Не будучи союзниками Цезаря в никакой мере, они, однако же, именно к нему отправляют гонцов, взывая о спасении.

В «Записках» сказано:

«Гельветы уже перевели свои силы через ущелье и область секванов, уже пришли в страну эдуев и начали опустошать их поля. Так как эдуи не были в состоянии защищать от них себя и свое имущество, то они отправили к Цезарю послов с просьбой о помощи: эдуи, говорили послы, при каждом удобном случае оказывали римскому народу такие важные услуги, что не следовало бы допускать — почти что на глазах римского войска! — опустошения их полей, увода в рабство их детей, завоевания их городов. Единновременно с эдуями их друзья и ближайшие родичи амбарры известили Цезаря, что их поля опустошены и им нелегко защищать свои города от нападений врагов. Также и аллоброги, имевшие за Роданом поселки и земельные участки, спаслись бегством к Цезарю и заявили, что у них не осталось ничего, кроме голой земли. Все это привело Цезаря к решению не дожидаться, пока гельветы истребят все имущество союзников и дойдут до земли сантонов.

По земле эдуев и секванов протекает и впадает в Родан река Арар. Ее течение поразительно медленно, так что невозможно разглядеть, в каком направлении она течет. Гельветы переправлялись через нее на плотках и связанных попарно челноках. Как только Цезарь узнал от разведчиков, что гельветы перевели через эту реку уже три четверти своих сил, а около одной четверти осталось по сю сторону Арара, он выступил из лагеря в третью стражу с тремя легионами и нагнал ту часть, которая еще не перешла через реку. Так как гельветы не были готовы к бою и не ожидали нападения, то он многих из них положил на месте, остальные бросились бежать и укрылись в ближайших лесах».

Примечательно, что первыми жертвами легионеров Цезаря оказались именно те галлы, что были повинны в сравнительно недавнем вероломном нападении на римские отряды, когда ими был убит консул Л. Кассий, а многие римские солдаты угодили в плен. «Таким образом,— резюмирует автор „Записок“,— произошло ли это случайно или промыслом бессмертных богов, во всяком случае та часть гельветского племени, которая когда-то нанесла римскому народу крупные поражения, первая и поплатилась. Этим Цезарь отомстил не только за римское государство, но и за себя лично, так как в упомянутом сражении тигуринцы убили вместе с Кассием его легата Л. Писона, деда Цезарева тестя Л. Писона».

Поистине кровью за кровь!

Итак, первый же эпизод войны был невероятно скоро выигран Цезарем, причем при более чем минимальных потерях в живой силе. Цезарь оказался на порядки более искусным военным стратегом, нежели те, кто вел за собой галльское воинство. Казалось бы, победа более чем убедительно продемонстрировала военное превосходство

римлян. Не исключено, что некоторые военачальники, возблагодарив судьбу за столь быстрое завершение войны, поспешили бы повернуть назад, к дому, чтобы насладиться триумфом.

Но только не Цезарь!

Для него война еще только началась, и он и не помышлял завершать ее, не уничтожив галльскую заразу в самом ее зародыше. На какое спокойствие можно было рассчитывать Риму, когда у границ его провинций метались бы галльские орды, самовольно лишившие себя единственного пристанища на земле?! Нет, с галлами следовало разобраться окончательно. Именно этим и занялся Юлий Цезарь.

Он пишет: *«Чтобы догнать после этого сражения остальные силы гельветов, Цезарь распорядился построить на Араре мост и по нему перевел свое войско. Его внезапное приближение поразило гельветов, так как они увидели, что*

Дивикон и Цезарь

он в один день осуществил переправу, которая удалась им едва-едва в двадцать дней».

Наконец-то галлов пробрало до глубины души!

Судя по всему, они только тогда осознали в своей массе, что тшятся противостоять совершенно необычному человеку. Да полно, человеку ли? Наверняка их подверженный неизбывной силе суеверий рассудок нарисовал какие-то чудовищные картины, и этого было довольно. Ужас неизъяснимый объял их скудные сердца, и они запаниковали, даже не думая о сопротивлении!

Что оставалось неразумным галлам?

Попытаться затеять мирные переговоры и хотя бы на время выиграть себе передышку.

Что ж, правильный шаг.

Итак,

«они отправили к нему послов. Во главе их был князь Дивикон, который когда-то был вождем гельветов в войне с Кассием. Он начал такую речь к Цезарю: если римский народ желает мира с гельветами, то они пойдут туда и будут жить там, где он им укажет места для поселения; но если Цезарь намерен продолжать войну с ними, то пусть он вспомнит о прежнем поражении римлян и об унаследованной от предков храбрости гельветов. Если он неожиданно напал на один паг в то время, как переправлявшиеся не могли подать помощи своим, то пусть он не приписывает эту удачу главным образом своей доблести и к ним не относится свысока. От своих отцов и дедов они научились тому, чтобы в сражениях полагаться только на храбрость, а не прибегать к хитростям и засадам. Поэтому пусть он не доводит дела до того, чтобы то место, на котором они теперь стоят, получило название и известность от поражения римлян и уничтожения их армии».

Как вам это нравится?!

Наглость галлов беспримерна, а глупость очевидна.

Поведи они переговоры должным образом, возможно, у них был шанс еще хоть как-то спасти свое лицо.

Но хамить Юлию Цезарю?

Это чревато...

Читаем в «Записках»:

«Цезарь дал им такой ответ: он тем менее колеблется, что твердо держит в памяти то происшествие, на которое ссылались гельветские послы, и тем более им огорчен, чем менее оно было заслужено римским народом. Ведь если бы римляне признавали себя виновными в какой-либо несправедливости, то им нетрудно было бы остеречься; но они ошиблись именно потому, что их действия не давали им повода к опасениям, а бояться без причины они не находили нужным.

Итак, если он даже и готов забыть о прежнем позоре, неужели он может изгладить из своей памяти недавнее правонарушение, именно что гельветы против его воли попытались силой пройти через Провинцию и причинили много беспокойства эдуям, амбаррам, аллоброгам? К тому же сводится их надменное хвастовство своей победой и удивление, что так долго остаются безнаказанными причиненные ими обиды. Но ведь бессмертные боги любят давать иногда тем, кого они желают покарать за преступления, большое благополучие и продолжительную безнаказанность, чтобы с переменой судьбы было тяжелее их горе. При всем том, однако, если они дадут ему заложников в удостоверение готовности исполнить свои обещания и если удовлетворят эдуюв за обиды, причиненные им и их союзникам, а также аллобровгов, то он согласен на мир с ними. Дивикон отвечал: гельветы научились у своих предков брать заложников и

не давать их: этому сам римский народ свидетель. С этим ответом он удалился».

Что ж, единственная возможность хоть каких-то мирных инициатив была провалена.

Галлы снялись с лагеря на следующий же день, а потом им неожиданно повезло. Конные отряды Цезаря, их преследовавшие, чересчур увлеклись погоней и забыли о необходимости постоянно сочетать преследование с выбором стратегически выгодных для себя позиций. Галлы немедленно этим воспользовались (как же, впервые в этой войне им улыбнулась удача!). Произошло диво: пятьсот галлов смогли отбросить могучую конную рать римлян! Неважно, что римляне потеряли при этом всего-то несколько человек убитыми. Главное, это удавшийся маневр! Галлы моментально воспрянули духом и обрели свойственную их племени агрессивность. Они забылись настолько, что сами принялись атаковать римлян.

Но даже атакуя, они вынуждены были отступать.

Парадокс!

Между армиями расстояние составляло не более восьми километров.

Движение не замирало.

Так прошло с полмесяца.

Офицеры Цезаря недоумевали, отчего он медлит и не позволяет им бросить легионы на армию галлов. Но Цезарь имел на это свои резоны, как можно будет убедить-ся позднее.

Как это всегда случается в походе, очень быстро возникла проблема с продовольствием. Легионерам Цезаря удавалось пресекать все попытки галлов разжиться фуражом и съестными припасами. Забавно, но происходившее тогда сильно походило на переломный этап Отечественной войны 1812 года, когда Кутузов неотрывно следовал

за спасающимися бегством, обмороженными и умирающими с голода гвардейцами Наполеона Бонапарта...

Только вот в отличие от войск генералиссимуса Михаила Кутузова, не обделенных продовольствием и фуражом, дела самих римлян в этом плане были далеко не блестящи. Причину подобного положения детально вскрывает в своей работе автор «Записок о Галльской войне».

Он свидетельствует:

«Между тем Цезарь каждый день требовал от эдудей хлеба, официально ими обещанного. При упомянутом северном положении Галлии, вследствие холодного климата, не только еще не созрел хлеб на полях, но даже и фуража было недостаточно; а тем хлебом, который он подвез по реке Арару на судах, он почти не мог пользоваться, так как гелветы свернули в сторону от Арара, а он не хотел упускать их из виду. Эдуи оттягивали дело со дня на день, уверяя его, что хлеб собирается, свозится, уже готов. Цезарь понял, что его уж очень долго обманывают; а между тем наступал срок распределения хлеба между солдатами. Тогда он созвал эдуйских князей, которых было много в его лагере. В числе их были, между прочим, Дивитиак и Лиск. Последний был в то время верховным правителем, который называется у эдудей вергобретом, избирается на год и имеет над своими согражданами право жизни и смерти. Цезарь предъявил им тяжкие обвинения в том, что, когда хлеба нельзя ни купить, ни взять с полей, в такое тяжелое время, при такой близости врагов они ему не помогают, а между тем он решился на эту войну, главным образом, по их просьбе; но еще более он жаловался на то, что ему вообще изменили.

Только тогда, после речи Цезаря, Лиск высказал то, о чем раньше молчал. Есть известные люди, говорил он,

очень авторитетные и популярные у простого народа, личное влияние которых сильнее, чем у самих властей. Вот они-то своими мятежными и злостными речами и отпугивают народ от обязательной для него доставки хлеба: раз уж эдуи, говорят они, не могут стать во главе Галлии, то все же лучше покориться галлам, чем римлянам: ведь если римляне победят гельветов, то они, несомненно, поработят эдуев так же, как и остальных галлов. Те же агитаторы выдают врагам наши планы и все, что делается в лагере; обуздать их он, Лиск, не может. Мало того, он понимает, какой опасности он подверг себя вынужденным сообщением Цезарю того, что он обязан был сообщить; вот почему он, пока только можно было, молчал.

Цезарь понимал, что Лиск намекает на Думнорига, брата Дивитиака, но, не желая дальнейших рассуждений об этом в присутствии большого количества свидетелей, он немедленно распустил собрание и удержал при себе только Лиска. Его он стал расспрашивать наедине по поводу сказанного в собрании. Тот говорит откровеннее и смелее. О том же Цезарь спросил с глазу на глаз и у других и убедился в истине слов Лиска: это и есть Думнориг, говорят они, человек очень смелый, благодаря своей щедрости весьма популярный в народе и очень склонный к перевороту. Много лет подряд у него были на откупе пошлины и все остальные государственные доходы эдуев за ничтожную цену, так как на торгах никто в его присутствии не осмеливается предлагать больше, чем он. Этим он и сам лично обогатился и приобрел большие средства для своих щедрых раздач. Он постоянно содержит на свой собственный счет и имеет при себе большую конницу и весьма влиятелен не только у себя на родине, но и у соседних племен. Кроме того, для укрепления своего могущества он отдал свою мать замуж за

очень сильного князя битуригов, сам взял себе жену из племени гельветов, сестру по матери и других родственниц выдал замуж в другие общины. Благодаря этому свойству он очень расположен к гельветам, а к Цезарю и к римлянам питает, помимо всего прочего, личную ненависть, так как их приход ослабил его могущество и возвратил прежнее влияние и сан брату его Дивитиаку. Если римлян постигнет несчастье, то это даст ему самые верные гарантии при поддержке гельветов овладеть царской властью; но если утвердится римская власть, то ему придется оставить всякую надежду не только на царство, но даже на сохранение того влияния, которым он теперь пользуется. В своих расспросах Цезарь узнал также и о том, что в неудачном конном сражении, бывшем несколько дней тому назад, первыми побежали Думнориг и его всадники (Думнориг был как раз командиром вспомогательного конного отряда, присланного эдуюми Цезарю), а их бегство вызвало панику и в остальной коннице».

Цезарь призвал к себе виновных и конфиденциально объявил им о том, что ему отныне все известно. Когда их приперли к стене, они не могли не сознаться и начали слезно молить Цезаря о снисхождении, надеясь смягчить его сердце.

Удивительно, но им это удалось!

Цезарь, припомнив их былые заслуги, простил преступников и отпустил их с миром, не покарвав за измену. Тем не менее он распорядился, чтобы за ними постоянно следили и обо всем ему докладывали.

Тем временем расстояние между противниками сокращалось и вскоре составляло не более нескольких километров. Цезарь буквально наступал галлам на пятки.

Сражение было неизбежно, и все это понимали, внутренне заходясь от возбуждения.

Когда, согласно «Запискам»,

«до распределения между солдатами хлеба оставалось только два дня и так как Цезарь находился не более чем в восемнадцати милях от самого большого у эдуев и богатого провиантом города Бибракте, то он счел нужным позаботиться о продовольственном деле и на следующий день свернул в сторону от гелветов, направившись к Бибракте. Об этом было сообщено неприятелям через беглых рабов декуриона галльской конницы Л. Эмилия. Может быть, гелветы вообразили, что римляне уходят от них из страха, тем более что накануне, несмотря на захват возвышенностей, они не завязали сражения; но, может быть, у них появилась уверенность, что римлян можно отрезать от хлеба. Во всяком случае, они изменили свой план, повернули назад и начали насесть на наш арьергард и беспокоить его.

Заметив это, Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выслал конницу, чтобы сдерживать нападения врагов. Тем временем сам он построил в три линии на середине склона свои четыре старых легиона, а на вершине холма поставил два легиона, недавно набранные им в Ближней Галлии, а также все вспомогательные отряды, заняв таким образом всю гору людьми, а багаж он приказал снести тем временем в одно место и прикрыть его полевыми укреплениями, которые должны были построить войска, стоявшие наверху. Последовавшие за ним вместе со своими телегами гелветы также направили свой обоз в одно место, а сами отбросили атакой своих тесно сомкнутых рядов нашу конницу и, построившись фалангой, пошли в гору на нашу первую линию.

Цезарь приказал прежде всего увести своего коня, а затем и лошадей всех остальных командиров, чтобы при одинаковой для всех опасности отрезать всякие надежды

на бегство; ободрив после этого солдат, он начал сражение. Так как солдаты пускали свои тяжелые копья сверху, то они без труда пробивали неприятельскую фалангу, а затем обнажили мечи и бросились в атаку. Большой помехой в бою для галлов было то, что римские копья иногда одним ударом пробивали несколько щитов сразу и таким образом пригвозждали их друг к другу, а когда острие загибалось, то его нельзя было вытащить, и бойцы не могли с удобством сражаться, так как движения левой рукой были затруднены; в конце концов многие, долго тряся рукой, предпочитали бросать щит и сражаться, имея все тело открытым. Сильно израненные, они наконец начали подаваться и отходить на ближайшую гору, которая была от них на расстоянии около одной мили, и ее заняли. Когда к ней стали подступать наши, то бои и тулинги, замыкавшие и прикрывавшие в количестве около пятнадцати тысяч человек неприятельский аррьергард, тут же на походе зашли нашим в незащищенный фланг и напали на них. Когда это заметили те гельветы, которые уже отступили на гору, то они стали снова наседать на наших и пытаться возобновить бой. Римляне сделали поворот и пошли на них в два фронта: первая и вторая линии обратились против побежденных и отброшенных гельветов, а третья стала задерживать только что напавших тулингов и боев.

Таким образом долго и горячо сражались на два фронта. Но когда наконец враги оказались не в состоянии выдерживать наши атаки, то одни из них отступили на гору, как это было и сначала, а другие обратились к своему обозу и повозкам: в продолжение всего этого сражения, хотя оно шло от седьмого часа до вечера, никто из врагов не показал нам тыла. До глубокой ночи шел бой также и у обоза, так как галлы выставили наподобие вала телеги и с них отвечали на наши атаки обстрелом,

причем некоторые из них, расположившись между повозками и телегами, бросали оттуда свои легкие копья и ранили наших. Но после долгого сражения наши овладели и обозом и лагерем».

Вот чего дожидался Цезарь!

Вот почему он медлил со сражением!

Он хотел заставить галлов сражаться по ЕГО правилам.

Так оно и произошло.

Итог для галлов оказался более чем плачевен. Мало было им утратить лагерь и обоз; в «Записках» сказано: *«Тут были взяты в плен дочь и один из сыновей Оргеторига (тот вождь галлов, что изначально замыслил поход против римлян.— Г. Б.). От этого сражения уцелело около ста тридцати тысяч человек, и они шли всю ночь без перерыва; нигде не останавливаясь ни днем ни ночью, они на четвертый день дошли до области лингонов, так как наши были целых три дня заняты ранеными и погребением убитых и потому не могли их преследовать».*

Галлам было необходимо отдохнуть и наконец-то подкрепить свои силы. Они сильно рассчитывали на то, что лингоны им деятельно помогут. Но вновь Цезарь сумел их переиграть. Он и не думал бросаться в погоню за галлами, прекрасно понимая, что его солдаты должны восстановиться и позаботиться о павших товарищах. А не думал он потому, что еще загодя остроумно подстраховался.

«Записки» говорят:

«Цезарь отправил к лингонам гонцов с письменным приказом не помогать гельветам ни хлебом, ни чем-либо иным: тех, кто окажет помощь, он будет рассматривать как врагов наравне с гельветами. Затем сам он по

истечении трех дней двинулся со всем своим войском в погоню за ними.

Доведенные таким образом до полной крайности, гельветы отправили к Цезарю послов с предложением сдачи».

Вот!

Вновь попытка организовать мирные переговоры.

Вы помните, как дерзко и нагло вели себя галлы на первых переговорах, когда, забывшись, их посол не только не выказал уважения перед Цезарем, но даже принялся тому угрожать.

И вот снова галлы и римляне встречаются ради того, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и попытаться понять, как со всем этим разобраться.

Правда, от былой бравады галлов не осталось и следа.

Прибегнем же вновь к свидетельству автора «Записок»: *«Они встретились с ним на походе, бросились к его ногам и со слезами покорно молили о мире. Он приказал им ждать его прихода на том месте, где они теперь находятся. Они повиновались. Прибыв туда, Цезарь потребовал от них заложников, а также выдачи оружия и перебежавших к ним рабов. Пока все это разыскивали и собирали в одно место, наступила ночь...»*

У кого-то из галлов явно сдали нервы, и

«около шести тысяч человек из так называемого Вербигенского пага в самом же начале ночи оставили гельветский лагерь и направились к Рейну и в страну германцев, может быть, из страха, что по выдаче оружия их перебьют, а может быть, в надежде на спасение, так как при очень большой массе сдававшихся их бегство могло бы быть скрыто или даже совсем остаться незамеченным.

Как только Цезарь узнал об этом, он приказал тем племенам, через страну которых они шли, разыскать их и вернуть назад, если они желают перед ним оправдаться. С возвращенными он поступил как с врагами, а сдачу всех остальных принял по выдаче заложников, оружия и перебежчиков. Гельветам, тулингам и латовикам он велел вернуться на их покинутую родину, а так как по уничтожении всего урожая им дома нечего было есть, то приказал аллоброгам дать им нужный запас провианта; сожженные ими города и села они должны были отстроить сами. Это он сделал, главным образом, из нежелания, чтобы покинутая гельветами страна оставалась пустой: иначе вследствие доброкачественности почвы могли бы переселиться в страну гельветов зарейнские германцы и, таким образом, сделались бы соседями Галльской Провинции и аллоброгов. На просьбу эдзев поселить в их стране известных своей выдающейся храбростью боев он изъявил согласие. Они отвели им землю и впоследствии приняли их в свою общину, дав им те же права и свободу, какими пользовались сами.

В лагере гельветов были найдены и доставлены Цезарю списки, написанные греческими буквами. В них были поименно подсчитаны все вообще выселившиеся и отдельно указано число способных носить оружие, а также детей, стариков и женщин. В итоге оказалось: гельветов — двести шестьдесят три тысячи, тулингов — тридцать шесть тысяч, латовиков — четырнадцать тысяч, рауриков — двадцать три тысячи, боев — тридцать две тысячи; из них около девяноста двух тысяч способных носить оружие. А в общем итоге — триста шестьдесят восемь тысяч. Число вернувшихся домой по переписи, произведенной по приказу Цезаря, оказалось сто десять тысяч».

Таков был красноречивый финал первого этапа Галльской войны.

Цезарь был триумфатором и заслуженно принимал поздравления.

Согласно «Запискам», «по окончании войны с гелльветами к Цезарю явились с поздравлениями, в качестве представителей почти всей Галлии, князья общин... Они все со слезами бросились перед Цезарем на колени и сказали, что они столь же настойчиво стремятся к сохранению в тайне своих сообщений, как к исполнению своих желаний, потому что в случае разглашения тайны им, несомненно, предстоит мучительнейшая смерть.

Тогда от лица их взял слово эдуй Дивитиак. Вся Галлия, говорил он, распадается на две партии: во главе одной стоят эдуи, во главе другой — арверны. Они много лет вели друг с другом ожесточенную борьбу за господство, и дело кончилось тем, что арверны и секваны наняли на свою службу германцев. Последние перешли через Рейн сначала в количестве около пятнадцати тысяч человек; но когда этим грубым варварам полюбили галльские поля, образ жизни и благосостояние, их перешло еще больше; и теперь в Галлии их уже около ста двадцати тысяч человек. Эдуи и их клиенты неоднократно вели с ними вооруженную борьбу, но в конце концов потерпели тяжкое поражение и лишились всей знати, всего сената и всей конницы. Эдуи, когда-то самые могущественные во всей Галлии благодаря своей храбрости, а также узам гостеприимства и дружбы с римским народом, были сломлены этими роковыми сражениями и вынуждены были дать в заложники секванам своих знатнейших граждан, а кроме того, обязать свою общину клятвой — никогда не требовать назад заложников, не молить римский народ о помощи и не отказы-

вать в полном и неизменном повиновении их неограниченной власти.

Он, Дивитиак, оказался единственным человеком во всей общине эдуев, которого не удалось принудить ни к этой клятве, ни к выдаче детей своих в заложники. Поэтому он бежал из своей общины и прибыл в Рим просить сенат о помощи, так как он один не связан ни клятвой, ни заложниками. Впрочем, с победителями секванами случилось нечто худшее, чем с побежденными эдуями: в их стране утвердился германский царь Ариовист, занял треть земли секванов, самой лучшей во всей Галлии, и теперь приказывает секванам очистить еще одну треть, так как несколько месяцев тому назад к нему прибыло двадцать четыре тысячи гарудов, которым должна быть предоставлена земля для поселения. Дело кончится тем, что через немного лет все галлы будут выгнаны из своей страны и все германцы перейдут через Рейн, ибо нельзя и сравнивать галльскую землю с германской, равно как и галльский образ жизни с германским.

Ариовист со времени своей победы над галльскими войсками при Магетобриге властвует высокомерно и жестоко, он требует в заложники детей самых знатных граждан и подвергает их для примера жесточайшим наказаниям, если что-либо делается не по его мановению и воле. Это — человек дикий, вспыльчивый и вздорный: его деспотизма они выносить дальше не могут. Если они не найдут помощи у Цезаря или у римского народа, то всем галлам придется последовать примеру гельветов, именно покинуть родной дом, искать себе другой земли, другого местожительства подальше от германцев и испытать все, что выпадет на их долю. Если все это будет сообщено Ариовисту, то он, несомненно, подвергнет жесточайшей казни всех находящихся у него заложников. Только Цезарь своим личным авторитетом, внуши-

тельным войском, недавней победой и самим именем римского народа может остановить германцев от переселения в еще большем количестве за Рейн и защитить всю Галлию от обид со стороны Ариовиста».

Победитель вполне может проявить великодушие, не правда ли?

Бывает и наоборот, но это был иной случай.

На память Цезарю жаловаться не приходилось; он прекрасно помнил, что римляне убеждали эдуев, что они — братья, в то же время решительно игнорируя тот факт, что эдуи во множестве своем томятся в плену у германских племен, а также являются заложниками все того же Ариовиста.

Едва ли подобное положение дел было допустимо счесть приемлемым.

К чести Цезаря, он пообещал свою поддержку, а поскольку слова его с делом никогда не расходились (не то что у нынешних политиков!), *«решил отправить к Ариовисту послов с требованием выбрать какое-либо место, одинаково от них обоих удаленное, для переговоров, которые он желает вести с ним о делах государственных и по вопросам, очень важным для них обоих лично. Этому посольству Ариовист ответил: если бы ему самому был нужен Цезарь, то он к нему и явился бы, а если Цезарю что-либо от него угодно, то он должен прийти к нему. Кроме того, он не решился бы явиться без войска в те части Галлии, которыми владеет Цезарь, да и войско он не может стянуть в одно место без провианта и без сложных приготовлений. Ему только удивительно, какое дело Цезарю и вообще римскому народу до его Галлии, которую он победил войной».*

Тут впору удивиться, сколь схожа заносчивость Ариовиста с той наглой бравадой, продемонстрированной галлами на первых же мирных переговорах с Цезарем.

Казалось бы, Цезарь должен вскипеть и мигом двинуться всей ратью на Ариовиста. Однако Цезарь был стратег милостью Божьей, а потому знал, что час битвы покуда не настал. Именно поэтому Цезарь *«снова отправляет к Ариовисту послов со следующим поручением: за великую милость со стороны его, Цезаря, и римского народа, именно за то, что в его консульство сенат признал его царем и союзником, — чем Ариовист отблагодарил теперь его и римский народ — отказом от приглашения явиться для переговоров и нежеланием высказаться по вопросам, общим для них, и даже познакомиться с ними! Поэтому Цезарь предъявляет ему следующие требования: во-первых, он не должен производить никаких дальнейших массовых переселений через Рейн в Галлию; далее он должен возвратит эдуям их заложников, а секванам разрешить вернуть — с его соизволения — эдуям имеющихся от них заложников; не беспокоить эдуев какими-либо враждебными действиями и не идти войной на них и их союзников. Если Ариовист удовлетворит эти требования, то у него навсегда сохранятся добрые отношения и дружба с Цезарем и с народом римским; но если Цезарь не получит удовлетворения, то он не сочтет себя вправе закрывать глаза на обиды, чинимые эдуям, так как в консульство М. Мессалы и М. Писана сенат постановил, что каждый наместник Провинции Галлии обязан защищать эдуев и остальных друзей римского народа соответственно интересам республики».*

Дипломатия, что и говорить, это искусство!

С одной стороны, Цезарь сулит лишь благо, а с другой стороны — ставит Ариовиста в заведомо безвыходное положение. Легко подумать, что Цезарь благодушен и смиренен, но на деле он наступает. Наступает неотвратимо и страшно. Ариовист чувствует это и, будучи явно не робкого десятка (а как иначе — он же германец, истинный вояка!), принимает вызов Цезаря.

Характерны весьма его слова, запечатленные в тексте «Записок»: *«Ариовист отвечал: право войны позволяет победителям распорядиться с побежденными, как им угодно; так и римский народ привык распорядиться с побежденными не по чужому предписанию, но по собственному усмотрению. Если сам он не предписывает римскому народу способов осуществления его права, то и римский народ не должен мешать ему пользоваться своим законным правом. Эдуи сделались его данниками потому, что они решили испытать военное счастье, вступили в бой и были побеждены. Цезарь совершает большую несправедливость, уменьшая своим прибытием его доходы. Эдуям он заложников не возвратит, но не намерен без законного основания открывать войну ни против них, ни против их союзников, если они будут оставаться верными условиям договора и ежегодно платить дань; в противном случае им нисколько не поможет титул братьев римского народа. Правда, Цезарь заявляет ему, что не будет закрывать глаза на обиды, чинимые эдуям, но для всех, кто до сих пор вступал с ним, Ариовистом, в борьбу, эта борьба была гибельной. Пусть Цезарь идет, когда хочет: он тогда убедится, что значит храбрость непобедимых германцев, этих очень опытных воинов, которые за последние четырнадцать лет совсем не бывали под кровлей дома».*

Проигнорировать то обстоятельство, что Ариовист принял его завуалированный вызов, Цезарь, конечно же, не мог. Тем более что почти одновременно с ответом Ариовиста прибыла очередная депутация от эдуев с новыми сетованиями на очередные жесточайшие притеснения. Помимо всего прочего, эдуи поведали Цезарю о внушительном полчище свебов, собравшихся на берегу Рейна и явно готовящихся слиться с основными силами Ариовиста.

Цезарь отлично понял, что промедление смерти подобно.

Титульный лист «Записок о Галльской войне» (издание XVIII в.)

Он отдал приказ, и его бравые легионы, снабженные продовольствием (он и об этом успел позаботиться!), стремительно двинулись в направлении расположения главных сил Ариовиста.

Так начался новый эпизод (или этап, как угодно) Галльской войны.

Трое суток продолжался этот невероятный марш-бросок, когда вдруг, если верить автору «Записок», Цезаря известили о том, что *«Ариовист со всеми своими силами направляется для захвата главного города секванов — Весонтиона — и уже отошел на три дневных перехода от границ своей страны. Занятие этого города Цезарь считал нужным всячески предупредить. Именно здесь легко можно было найти много всяких военных запасов, и уже по самому характеру местности город был так защищен, что открывал полную возможность затянуть войну... Цезарь двинулся сюда ускоренным маршем, не прекращая его ни днем ни ночью, и, заняв город, поставил в нем гарнизон».*

Что ж, мы видим, Цезарь по-прежнему верен себе и стремится обеспечить своей армии тактическое и позиционное превосходство. Достигнув этого, он решил подсобрать полезную информацию — последние сведения о тех, с кем легионерам предстояло сойтись в бою. До сведения римлян галлы и бродячие торговцы довели, что *«германцы отличаются огромным ростом, изумительной храбростью и опытностью в употреблении оружия: в частых сражениях с ними галлы не могли выносить даже выражения их лица и острого взора»*.

Это изрядно огорошило римлян: *«Вследствие этих рассказней всем войском вдруг овладела такая робость, которая немало смутила все умы и сердца. Страх обнаружился сначала у военных трибунов, начальников отрядов и других, которые не имели большого опыта в военном деле и последовали из Рима за Цезарем только ради дружбы с ним. Последние под разными предложениями стали просить у него позволения уехать в отпуск по неотложным делам; лишь некоторые оставались из стыда, не желая навлечь на себя подозрение в трусости. Но они не могли изменить выражение лица, а подчас и удержаться от слез: забываясь в свои палатки, они либо в одиночестве жаловались на свою судьбу, либо скорбели с друзьями об общей опасности. Везде во всем лагере составлялись завещания. Трусливые возгласы молодежи стали мало-помалу производить сильное впечатление даже на очень опытных в лагерной службе людей: на солдат, центурионов, начальников конницы. Те из них, которые хотели казаться менее трусливыми, говорили, что они боятся не врага, но трудных перевалов и обширных лесов, отделяющих римлян от Ариовиста, и что опасаются также за правильность подвоза провианта. Некоторые даже заявили Цезарю, что солдаты не послушаются его приказа сняться с лагеря и двинуться на врага и из страха не двинутся»*.

Вот вам и железная гвардия легионеров!

Только что они еще полагали себя победителями и готовились увенчать себя новыми победными лаврами, однако рассказы непутевых галлов и каких-то заезжих купчишек столь сильно повлияли на них, что в войске явно началось брожение умов!

Очень важное свидетельство «Записок», надо сказать. А что же Цезарь?

Неужто и к этому он был готов?

Пожалуй, это не важно. Главное то, что он ни на миг не утратил присутствие духа.

Сказано в «Записках» следующее:

«Цезарь созвал военный совет, на который пригласил также центурионов всех рангов, и в гневных выражениях высказал порицание прежде всего за то, что они думают, будто их дело — спрашивать и раздумывать, куда и с какой целью их ведут. В его консульство Ариовист усердно домогался дружбы римского народа: откуда же можно заключить, что он теперь без всяких оснований откажется от своих обязательств? Он, по крайней мере, держится того убеждения, что, как только Ариовист познакомится с его требованиями и удостоверится в их справедливости, он не станет отталкивать от себя расположения его, Цезаря, и римского народа.

Но если даже под влиянием бешенства и безумия он действительно начнет войну, так чего же они в конце концов боятся? И зачем они отчаиваются в своей собственной храбрости и в осмотрительности своего полководца? Ведь с этим врагом померились на памяти наших отцов, когда Г. Марий разбил кимбров и тевтонов,— и войско явно заслужило не меньшую славу, чем сам полководец: померились недавно и в Италии во время восстания рабов, когда ему все-таки некоторую пользу

принес полученный от нас опыт и дисциплина. В конце концов они одолели врага, несмотря на его вооружение и победы, хотя перед этим некоторое время без всякого основания боялись его, даже пока он был плохо вооружен. По этому можно судить, сколько выгоды заключает в себе стойкость.

Наконец, это все тот же враг, над которым часто одерживали победы гельветы, и притом не только на своей, но по большей части на его земле, а ведь гельветы никогда не могли устоять против нашего войска. Но если некоторых смущает неудачное сражение и бегство галлов, то, разобрав дело, они поймут, что галлы были утомлены продолжительной войной.

Ариовист же много месяцев подряд не выходил из своего лагеря и из болот и не давал случая сразиться с ним; они уже потеряли всякую надежду на сражение и рассеялись, когда он внезапно напал на них и одержал победу не столько храбростью, сколько хитрым расчетом. Но если расчет этот был уместен в борьбе с неопытными варварами, то и сам Ариовист не надеется провести им наше войско. А те, которые прикрывают свой страх лицемерной тревогой за продовольствие или ссылкой на трудные перевалы, те позволяют себе большую дерзость, отчаиваясь в верности полководца своему долгу и осмеливаясь давать ему предписания. Это его дело.

Хлеб ему доставляют секваны, леуки и лингоны, и он на полях уже созрел; а о состоянии путей они скоро сами получают представление. А что будто бы его не послушаются и на неприятеля не пойдут, то эти разговоры его нисколько не волнуют: он знает, что те, кого не слушалось войско, не умели вести дело, и им изменяло счастье; или же это были люди, известные своей порочностью и явно изобличенные в корыстолюбии; но его собственное бескорыстие засвидетельствовано всей его жизнью, а

его счастье — войной с гелльветами. Поэтому то, что он предполагал отложить на более отдаленный срок, он намерен осуществить теперь и в ближайшую же ночь, в четвертую стражу, снимется с лагеря, чтобы как можно скорее убедиться в том, что в них сильнее: чувство чести и долга или трусость. Если за ним вообще никто не пойдет, то он выступит хотя бы с одним 10-м легионом: в нем он уверен, и это будет его преторской когортой. Надо сказать, что этому легиону Цезарь всегда давал особые льготы и благодаря его храбрости очень на него полагался».

Вот где Цезарю пригодилось его ораторское искусство, а также отменное знание военной истории Рима. Блестящая логика, безукоризненность словесных построений, непоколебимая мощь фактов — разве мыслимо было устоять перед таким всепобеждающим красноречием? Цезарю не нужно было применять карательных методов, он просто обратил к своим легионерам СЛОВО, и оно было услышано. Лишь СЛОВОМ сумел Цезарь вновь привлечь к себе и завоевать солдатские сердца.

В «Записках» читаем мы, что *«эта речь вызвала удивительную перемену в настроении всего войска и пробудила весьма большую бодрость и боевой пыл. Прежде всего 10-й легион принес ему через военных трибунов благодарность за очень лестный отзыв и уверил в своей готовности к бою. Затем и остальные легионы просили своих военных трибунов и центурионов первых рангов оправдаться от их лица перед Цезарем и указать, что у них никогда не было ни колебаний, ни страха, но они всегда думали, что высшее руководство войной принадлежит не им, а полководцу. Приняв это оправдание, Цезарь поручил Дивитиаку, которому доверял более, чем кому-либо другому; обследовать путь, с тем чтобы можно было вести войско по открытой мест-*

ности, но с обходом в пятьдесят с лишком миль. После этого он, как и сказал раньше, выступил в четвертую стражу. На седьмой день безостановочного марша он получил известие от разведчиков, что войска Ариовиста находятся от нас в двадцати четырех милях».

И вновь тактика Цезаря на высоте.

Только что он находился неведомо где, как вдруг — всего двадцать четыре мили отделяют его лагерь от ставки Ариовиста. Цезарь застал его врасплох. Ариовист никак не ожидал столь быстрого начала военных действий и явно еще не был готов к сражению. Мигом сменив высокомерие и апломб на учтивость, он направил к Цезарю своих людей, ходатайствуя о начале переговоров. Казалось, все идет как по маслу, но послы мирной воли с той и другой стороны сновали беспрестанно, а толка с этого видно не было. Цезарь, тонкое чутье которого мгновенно распознавало аромат обмана и измены, забеспокоился. Поначалу он был практически готов уверовать в то, что Ариовист одумался и примет теперь все его условия. Но как только он ощутил, что переговоры начинают намеренно затягиваться, Цезарь немедленно принял важное решение.

Дело происходило в равнинной местности.

Это предоставляло отличные шансы для действий конницы.

Поэтому Цезарь приказал спешиться галлам, присоединенным к его войску, а опустевшие седла их коней тотчас приняли новых седоков в лице солдат того самого, вернейшего из верных, 10-го легиона. В случае чего они бы задали жару кому угодно!

Итак, *«была большая равнина и на ней довольно высокий земляной холм. Это место находилось почти на одинаковом расстоянии от лагерей Цезаря и Ариовиста.*

Сюда они и явились для переговоров, как условились раньше. Легиону, посаженному на коней, Цезарь приказал остановиться в двухстах шагах от холма. На таком же расстоянии остановились и всадники Ариовиста. Ариовист потребовал, чтобы оба они беседовали верхом и чтобы каждый взял с собой на переговоры еще по десять человек.

Когда наконец они друг с другом встретились, Цезарь в начале своей речи упомянул о милостях, оказанных Ариовисту им и сенатом. Он указывал, что Ариовист получил от нашего сената титул царя и друга и что ему посылались самые почетные дары; это отличие, говорил он, лишь немногим доставалось на долю и обыкновенно дается в награду только за большие заслуги.

Хотя Ариовист не имел ни повода, ни законного основания для подобных притязаний, однако он получил такое отличие только благодаря милости и щедрости Цезаря и сената. Цезарь ссылаясь и на то, как давно и как законно существует близкая связь у римлян с эдуями, как часто в самых лестных выражениях составлялись постановления сената по отношению к эдуям; как эдуи еще до заключения с нами дружественного союза всегда занимали первое место во всей Галлии.

Римский народ привык заботиться о том, чтобы его союзники и друзья не только не теряли ничего своего, но чтобы, наоборот, усиливались в своем влиянии, видном положении и почете: кто мог бы потерпеть, чтобы у них было отнято то, чем они владели к моменту заключения дружественного союза с римским народом?

Наконец, Цезарь повторил те требования, которые он заявлял раньше через послов: Ариовист не должен идти войной ни на эдую, ни на их союзников и обязан вернуть заложников; если он не может хоть некоторую часть германцев отправить обратно на родину, то

пусть он, по крайней мере, не допускает их дальнейшего перехода через Рейн».

Ариовист, как мы помним, сделал все, чтобы как можно серьезнее затянуть переговоры. Но теперь, стоя прямо перед Цезарем, играть в кошки-мышки было уже нельзя. Цезарь ждал ответа. Он закипал от гнева, хотя внешне это было решительно незаметно. И ответ последовал.

Ариовист заметил, что якобы

«он перешел через Рейн не по своему побуждению, но по просьбе и приглашению галлов; не без больших надежд и расчета на важные выгоды он оставил родину и близких; места для жительства в Галлии уступлены ему самими галлами, заложники даны по их доброй воле; дань он берет по праву войны, именно ту, которую победители обыкновенно налагают на побежденных».

Не он начал войну с галлами, а галлы с ним: все галльские общины выступили против него и стали лагерем; но все эти силы были им разбиты и побеждены в одном сражении. Если они снова хотят с ним померяться, то и он снова готов сразиться; если же хотят иметь мир, то несправедливо отказывать в дани, которую они до сих пор платили добровольно. Дружба римского народа должна служить ему украшением и защитой, а не приносить вред: с этим расчетом он и искал ее. Если по милости римского народа дань будет сложена, а сдавшиеся будут у него отобраны, то он откажется от дружбы с римским народом столь же охотно, как искал ее. Что он переводит в Галлию массу германцев, это он делает для своей безопасности, а не для завоевания Галлии: доказательством служит то, что он пришел сюда по просьбе галлов и вел войну не наступательную, но оборонительную. Он пришел в Галлию раньше, чем римский народ. До

сего времени войско римского народа ни разу не выходило за пределы Провинции Галлии.

Что Цезарю нужно? Зачем он вступает в его владения? Эта Галлия — его провинция, как та — римская. Как ему самому не следовало бы позволять вторгаться в наши земли, так и с нашей стороны несправедливо вмешиваться в его права.

Цезарь говорит, что сенат назвал эдуюв братьями; но он не до такой степени груб и невежествен, чтобы не знать того, что ни в последнюю войну с аллоброгами эдуи не помогали римлянам, ни сами в борьбе с ним и с секванами не пользовались помощью римского народа. Ему приходится догадываться, что дружба с эдуями — простой предлог и что войско, которое Цезарь держит в Галлии, он держит для уничтожения Ариовиста. Если Цезарь не уйдет и не выведет отсюда своего войска, то он будет считать его не другом, а врагом; и если его убьет, то этим доставит большое удовольствие многим знатным и видным римлянам: это ему известно от их собственных гонцов, и его смертью он мог бы купить расположение и дружбу всех их. Но если Цезарь уйдет и предоставит ему беспрепятственное обладание Галлией, то он оплатит ему большими услугами и все войны, какие Цезарь пожелает вести, доведет до конца без всяких хлопот и риска для Цезаря».

Таков был ответ Ариовиста.

Согласитесь, нельзя не признать за ним дара ораторского, равно как и исключительно коварного нрава! Он убедителен почти в той же мере, что и Цезарь.

Да, достойно ответить на такой монолог — задача непростая. Цезарь, не убоившись и не выказав смущения, продолжил убеждать Ариовиста в несправедности избранной им позиции в данном вопросе, но внезапно ему до-

несли, что *«всадники Ариовиста приближаются к холму, на скакивают на наших и пускают в них камни и копья»*.

Ариовист и не думал о мирных переговорах.

Этот коварный германец вновь отвлек на себя внимание Цезаря в надежде, что его воины ловким маневром зайдут римлянам с фланга. Не зря, совсем не зря Цезарь поменял галлов на самых отборных своих легионеров! Но, как и Наполеон Бонапарт предпочитал лишний раз не беспокоить свою великую, закаленную в боях гвардию, так и Цезарь не спешил устремлять конницу на противника, хотя, без сомнения, стер бы людей Ариовиста в порошок. В итоге все завершилось простой перестрелкой.

Если положиться на текст «Записок», он не желал немедленно атаковать лишь потому, что предвидел высокую вероятность обвинения его в вероломном нападении во время переговоров. Причем это не такое уж и безумное предположение, особенно учитывая невероятную изворотливость и коварство, что в полной мере явил Ариовист.

Несмотря на несуразный итог переговоров, легионеры не утратили бодрости духа, недавно пробужденного обращением к ним Цезаря. Они по-прежнему были готовы сражаться и ждали лишь приказа Цезаря.

Прошла беспокойная ночь, а наутро из стана Ариовиста вновь пожаловали... парламентареры! Они довели до сведения Юлия Цезаря, что он-де давеча все не так понял, и что на самом-то деле их великий вождь Ариовист только и мечтает о том, чтобы довести мирные переговоры до финала, что удовлетворил бы обе стороны. И это после того, как едва не началась кровавая сеча...

Цезарь, понятное дело, ответил отказом.

Какие теперь могли вообще быть переговоры?

О чем, спрашивается?!

Да, признаться, у него теперь вовсе не было желания направлять к врагам своих людей из серьезного опасения

за их участь. Впрочем, он все-таки отправил двух опытных послов, но те были встречены огульной руганью Ариовиста, который затем попрали неприкосновенность их статуса и приказал заковать в цепи.

Да, не зря опасался Цезарь...

После случившегося он сразу «двинулся вперед и стал лагерем в шести милях от лагеря Цезаря под горой. На следующий день он провел свои войска мимо лагеря Цезаря и разбил свой лагерь в двух милях сзади него, чтобы отрезать Цезаря от хлеба и другого провианта, подвозимого из страны секванов и эдзев. С этого дня Цезарь в течение пяти дней подряд выводил свои войска и выстраивал их перед лагерем, чтобы дать Ариовисту сражение, если он того захочет. Но Ариовист все эти дни держал войско в лагере и связывал ежедневно только конные стычки. Это был особый род сражений, в котором германцы были опытны. У них было шесть тысяч всадников и столько же особенно быстрых и храбрых пехотинцев, которых каждый всадник выбирал себе по одному из всей пехоты для своей личной охраны: эти пехотинцы сопровождали своих всадников в сражениях. К ним всадники отступали: если положение становилось опасным, то пехотинцы ввязывались в бой; когда кто-либо получал тяжелую рану и падал с коня, они его обступали; если нужно было продвинуться более или менее далеко или же с большой поспешностью отступить, то они от постоянного упражнения проявляли такую быстроту, что, держась за гриву коней, не отставали от всадников».

До какой же степени военное противостояние с германцами не походило на давешние сражения с галлами... Но римлянам приходилось держать марку!

«Видя, что Ариовист не покидает своего лагеря,— сообщают „Записки“,— Цезарь выбрал, во избежание дальнейшей задержки провианта, удобное место для ла-

геря по ту сторону лагеря германцев, приблизительно в шестистах шагах от него, и двинулся туда в боевом порядке тремя линиями. Первой и второй линиям приказано было стоять под оружием, а третьей укреплять лагерь. Это место, как упомянуто было, отстояло от неприятеля приблизительно на шестьсот шагов. Ариовист послал туда около шестнадцати тысяч человек налегке со всей конницей, чтобы наводить на наших страх и мешать постройке укреплений. Тем не менее Цезарь не отменил своего прежнего распоряжения и приказал двум линиям отражать врага, а третьей оканчивать работу. Укрепив лагерь, он оставил там два легиона и часть вспомогательных войск, а остальные четыре отвел назад в главный лагерь.

На следующий день Цезарь, по своему обыкновению, вывел из обоих лагерей свои войска, немного продвинулся от своего главного лагеря и таким образом снова дал врагам случай сразиться. Но, заметив, что они все-таки не выходят из своего лагеря, он около полудня отвел войско назад в лагерь. Только тогда Ариовист двинул часть своих сил на штурм малого лагеря. С обеих сторон завязался продолжавшийся вплоть до вечера ожесточенный бой. При заходе солнца Ариовист, после больших потерь с той и другой стороны, отвел свои войска назад в лагерь. Цезарь стал спрашивать пленных, почему Ариовист уклоняется от решительного сражения; они объяснили это тем, что, по существующему у германцев обычаю, их замужние женщины объясняют на основании метания жребия и предсказаний, выгодно ли дать сражение или нет; и вот теперь они говорят, что германцам не суждено победить, если они дадут решительное сражение до новолуния».

Забавный поворот, что и говорить!

Правда то была или выдумка, но с этим волей-неволей приходилось считаться. Впрочем, у Цезаря появлялся дополнительный резерв времени, чтобы отточить свои тактические схемы.

Согласно «Запискам»,

«на следующий день Цезарь, оставив для того и другого лагеря достаточное прикрытие, все вспомогательные войска расположил перед малым лагерем на виду у врагов. Эти вспомогательные войска он употребил в дело только для виду, так как численностью легионной пехоты он слишком уступал превосходившему его врагу. А сам он, построив войско в три линии, вплотную подошел к лагерю врагов. Только тогда германцы уже по необходимости вывели из лагеря свои силы и поставили их по племенам на одинаковом расстоянии друг от друга: это были гаруды, маркоманы, трибоки, вангионы, неметы, седусии и свебы. Все свое войско они окружили повозками и телегами, чтобы не оставалось никакой надежды на бегство. На них они посадили женщин, которые простирали руки к уходившим в бой и со слезами молили их не предавать их в рабство римлянам.

Цезарь назначил командирами отдельных легионов легатов и квестора, чтобы каждый солдат имел в их лице свидетелей своей храбрости, а сам начал сражение на правом фланге, так как заметил, что именно здесь неприятели всего слабее. Наши по данному сигналу атаковали врага с таким пылом, и с своей стороны враги так внезапно и быстро бросились вперед, что ни те ни другие не успели пустить друг в друга копий. Отбросив их, обнажили мечи, и начался рукопашный бой. Но германцы, по своему обыкновению, быстро выстроились фалангой и приняли направленные на них римские мечи. Из наших солдат оказалось немало таких, которые бросались на

фалангу, руками оттягивали щиты и наносили сверху раны врагам. В то время как левый фланг неприятелей был разбит и обращен в бегство, их правый фланг своим численным превосходством сильно теснил наших. Это заметил начальник конницы молодой П. Красс, который был менее занят, чем находившиеся в бою, и двинул в подкрепление нашему теснимому флангу третью (резервную) линию.

Благодаря этому сражение возобновилось. Все враги обратились в бегство и прекратили его только тогда, когда достигли реки Рейна приблизительно в пяти милях отсюда. Там лишь очень немногие, в надежде на свою силу, попытались переплыть на другой берег или же спаслись на лодках, которые нашлись там. В числе их был и Ариовист, который нашел маленькое судно и на нем спасся бегством; всех остальных наша конница догнала и перебила. У Ариовиста было две жены, одна из племени свебов, которую он взял с собой из дому, а другая норийка, сестра царя Воккиона, который прислал ее в Галлию, где Ариовист и женился на ней. Обе они во время бегства погибли. Было и две дочери: одна из них была убита, другая взята в плен. Г. Валерий Прокилл, которого его сторожа во время бегства тащили на трех цепях, наткнулся на самого Цезаря, когда последний со своей конницей преследовал врага. Эта встреча доставила Цезарю не меньшее удовольствие, чем сама победа: таким образом этот весьма почтенный в Провинции Галлии человек, его друг и гостеприимец, вырвался из рук врагов и возвращен ему, и судьба, избавив его от гибели, ничем не омрачила великой радости ликования по случаю победы. Прокилл рассказывал, что в его присутствии о нем трижды бросали жребий — казнить ли его немедленно сожжением или же отложить казнь на другое время: он уцелел по милости этих гаданий. Точно так же и М. Меттий был найден и приведен к Цезарю».

Потрясающая битва, закономерный итог, заслуженные лавры победителям!!!

Выше были представлены события лишь одного лета.

Но Цезарь даже за столь короткий срок смог одержать две колоссальных победы, более чем явственно заявив о силе и праве римского присутствия на территории Галлии.

Ввиду стремительно наступающей осени нужно было обеспечить надежные зимние квартиры для войска, а также и похлопотать о постройке новых судов.

Несмотря на одержанные победы, Цезарь уже понимал, что на этом дело не кончится. Поскольку заранее предвидеть, как повернется ход войны и какие силы и средства могут потребоваться, представлялось не слишком возможным, следовало осуществить самые необходимые приготовления.

Наступила первая пауза в ходе Галльской войны.

Все еще было впереди...

Покуда у легионеров шла зимовка, происходило негласное создание антиримской коалиции племен, обитавших на территории Галлии. Ядро этой коалиции составляли бельги. Поскольку бельгам принадлежала чуть ли не треть Галлии, подобные известия не могли не вызывать тревоги. Цезарь специально отрядил людей, которые денно и нощно следили за тем, что происходило на границе с бельгами. Все до одного агенты докладывали: бельги стягивают силы, образуя армию. На кого двинется эта армия, сомнений не вызывало: естественно, на римлян!

Это было крайне некстати: зимовка не завершена, достаточного количества фуража для ведения продолжительных военных действий тоже еще не было заготовле-

но. Но, как вы помните, одним из излюбленных тактических решений Цезаря было: лучшая защита всегда нападение. Остался он верен подобной тактике и на сей раз. Распределив силы, Цезарь с необходимым провиантом выступил в поход. Минуло от силы две недели, как он уже достиг бельгийской границы.

Несмотря на то что Цезарь постоянно прибегал к тактике внезапных появлений перед лицом противника; ни галлы, ни германцы, ни бельги так и не смогли к ним привыкнуть. Поэтому и ближайшие соседи бельгов — ремы оказались в состоянии шока, узрев легионы Цезаря у собственных границ.

Что им оставалось делать?

Как обычно, предложить Цезарю учинить мирные переговоры.

По свидетельству «Записок», ремы

«отправили к нему послами первых людей своей общины Иккия и Андекумбория с заявлением, что они себя и все свое достояние отдают под власть и покровительство римского народа: они не были заодно с остальными бельгами и вообще не вступали ни в какие тайные союзы против римского народа; наоборот, они готовы дать заложников, исполнить все требования, принять римлян в свои города и снабдить их хлебом и другими припасами. Все остальные бельги стоят под оружием, с ними соединились также германцы, живущие по сю сторону Рейна, и у всех них так велико возбуждение, что ремам не удалось отклонить от союза с ними даже своих единокровных братьев суэссионов, которые имеют общее с ними право и законы и даже общую военную власть и гражданское управление.

На расспросы Цезаря о том, какие именно общины подняли оружие, как они велики и каковы их военные си-

лы, ему отвечали: большая часть бельгов — по происхождению германцы, которые давно перешли через Рейн и обосновались там вследствие плодородия земли, а прежних обитателей — галлов — выгнали; на памяти отцов наших, во время опустошения всей Галлии, они одни не дали вторгнуться в свою страну тевтонам и кимбрам; вследствие воспоминания об этом событии они присваивают себе большой авторитет в делах войны и очень этим гордятся. Что же касается численности восставших, то ремы утверждали, что она им точно известна, так как их общее происхождение и родственные связи позволили им узнать, какой контингент каждое племя обещало на общем собрании бельгов выставить для войны.

Первое место по храбрости, влиянию и численности занимают среди них белловаки; они могут выставить сто тысяч вооруженных; из них они обещали шестьдесят тысяч человек отборного войска и за это требуют себе верховного руководства войной. Соседи самих ремов — суэссионы; у них больше всех земли, и притом самой плодородной. Еще в наше время у них был царем Дивитиак, обладавший наибольшим в Галлии могуществом: в его руках была власть не только над значительной частью этой местности, но и над Британией. Теперь у них царем Гальба: за его справедливость и ум ему единодушно желают вручить верховное командование. Городов у них всего двенадцать, они обещают пятьдесят тысяч вооруженных, столько же и нервии, которые у самих бельгов считаются самыми дикими и живут дальше всех. Пятнадцать тысяч обещают атребаты, десять тысяч — амбианы, двадцать пять — морины, семь тысяч — менапии, десять тысяч — калеты, столько же — велиокассы и веромандуи, восемнадцать — адуатуки; кондрусы, эбуроны, кересы и пеманы, которые объединя-

ются общим названием германцев, по их мнению, могут дать около сорока тысяч».

Сведения ремов были очень ценны; Цезарь таким образом узнал о предполагаемой численности рати, что собирается его атаковать, и мог теперь скорректировать свои военные планы. Как сказано в «Записках», он *«поспешил перевести войско через реку Аксону, которая течет на самой границе ремов, и там разбил лагерь. Таким образом, одна сторона лагеря была прикрыта берегами реки, вместе с тем был защищен его тыл и обеспечен безопасный подвоз провианта от ремов и других племен. На этой реке был мост. Там он поставил прикрытие, а на другом берегу реки оставил легата Кв. Титурия Сабина с шестью когортами; свой лагерь он приказал укрепить валом в двенадцать футов высотой и рвом в восемнадцать футов шириной».*

В сущности, началом очередного этапа Галльской войны можно считать штурм города Бибракт, к которому приступили объединенные силы бельгов. Город принадлежал ремам, находившимся под покровительством Цезаря, и от лагеря римлян его отделяло не более восьми миль.

Рать бельгов невольно впечатляла своей численностью.

Воевать с ними со всеми Цезарю не хотелось.

Он предпочел действовать по принципу «разделяй и властвуй».

«Записки» говорят: *«С особым ободрением Цезарь обратился к эдую Дивитиаку и указал ему, насколько важно для римского государства и для его общих с эдуюми интересов разъединить неприятельские войска, чтобы не пришлось сражаться с этими огромными полчищами единовременно. Это разъединение возможно в том случае, если эдую со сво-*

ими войсками вторгнутся в страну белловаков и начнут опустошать их поля».

Покуда он договаривался с эдуями, бельги свирепо штурмовали Бибракт.

Город еле устоял в первый день.

Комендант города Иккий ухитрился отправить к Цезарю преданных гонцов с отчаянным призывом о помощи. Цезарь, верный своему слову, немедленно *«послал на помощь горожанам нумидийских и критских стрелков и баlearских пращников. Их приход поднял у ремов надежду на оборону и возбудил желание дать отпор, а враги по той же причине оставили мысль о захвате города. Поэтому они пробыли еще немного времени под городом, опустошили поля ремов, сожгли все села и усадьбы, в какие только могли проникнуть; затем всей массой двинулись против лагеря Цезаря и разбили свой лагерь менее чем в двух милях от него. Этот их лагерь, судя по дыму и огням, тянулся на восемь с лишком миль в ширину».*

Цезарь по-прежнему не видел целесообразности ввязываться в сражение с основными силами бельгов.

Обратимся к тексту «Записок»:

«Цезарь сначала решил уклониться от генерального сражения; все-таки посредством ежедневных конных стычек он испытывал храбрость врагов и смелость своих, причем убедился в том, что наши солдаты не уступают неприятелю. Кроме того, и местность перед лагерьем, по самому своему характеру, была очень удобна для того, чтобы выстроить на ней войско в боевом порядке: тот холм, на котором был лагерь Цезаря, постепенно поднимался над долиной; на стороне, обращенной к врагу, он имел в ширину как раз столько места, сколько могло занимать выстроенное войско. С обоих боков холм этот круто обрывался, а спереди спускался в долину

слегка и мало-помалу. По обоим его бокам Цезарь провел поперечные рвы около четырехсот шагов в длину, на концах этих рвов заложил редуты и снабдил их тяжелыми орудиями, чтобы после построения войска в боевой порядок превосходившие его численностью враги не могли во время сражения зайти его солдатам во фланги. После этого он оставил два недавно набранных легиона в лагере, чтобы в случае надобности двинуть их в качестве резерва, а остальные шесть легионов выстроил перед лагерем. Враги также вывели из лагеря свое войско и выстроили его.

Между нашим и неприятельским войсками было небольшое болото. Враги ждали, не станут ли наши переходить его, а наши стояли под оружием в полной боевой готовности, чтобы воспользоваться затруднениями врага при переправе, если он ее первый начнет, и тогда атаковать его. Тем временем между обоими войсками шло конное сражение. Но ни те ни другие не начали переправы, а конное сражение было более благоприятно для нас, и Цезарь отвел своих назад в лагерь. Враги немедленно двинулись отсюда к реке Аксоне, находившейся, как было указано, в тылу нашего лагеря. Там они нашли брод и попытались переправить часть своих сил, чтобы, по возможности, взять с бою редуты, которыми командовал легат Кв. Титурий, и разрушить мост; а если это не удастся, то опустошить страну ремов, очень полезную для нас в наших военных операциях, и отрезать наших от подвоза.

По получении об этом известия от Титурия Цезарь перевел по мосту всю конницу и легковооруженных нумидийцев, пращников и стрелков и направился против неприятеля. Там завязалось ожесточенное сражение. Наши напали на неприятелей в то время, когда последние были заняты переправой через реку, и довольно много их

перебили; остальных, которые делали отчаянные попытки пройти по трупам павших, они отразили градом снарядов; а тех первых, которые успели перейти, окружила конница и перебила. Враги поняли, что обманулись в надежде на взятие города с бою и на переход через реку; они заметили также, что наши не двигаются на неудобное для сражения место, и, кроме того, сами стали ощущать нужду в провианте. Поэтому они созвали собрание и постановили, что лучше всего каждому возвращаться домой, а затем всем и отовсюду собираться для защиты той области, в которую раньше всего вторгнутся с войском римляне: вести войну лучше будет не на чужой, а на своей земле, так как здесь можно будет пользоваться местными запасами провианта».

Здоровое решение, ничего не скажешь!

Тем более что бельгам стало известно о том, что эдуи, верные своему соглашению с Цезарем, достигли земель белловаков. Отступление бельгов очень быстро утратило плановый порядок и стало походить на бегство.

Автор «Записок» констатирует:

«Об этом Цезарь узнал через лазутчиков, но так как он еще не понимал действительной причины этого отступления, то боялся засады и потому держал свое войско и конницу в лагере. На рассвете известие это было подтверждено разведчиками, и тогда он выслал вперед всю конницу с поручением задерживать неприятельский арьергард. Во главе ее он поставил легатов Кв. Педия и Л. Аурункулея Котту, а легату Т. Лабизну приказал идти за нею следом с тремя легионами. Они напали на арьергард, много миль преследовали его по пятам и перебили очень многих из тех неприятелей, которые пытались бежать: именно в то время, как последние ряды арьергар-

да, которые и подверглись нападению, остановились и дали храбрый отпор нашей атаке, шедшие в его голове считали себя вне опасности, и, кроме того, над ними не было ни принуждения, ни командования; поэтому, как только они услышали крики, они все в полном беспорядке стали искать спасения в бегстве. Вследствие этого наши без всякой для себя опасности в продолжение целого дня избивали неприятелей; только перед самым заходом солнца они прекратили бойню и, согласно приказу, вернулись в лагерь.

На следующий день Цезарь, не давая врагам опомниться от ужаса и бегства, повел войско в землю суэссионов, ближайших соседей ремов, и после большого дневного перехода двинулся против города Новиодуна. Он слышал, что там нет защитников, и попытался было прямо с похода взять его штурмом, но не мог этого сделать даже при малом количестве защитников, вследствие глубины рва и высоты стены. Поэтому он приказал укреплять лагерь, подводить подвижные галереи („винеи“) и вообще подготавливать все необходимое для осады. Тем временем вся бежавшая масса суэссионов вошла в ближайшую ночь в город. Немедленно были подведены к городу галереи, насыпан вал и воздвигнуты осадные башни. Эти огромные сооружения, до сего времени не виданные и не слыханные в Галлии, и быстрота, с которой они были построены, произвели на галлов такое сильное впечатление, что они отправили к Цезарю посольство с предложением сдачи и, по ходатайству ремов, были помилованы».

Нелишне обратить особое внимание на то, что Цезарь, хотя и прибегает к уже неоднократно испытанной тактике, но постоянно импровизирует. К этому нельзя привыкнуть и нельзя подготовиться, поскольку никогда

не известно, чего именно от него можно ожидать. Отсюда и его постоянные победы. Он как военный стратег мыслит на принципиально ином уровне, сильно обгоняя свое время. Использование Цезарем виной — один из прекрасных примеров его военно-стратегического новаторства.

В заложниках у Цезаря оказались наиболее именитые и видные граждане наряду с двумя сыновьями царя Галльбы. Кроме того, ему досталось богатое вооружение. Не тратя времени даром, Цезарь стремительно двинулся по направлению к землям белловаков. Там уже явно были слышаны о катастрофе, постигшей войско бельгов.

Белловаки «удалились со всем своим достоянием в город Братуспантий. Когда Цезарь находился от него милях в пяти, из города вышли ему навстречу все пожилые люди и, протягивая руки, криками давали понять, что они отдаются во власть и под покровительство римского народа и не оказывают ему вооруженного сопротивления. Когда он подошел к самому городу и стал разбивать лагерь, женщины и дети, протягивая, по своему обычаю, со стен руки, точно так же просили у римлян мира.

На защиту их выступил Дивитиак, который, после ухода бельгов, распустил войско эдудов и вернулся к Цезарю: белловаки, говорил он, всегда соблюдали верность и дружбу по отношению к общине эдудов; они изменили эдудам и пошли войной на римлян только по подстрекательству своих князей, которые говорили, что эдуи поработены Цезарем и терпят от него всевозможные возмутительные оскорбления. Действительные зачинщики, понимая, какую беду они навлекли на свой народ, бежали в Британию. Просят не только белловаки, но за них и эдуи проявить по отношению к ним свойственную ему милость и кротость. Этим он

увеличит влияние эдеев у всех бельгов, а их сильную помощью эдуи пользовались во всех войнах, которые им случалось вести.

Цезарь заявил, что, во внимание к Дивитиаку и эдуям, он готов принять их сдачу и помиловать их. Так как эта большая община отличалась среди бельгов своим влиянием и многочисленностью населения, то он потребовал с нее шестьсот заложников. Их дали, а также выдали все находившееся в городе оружие...»

И что же, вы думаете, Цезарь решил дать своим легионерам передышку?

Ничуть не бывало!

Как сказано в «Записках», он устремился в направлении земель «амбианов, которые немедленно сдались со всем своим достоянием». Нельзя не одобрить сметливость этого народа. В отличие от прочих, они были в состоянии трезво оценивать свои возможности, а потому благоразумно предпочли бесславию капитуляции неизбежной гибели.

Цезарю от агентов было известно о том, что амбианы граничили с нервиями. Последние не питали к римлянам добрых чувств, а скорее, наоборот; вследствие этого они явно нуждались в безотлагательном «профилактировании». Расспросив амбианов о характере и привычках нервиев, Цезарю удалось выяснить, что «к ним нет никакого доступа купцам; они категорически воспрещают ввоз вина и других предметов роскоши, так как полагают, что это изнеживает душу и ослабляет храбрость; эти дикие и очень храбрые люди всячески бранят остальных бельгов за то, что они сдались римскому народу и позорно забыли про свою унаследованную от предков храбрость; они ручаются, что ни послов не пошлют, ни каких-либо условий мира не примут».

Предположение Цезаря о необходимости преподать нервиям хороший урок обрело под собой лишь пушее основание.

В ходе трехдневного марш-броска Цезарь «узнал от пленных, что не более чем в десяти милях от его лагеря течет река Сабис; за этой рекой засели все нервии и там ожидают приближения римлян — вместе со своими соседями атребатами и веромандуями (тех и других они убедили попытать вместе с ними военное счастье); они поджидают также войско адуатуков, которые уже находятся в пути; женщин и всех, кто по своему возрасту не годился для войны, они укрыли в таком месте, которое из-за болот недоступно для войска.

По получении этих сведений он выслал вперед разведчиков и центурионов — выбрать удобное для лагеря место. Цезаря сопровождали на походе многие из сдавшихся бельгов и остальных галлов; некоторые из них, как впоследствии было узнано от пленных, познакомились с обычным распорядком движения римского войска за эти дни, перешли ночью к нервиям и обратили их внимание на то, что между каждыми двумя легионами идет большой обоз и что нет никакого труда напасть на первый легион в момент его прихода на место лагеря, пока он еще не снял с себя амуницию, а остальные легионы еще далеко: если он будет разбит, а обоз разграблен, то прочие легионы не решатся остановиться для отпора. В пользу их совета говорило то, что нервии с давних пор были слабы конницей (да и до сего времени они о ней не заботятся, но вся их главная сила состоит в пехоте). И вот, чтобы тем легче парализовать набеги соседней конницы за добычею, они надрезали снизу молодые деревья и пригибали их к земле, а между ветвями, густо распространившись в ширину, насажали ежевики и кустарника, так

что этот плетень образовал своего рода укрепление, похожее на стену, причем не только нельзя было туда проникнуть, но и что-либо за ним разглядеть. Так как подобные плетни должны были затруднять движение нашего войска, то нервии сочли нужным воспользоваться упомянутым средством».

Нельзя не оценить того, как много удавалось Цезарю почерпнуть сведений от своих лазутчиков и пленных. Всякий раз полученная им информация позволяла ему скорректировать схему предполагаемого сражения, причем всегда в свою пользу. Узнав о замысле нервиев, Цезарь тотчас принял необходимые меры.

Итак, он *«выслал вперед конницу и сам шел за ней со всеми своими силами. Но весь порядок похода был иной, чем бельги сообщили нервиям. Так как теперь он приближался к самому врагу, то по своему прежнему обыкновению он вел шесть легионов без багажа и обоза; за ним следовал обоз всей армии; наконец, два недавно набранных легиона замыкали всю движущуюся колонну и прикрывали обоз. Наши всадники перешли вместе со стрелками и пращниками через реку и завязали сражение с неприятельской конницей. Враги то и дело отступали в леса к своим и затем снова нападали на наших; в свою очередь наши не решались преследовать отступающих неприятелей далее того пункта, где кончалась открытая местность. Тем временем шесть легионов, которые пришли первыми, отмерили площадь для лагеря и начали ее укреплять. Как только скрывавшиеся в лесу неприятели заметили головную часть нашего обоза (относительно этого момента они заранее условились, причем еще в лесу они выстроились в боевой порядок и ободрили друг друга), они вдруг всей массой выскочили из лесу и напали на нашу конницу. Без труда разбив и смяв ее, они с невероятной быстротой сбежали к реке, так что почти едино-*

временно их видели у леса, в реке и совсем поблизости от нас. С той же быстротой они бросились вверх по холму на наш лагерь и на тех, которые были заняты укреплением».

Что ж, всего учесть никогда нельзя. Это, кстати, в полной мере относится и к отваге, демонстрируемой противником. Нервии провели сильный маневр; теперь было необходимо устранять его последствия.

Ситуация на поле битвы складывалась непростая: *«Цезарь должен был делать все сразу: выставить знамя [это было сигналом к началу сражения, дать сигнал трубой], отозвать солдат от шанцевых работ, вернуть тех, которые более или менее далеко ушли за материалом для вала, построить всех в боевой порядок, ободрить солдат, дать общий сигнал к наступлению. Все этому мешали недостаток времени и быстрое приближение врага. Но в этом трудном положении выручали, во-первых, знание и опытность самих солдат: опыт прежних сражений приучил их самих разбираться в том, что надо делать, не хуже, чем по чужим указаниям; во-вторых, Цезарь запретил легатам покидать лагерные работы и свой легион, пока лагерь не будет вполне укреплен. Ввиду близости врага и той быстроты, с которой он действовал, они уже не дожидались приказов Цезаря, но сами принимали соответствующие меры.*

Отдав самые необходимые распоряжения, Цезарь поспешил со словами ободрения к солдатам — там, где их заставал, и попал к 10-му легиону. Его солдатам он лишь вкратце посоветовал твердо помнить о своей прежней доблести, не падать духом и храбро выдержать неприятельскую атаку. Так как враги подошли уже приблизительно на расстояние выстрела, он дал сигнал к бою. Направившись в другое место также для ободрения, он застал солдат уже в самом разгаре сражения. Времени

было так мало, и враги шли с такой боевой отвагой, что некогда было возложить на себя знаки отличия и даже надеть шлемы и снять чехлы со щитов. Солдаты, шедшие с лагерных работ, занимали первые попавшиеся места в строю и приставали к первым встречным частям, чтобы в поисках своей части не терять времени для боя.

Войско наконец было выстроено в боевой порядок, но скорее в соответствии с условиями местности, с покатостью холма и с требованиями данного момента, чем по правилам военного распорядка: легионы бились с врагом в разных местах, каждый поодиночке: вышеупомянутые очень густые плетни, находившиеся между ними и неприятелями, закрывали от них горизонт, невозможно было ни расположить в определенных местах необходимые резервы, ни сообразить, что где нужно; нельзя было и единолично распоряжаться всеми операциями. Понятно, что при столь неблагоприятных условиях неизбежны были колебания военного счастья.

Стоявшие на нашем левом фланге солдаты 9-го и 10-го легионов, бросая сверху копья, быстро сбили ими в реку атребатов, которым достался этот участок и которые были изнурены утомительным бегом вверх и ранами и едва переводили дух. Когда они попытались переправиться через реку, то наши бросились туда за ними с мечами и многих из них во время переправы перебили. Они даже сами не задумались переправиться и при этом зашли на невыгодную для себя позицию; но когда враги повернулись на них и возобновили сражение, то они обратили их в бегство. Точно так же и в другом пункте два отдельных легиона, 11-й и 8-й, сбили с возвышенности веромандуев, с которыми у них завязался рукопашный бой, и теперь сражались уже у самого берега реки. Но вследствие этого почти весь римский лагерь по фронту и на левом фланге был обнажен, и на правом фланге сто-

ял только 12-й легион и недалеко от него 7-й. Тогда все нервию густейшими рядами, под предводительством своего главнокомандующего Бодуогната, устремились к этому пункту; часть из них стала обходить легионы с незащищенной стороны, а другая двинулась на возвышенность, на которой находился лагерь».

А что же смятая неприятелем конница?

Какова была ее судьба?

Согласно утверждению автора «Записок», «наши всадники и бывшие с ними легковооруженные пехотинцы, которые, как я раньше сказал, были разбиты при первой неприятельской атаке, натыкались на врагов при своем отступлении к лагерю и снова обращались в бегство — уже в другом направлении. То же было и с обозными служителями: сначала, когда они из задних ворот лагеря на вершине холма заметили, как наши победоносно перешли через реку, они вышли из лагеря на поиски добычи; но как только они обернулись и увидели, что враги уже в нашем лагере, то они опрометью пустились бежать. Единоновременно с этим поднимали крик и шум те, которые шли с обозом, и все в ужасе неслись в разные стороны. Все это произвело сильное впечатление на посланных своей общиной в помощь Цезарю треверских всадников — народа, который славится у галлов своей выдающейся храбростью: когда они увидели, что лагерь наполняется массой неприятелей, что легионы немогут от напора врагов и почти окружены ими, что обозные, всадники, пращники, нумидийцы бегут врассыпную отдельно друг от друга в разные стороны, то они потеряли веру в успех нашего дела и устремились домой; там они сообщили своим землякам, что римляне разбиты наголову и что их лагерем и обозом овладели враги».

Такова неизбывная сила паники...

А что же в это время делал Цезарь?

Читаем в «Записках»:

«Ободрив 10-й легион, Цезарь направился к правому флангу. Там он увидел, что его солдат теснят, манипулы со своими знаменами сбились в одно место, солдаты 12-го легиона своей скученностью сами себя затрудняют в сражении, у 4-й когорты перебиты все центурионы и знаменщик и отбито даже знамя, у остальных когорт убиты или ранены почти все центурионы, в том числе и центурион первого ранга, необыкновенно храбрый П. Секстий Бакул, так тяжело изранен, что от слабости уже не может держаться на ногах, а остальные потеряли энергию; из задних рядов некоторые от истощения сил оставляют поле сражения и уходят из сферы обстрела, а тем временем враги безостановочно идут снизу на фронт римского лагеря и наступают на оба фланга; вообще все положение было очень опасно и не было под руками никакого подкрепления. Тогда Цезарь выхватил щит у одного из солдат задних рядов (так как сам пришел туда без щита) и прошел в первые ряды; там он лично поздоровался с каждым центурионом и, ободрив солдат, приказал им идти в атаку, а манипулы раздвинуть, чтобы легче можно было действовать мечами. Его появление внушило солдатам надежду и вернуло мужество, и так как на глазах у полководца каждому хотелось, даже в крайней опасности, как можно доблестнее исполнить свой долг, то напор врагов был несколько задержан».

Однако оставались серьезные проблемы у 7-го легиона: *«Увидав, что на стоящий рядом 7-й легион также напирает враг, Цезарь приказал через военных трибунов легионам мало-помалу соединиться, сделать поворот и перейти в наступление. Когда, таким образом, одни отряды стали подавать помощь другим и пере-*

стали бояться нападения врагов с тылу, то солдаты начали смелее давать отпор и вообще храбрее сражаться. Тем временем солдаты двух легионов, которые в арьергарде прикрывали обоз, при известии о сражении направились туда беглым шагом, и враг скоро увидал их уже на вершине холма. Т. Лабизн овладел лагерем врагов и, заметив сверху, что делается в нашем лагере, послал нашим на помощь 10-й легион. Бегство всадников и обозных дало понять этим солдатам, как обстоит дело и в какой опасности находятся и лагерь, и легионы, и главнокомандующий. Поэтому они поспешили со всей скоростью, на которую только были способны».

Цезарь всегда мастерски выбирал время для очередного тактического маневра. Так и в данном случае, появление знаменитого 10-го легиона, составленного из самых опытных и доблестных солдат, позволило воспрянуть всем тем, кто уже начинал расставаться с мыслями о самой возможности победы в этом упорном и кровопролитнейшем сражении: *«С их приходом произошла полная перемена положения: даже те из наших солдат, которые свалились от ран, возобновили бой, опираясь на щиты. Тогда обозные, заметив у врагов панику, даже без оружия пошли навстречу вооруженным, а всадники стали сражаться по всему полю сражения, чтобы храбростью загладить свое позорное бегство и превзойти легионных солдат. Со своей стороны, враги даже при ничтожной надежде на спасение проявили необыкновенную храбрость: как только падали их первые ряды, следующие шли по трупам павших и сражались, стоя на них; когда и эти падали и из трупов образовались целые груды, то уцелевшие метали с них, точно с горы, свои снаряды в наших, перехватывали их метательные копья и пускали назад в римлян. Таким образом, надо было признать, что недаром эти удивительно храбрые люди ре-*

шились перейти через очень широкую реку, подняться на ее высокие берега и взобраться на позицию, для себя, безусловно, опасную: их необыкновенное героичество сделало все эти величайшие трудности легкими».

Да, поистине все то хорошо, что вовремя!

Теперь исход сражения был неизбежен...

Поражает своей категоричностью само резюме автора «Записок», касающееся судьбы нервиев: *«Эта битва окончилась почти полным уничтожением всего племени и даже имени нервиев».* Вдумайтесь в эти слова: «даже имени». Это ли не самая высшая степень поражения?!

Однако что же все-таки случилось с нервиями?

«Записки» дают на это четкий ответ: *«Их пожилые люди, которые, как мы выше сказали, вместе с женщинами и детьми были укрыты в лагунах и болотах, при известии об этом сражении поняли, что для победителей нет больше трудностей, а для побежденных — безопасности. Поэтому с согласия всех уцелевших они отправили к Цезарю послов и сдались ему. Упомянув о несчастье, постигшем их народ, они сослались на то, что из их шестисот сенаторов уцелело только трое, а из шестидесяти тысяч мужчин, способных носить оружие, едва-едва пятьсот. Чтобы с очевидностью проявить милосердие к несчастным и молящим, Цезарь дал им полное помилование, им самим приказал спокойно оставаться в своей стране и городах, а их соседям воспретил чинить им какие бы то ни было оскорбления и насилия».*

Да, когда из шестидесяти тысяч войска остается в живых от силы пятьсот человек, тут уж и впрямь народу можно утратить само имя свое... (Впрочем, здесь имеет место случай так называемого сгущения красок или преувеличения; доподлинно известно, что нервии тогда не сошли на нет, а со временем, по крайней мере однажды, даже участвовали в серьезных военных действиях, — так

что в живых в итоге осталось явно более пятисот душ, что отнюдь не умаляет величие победы, одержанной Юлием Цезарем.)

Между тем нам нужно упомянуть еще об одном народе — адуатуках. Это, как уже указывалось выше, были союзники нервиев. Будучи в полной уверенности, что численность и военная отвага, которой славились нервии, позволит им одержать над римскими легионерами верх, адуатуки не сильно спешили к месту сражения. Они еще не достигли его, когда им стало известно о чудовищной участи нервиев.

Читаем об этом в «Записках» следующее:

«Адуатуки... двигались со всеми военными силами на помощь нервиям, но, при известии об этом сражении, повернули с полпути домой; оставив все города и укрепленные пункты, они со всем своим достоянием направились в один очень защищенный от природы город. Он был почти со всех сторон окружен весьма высокими скалами и обрывами, и только с одной стороны возможен был подступ к нему по постепенной покатости шириной не более двухсот футов. Этот пункт они своевременно укрепили очень высокой двойной стеной, а теперь они укладывали на этой стене тяжелые каменные глыбы и заостренные бревна. Сами они происходили от кимбров и тевтонов; последние во время своего похода на нашу Провинцию и Италию оставили по сю сторону Рейна то имущество, которое не могли захватить с собой, и при нем в качестве стражи и прикрытия шесть тысяч человек из своего народа. После уничтожения кимбров и тевтонов люди этого гарнизона много лет страдали от соседей в наступательных и оборонительных войнах с ними; наконец между ними всеми состоялось соглашение и мир и они выбрали себе именно эту местность для поселения».

Адуатуки еще не ведали о том, что случилось в ходе штурма города Новиодуна, когда римляне по приказу Цезаря использовали новаторские технические средства, что вынудило защитников города капитулировать. Чувствуя себя в полной защищенности благодаря своей превосходно укрепленной крепости, адуатуки вели себя куда беспечнее, нежели следовало.

Согласно «Запискам»,

«на первых порах после прихода нашего войска они часто делали из города вылазки и завязывали небольшие стычки с нашими; но с тех пор как Цезарь окружил со всех сторон их город на пятнадцать миль в окружности валом в двенадцать футов вышиной и заложил во многих местах редуты на небольшом расстоянии друг от друга, они перестали выходить из города. А как только они увидели, что против них двигают галереи, насыпана плотина и сооружена вдали башня, то они стали насмехаться и громко издеваться, что такую громадную машину строят на таком далеком расстоянии: где же руки и силы — особенно у таких маленьких людей, — с которыми они надеются поставить такую тяжелую башню на стену? Надо сказать, что галлы при их высоком росте большей частью относятся к нашему небольшому росту с презрением.

Но как только они увидели, что эта башня действительно движется и приближается к их стенам, это невиданное и необычайное зрелище так поразило их, что они отправили к Цезарю послов с предложением мира. Послы говорили следующее: они убедились в том, что римляне ведут войну с божественной помощью, если они способны двигать вперед столь высокие сооружения с такой быстротой; поэтому они отдаются им на милость со всем своим достоянием. Об одном они убеди-

тельно просят: в случае, если Цезарь с свойственной ему милостью и кротостью, о которой они наслышаны от других, признает нужным помиловать адуатуков, то пусть он не лишает их оружия. К ним враждебны почти все их соседи и завидуют их храбрости. По выдаче оружия они не в состоянии будут защищаться от них. Раз они уже доведены до такой крайности, им лучше сносить какую угодно участь от римского народа, чем мучительно погибать от тех, над которыми они до сих пор привыкли господствовать».

И вновь Цезарю предстоит решать судьбу целого народа!

При этом удивительно то, что он в очередной раз проявляет великодушие к побежденным, что невольно свидетельствует о его душевном благородстве (по крайней мере, в этом вопросе): *«Цезарь отвечал: скорее по своему обыкновению, чем по их заслугам он готов помиловать их народ, если, однако, они сдадутся прежде, чем таран коснется их стены. Но сдача возможна только под условием выдачи оружия. Он сделает то же, что сделал по отношению к нервиям: именно запретит соседним народам чинить какие-либо обиды людям, сдавшимся римскому народу. Послы сообщили об этом своим, и те заявили, что исполняют это требование. Множество оружия было сброшено со стены в ров, находившийся перед городом, так что груды его достигали верхнего края стены и вершины вала; но все-таки около трети, как выяснилось впоследствии, было спрятано и удержано в городе. Как бы то ни было, они открыли ворота римлянам, и горожане провели этот день в мире».*

Таким образом, Цезарь, который располагал всеми возможностями, чтобы стереть адуатуков с лица земли, помиловал их, даровав мир. Решение относительно оружия — оно принципиальное и свидетельствует о его муд-

рости. Вместе с тем, тогда как сам Цезарь был искренен, открыт и милосерден, неблагодарные адуатуки уже готовились к коварному нападению: *«У адуатуков, как оказалось, уже заранее был обдуман свой план: а именно, они решили, что по случаю сдачи наши выведут из редутов охрану или же, наконец, будут сторожить не очень зорко; и вот, отчасти с тем оружием, которое они скрыли и удержали в городе, отчасти со щитами, сделанными из коры или из прутьев и за краткостью времени наспех покрытыми кожей, они вдруг в третью стражу сделали из города вылазку там, где подъем на наши укрепления казался особенно легким. Согласно с приказом, который Цезарь отдал раньше, быстро дан был сигнальный огонь, и по этому сигналу туда сбежались солдаты из ближайших редутов. Враги сражались так ожесточенно, как и должны были сражаться храбрые люди, когда почти не оставалось надежды на спасение или же она зависела исключительно от храбрости: они занимали невыгодную позицию и имели дело с противником, который обстреливал их снарядами с вала и башен. Около четырех тысяч человек было убито, остальные были отброшены в город. На следующий день были взломаны ворота при отсутствии защитников, солдаты были введены в город, и Цезарь приказал всю военную добычу с этого города продать с аукциона. Число проданных жителей, о котором ему было доложено покупателями, было пятьдесят три тысячи человек».*

А ведь подобной развязки можно было избежать!

Поистине безмерна глупость человеческая...

Для того чтобы завершить рассказ о втором этапе Галльской войны, нам следует вкратце подвести его итоги. Перед этим следует отметить, что практически одновременно Цезарь получил благоприятные известия от своего полководца П. Красса. Тот, приняв под свое командование от Цезаря всего один легион, двинулся к побережью,

где сумел одержать верх практически над всеми обитавшими там народами, а именно: венетами, венеллами, осисмами, куриосолитами, эсубиями, аулерками и редонами! Отныне все побережье стало очередным римским владением...

«В результате всех этих операций,— говорится в „Записках“,— была замирена вся Галлия и об этой войне среди варваров пошла такая слава, что зарейнские народы отправили к Цезарю послов с обещанием дать заложников и исполнить все его требования. Так как Цезарь спешил в Италию и Иллирию, то он приказал этим посольствам вернуться к нему в начале лета. А сам он отвел легионы на зимние квартиры в области карнутов, андов и туронов и тех соседних с ними общин, где он вел войну, и затем отправился в Италию. По случаю этих событий сенатом на основании донесения Цезаря было определено пятнадцатидневное молебствие — отличие, которое до сих пор никому не выпадало на долю».

Как вы помните, Галльская война началась в 58 г. до н. э. Первый же год войны оказался невероятно насыщенным и ознаменовался рядом незабываемых и славных побед для римских легионеров. Это придало безусловный вес репутации и авторитету Юлия Цезаря, однако обеспечило ему тем самым еще больше врагов, поскольку удачливые люди и триумфаторы вызывают, как правило, зависть и злобу. В Риме возросло количество влиятельных недругов Цезаря, которые, пользуясь тем, что он сражается вдали от Рима, ничем не брезговали, стремясь опорочить его репутацию. Цезарь подумывал даже навестить Италию для того, чтобы урегулировать свои дела, направив одновременно Сервия Гальбу с 12 легионами в альпийский регион. Задачей Гальбы было обеспечение свободного пути через Альпы; купцы и простые путники несли от горцев чувствительный урон, о

безопасном путешествии в этих местах можно было лишь мечтать.

Гальба действовал, как учил его Цезарь.

Ошеломляющий внезапный удар приводит противника в замешательство, и он начинает искать путь к примирению. Гальба был на высоте, и очень скоро горцы (нантуаты, варагры и седуны) не только прислали гонцов с мольбой о мире, но еще и выдали всех захваченных ими заложников. И опять повторился старый сценарий, с чем не раз уже приходилось сталкиваться еще самому Цезарю. Гальба не стал уничтожать всех поголовно, а даровал им прощение за все былые прегрешения. Оставив небольшой отряд у нантуатов, Гальба, вполне успокоенный и удовлетворенный, устроился на зимовку у варагров в селении Октодур. При этом половину Октодура он великодушно оставил галлам.

И только римляне расслабились, как лазутчики донесли Гальбе, что *«из той части, которую он уступил галлам, все жители ночью ушли, и господствующие высоты заняты огромными полчищами седунов и варагров. Что галлы так внезапно задумали возобновить войну и уничтожить легион, на это было много причин: прежде всего, они презирали малочисленность этого легиона, который, вдобавок, был далеко не в полном составе, так как целых две когорты были из него выделены, и, кроме того, не было налицо многих солдат, которых небольшими группами послали за провиантом. Далее, галлы полагали, что когда они будут сбегать с гор и стрелять в наших, то мы вследствие неудобства позиции будем не в состоянии выдержать даже их первый натиск. К тому же галлы были огорчены уводом их детей в заложники и были убеждены в том, что римляне пытаются занять альпийские горы с целью не только обеспечить себе доро-*

ги, но и навсегда закрепить их за собой и присоединить к своим владениям эту страну как соседнюю с Провинцией.

Ко времени получения этих известий еще не были вполне закончены работы по устройству и укреплению лагеря; а так как Гальба после состоявшейся сдачи горцев и приема от них заложников не имел никаких оснований бояться возобновления военных действий, то и не было принято мер к обеспечению войска хлебом и другим провиантом. Поэтому он немедленно созвал военный совет и стал собирать голоса участников. Эта грозная и внезапная опасность наступила вопреки всем ожиданиям, и уже почти все высоты на глазах у наших были заняты массой вооруженных врагов; дороги были, следовательно, отрезаны, и невозможно было ни получить помощь, ни подвезти провиант. Ввиду всего этого общее положение представлялось почти безнадежным, и на этом военном совете раздавались даже такие голоса, что надо оставить обоз, сделать вылазку и пробиться по той дороге, по которой они сюда пришли. Однако большинство постановило прибегнуть к этому средству только в крайнем случае, а покамест выжидать исхода дела и защищать лагерь».

Нельзя не отдать должного Гальбе, который, хоть и пожертвовал половиной селения в пользу галлов, но не забыл хорошенько укрепить ту его часть, что избрали для зимовки римляне. В результате, когда возникла угроза вероломного нападения, у римлян все-таки был надежный, достаточно хорошо укрепленный лагерь. Однако теперь его нужно было оборонять:

«Едва успели отдать необходимые распоряжения для исполнения этого постановления (то есть о защите лаге-

ря.— Г. Б.), как враги вскоре по данному сигналу стали отовсюду сбегать с высот и осыпать вал камнями и копьями. Наши сначала с свежими силами храбро отбивались и со своей более высокой позиции обстреливали врагов без промаха; когда какая-либо часть лагеря, под напором врагов, оказывалась без защитников, они спешили туда на помощь; но они были слабее тем, что враги в случае утомления продолжительностью боя могли оставлять сражение и их место заступали люди с свежими силами, тогда как для наших при их малочисленности это было совершенно невозможно: у нас не только утомленные не могли выйти из сферы боя, но даже раненым нельзя было отступить и оставлять то место, где они стояли.

Бой продолжался уже больше шести часов без прерыва, и у наших не хватало не только сил, но даже и снарядов. Наоборот, враги все сильнее наступали и уже начали, пользуясь нашим изнурением, ломать вал и засыпать рвы. Таким образом, положение сделалось критическим. Тогда первый центурион П. Секстий Бакул, который, как мы говорили, был изранен в сражении с нервиями, а также военный трибун Г. Волусен, человек столько же осмотрительный, сколько храбрый, поспешили к Гальбе и указали ему, что единственная надежда на спасение — это прорваться и рискнуть на крайнее средство. Поэтому Гальба созвал центурионов и немедленно отдал приказ солдатам прервать на некоторое время сражение, лишь принимать на себя пускаемые врагом снаряды и таким образом отдохнуть от напряжения, а затем по данному сигналу они должны прорваться, полагаясь, однако, исключительно на свою храбрость.

Как им было приказано, так они и поступили: они вдруг бросились из всех ворот и не дали врагу времени ни

понять, что происходит, ни собраться в одно место. Счастье переменилось, и врагов, которые надеялись, что лагерь уже в их руках, наши со всех сторон обошли и перерубили: из с лишком тридцати тысяч варваров (именно в этом количестве они, как установлено было, наступали на наш лагерь) больше трети было убито; остальные обратились в паническое бегство, и им не дали утвердиться даже на высотах. Таким образом, разбив и обезоружив все неприятельские полчища, наши солдаты вернулись в свой лагерь и укрепления».

Случившееся послужило Гальбе хорошим уроком; для пущего назидания он предал Октодур огню и двинулся к землям нантуатов и аллоборгов, где и завершил зимовку.

Казалось, уж теперь-то в Галлии надолго воцарится мир.

Увы и ах!

Край был злокозненный, он словно подбивал своих обитателей на диверсии.

Новый эпизод войны развертывался вновь в прибрежном регионе, который контролировал П. Красс. Все шло неплохо, но постепенно возникла изрядная нужда в провианте.

В «Записках» говорится:

«Так как в этих местах было мало хлеба, то он разослал по соседним общинам за провиантом нескольких командиров конницы и военных трибунов. Между прочим, Т. Террасидий был послан к эсубиям, М. Требий Галл — к куриосолитам, Кв. Веланий с Т. Силием — к венетам.

Это племя пользуется наибольшим влиянием по всему морскому побережью, так как венеты располагают самым большим числом кораблей, на которых они ходят в Британию, а также превосходят остальных галлов

знанием морского дела и опытностью в нем. При сильном и не встречающем себе преград морском прибое и при малом количестве гаваней, которые вдобавок находятся в руках именно венетов, они сделали своими данниками всех плавающих по этому морю. Они начали с того, что задержали Силия и Велания в уверенности, что через них они вернут своих заложников, выданных ими Крассу. Их примеру последовали и их соседи: со свойственной галлам склонностью поспешно и внезапно принимать решения они задержали с той же целью Требия и Террасидия, немедленно разослали повсюду послов и через своих князей дали друг другу клятву — делать все не иначе как сообща и всякую участь делить вместе. Кроме того, они подняли на ноги и другие общины, убеждая их лучше оставаться верными свободе, унаследованной от предков, чем выносить римское рабство. Таким образом, они быстро склонили на свою сторону население всего морского побережья и затем сообща отправили к П. Крассу посольство с предложением вернуть им их заложников, если он желает получить назад своих людей».

Красс был не очень-то готов к подобному сценарию, а потому известил о происходящем Цезаря. Цезарь даже при своей стремительности передвижения никак не мог быстро достичь этого региона, поэтому он велел «строить тем временем военные корабли на реке Лигере, впадающей в Океан, организовать в Провинции комплект гребцов и набирать матросов и кормчих. Все это было скоро исполнено, и он поспешил сам к войску, как только это оказалось возможным по времени года».

Венеты не питали иллюзий по поводу содеянного ими: они посягнули на иностранных послов, дав тем самым повод к войне. Когда до них стали доходить слухи о приближении Цезаря, даже самые недалекие среди них

осознали, что теперь войны уж точно не миновать... Тем не менее это был народ военный. Оценив грозившую им опасность, они стали с энтузиазмом готовиться к встрече с Цезарем. На их стороне было знание природного рельефа региона. В войне это дает колоссальное преимущество.

Читаем в «Записках»:

«Они знали, что их сухопутные дороги перерезаны лагунами, а плавание затруднительно по незнакомству с местностью и вследствие малочисленности гаваней; они были уверены также, что наши войска не могут слишком долго задержаться у них из-за недостатка провианта; и если бы даже все происходило вопреки их ожиданиям, то за ними остается численный перевес в кораблях, между тем как римляне ими не располагают, и, кроме того, в тех местностях, в которых им предстоит вести войну, они не знают ни отмелей, ни гаваней, ни островов; да и самое плавание в закрытом море совсем иное дело, чем в безбрежном, всюду открытом Океане. Согласно с принятым решением, они укрепляют города, свозят в них хлеб из деревень, стягивают как можно больше кораблей в Венецию, где Цезарь, несомненно, должен был начать военные действия. Для совместного ведения этой войны они принимают в союзники осисмов, лексовиев, намнетов, амбилиатов, моринов, диаблинтов, менапиев, а вспомогательные войска берут из противолежащей Британии».

Несложно заметить, что готовилось внушительное по масштабам противостояние! Цезарь мгновенно уловил тенденцию заключения венетами союзов с другими племенами и решил включиться в игру, пока было еще не слишком поздно.

Он «решил разделить свое войско и распределить его по возможно более широкому району, прежде чем еще большее число племен вступит в тайный союз.

Поэтому он послал легата Т. Лабизна с конницей в страну треверов, живущих у самого Рейна, с поручением побывать у ремов и остальных бельгов и держать их в повиновении, а также отразить германцев (которых, по слухам, пригласили к себе на помощь бельги), в случае если они силой попытаются переправиться на кораблях через реку.

Затем П. Крассу он отдал приказ отправиться с двенадцатью легионными когортами и многочисленной конницей в Аквитанию, чтобы воспрепятствовать посылке вспомогательных войск отсюда в Галлию и соединению этих обеих больших народностей.

Легата Кв. Титурия Сабина он отправил с тремя легионами в страну венеллов, куриосолитов и лексовиев, чтобы по мере возможности разъединять их боевые силы. Наконец, молодой Д. Брут был назначен командиром флота и галльских кораблей, которые, по приказу Цезаря, должны были собраться туда из страны пиктонов, сантонов и из прочих замيرенных местностей. При этом Бруту дан был приказ как можно скорее напасть на венетов. Сам Цезарь поспешил туда же со своей сухопутной армией».

Однако заставить венетов повиноваться не удавалось; война развивалась по какому-то странному сценарию: «По завоевании нескольких городов Цезарь убедился, что все это напрасный труд, что даже захват городов не останавливает бегства неприятелей, и вообще им нельзя причинить вред».

У него возникло впечатление, что решающая битва вероятнее всего произойдет не на суше, а на море.

Цезарь «решил дожидаться своего флота. Как только он пришел и показался врагам на глаза, около двухсот двадцати вполне готовых к бою и во всех отношениях отлично снаряженных кораблей вышли из гавани и стали против наших. Ни командир всего флота Брут, ни командовавшие отдельными кораблями военные трибуны и центурионы не могли решить, что им делать и какой тактики держаться в бою. Они знали по опыту, что корабельными носами повредить неприятелю нельзя, а если они и устанавливали на своих судах башни, то они не достигали высоты неприятельских корм, и, таким образом, обстрел их с более низкого пункта был не вполне действителен, тогда как галльские снаряды били с большей силой.

Одно только наше приспособление оказалось очень полезным — острые серпы, вставленные в шесты и прикрепленные к ним, приблизительно вроде стальных серпов. Когда ими захватывали и притягивали к себе канаты, которыми реи прикреплялись к мачтам, то начинали грести и таким образом разрывали их. Тогда реи неизбежно должны были падать, и лишённые их галльские корабли, в которых все было рассчитано на паруса и снасти, сразу становились негодными в дело. Дальнейшая борьба зависела исключительно от личной храбрости, в которой наши солдаты имели тем больший перевес, что сражение шло на глазах Цезаря и всего войска и, следовательно, ни одно сколько-нибудь значительное проявление геройства не могло остаться незамеченным, ибо все ближайшие холмы и высоты, с которых открывался вид на море, были заняты нашим войском.

Когда реи, как мы указали, бывали сбиты, то по два и по три наших корабля окружали один неприятельский, и солдаты, напрягая все силы, старались перейти на неприятельские корабли. Когда, таким образом, было

взято с бою несколько кораблей и варвары заметили, что против этого все средства были бессильны, они поспешили спастись бегством. Но когда они уже повернули свои корабли в направлении ветра, вдруг наступило на море такое безветрие и такая тишина, что они не могли двинуться с места. Эта случайность особенно содействовала окончанию всего предприятия: гоняясь за неприятельскими кораблями, наши захватывали их один за другим, так что изо всей их массы только очень немногие достигли при наступлении ночи берега после сражения, продолжавшегося приблизительно с четвертого часа дня до захода солнца».

Невероятный финал морской схватки и потрясающее описание, согласитесь! Война была завершена в один день. Итог был характерен: *«Это сражение положило конец войне с венецами и со всем побережьем. Ибо туда сошлись все способные носить оружие, даже пожилые люди, обладавшие хоть некоторым умом и влиянием; в этом же пункте были отовсюду собраны все корабли, которые только были в их распоряжении. Все это погибло, и уцелевшим некуда было укрыться и неизвестно, как защищать города. Поэтому они со всем своим достоянием сдались Цезарю. Он решил строго покарать их, чтобы на будущее время варвары относились с большим уважением к праву послов, и приказал весь их сенат казнить, а всех остальных продать с аукциона».*

Как мы видим, от бывшего великодушия Цезаря не осталось и следа! Он душевно устал воздавать добром за зло, и сердце его явно начало ожесточаться...

А как же обстояли дела у других военачальников Цезаря?

Начнем рассказ с Титурия Сабина.

Ему от Цезаря вышло повеление отправиться в ту часть Галлии, что была населена венеллами. Причиной тому было следующее.

Как раз в описываемое нами время среди венеллов выдвинулся некто Виридовик. Интуитивно понимая, что с венеллами станут тем более считаться, чем более племен войдут с ними в союз, Виридовик стал активно действовать в этом направлении. В итоге возник достаточно серьезный конгломерат, в который, помимо венеллов, вошли также аулерки, эбуровики и лексовии. Виридовик оказался настолько убедителен в качестве вербовщика союзников, что сумел восстановить эти племена против их же предводителей. Купившись на посулы Виридовика и умертвив собственный сенат, эти племена горели желанием немедленно обрушиться на легионеров Сабина.

Нужно еще добавить, что на клич Виридовика откликнулись всем скопом бандиты и разбойники, активно пробавлявшиеся в той части Галлии. Некогда они отвергли занятия земледелием ради скорой и более выгодной добычи, каковую они обретали в ночное время на дорогах, грабя всех встречных. Услышав от Виридовика, что победа над римлянами их буквально озолотит, они тотчас решили примкнуть к нему.

Титурий Сабин был профессиональным военным.

Цезарь неплохо разбирался в людях и знал, кому поручать командование над своими легионами.

Сабин, достигнув земель венеллов, занял очень выгодную, почти неприступную позицию. Он стоически взирал на то, как специально посылаемые отряды Виридовика изо дня в день нахально дефилировали перед лагерем римлян, подначивая начать сражение. Сами они,

однако же, нападать не решались. Сабин все эти происки игнорировал.

Но поскольку все это продолжалось достаточно долго, венеллы совсем осмелели и забирались даже на земляной вал у лагеря, гримасничая и понося Сабина. Это было чресчур для его легионеров, и ему не раз приходилось выслушивать вопросы, отчего он не хочет разом покончить со всей этой сворой.

Сабин продолжал хранить молчание, что лишь накаляло обстановку. Уважение к нему даже у своих стало сходить на нет, его чуть ли не в открытую обзывали трусом.

Титурий Сабин не придавал этому никакого значения.

Трезво оценивая численность и мощь противника, он готов был начать сражение лишь при исключительно благоприятных обстоятельствах для римлян. Пока что это время, на его взгляд, еще не настало.

Ему не было дела до того, что его ругают трусом, он просто ждал.

Непосвященному могло показаться, что Юлий Цезарь крепко ошибся, посылая его в этот регион с целью наведения порядка.

Между тем Сабин втайне от всех осуществлял ловкую комбинацию. Если верить «Запискам», то, *«укрепив за собой репутацию труса, он выбрал в своих вспомогательных войсках одного ловкого и подходящего для дела галла. Большими подарками и обещаниями он склонил его к тому, чтобы перейти к врагу, и дал ему точные указания относительно того, что от него требуется. Галл пришел к неприятелям как перебежчик и изобразил им страх римлян, сообщил также, как венеты теснят Цезаря и что не далее ближайшей ночи Сабин должен тайно вывести из лагеря свое войско и отправиться на помощь к Цезарю. Как только там это услышали, все подняли крик, что нельзя упускать такого благоприятного случая, но надо идти на штурм лагеря.*

Многое склоняло галлов к такому решению: колебания Сабина в предыдущие дни, ручательство перебежчика, недостаток съестных припасов, о которых они мало позаботились, надежда на успех венетской войны, наконец и то, что люди вообще охотно верят тому, что они желают. Под влиянием всего этого они не выпускали из собрания Виридовика и остальных вождей, пока им не будет разрешено взяться за оружие и идти на штурм лагеря. Этому разрешению они обрадовались так, как будто бы победа была уже в их руках; они набрали хворосту и фашинника, чтобы завалить им римские рвы, и двинулись на лагерь».

Итак, обратите внимание! Венеллы под покровом темноты (то есть в условиях ограниченной видимости) атакуют позиции римлян, будучи при этом нагружены хворостом и тем самым лишив себя маневренности для боя. Лучшей возможности атаковать для римлян и найти было нельзя!

Вернемся к «Запискам»:

«Римский лагерь стоял на возвышенности, которая постепенно поднималась [снизу] на протяжении около одной мили. Они (венеллы) бросились сюда бегом, чтобы совсем не дать римлянам времени вооружиться для отпора, и добежали, еле переводя дыхание. Сабин ободрил своих и дал сигнал к бою, которого они страстно желали. Так как враги были связаны ношей, которая была с ними, то он приказал своим внезапно напасть на них из двух ворот сразу. Выгодное местоположение, неосведомленность и изнурение неприятеля, храбрость солдат и опытность, приобретенная ими в прежних сражениях, привели к тому, что неприятели не выдержали даже первого нашего натиска и тотчас же обратились в бегство. Преследовавшие их с свежими силами наши солдаты перебили множество их при их неспособности к сопротивлению; остальных догна-

ли всадники, от которых спаслись очень немногие, именно те, которые успели ускользнуть из бежавшей массы. Таким образом, одновременно Сабин получил известие о морском сражении, а Цезарь — о победе Сабина, и все общины немедленно сдались Титурию Сабину».

Так достойный ученик Цезаря продемонстрировал умение военачальника выжидать наиболее оптимального момента для нападения!

Важно отметить и то, что хватило одного, пусть даже и сокрушительного поражения для того, чтобы произошла тотальная капитуляция. В своих «Записках» Цезарь делает блестящий и глубокий вывод: *«Действительно, насколько галлы бодро и решительно начинают войну, настолько же они слабохарактерны и нестойки в перенесении неудач».*

Справедливость этого вывода более чем очевидна!

От рассказа о славном Титурии Сабине мы переходим, а точнее возвращаемся к другому военачальнику Цезаря — Крассу. Читатели, наверное, еще не забыли, как стоически он себя вел в противостоянии племенам прибрежного региона. Оттуда Цезарь, отдав под его командование двенадцать легионных когорт, приказал ему двигаться в Аквитанию, чтобы уничтожить любую возможность галлов для пополнения своих редющих в схватках с римлянами рядов.

Аквитания заключала в себе около одной трети всех земель Галлии; возможность контролировать Аквитанию позволила бы Цезарю диктовать галлам свою волю.

Учитывая масштаб территории, перед Крассом стояла весьма нелегкая задача.

Ситуация дополнительно осложнялась еще и тем обстоятельством, что Крассу предстояло сражаться в тех же «местах, где немного лет тому назад был разбит и убит легат Л. Валерий Преконин и откуда спасся бегством после потери всего обоза проконсул Л. Маллий, он понимал, что ему необходимо было действовать с величайшей осторожностью, и вот он обеспечил себя провиантом, набрал конницу и вспомогательные войска и, кроме того, вызвал поименно много храбрых ветеранов из Толосы, Каркассона и Нарбона, городов Провинции Галлии, лежащих по соседству с этими местами, а затем вступил с своими войсками в страну сотиатов. При известии о его приближении сотиаты собрали большое войско и конницу, составлявшую их главную силу, напали на наш отряд во время его движения и завязали прежде всего конное сражение, а когда наши отбросили конницу и стали ее преследовать, они внезапно появились со своими пешими силами из лощины, где они были в засаде. Напав на наши разрозненные части, они возобновили сражение.

Оно длилось долго и было упорным, так как сотиаты, полагаясь на свои прежние победы, понимали, что исключительно от их храбрости зависит спасение всей Аквитании, а наши солдаты очень желали показать, на что они способны в отсутствие главнокомандующего без поддержки остальных легионов и под предводительством очень молодого командира. Наконец враги, изнемогая от ран, обратились в бегство. Перебив большое число их, Красс тут же с похода начал осаду их города. Вследствие их храброго сопротивления он двинул на них подвижные галереи и башни. Они отчасти пытались делать вылазки либо подводили подкопы под наш вал и галереи: в этом деле они имеют очень большую опытность, так как у них в разных местах много медных рудников и

каменоломен. Но, заметив, что все эти меры ни к чему не приводят ввиду нашей бдительности, они отправили к Крассу послов с просьбой принять их на капитуляцию. Эта просьба была уважена под условием выдачи оружия, что они и сделали».

Право, нельзя не отметить просто классический сценарий развития событий! Впрочем, дело еще не было кончено: «В то время как внимание римлян было направлено исключительно на эту капитуляцию, из другой части города главный вождь сотиатов Адиатунн попытался сделать вылазку во главе отряда из шестисот „преданных“, которых галлы называют „солдуриями“. Их положение таково: они обыкновенно пользуются всеми благами жизни сообща с теми, чьей дружбе они себя посвятили; но если этих последних постигнет насильственная смерть, то солдурии разделяют их участь или же сами лишают себя жизни; и до сих пор на памяти истории не оказалось ни одного такого солдурия, который отказался бы умереть в случае умерщвления того, кому он обрек себя в друзья. Вот с ними-то и попытался прорваться Адиатунн. Но на этой стороне наших укреплений подняли крик, солдаты сбежались к оружию, и после ожесточенного сражения Адиатунн был отброшен в город. Впрочем, он добился от Красса тех же условий сдачи, как и другие».

Красс вернул всех заложников, отобрал все оружие.

После этого он двинул легионеров в направлении земель вокатов и тарусатов. Покуда совершался их маршбросок, окрестности обошла весть о том, что считавшаяся неприступной твердыней крепость сотиатов пала буквально в несколько дней под напором римских когорт. Казалось бы, подобная весть должна была бы привести весь край в состояние шока и, конечно же, запу-

стить привычный механизм тотальной капитуляции. Однако все пошло совсем иначе. Известие о падении города привело к обратной реакции!

Весь край был охвачен лихорадочными приготовлениями, чтобы дать римлянам достойный отпор. Заключалось множество тайных союзов, набиралось войско, даже в Испанию были отправлены послы с целью привлечения добровольцев. Причем речь шла не только о том, чтобы залучить простых солдат; особенно приветствовались увенчанные в боях ветераны и известные предводители ратей. Все это имело под собой желание собрать настолько серьезную армию, чтобы она смогла расправиться со всеми римскими легионами.

Надо заметить, что многие откликнулись на приглашение.

Уж очень всем в этих местах были не по нраву римляне!

Резкое увеличение численности галльских войск привело к тому, что война разгорелась с новой силой. Стал меняться характер противостояния. Это объяснялось приходом новых командных кадров: *«В вожди были выбраны люди, все время служившие под знаменами Кв. Сертория и считавшиеся большими знатоками военного дела. По примеру римлян они стали выбирать удобные позиции, укреплять лагерь, отрезывать наших от подвоза. Красс понял, что его собственный отряд ввиду его малочисленности неудобно дробить, что враги рыскают всюду, занимают дороги и все-таки оставляют достаточное прикрытие для своего лагеря, а потому подвоз хлеба и прочего провианта становится для него все более и более затруднительным, тогда как численность врагов увеличивается со дня на день. Поэтому он решил безотлагательно дать генеральное сражение. Доложив об этом военному совету и увидев, что все того же мнения, он назначил сражение на следующий день».*

Надо полагать, что Цезарь одобрил бы подобное решение. Разве что он завязал бы схватку еще ранее!

Итак, в предрассветный час Красс *«вывел все свое войско, выстроил его в две линии, поместив вспомогательные отряды в центре, и стал ждать, что предпримут враги. Последние ввиду своего численного превосходства и старой военной славы, а также вследствие нашей малочисленности были уверены в том, что решительный бой не будет для них опасен; но еще более безопасным представлялось им занять дороги, отрезать подвоз и таким образом одержать бескровную победу: именно в случае, если бы римляне за недостатком съестных припасов начали отступать, они рассчитывали напасть на них (с еще большей уверенностью в своих силах) во время похода, когда они помимо других затруднений будут обременены поклажей. Этот план был одобрен вождями; поэтому, хотя римляне и вывели свое войско, галлы держались спокойно в своем лагере. Но их колебания и кажущийся страх только повысили бодрость и боевой пыл у наших солдат, и отовсюду стали слышаться голоса, что нечего больше ждать, но пора идти на лагерь. Понявший намерения врагов Красс ободрил своих и,*

Динарий, выпущенный Публием Крассом

к их общему удовольствию, быстро двинулся на лагерь врагов.

Там одни стали засыпать рвы, другие градом снарядов старались выбивать с вала и из укреплений их защитников, а солдаты вспомогательных отрядов, которым Красс не придавал большого боевого значения, подавали камни и снаряды, носили дерн для вала и этим с виду могли быть приняты за бойцов; но и враги сражались стойко и бесстрашно, и их снаряды, пускаемые сверху, попадали в цель. Но римские всадники, успевшие объехать неприятельский лагерь, донесли Крассу, что у задних ворот он укреплен не с такой же тщательностью, как в других местах, и легко может быть атакован.

Красс посоветовал командирам конницы подбодрить своих людей большими наградами и обещаниями и дал им необходимые указания. Те, как и было приказано, вывели когорты, оставленные для прикрытия лагеря и до сих пор не бывшие в деле, повели их дальним и кружным путем так, чтобы их не было видно из неприятельского лагеря, и, пользуясь тем, что все внимание врага было устремлено на сражение, быстро достигли указанных укреплений. Они прорвали их и утвердились в неприятельском лагере, прежде чем враги могли даже заметить их и понять, в чем дело. Теперь, когда наши услышали крик с той стороны, они с обновленными силами, как это обыкновенно бывает в ожидании победы, еще смелее ударили на врага. Обойденные со всех сторон, неприятели в полном отчаянии стали бросаться из своих укреплений и поспешно спасаться бегством. Их преследовала на совершенно открытой местности конница, вернувшаяся в лагерь только поздно ночью. Из пятидесяти тысяч человек, которые, по точным сведениям, собрались сюда из Аквитании и от кантабров, уцелела едва одна четверть».

Да, таков настоящий триумф!

И результат его показателен: *«При известии об этом сражении большая часть Аквитании сдалась Крассу и сама послала ему заложников. В числе сдавшихся были тарбеллы, бигеррионы, птиании, вокаты, тарусаты, элусаты, гаты, ауски, гарумны, сибузаты, кокосаты. Лишь несколько отдаленных народностей пренебрегли этим, полагаясь на время года, так как уже приближалась зима».*

Между тем уже перевалил за середину 56 г. до н. э.

Это был третий год Гальской войны.

Казалось бы, после столь сокрушительных поражений, понесенных галлами почти на всей своей территории, повода для продолжения войны не оставалось.

Увы, все обстояло сложнее.

Как указывается в «Записках», *«после покорения всей Галлии только морины и менапии еще стояли под оружием и вообще ни разу не присылали к Цезарю мирного посольства. Хотя лето было на исходе, но Цезарь повел туда свое войско в надежде скоро окончить эту войну. Однако эти племена стали вести войну совсем иначе, чем остальные галлы».*

Да, римляне дождались!

Можно было сколько угодно презирать галлов, но отнять у них способность учиться на чужих ошибках было невозможно. Правда, преуспели в этом только морины и менапии. Осознав, что *«даже самые большие народности в открытом бою с римлянами потерпели полное поражение, они со всем своим достоянием укрылись в сплошных лесах и болотах своей страны. Когда Цезарь подошел к началу этих лесов и стал укреплять там свой лагерь, врагов некоторое время не было видно; но, как только наши разделились за работой на партии, они вдруг выскочили отовсюду из леса и напали на наших. Те немедленно схватились за оружие и отбросили их в леса, причем нескольких человек убили; но,*

попробовав преследовать их в местах труднопроходимых, сами понесли некоторые потери».

Оправданная тактика галлов: мало того что римлянам была неведома местность — наличие болот и глухих чаш практически не позволяло проявлять римлянам их лучшие боевые навыки.

Но Цезарь не был бы Цезарем, если бы не изобрел средства обойти эти препятствия.

Читаем в «Записках»: *«В течение нескольких дней подряд по распоряжению Цезаря занимались рубкой леса. Чтобы на невооруженных солдат не могло быть нападений врасплох с флангов, он приказал все срубленные деревья поворачивать верхушками к врагу и, накладывая их одно на другое, устраивать с обоих боков своего рода вал. В несколько дней с невероятной быстротой была готова целая большая полоса, и римляне уже захватили скот и хвост неприятельского обоза...»*

Однако морины и менапии не собирались пасовать перед Цезарем, напротив, они «удалились в еще более густую чащу. Но тут наступила такая плохая погода, что работу пришлось по необходимости прекратить, и от непрерывных дождей солдаты дольше не могли жить в палатках».

Что оставалось делать Цезарю?

Есть известная поговорка: «С драной овцы хоть шерсти клок!»

Совершенно не будучи готовым к продолжению военных действий на фоне резко меняющихся климатических условий, Цезарь решил оставить свою затею и отказался от мысли выкурить моринов и манапиев из лесной чащи, где они хоронились. Тем не менее *«Цезарь опустошил все неприятельские поля, сжег все их селения и усадьбы».*

Вынужденно удовольствовавшись этим, он «отвел войско назад и разместил его на зимних квартирах у

аулерков и лексовиев, а также и у остальных племен, которые только что с ними воевали».

Так завершился очередной период Галльской войны...

55-й г. до н. э. стал в судьбе Юлия Цезаря еще более значимым, нежели прежние, поскольку он сумел расширить географические познания римлян (но прежде всего — сената!) тем, что сумел познакомить их с такими странами, как Британия и Германия. Справедливости ради надо уточнить, что этого могло бы и не произойти, не пожелай иноземцы замахнуться на территориальное имущество Рима.

Однако давайте обо всем по порядку.

Зимой 55 г. до н. э., как сообщают «Записки», *«два германских племени — усипеты и тенктеры — перешли большой массой через реку Рейн недалеко от его впадения в море. Причиной этого переселения было то, что они много лет страдали от свебов, которые беспокоили их войнами и мешали обрабатывать землю»*. О свебах стоит рассказать подробнее.

Согласно сведениям Юлия Цезаря,

«свебы — самый большой и самый воинственный народ во всей Германии. Говорят, что их страна состоит из ста пагов, каждый из которых ежегодно высылает за границу по тысяче вооруженных людей на войну. Остающиеся дома прокармливают и себя, и их; эти в свою очередь через год становятся под оружие, а те остаются дома. Таким образом, у них нет перерыва ни в обработке полей, ни в приобретении военных знаний и опытности. У них вовсе нет земельной собственности, и никому не позволено больше года оставаться на одном месте для обработки земли. Питаются они сравнитель-

но мало хлебом, а главным образом молоком и мясом своего скота. Кроме того, они проводят много времени на охоте. Она развивает их физические силы и сообщает им огромный рост благодаря особой пище, ежедневным упражнениям и полной свободе, так как их с самого детства не приучают к повиновению и дисциплине, и они делают только то, что им нравится. В конце концов они так себя закалили, что даже в самых холодных местностях надевают на себя только короткие шкуры, оставляющие значительную часть тела открытой, и купаются в реках.

Купцов они допускают к себе больше для продажи военной добычи, чем из желания получить какие-либо привозные товары. Даже привозных лошадей, до которых такие охотники галлы, покупающие их за большие деньги, германцы не употребляют, но в своих доморощенных, малорослых и безобразных лошадях развивают ежедневными упражнениями чрезвычайную выносливость. В конных сражениях они часто соскакивают с лошадей и сражаются пешими, а лошади у них приучены оставаться на месте, и в случае надобности они быстро к ним отступают. По их понятиям, нет ничего позорнее и трусливее, как пользование седлом. Поэтому, как бы их ни было мало, они не задумываются атаковать любое число всадников на оседланных конях. Вино они вообще не позволяют к себе ввозить, так как, по их мнению, оно изнеживает человека и делает его неспособным выносить лишения.

По их понятиям, чем шире пустыни вокруг границ страны, тем больше для нее славы: это признак того, что многие другие народы не в состоянии бороться с ее силой. Так, на одной стороне области свебов, говорят, лежит пустыня около шести тысяч миль. На другой стороне с ними граничат убии, которые когда-то обра-

зовали обширное и цветущее государство, поскольку на это вообще способны германцы. Они несколько культурнее остальных своих сородичей, так как живут у самого Рейна; к ним часто приезжают купцы, да и сами они усвоили себе некоторые нравы своих соседей-галлов. Часто воевавшие с ними свебы не могли выгнать их из их страны вследствие ее больших размеров и могущества, но все-таки сильно принизили и ослабили их и сделали своими данниками.

В том же положении оказались и вышеупомянутые усипеты и тенктеры, которые в течение многих лет сопротивлялись напору свебов, но в конце концов были изгнаны из своей земли и после трехлетних скитаний в разных местах Германии достигли Рейна. В этом районе жили менапии и по обоим берегам реки имели земли, дворы и селения; но, устрешенные подходом такой массы, они выселились из своих дворов за реку, расставили по сю сторону Рейна вооруженные отряды и старались помешать переходу германцев. Те делали всевозможные попытки переправиться, но для форсирования реки у них не доставало судов, а пройти тайно они не могли из-за береговой охраны. Тогда они притворились, что возвращаются к себе на родину, но после трехдневного похода вернулись назад, сделали весь этот переход с своей конницей в одну ночь и совершенно неожиданно напали на менапиев, которые вследствие известий разведчиков об уходе германцев безбоязненно переселились за Рейн в свои деревни. Германцы перебили их, захватили их суда, переправились через реку, прежде чем об этом могла узнать находившаяся по сю сторону Рейна часть менапиев, и, захватив их хутора, прожили конец зимы их запасами».

Цезарь, чья агентура по-прежнему была на высоте, немедленно узнал о случившемся. В сущности, это было

германское вторжение. Правда, еще оставалась возможность избежать кровопролития. Кстати, это очень важная характеристика Цезаря, свидетельствующая о нем как о выдающемся и мудром стратеге. Он словно бы стремился следовать знаменитому коану дзен, гласящему, что выигрывает бой тот, кто способен его избежать.

Именно поэтому, как отражено в «Записках», *«Цезарь отправился к войску ранее, чем обыкновенно, чтобы пресечь войну, пока она еще не приняла более опасного оборота. При своем прибытии он убедился в том, что его предположения подтвердились: некоторые племена уже отправили к германцам посольства с приглашением отступить от Рейна и с обещанием исполнить все их требования. Обнадеженные этими обещаниями, германцы расширили район своих набегов и уже вступили в область подчиненных тевтерам эбуронов и кондрусов. Цезарь вызвал к себе галльских князей, но счел нужным скрыть от них свои сведения; он просто успокоил и ободрил их, потребовал от них конницы и решил начать войну с германцами».*

Чтобы участие в войне стало возможным, требовалось немедленно обеспечить легионы необходимым запасом продовольствия, а также позаботиться о наличии конной рати. Быстро решив эти проблемы, Цезарь двинулся к землям, где находились (по сообщениям лазутчиков) главные силы германцев.

Его маневр, однако, не ускользнул от внимания германцев.

Видимо, их агентура тоже была на высоте.

Внезапно перед легионами римлян возникли, словно соткавшись из пустоты, послы германцев. Они уведомили Цезаря, что *«германцы не начинают первыми войны с римлянами, но если их заденут, не отказываются от боя, так как, по унаследованному от предков обычаю, они дают отпор всякому нападающему врагу, а не упрашивают его».*

Но вот что они хотят сказать: не по доброй воле они пришли сюда, но изгнанниками из отечества; если римляне желают их дружбы, то они могут быть полезными для них друзьями; тогда пусть они отведут им земли или оставят за ними те, которыми они овладели с помощью оружия: они уступают только одним свебам, с которыми даже бессмертные боги не могут помериться; а кроме них, нет никого на свете, кого бы они не были в состоянии победить».

Цезарь соглашался принять во внимание их бедственную участь лишь в том случае, если они освободят от своего присутствия территории Галлии. Свободных земель он им предоставить не может по причине полного их отсутствия. Да и наделять достоянием тех, кто не сумел сохранить свое имущество, ему не хочется совершенно. Впрочем, Цезарь порекомендовал им подумать насчет пристанища на землях племени убиев. Тем тоже крепко досталось от свебов, так что они могли бы сделаться союзниками и жить и сражаться сообща.

Не такого ответа ожидали послы, но удовлетворились сказанным, обещая все передать своим вождям. Они смиренно просили Цезаря не предпринимать активных военных действий до тех пор, пока не встретятся с вождями. Цезарю было известно, что они ожидают возвращения богатого обоза, а потому просто намерены потянуть время. Он отверг их предложение. Римляне продолжили движение.

На расстоянии примерно двадцати километров от расположения рати германцев Цезарь вновь был встречен их послами, которые настоятельно просили его повременить два-три дня, пока их вожди не уладят организационные вопросы. В намерения Цезаря не входило предоставлять им трехдневную отсрочку, что была для них столь важна. Тем не менее он пообещал продвинуться не более чем на восемь километров, чтобы его войско могло

достичь реки и пополнить запасы воды. Речь шла только о конных силах; Цезарь проинструктировал их, что даже в том случае, если германцы поведут себя агрессивно, атаковать их нельзя, поскольку он обещал послам трехдневную отсрочку.

Германцы оказались на поверку столь же странным народом, как и галлы.

Казалось бы, они добились желаемого; остается дожидаться возвращения обоза и двигать к убиям.

Спрашивается, что здесь непонятного?

Ничего.

А между тем германцы, углядев римлян, направлявшихся, как и было условлено, за водой, взяли и, недолго думая, атаковали их!

Вот как этот инцидент представлен на страницах «Записок»:

«Наша конница состояла из пяти тысяч человек, а у неприятеля было налицо не более восьмисот всадников, так как те, которые переправились на другой берег Мосы за фуражом, еще не вернулись; тем не менее, как только они заметили наших всадников, они напали на них и быстро привели в замешательство: дело в том, что послы неприятелей незадолго до того ушли от Цезаря и просили перемирия именно на этот день; вот почему наши всадники не опасались никакого нападения. Когда они стали сопротивляться, те, по своему обыкновению, спешили и, подкалывая наших лошадей, многих из наших сбили с них, а остальных обратили в бегство и гнали в такой панике, что те перестали бежать только при появлении головного отряда нашей пехоты.

В этом сражении было убито из наших всадников семьдесят четыре человека, в том числе храбрый и очень знатный аквитанец Писон, дед которого был некогда царем своего народа и получил от нашего сената титул друга.

Поспешив на помощь к своему брату, которого окружили враги, он выручил его, но сам был сбит со своего раненого коня; тем не менее, пока был в состоянии, очень храбро защищался; наконец, окруженный врагами, он пал от ран. Когда его брат, бывший уже вне линии боя, издали заметил это, он во весь опор бросился на врагов и также был убит».

Ну и как следовало теперь поступить с германцами?

Понятное дело, что «после этого сражения Цезарь считал уже совершенно недопустимым выслушивать слов и принимать какие-либо предложения от людей, которые сначала лживо и коварно просили мира, а затем сами, без всякого повода, открыли военные действия; а ждать усиления неприятельского войска и возвращения конницы он признавал верхом безумия. Зная, далее, галльское непостоянство, он видел, как уже много выиграли в их глазах враги только одним этим сражением: разумеется, им нельзя было давать ни одной минуты на принятие каких-либо решений. После таких соображений он сообщил легатам и квестору свое решение не терять ни одного удобного дня для сражения».

Неожиданно в лагерь Цезаря буквально на следующий же день пожаловало весьма представительное посольство от германцев, чтобы якобы принести свои извинения за происшедшее накануне.

В «Записках» сказано:

«Цезарь был очень рад, что они попались ему в руки, и приказал их задержать; сам же выступил со всем своим войском из лагеря, а коннице приказал идти в арьергарде, так как полагал, что она все еще находится в страхе от вчерашнего сражения.

Построив войско в три линии, он быстро прошел восемь миль и достиг неприятельского лагеря, прежде чем германцы успели понять, в чем дело. Их все сразу ошеломило: быстрота нашего наступления, отсутствие своих и невозможность, за недостатком времени, посоветоваться друг с другом и взяться за оружие; в смятении они не знали, что лучше — вывести ли войско против неприятеля, защищать ли лагерь или спастись бегством. Покамест они обнаруживали свой страх шумом и беспорядочной беготней, наши солдаты, раздраженные их вчерашним вероломством, ворвались в лагерь. Здесь те из них, которые успели быстро схватиться за оружие, некоторое время сопротивлялись и завязали сражение между обозными телегами. Но вся остальная масса, состоявшая из женщин и детей (они оставили родину и перешли через Рейн всем народом), бросилась бежать врассыпную; в погоню за ними Цезарь послал конницу.

Когда германцы услышали у себя в тылу крик и увидели избиение своих, то они побросали оружие, оставили знамена и кинулись из лагеря; но, добежав вплоть до того места, где Моса сливается с Рейном, должны были отказаться от дальнейшего бегства: очень многие из них были перебиты, уцелевшие бросились в воду и погибли, не справившись ни с своим страхом и утомлением, ни с силой течения.

Наши все до одного, за исключением весьма немногих раненых, благополучно вернулись в лагерь, избавившись от очень опасной войны, так как число неприятелей доходило до четырехсот тридцати тысяч человек. Тем, которые были задержаны в лагере, Цезарь разрешил удалиться, но они, из боязни подвергнуться мучительной казни со стороны галлов, земли которых были ими разорены, заявили, что желают остаться у него. Тогда Цезарь даровал им свободу».

Да, что и говорить: извести столь малой кровью колоссальную рать в четыреста тридцать тысяч человек — это деяние боговдохновенного стратега, не иначе!!!

Однако этот инцидент, пусть и завершившийся триумфально для римлян, навел Цезаря на серьезные размышления. Чтобы разрешить мучившие его сомнения, он приказал своим легионерам переправиться через Рейн.

Цезарь намеревался во всем блеске явить акт устрашения.

Его выводило из себя то, что германцы совершенно спокойно осмеливаются переходить Рейн и внедряться на территорию Галлии, являющейся безусловным владением Рима. Он вознамерился продемонстрировать свое неподражаемое умение овладевать чужими землями и не собирался отменять своего решения. К тому же у него имелся еще один резон: *«Часть конницы усипетов и тенктеров, которая, как я выше упоминал, перешла через Мосу за добычей и за провиантом и не участвовала в бою, после поражения своих укрылась за Рейном в стране сугамбров и соединилась с ними».*

Когда же Цезарь потребовал их выдачи, ему было сказано, что *«власть римского народа кончается рекой Рейном. Если Цезарь считает несправедливым переход германцев против его воли в Галлию, почему же он желает присвоить себе права и господство над какими бы то ни было землями за Рейном?»*

Только одни убийцы *«отправили к Цезарю послов, заключили с ним дружественный договор и дали заложников, теперь настойчиво просили помочь им против притеснений со стороны свебов: если же по соображениям политическим он этого сделать не может, то пусть он переправит свое войско через Рейн: это будет для них достаточной поддержкой и, кстати, гарантией на будущее время. Поражением*

Ариовиста и этим недавним сражением, говорили они, войско это стяжало себе такое имя и славу даже у самых отдаленных германских народностей, что уже самая идея дружбы с римским народом может вполне их обезопасить. Вместе с тем они обещали большое число кораблей для переправы войска».

С учетом всего вышеизложенного, переправа римлян через Рейн была делом решенным. Правда, оставалась не вполне проясненной техническая сторона столь необычного предприятия.

Цезарь «переправу на судах... считал не вполне безопасной и не соответствующей его личной чести и достоинству римского народа. Хотя работы по постройке моста представлялись чрезвычайно трудными вследствие ширины, глубины и быстроты течения этой реки, он твердо решил или добиться своей цели, или уже не переправлять войска каким-либо иным способом. Мост он построил следующим образом: бревна в полтора фута толщиной, несколько заостренные снизу и по длине своей соразмерные с глубиной реки, соединялись друг с другом попарно на расстоянии двух футов. Они были с помощью машин опущены в реку, укреплялись и вколачивались бабами, однако не перпендикулярно, как вбиваются обыкновенные сваи, но наискось, наподобие стропил, и с уклоном в сторону течения реки; против каждой из этих пар вбивалась на расстоянии сорока футов по дну пара бревен, соединенная таким же образом, но уже поставленная против течения. Обе эти пары соединялись сверху поперечной балкой в два фута толщиной соответственно расстоянию между соединенными бревнами [каждой пары] и держались в одинаковом одна от другой расстоянии посредством двух болтов на обоих концах поперечной балки. Так как, следовательно, эти пары балок были

[посредством поперечных балок] разьединены и укреплены в обе противоположные стороны, то все сооружение получило естественным образом такую прочность, что, чем сильнее был напор воды, тем крепче все его балки были связаны друг с другом. Поперечные сваи были устланы сверху продольными брусьями, а эти последние были покрыты шестами и фашинами. Тем не менее были еще вогнаны наискось вниз по течению сваи несколько ниже самих балок и вроде таранов, чтобы в соединении со всем сооружением разбивать напор воды. Были также и другие защитные сваи выше моста [против течения] на небольшом от него расстоянии, с тем чтобы стволы деревьев или бревна, которые вздумают пустить варвары по течению для разрушения моста, разбивались о них и не вредили мосту.

В течение десяти дней с того времени, как начали свозить лес, вся постройка была закончена, и теперь приступили к переправе войска».

Прежде ничего подобного на берегах Рейна не происходило!!!

Уже одно это могло вселить ужас в неприятеля!
Так и произошло.

Практически сразу после возведения моста к Цезарю «пришли послы от многих племен. На просьбу их о дружбе и о мире он дал благосклонный ответ и приказал привести заложников. Но сугамбры еще со времени начала постройки моста, по совету находившихся у них тенктеров и усипетов, приготовились к бегству, выселились из своей страны со всем своим движимым имуществом и укрылись в глухих лесах.

Пробыв несколько дней в их стране, Цезарь приказал сжечь все селения и дворы и скосить хлеб, затем вернул-

ся в область убиев и обещал им свою помощь на случай нападения свебов. О них он получил следующие сведения: после того как свебы узнали от разведчиков о постройке моста, они, по своему обыкновению, созвали собрание и разослали повсюду гонцов с предложением выселяться из городов, укрыть в лесах жен и детей и все движимое имущество, а всем способным носить оружие сходиться в одно место: оно выбрано приблизительно в центре свебских владений; здесь они намерены поджидать прихода римлян и дать им решительный бой. Таковы были сведения, полученные Цезарем. Он уже привел в исполнение все то, ради чего решил переправить войско: нагнал страху на германцев, покарал сугамбров, освободил убиев от осады. Полагая, что им достаточно сделано для славы и пользы римского народа, он после восемнадцатидневного пребывания за Рейном вернулся в Галлию и снес мост».

Последнее должно было впечатлить и без того потрясенных до глубины души обитателей зарейнского края еще больше, чем само возведение пресловутого моста...

Однако Цезарь отнюдь не собирался завершать активные действия в этом сезоне. Его даже не останавливало то обстоятельство, что лето стремительно подходило к концу. Цезарю до преходящего лета не было никакого дела. Он был убежден, что располагает вполне достаточным запасом времени для воплощения в жизнь еще одного своего замысла.

Что же это за замысел такой?!

Тайны тут нет.

Дело в том, что

«Цезарь решил предпринять поход в Британию, так как знал, что почти во все войны с Галлией оттуда

посылались подкрепления нашим врагам; если бы даже остаток лета оказался недостаточным для ведения регулярной войны, то он все-таки считал очень полезным для себя хотя бы только вступить на этот остров, познакомиться с его населением и добыть сведения о его местностях, гаванях и удобных для высадки пунктах. Все это галлам было почти неизвестно. И действительно, туда не заходит без крайней нужды никто, кроме купцов, да и они знакомы исключительно с морским побережьем и местностями, лежащими против Галлии. Поэтому хотя он пригласил к себе отовсюду купцов, но не мог дознаться от них, как велик остров, какие народности его населяют и насколько они многочисленны, какова их боевая опытность и каковы учреждения, наконец, какие гавани в состоянии вместить более или менее значительный флот.

Чтобы осведомиться обо всем этом до начала своего предприятия, он предварительно послал туда с военным кораблем Г. Волусена, которого считал подходящим для этой цели. Ему он поручил произвести все необходимые разведки и затем как можно скорее вернуться. А сам со всем войском двинулся в страну моринов, так как оттуда была кратчайшая переправа в Британию. Здесь он назначил сбор всех кораблей из соседних местностей и флота, построенного им прошлым летом для войны с венедами».

Вот и вновь пригодились кораблики!

Однако все эти действия Цезаря не могли не привлечь внимания британцев.

В «Записках» сказано:

«Его планы стали известными и через купцов дошли до британцев. Тогда от многих общин явились к нему по-

слы с обещанием дать заложников и подчиниться римской власти. По выслушании их он отпустил их с дружественными обещаниями и с советом остаться при этом своем решении.

Вместе с ними он послал Коммия, которого после победы над атребатами назначил им в цари: он ценил его храбрость и ум и считал преданным себе; к тому же Коммий пользовался в этих местах большим личным влиянием. Он приказал Коммию посетить возможно большее количество племен и посоветовать им отдаться под покровительство римского народа, а также сообщить им о скором прибытии самого Цезаря. Волусен осмотрел все пункты, насколько это было для него возможно, так как он не решался сойти с корабля и довериться варварам. На пятый день он вернулся к Цезарю и доложил обо всех своих наблюдениях».

От подготовки кораблей Цезаря ненадолго отвлекло появление старых знакомых — моринов. Эти продувные бестии размазывали горькие слезы на своих поросших шерстью физиономиях и просили прощения за все, что учинили в минувшем году. Ссылались они при этом на свою врожденную дикость и непросвещенность, благодаря коим якобы не сразу взяли в толк, до чего ж хороши и благородны красавцы-легионеры! Они клялись, что, стоит только Цезарю приказать, они для него ничего не пожалеют. Цезарь в душе, наверное, посмеялся над убогими, но распорядился, однако, чтобы те вернули всех заложников. Его, честно говоря, очень даже устраивала их покаянная позиция, поскольку перед высадкой десанта на Британские острова он предпочитал не беспокоиться о сохранности своих тылов. В награду он посулил моринам римское покровительство, чему те были сильно рады.

А процесс подготовки продолжался.

Цезарю «удалось собрать и сосредоточить в одном месте около восьмидесяти грузовых судов, которых, по его мнению, было достаточно для перевоза двух легионов, а все находившиеся сверх того, что в его распоряжении, военные суда он распределил между квестором, легатами и префектами. Сверх того у него были еще восемнадцать грузовых судов, которые задерживались ветром в восьми милях от сборного пункта и не могли достигнуть гавани; они были определены им на перевоз конницы. Остальное войско он поручил легатам Кв. Титурию Сабину и Л. Аурункулею Котте отвести в области менапиев и те округа моринов, от которых у него не было послов, а легату П. Сульпицию Руфу он приказал занять гавань с достаточным отрядом.

Отдав эти распоряжения, Цезарь дождался удобной для плавания погоды и около третьей стражи снялся с якоря; при этом коннице он приказал отправиться к дальней гавани, сесть на корабли и следовать за ним. Она, однако, несколько запоздала. Сам он достиг с первыми кораблями около четвертого часа дня Британии и заметил, что там на всех холмах стоят вооруженные неприятельские отряды.

Естественные особенности этого пункта таковы, что горы очень близко подходят к морю и суживают его; таким образом, с этих высот возможен обстрел всего берега. Находя, что высадка здесь совершенно неудобна, Цезарь простоял до девятого часа на якоре в ожидании подхода остальных кораблей. Тем временем он созвал легатов и военных трибунов, познакомил их со сведениями, полученными от Волусена, и со своими собственными намерениями и предупредил, что они должны все выполнять по первому его мановению и вовремя,

как это вообще требуют правила войны, особенно же на море, где все быстро меняется. Едва Цезарь отпустил их, как начался благоприятный ветер и прилив. Тогда он дал сигнал и приказал сняться с якоря. Пройдя затем отсюда около семи миль, он пристал к открытому и плоскому берегу».

Неужто свершилось?!

Вот-вот Цезарь ступит на землю Британии...

Все так, но без накладок, увы, не обошлось.

Культурно высадиться на берег помешали варвары:

«Они выслали вперед конницу и боевые колесницы, употребляемые ими почти во всех сражениях, сами с остальными силами последовали за ними и начали мешать нашей высадке. Она представляла много больших затруднений: наши корабли по своим размерам могли держаться на якоря только на глубоких местах; солдаты же, не знавшие местности, с несвободными руками и обремененные сложным вооружением, должны были одновременно спрыгивать с кораблей, стараться стать твердой ногой в воде и сражаться с врагами, в то время как последние или оставались на сухом месте, или лишь немного входили в воду и при отличном знакомстве с местностью и полной свободе движения храбро стреляли в наших и налетали на своих хорошо обученных конях.

Все это приводило наших в полное замешательство, и за отсутствием опытности в подобного рода боях они не проявляли в этой борьбе той бодрости и рвения, которые были им свойственны в сухопутных сражениях».

Было необходимо изменить стратегию высадки десанта. У Цезаря к тому времени уже был готов новый план.

Он «приказал отвести в сторону от грузовых судов военные (которые и по своему виду были очень необычными для варваров, и по быстрходности более подходили для подобных операций), дать им быстрый ход на веслах, поставить против незащищенного фланга врагов и на этой позиции отбивать и оттеснять их пращами, стрелами и метательными снарядами. Это распоряжение оказалось для наших очень полезным: самый вид кораблей, движение весел и непривычное действие метательных машин — все это произвело на варваров сильное впе-

Юлий Цезарь (Берлинский музей)

чатление; они остановились и несколько подались назад. Но наши солдаты все еще колебались, особенно вследствие глубины моря. Тогда орлоносец 9-го легиона обратился с мольбой к богам, чтобы его поступок принес счастье легиону, и сказал солдатам: прыгайте, солдаты, если не хотите предать орла врагам; а я во всяком случае исполню свой долг перед республикой и императором. С этим громким призывом он бросился с корабля и пошел с орлом на врагов. Тогда наши ободрили друг друга и, чтобы не навлекать на себя великого позора, все до одного спрыгнули с корабля; когда это заметили солдаты, находившиеся на ближайших кораблях, они также последовали этому примеру и двинулись на врага».

Завязалась ожесточенная схватка.

Однако у римлян не было никакого опыта ведения боевых действий в подобных условиях. Это невольно порождало сумятицу. Как отмечает в «Записках» сам Юлий Цезарь, *«наши были в большом замешательстве, так как не могли ни держать строя, ни стать твердой ногой, ни собираться у своих знамен; люди, сходявшие каждый с разных кораблей, приставали к первым попавшимся частям. Наоборот, враги, которым были известны все мели, нападали, пустив в галоп коней, на наших каждый раз, как замечали с берега, что наши поодиночке оставляли корабли и первое время были в затруднении; при этом они в большом количестве окружали немногих, а другие обстреливали всю нашу линию на ее незащищенном фланге».*

Ситуация складывалась явно не в пользу римлян.

Но с ними был Юлий Цезарь.

Поэтому очень скоро нашлось средство изменить ход схватки. Цезарь *«приказал посадить солдат на шлюпки военных кораблей, а также на разведочные суда и стал посылать подкрепления туда, где наших теснили. Но как толь-*

ко наши стали твердой ногой на сушу и к ним присоединились все другие их товарищи, они атаковали врагов и обратили их в бегство».

Вот и все!

Как говорится, дело за малым.

Правда, торжествовать в полной мере римлянам не пришлось: *«они не могли слишком далеко их (то есть варваров.— Г. Б.) преследовать, так как конница не была в состоянии держаться намеченного курса и достигнуть острова».*

Однако, как обнаружилось почти сразу же, хватило и этого!

В «Записках» об этом сказано так:

«Как только разбитые враги после своего бегства пришли в себя, они тут же отправили к Цезарю послов с просьбой о мире и с обещанием дать заложников и исполнить все его требования. Вместе с этими послами вернулся к Цезарю атребат Коммий, который, как я выше указал, был им послан вперед в Британию.

Когда он сошел с корабля и уже отправился к ним, чтобы в качестве уполномоченного сообщить им поручение Цезаря, они схватили его и заключили в оковы. Теперь, после сражения, они отпустили его назад. В своих просьбах о мире они сваливали вину на народную массу и просили извинения за свою необдуманность. Цезарь выразил им свое возмущение тем, что сначала они по собственному почину отправили к нему на материк послов для ходатайства о мире, а затем без причины пошли на него войной. Однако он заявил им, что прощает их необдуманность, и потребовал заложников.

Часть их они дали немедленно, другую обещали вызвать из отдаленных мест острова и выдать через несколько дней. А тем временем они приказали своим людям вернуть-

ся в деревни; их князья стали собираться со всех сторон и отдаваться под покровительство Цезаря».

Минуло несколько дней...

И тут произошло непредвиденное. Как известно, мало того что Британские острова отличались да и ныне отличаются гнуснейшим климатом, который проклят сами их обитатели, вдобавок еще и плавание у островных берегов сопряжено с величайшими опасностями. Пришлось на себе ощутить это и римлянам.

Итак, «на четвертый день после прибытия в Британию те восемнадцать кораблей, которые, как выше было указано, перевозили конницу, вышли при тихом ветре из верхней гавани. Когда они уже приближались к Британии и были видны из лагеря, вдруг поднялась такая буря, что ни один из них не был в состоянии держаться курса, но одни были отнесены к месту своего выхода, а другие выбросились с большой для себя опасностью к нижней части острова, которая лежала ближе к западу. Но когда они стали на якорь и их стало заливать водой, они по необходимости должны были, несмотря на темную ночь, выйти в открытое море и направиться к материку.

В ту же ночь случилось полнолуние; а этот день обыкновенно вызывает в Океане сильнейшие приливы, что нашим не было известно. Таким образом, одновременно и военные корабли, на которых Цезарь организовал переправу войска и теперь приказал вытащить их на берег, заливало волнами, и стоявшие на якорю грузовые бросало в разные стороны бурей, так что у нас не было возможности ни управлять ими, ни подавать, где нужно, помощь. Значительное число кораблей разбилось, остальные же, лишившись канатов, якорей и прочих

снастей, сделались непригодными к плаванию; а это, как и надо было ожидать, вызвало большую панику во всем войске. Действительно, других кораблей для обратного перевоза не было; равным образом совершенно недоставало нужных материалов для починки судов; и, наконец, так как все были уверены, что придется зимовать в Галлии, то в этой местности не заготовили провианта на зиму».

Катастрофа, постигшая воинство Цезаря, не укрылась от британских князьков, всегда отличавшихся преподлым нравом. Заметив, что *«у римлян не хватает ни конницы, ни кораблей, ни хлеба, и из малых размеров лагеря заключили о малочисленности войска; лагерь же был мал, между прочим, потому, что Цезарь переправил легионы без обоза. Тогда они вступили в переговоры друг с другом и признали самым лучшим возобновить войну, отрезать наших от хлеба и подвоза и затянуть дело до зимы, в полной уверенности, что если это наше войско будет побеждено или отрезано от возвращения, то после этого уже никто не захочет переправляться в Британию с враждебными целями. Поэтому они снова составили заговор и начали мало-помалу уходить из нашего лагеря и тайно собирать свой народ из деревень».*

Ну что еще взять с подлецов: ни стыда ни совести!

Однако Цезарь был начеку. Как сказано в «Записках», *«из несчастья со своими кораблями и из приостановки выдачи заложников делал такие предположения, которые и оправдались. Поэтому он на всякий случай принимал необходимые меры: ежедневно свозил хлеб с полей в лагерь; дерево и медь с тех кораблей, которые получили особенно тяжелые повреждения, приказал употребить на починку остальных, а другой необходимый материал привезти с материка. Таким образом, при чрезвычайно ревностной рабо-*

те солдат он лишился только двенадцати кораблей, а остальные снова были приведены в достаточную пригодность».

В этом — весь Цезарь!

Там, где у обычного человека просто опустились бы руки, он продолжает сражаться и в итоге становится триумфатором.

Впрочем, пока что до счастливого финала было еще далеко...

Вышло так, что в ходе репарационных работ «один легион, именно 7-й, был, по обыкновению, послан за хлебом. До сих пор покамест не было никаких оснований предполагать возобновление войны, так как часть населения оставалась в деревнях, а некоторые даже продолжали посещать наш лагерь. Вдруг с передовых постов, стоявших у лагерных ворот, Цезарю дали знать, что в том направлении, в котором выступил легион, показалось необыкновенно большое облако пыли.

Заподозрив у варваров какой-то особый умысел (что и было в действительности), Цезарь приказал этим караульным когортам отправиться с ним в этом направлении, двум другим сменить их, а остальным вооружиться и спешно следовать за ним. Отойдя немного от лагеря, он заметил, что враги теснят наших и последние с трудом держатся, а так как легион сбился в кучу, то его обстреливают со всех сторон. Дело в том, что хлеб был везде сжат и оставался только один участок. В предположении, что наши придут сюда, враги спрятались ночью в лесах; и вот, когда наши солдаты сняли с себя оружие и, рассеявшись в разные стороны, были заняты жатвой, британцы внезапно напали на них, несколько человек убили, а остальных привели в замешательство, тем более что они не могли построиться в

ряды; вместе с тем они окружили их конницей и боевыми колесницами.

Своеобразное сражение с колесниц происходит так. Сначала их гонят кругом по всем направлениям и стреляют, причем большей частью расстраивают неприятельские ряды уже страшным видом коней и стуком колес; затем, пробравшись в промежутки между эскадронами, британцы соскакивают с колесниц и сражаются пешими. Тем временем возницы мало-помалу выходят из линии боя и ставят колесницы так, чтобы бойцы, в случае, если их будет теснить своей многочисленностью неприятель, могли легко отступить к своим. Таким образом в подобном сражении достигается подвижность конницы в соединении с устойчивостью пехоты. И благодаря ежедневному опыту и упражнению британцы достигают умения даже на крутых обрывах останавливать лошадей на всем скаку, быстро их задерживать и поворачивать, вскакивать на дышло, становиться на ярмо и с него быстро прыгивать в колесницу.

Все эти маневры и необычайный способ сражения привели наших в большое замешательство, и Цезарь весьма кстати подоспел к ним на помощь: при его приближении враги остановились, а наши оправились от страха. Несмотря на это, Цезарь счел неудобным напасть в этот момент на врага с целью завязать с ним сражение, но остался на своей позиции и немного спустя отвел легионы в лагерь. Тем временем, когда все наши были этим заняты, британцы, еще оставшиеся в деревнях, ушли из них. Затем несколько дней подряд были бури, которые и наших удерживали в лагере, и врагам не давали нападать. Между тем варвары разослали во все стороны гонцов, всюду выставляли на вид, что наших солдат мало, и указывали на то, какой удобный случай представляется попользоваться добычей и навсегда за-

крепить за собой свободу, если удастся выбить римлян из их лагеря. Этим путем они быстро собрали многочисленную пехоту и конницу и двинулись на наш лагерь».

Покуда бушевали бури, у Цезаря было время проанализировать ситуацию и понять, чего ему следует ожидать от вероломных британских князьков. Именно нападения Цезарь и ожидал; он был готов к нему и сохранял абсолютное спокойствие. Более того, он практически был уверен в том, что устоять перед его легионами варварам не удастся. И точно: *«В завязавшемся сражении враги не могли долго устоять перед натиском наших солдат и обратились в бегство. Наши преследовали их настолько, насколько позволяли силы и быстрота ног, и многих из них перебили; затем, предав пламени все их дворы всюду, где они попадались, они вернулись в лагерь».*

А дальше уже все вновь пошло как по маслу.

Повторялась история с галлами и германцами: *«В тот же день к Цезарю пришли послы от неприятелей с просьбой о мире. Цезарь потребовал от них вдвое большего числа заложников, чем прежде, и приказал доставить их на материк, так как ввиду приближения равноденствия и дурного состояния кораблей не считал благоразумным подвергать свои войска опасностям плавания в период зимних бурь. А сам он выждал подходящей погоды и вскоре после полуночи снялся со своим флотом с якоря. В общем, все его суда благополучно достигли материка».*

Однако без беды и тут не обошлось: *«Два грузовых [судна] не дошли до тех же гаваней, что и остальные, но были отнесены несколько ниже.*

Высадившиеся с этих кораблей солдаты, числом около трехсот человек, шли в лагерь. Тут в надежде на добычу окружили их — сначала не в очень большом количе-

стве — морины, которых Цезарь при своем отправлении в Британию оставил замиренными, и потребовали от наших положить оружие, если не хотят быть убитыми. Когда же те образовали каре и стали защищаться, на крик моринов сбегалось еще около шести тысяч человек. Получив об этом известие, Цезарь послал из лагеря своим на помощь всю конницу. Тем временем наши солдаты выдержали нападение неприятелей, в течение с лишком четырех часов очень храбро сражались и, потеряв лишь несколько человек ранеными, перебили много врагов. Но, как только показалась наша конница, враги побросали оружие, бросились бежать, и еще их много было убито».

Можно представить себе гнев Юлия Цезаря. Он только что гарантировал моринам священное покровительство Рима, а они, выходит, это просто-напросто проигнорировали. Мало того, осмелились напасть на его солдат! Да, морины подписали себе тем самым смертный приговор: «На следующий день Цезарь послал легата Т. Лабиезна с перевезенными обратно из Британии легионами против возмутившихся моринов. Так как болота, в которых они скрывались в прошлом году, высохли, то теперь им некуда было укрыться, и они почти все попали в руки Лабиезну. Легаты Кв. Титурий и Л. Котта, которые двинулись со своими легионами в область менапиев, опустошили все их поля, скошили хлеб, сожгли дворы, так как сами менапии укрылись в густейших лесах, а затем вернулись к Цезарю. Цезарь выбрал для зимних квартир всех легионов страну бельгов».

Его ощущение триумфа было несколько омрачено тем фактом, что всего лишь от двух британских общин прибыли заложники (князьки британские вновь подтвердили свою дрянную репутацию!). Однако Цезарь был вознагражден известием о том, что сенат распорядился

устроить в честь Цезаря двадцатидневное молебствие — несравненная милость и благоволение!

Именно так высоко оценил сенат сам факт открытия двух доселе не ведомых римлянам стран, а также общее число потерь, понесенных неприятелем. И все это — в течение всего лишь одного года!

Да, такое было под силу лишь Юлию Цезарю.

Пошел 54-й г. до н. э.— пятый год Галльской войны. Начало года было сопряжено для Цезаря с рядом путешествий, поэтому ему пришлось оставить зимний лагерь своих войск, хотя и ненадолго.

В частности, он наведался в Иллирию, «так как слышал, что ее границу беспокоят своими опустошительными набегами пирусты. По прибытии туда он приказал общинам поставить солдат и собраться в определенном месте. При известии об этом пирусты отправили к нему послов с объяснением, что их община в этом совершенно не повинна и что они готовы дать какое угодно удовлетворение за причиненный вред. Выслушав это заявление, Цезарь приказал им дать заложников и доставить их к определенному сроку: в противном случае он покарает общину вооруженной силой. Заложники были доставлены в указанный им срок, и он назначил третейских судей между общинами для определения убытка и размера вознаграждения.

Устроив эти дела и закончив судебную сессию, Цезарь вернулся в Ближнюю Галлию и оттуда отправился к войску».

Результат его инспекции был весьма недурен: «*Построено около шестисот кораблей указанного типа, а*

двадцать восемь военных судов уже настолько оснащены, что через несколько дней их можно спустить на воду».

Он не поспешил на похвалы своим солдатам, добившимся подобных успехов, хотя они были лишены практически всего необходимого. Он распорядился, чтобы готовые корабли были перемещены к гавани Итию (там находилась наиболее комфортабельная переправа на Британские острова; Цезарь явно намеревался посчитаться с британскими князьками за их подлое вероломство). Сам же вновь отъехал.

Путь его лежал в земли треверов.

Он взял с собой четыре легиона.

Путешествие, судя по всему, предстояло серьезное.

Треверы, согласно «Запискам», были повинны в том, что *«не являлись на назначенные собрания, отказывали в повиновении и, по его [Цезаря] известиям, подстрекали за рейнских германцев».* Уже одно это убеждало весьма поднаторевшего в общении с галльскими племенами Цезаря, что налицо тревожная ситуация, и ее необходимо как можно скорее разрешить.

Цезарю было известно о треверах, что *«это племя гораздо сильнее всех других галльских племен своей конницей и может также выставить многочисленную пехоту. Его область, как было выше указано, простирается до самого Рейна».*

Там боролись за высшую власть Индутиомар и Кингеториг. Последний при известии о приходе Цезаря и его легионов немедленно явился к нему и поручился за то, что, как сам он, так и все его сторонники сохранят неизменную верность и дружбу по отношению к римскому народу, вместе с тем он сообщил о положении дел у треверов. Но Индутиомар стал стягивать конницу и пехоту, укрыл не способных по возрасту носить оружие в Ар-

дуеннском лесу, который на большом пространстве тянется через середину области треверов от Рейна до начала области ремов, и вообще стал готовиться к войне. Но отдельные князья этого племени — отчасти по дружбе с Кингеторигом, отчасти из страха перед приходом нашего войска — явились к Цезарю и стали ходатайствовать каждый за себя лично, раз уже нельзя помочь всему племени. Тогда Индутиомар, из боязни быть покинутым всеми, отправил к Цезарю послов с следующим заявлением: он из тех соображений не хотел оставлять своих людей, чтобы легче удержать народ в повиновении: иначе народная масса по удалении всей знати могла бы по неразумию наделать ошибок. Таким образом, народ в его руках, и, если Цезарь позволит, он явится к нему в лагерь и предоставит себя и народ в его полное распоряжение.

Хотя Цезарь хорошо знал, почему это говорится и что заставляет Индутиомара отказаться от его первоначального плана, но, не желая потратить целое лето на треверов, в то время как все было уже готово к походу на Британию, он потребовал к себе Индутиомара с двумястами заложниками. Когда они прибыли и среди них оказались также сын и все родственники Индутиомара, которых Цезарь вызвал поименно, он успокоил Индутиомара и посоветовал ему соблюдать верность. Тем не менее он пригласил к себе князей треверов и склонял каждого из них в отдельности на сторону Кингеторига: так как последний этого, несомненно, заслуживал, то для Цезаря было важно, чтобы человек, доказавший свое полное расположение к нему, пользовался наибольшим влиянием у своих соотечественников. Индутиомар был очень огорчен умалением своей популярности у себя на родине, а так как он уже ранее был враждебно настроен против нас, то теперь он еще больше озлобился».

Как видите, все уладилось достаточно оперативно и главное — практически без крови! Теперь у Цезаря в некотором роде были развязаны руки, и он мог сосредоточить свое внимание на подготовке очередного британского десанта.

По прибытии к гавани Итию Цезаря ожидал неприятный сюрприз.

Он узнал о том, что *«шестьдесят судов, построенных в стране мельдов, были отброшены бурей и, не будучи в состоянии держаться курса, вернулись на место своего выхода; остальные суда он нашел готовыми к плаванию и вполне снаряженными. Сюда же собралась вся галльская конница в количестве четырех тысяч человек, а также князя от всех племен. Цезарь решил лишь очень немногих из них, преданность которых была для него очевидна, оставить в Галлии, а остальных взять с собой в качестве заложников, так как иначе опасался восстания в Галлии в свое отсутствие».*

Среди тех, кого Цезарь встретил в Итию, оказался человек, не слишком ему приятный. Это был эдуй Думнориг.

В «Записках» о нем сказано, что

«Цезарь считал особенно нужным держать его при себе, так как ему был известен его беспокойный дух, властолюбие, отвага и большой авторитет у галлов. К тому же на собрании эдуйев Думнориг как-то сказал, что Цезарь предлагает ему царскую власть над его народом. Этим замечанием эдуйи были очень недовольны, но не решились отправить к Цезарю послов для заявления своего протеста или, по крайней мере, просьбы не делать этого.

Об этом Цезарь узнал от своих галльских друзей. Думнориг сначала стал осаждать Цезаря просьбами оставить его в Галлии, ссылаясь отчасти на то, что бо-

ится моря и не привык плавать по нему, отчасти на религиозные причины, удерживающие его. Но когда он встретил решительный отказ на все свои просьбы и потерял всякую надежду на их исполнение, то он стал подстрекать галльских князей, отводить их поодиночке в сторону и уговаривать остаться на материке; чтобы запугать их, он говорил, что не без основания лишают Галлию всей знати; что Цезарь намерен увезти в Британию и там умертвить всех тех, кого он боится убить на глазах галлов. Другим он давал свое честное слово и с них требовал клятвы делать сообща все то, чего, по их мнению, требуют жизненные интересы Галлии. Сообщения об этом доходили до Цезаря с разных сторон.

Узнав об этом, Цезарь, вообще придававший большое значение общине эдеев, считал необходимым всеми средствами образумить и обуздать Думнорига: видя, что его безумие заходит слишком далеко, он, конечно, должен был принять меры к тому, чтобы оно не могло повредить ему и республике.

Он пробыл здесь около двадцати пяти дней, так как отплытие задерживалось северо-западным ветром, который обыкновенно дует здесь значительную часть года, и старался удержать Думнорига в повиновении, не забывая, однако, следить за всеми его действиями. Наконец, дождавшись подходящей погоды, он приказал пехоте и коннице садиться на корабли. И вот, в то время как все были этим заняты, Думнориг с эдуйскими всадниками покинул тайно от Цезаря лагерь и стал собираться к себе на родину.

При известии об этом Цезарь отложил отплытие и все другие дела и послал значительную часть конницы в погоню за Думноригом с приказом вернуть его, если же он окажет сопротивление и не послушается, то убить, так как было ясно, что Думнориг, отказавшийся у него

на глазах повиноваться, в его отсутствие не образумится. Но Думнориг в ответ на требование вернуться оказал сопротивление, стал защищаться с оружием в руках и просил своих земляков о помощи, причем не раз кричал, что он свободный человек и гражданин свободного государства. Согласно приказу Цезаря, его люди окружили Думнорига и убили, а эдуйские всадники, все до одного, вернулись к Цезарю.

После этого Цезарь оставил на материке Лабизна с тремя легионами и двумястами всадниками, чтобы прикрывать гавань, заготавливать хлеб, а также наблюдать за ходом событий в Галлии, принимая нужные меры соответственно с требованиями момента и обстоятельств».

Лишь теперь для него вновь открылась возможность осуществить высадку давно задуманного британского десанта. И вот Цезарь «с пятью легионами и с таким же количеством всадников, какое он оставил на материке, при заходе солнца снялся с якоря и вышел при легком юго-западном ветре. Но после полуночи ветер прекратился. Цезарь не мог поэтому держаться курса, но был очень далеко отнесен в сторону течением, так что на рассвете увидел Британию далеко от себя налево. Затем он воспользовался наступившим в свою очередь обратным течением и приказал усиленно грести, чтобы достигнуть той части острова, которая была ему известна по прошлому лету как самая удобная для высадки. Солдаты обнаружили при этом весьма похвальную выдержку. Тяжелые грузовые суда при их неустанной гребле сравнялись ходом с военными кораблями. Вся эскадра достигла Британии около полудня, но врага там пока еще не было видно. Как Цезарь узнал впоследствии от пленных, там собрались было большие полчища, но затем они оставили берег и удалились на высоты, так как уstraшены были множеством кораблей; вместе с прошло-

годними и теми судами, которые частные лица построили для своей надобности, их показалось на горизонте одновременно более восьмисот».

Просьба оценить невероятные масштабы военных операций Цезаря!

Более восьмисот кораблей — и это в 54 г. до н. э.!!!

Как говорят подчас, комментарии излишни...

На сей раз никто не мешал высадке легионеров.

В «Записках» сказано, что, стоило лишь Цезарю узнать

«от пленных, где находится позиция, занятая врагами, он оставил на берегу десять когорт и триста всадников для прикрытия эскадры, а сам в третью стражу двинулся на неприятеля, тем менее беспокоясь за свои корабли, что оставил их на якоре у слегка поднимающегося и открытого берега. Командиром прикрытия и кораблей он оставил Кв. Атрия.

Пройдя в течение ночи около двенадцати миль, он заметил неприятельские войска. Враги с конницей и с боевыми колесницами дошли до реки и со своей высокой позиции начали задерживать наших и завязывать сражение, но были опрокинуты нашей конницей и укрылись в лес. Там они нашли отлично укрепленную природой и человеческим искусством позицию, которую они, казалось, заранее оборудовали на случай внутренней войны, по крайней мере, всякий доступ к ней был закрыт частой засекой из срубленных деревьев. Сами они небольшими группами выскакивали из леса для обстрела наших и не давали им проникнуть в засеку.

Но солдаты 7-го легиона образовали „черепяху“, подвели к их укреплению плотину, заняли это место и выбили неприятелей из леса, понеся небольшой урон ранены-

ми. Но Цезарь не позволил слишком далеко преследовать бегущих, так как не был знаком с местностью и, потеряв значительную часть дня, хотел сберечь некоторое время на укрепление лагеря».

Естественно, у него и в мыслях не было отпускать беглецов с миром. Просто при свете дня преследование должно было принести совсем иной эффект. Поэтому, едва переждав ночь, «Цезарь разделил свою конницу и пехоту на три колонны и с утра послал в погоню за бежавшими. Когда они достаточно продвинулись вперед и был виден издали только их арьергард, прибывшие от Кв. Атрия к Цезарю всадники доложили ему, что в прошлую ночь поднялась очень сильная буря, которая повредила почти все корабли и выбросила их на сушу, так как ни якоря, ни канаты не могли ее выдержать, ни матросы с кормчими — справиться с ее порывами; таким образом, благодаря столкновению кораблей эскадра понесла очень большой урон».

И снова проклятая британская стихия путает все планы Цезаря!

Случившееся не могло не повлиять на весь ход военной операции. Цезарь немедленно распорядился «отозвать легионы и конницу назад и давать отпор врагу по мере отступления, а сам вернулся к флоту. Здесь он собственными глазами увидел то, что он узнал из письменных и устных донесений; около сорока судов погибло, а остальные, по-видимому, еще можно было починить, но с большим трудом. Поэтому он отобрал из всех легионов мастеров, кроме того, приказал выписать их с материка, а также написал Лабизну, чтобы он при помощи своих легионов изготовил как можно больше судов. А сам он считал наиболее целесообразным — хотя это требовало большого труда и хлопот — вытащить все корабли на берег и окружить их и лагерь общим укреплением. На это было затрачено около десяти дней, причем сол-

даты работали без отдыха даже по ночам. Когда корабли были вытащены и лагерь отлично укреплен, он оставил для их прикрытия те же силы, что и в прошлый раз, а сам снова вернулся к оставленному им пункту. Ко времени его прихода туда уже успели собраться большие, чем прежде, силы британцев, предоставивших по общему решению верховную власть и высшее командование Кассивеллауну. Его область отделяется от приморских общин рекой Тамесисом, находящейся приблизительно в восьмидесяти милях от моря. В прежнее время у него были постоянные войны с соседними племенами, но наш приход побудил всех британцев поручить ему верховное руководство войной».

Что ж, этого следовало ожидать... Все происходило как прежде. Стоило британцам пронюхать о том уроне, что понесла римская эскадра, как они уже были тут как тут, готовые развязать сражение. Что ж, где-то их даже можно понять: убогие, они не смели нападать открыто; лишь выгадав момент, когда неприятель оказывался в заведомо невыгодном положении, они нападали на него, стараясь воспользоваться его слабостью.

Как отмечено Цезарем в его «Записках»,

«неприятельские всадники и колесницы атаквали нашу конницу на походе и вступили с ней в жаркий бой, в котором, однако, наши повсюду вышли победителями и отбросили неприятеля в леса и на высоты. Впрочем, перебив много неприятелей и увлекшись погоней, они сами понесли некоторые потери. Но те спустя некоторое время, когда наши ничего не подозревали и были заняты укреплением лагеря, вдруг выскочили из лесу, напали на караульные посты, стоявшие перед лагерем, и завязали ожесточенное сражение. Цезарь послал нашим на помощь две когорты, и притом первые от двух легионов, и они выстроились на небольшом расстоянии одна от другой. Но так как неви-

данные боевые приемы врага привели наших в полное замешательство, то неприятели с чрезвычайной отвагой провались сквозь них и отступили без потерь. В этот день был убит военный трибун Кв. Лаберий Дур. Только тогда, когда было прислано в подкрепление большее число когорт, неприятель был отброшен.

В продолжение этого своеобразного сражения, которое происходило у всех на глазах и перед самым лагерем, выяснилось, что наша пехота со своим тяжелым вооружением не вполне пригодна для действий против подвижного врага, так как она не в состоянии преследовать отступающих и не решается выходить из строя; а для конницы такое сражение даже прямо опасно, потому что неприятели большей частью нарочно отступают, а как только отвлекут наших всадников несколько в сторону от легионов, то соскакивают с колесниц и сражаются пешими, что делает бой неравным (а регулярное конное сражение создавало одинаковую опасность и для отступавших, и для преследовавших). К тому же враги никогда не сражались густыми массами, но обыкновенно маленькими группами и на большом расстоянии одна от другой. Повсюду у них были расставлены сторожевые посты, так что одни регулярно сменяли других, и место уставших заступали неутомленные бойцы со свежими силами».

Несмотря на понесенный ими урон, британцы наверняка должны были продолжить атаковать на следующий день. Они давно ждали случая поквитаться с римлянами, а тут еще и стихия им сильно подыграла.

В «Записках» сказано:

«На следующий день враги остановились далеко от нашего лагеря на высотах. Они показывались лишь не-

большими партиями и напали на нашу конницу с меньшим задором, чем накануне. Но в полдень, когда Цезарь послал за фуражом три легиона и всю конницу под начальством легата Г. Требония, они вдруг со всех сторон налетели на фуражиров и не побоялись даже приблизиться к легионам, стоявшим в боевом порядке. Наши энергичной атакой отбросили их и продолжали преследовать до тех пор, пока всадники, опираясь на поддержку следовавших за ними легионов, не опрокинули их окончательно; перебив их большое количество, они не дали им возможности собраться, остановиться и соскочить с колесниц. После этого поражения все вспомогательные отряды британцев, собравшиеся со всех сторон, немедленно рассеялись, и с того времени враги уже ни разу не вводили в сражение с нами слишком больших сил».

Вот еще одно доказательство того, насколько слабы были британцы как воины. Прямого боя они совершенно не могли держать. Их презренный удел — нападать подло, исподтишка...

Цезарю не пришлось сильно напрягаться, чтобы уяснить для себя коварные намерения противника. Он поспешил со своими легионами к реке Тамесису в страну Кассивеллауна; ту реку можно было пройти вброд лишь в одном месте (это место было Цезарю известно). Добравшись туда, Цезарь неожиданно обнаружил, что «на другом берегу реки стоят в боевом порядке большие неприятельские силы. А берег был укреплен острыми кольями, вбитыми перед ним; такие колья были вбиты в воде и ею маскировались. Узнав об этом от пленных и перебежчиков, Цезарь выслал вперед конницу и приказал легионам спешно идти за ней. Хотя солдаты были по шею в воде, но они пошли с такой быстротой и стремительностью, что враги не

могли выдержать общей атаки конницы и пехоты, но оставили берег и пустились бежать».

И снова: у британцев была абсолютно выигрышная позиция. Она сулила им неизбежную победу, правда, при одном-единственном условии: если бы они были способны достойно воевать!

«Кассивеллаун,— говорится в „Записках“,— отказался от всякой надежды на успешный исход генерального сражения. Поэтому он распустил значительную часть своих войск и оставил при себе только около четырех тысяч боевых колесниц. С ними он следил за нашими передвижениями, держась несколько в стороне от дороги и скрываясь в труднопроходимых и лесистых местах; там, где, по его сведениям, должны были наши идти, он сгонял скот и население в леса, и каждый раз, как наша конница, с целью поживиться и пограбить, слишком смело забиралась в леса, он выпускал из лесу всеми дорогами и тропинками боевые колесницы и завязывал с ней весьма опасные для нее сражения и этой угрозой не давал ей делать далекие набег. Цезарю не оставалось ничего иного, как держать конницу в непосредственной связи с легионами и вредить врагу только опустошением его полей и поджогом дворов, насколько это могла сделать легионная пехота во время своих трудных походов.

Тем временем тринованты, едва ли не самый сильный из тамошних народов, отправили к Цезарю послов с обещанием сдаться и исполнить все его требования, а также с просьбой защитить Мандубракия от обид со стороны Кассивеллауна и вернуть его согражданам с тем, чтобы он стал во главе своего народа и принял верховное командование. Отец этого Мандубракия был царем триновантов и был убит Кассивеллауном, а молодой

Мандубракий спасся от гибели бегством и, ища покровительства Цезаря, прибыл к нему на материк. Цезарь потребовал от них сорока заложников и хлеба для армии и послал к ним Мандубракия. Они быстро исполнили его требование и прислали хлеб и заложников в указанном количестве.

Таким образом, Цезарь принял их под свою защиту и оградил их от всяких обид со стороны своих солдат. Тогда кеномагны, сегонтиаки, анкалиты, биброки и кассы отправили к Цезарю послов и сдались ему. От них он узнал, что недалеко отсюда находится город Кассивеллауна, защищенный лесами и болотами, и что в нем сосредоточено довольно большое количество людей и скота. Городом британцы называют всякое место в труднопроходимом лесу, защищенное валом и рвом; туда они обыкновенно спасаются от неприятельских набегов. Он двинулся туда с легионами. Местность оказалась отлично защищенной природой и человеческим искусством. Однако он поспешил атаковать ее с двух сторон. Враги после короткого сопротивления не вынесли нашего натиска и бросились из своего города с другой его стороны. Там оказалось большое количество скота, и много народа во время бегства было захвачено и перебито».

Что ж, Цезарь сражается на чужой территории легко и непринужденно, словно у себя дома. Никакие потуги британцев не в состоянии застать его врасплох. Славные легионеры Цезаря непоколебимы, они разносят британцев в пух и прах. Вывод: британцы были заведомо обречены.

Впрочем, это и не вызывало сомнения!

Тем не менее британский вождь Кассивеллаун не был готов осознать, что его партия проиграна. Он еще был уверен, что в силах все спасти. Так, он даже «отправил по-

слов в Кантий, лежавший... у моря, к его четырем царям — Кингеторигу, Карвилию, Таксимагулу и Сеговаку с приказом собрать все боевые силы и внезапно двинуться на штурм стоянки римских кораблей. Когда они подошли к лагерю, то наши сделали вылазку, перебили много врагов, взяли даже в плен знатного вождя Луторига и вернулись без потерь».

Теперь даже Кассивеллаун должен был признать: это конец.

Как сообщают «Записки», «при известии об этом сражении Кассивеллаун, вследствие стольких поражений, опустошения страны, а главное — отпадения общин, отправил через атребата Коммия послов к Цезарю с предложением сдачи».

Между тем Цезарю стало известно, что в его отсутствие Галлию вновь начинает лихорадить. Это известным образом скорректировало его планы:

«Ввиду неожиданных восстаний в Галлии Цезарь решил провести зиму на материке, и так как лето подходило к концу и его остаток мог бы пройти без пользы, то он потребовал заложников и определил размеры дани, которую Британия должна ежегодно платить римскому народу; при этом он строго запретил Кассивеллауну вредить Мандубракию и триновантам.

По получении заложников он отвел войско назад к морю; там он нашел корабли отремонтированными и спустил их на воду. Так как у него было много пленных и несколько кораблей погибло от бури, то он решил перевозить войска на материк в два приема. По счастливой случайности, из всего огромного количества кораблей, несмотря на частые переправы за текущее и прошлое лето, не погиб вообще ни один корабль, имевший на борту солдат, но зато из тех судов, которые должны были воз-

вернуться к нему с материка порожними после высадки в Галлии солдат первой партии, а равно из тех шестидесяти, которые впоследствии были построены Лабиэном, только немногие достигли места назначения, и почти все остальные были отброшены бурей. Цезарь долго и напрасно ждал их. Но чтобы самое время года, именно близость равноденствия, не помешало ему отплыть, он по необходимости посадил солдат теснее, и, когда наступило полное затишье, он в начале второй стражи снялся с якоря и на рассвете благополучно достиг суши со всей своей эскадрой.

Цезарь приказал вытащить корабли на сушу и созвал в Самаробриве общегалльское собрание. Так как в этом году в Галлии урожай вследствие засухи был ниже среднего, то он принужден был разместить свое войско на зимние квартиры иначе, чем в прошлые годы: именно он распределил легионы по большему количеству общин. Один легион должен был отвести в область моринов легат Г. Фабий, другой к нервиям — Кв. Цицерон, третий к эсувиям — Л. Росций; четвертому было приказано зимовать под командой Т. Лабиэна в стране ремов на границе с треверами; три легиона были помещены в Бельгии, их командирами были назначены квестор М. Красс и легаты Л. Мунаций Планк и Г. Требоний. Один легион, который Цезарь недавно набрал за Падом, и, кроме того, пять когорт он послал к эбуронам, область которых лежит, главным образом, между Мосой и Рейном и которые в это время были под властью Амбиорига и Катуволка. Командование этими солдатами он поручил Кв. Титурию Сабину и Л. Аурункулею Котте.

При таком расположении легионов он рассчитывал легче всего справиться с недостатком провианта. При этом зимние квартиры всех этих легионов кроме того, который поручено было Л. Росцию отвести в самую

мирную и спокойную часть Галлии, находились на расстоянии ста миль друг от друга. А сам он решил остаться в Галлии вплоть до получения сведений о том, что легионы устроились и зимние квартиры укреплены».

Едва стало казаться, что ситуация нормализовалась, как внимание Цезаря было отвлечено новыми происшествиями. Согласно «Запискам», «в стране карнутов был некто Тазгетий, человек очень знатного рода, предки которого были у себя на родине царями. За его мужество и расположение, а также за исключительные заслуги во всех войнах Цезарь возвратил ему сан предков. Он уже третий год царствовал, как вдруг его убили у всех на глазах его враги по наущению многих граждан общины. Об этом доложили Цезарю. Так как в это дело было замешано много людей, то Цезарь из опасения, что они всю страну толкнут на открытое восстание, приказал Л. Планку немедленно двинуться с легионом из Бельгии к карнутам и там зимовать, а также произвести следствие о виновниках убийства Тазгетия, арестовать их и отправить к нему. Тем временем он получил от всех легатов и квестора, которым он передал легионы, донесения, что они прибыли на зимние квартиры и укрепили их».

И тут происходит совершенно неслыханное!

Читаем в «Записках»:

«Дней через пятнадцать после прибытия на зимние квартиры, по почину Амбиорига и Катуволка, внезапно началось восстание и отпадение. Когда они встретили на границе своей страны Сабина и Котту и доставили провиант в их зимний лагерь, то под влиянием посольства от тревера Индутиомара они взбунтовали своих людей, внезапно напали на солдат, рубивших лес, и с большим отрядом подошли к лагерю с целью штурмо-

вать его. Но наши быстро взялись за оружие, взошли на вал, а с другой стороны лагеря выслали испанскую конницу и одержали верх в завязавшемся конном сражении, вследствие чего враги отчаялись в успехе, бросили штурм и отступили. Тогда, по своему обычаю, они подняли крик, чтобы кто-нибудь из наших вышел для переговоров: они имеют сообщить нечто касающееся интересов обеих сторон и надеются, что это сообщение поможет уладить их недоразумения.

К ним послали для переговоров римского всадника Г. Арпинея, друга Кв. Титурия, и некоего Кв. Юния из Испании, который уже раньше, по поручению Цезаря, неоднократно хаживал к Амбиоригу. Амбиориг сказал им приблизительно следующее: он признает, что многим обязан Цезарю за его благодеяния; благодаря ему он освобожден от дани, которую он платил своим соседям адуатукам; Цезарь вернул ему родного сына, а также сына брата, которые были посланы адуатукам в заложники и содержались у них в цепях и в рабстве.

Что же касается нападения на лагерь, то он сделал его не по своему решению и воле, но по принуждению своего народа, ибо власть его такова, что народ имеет над ним такие же права, как и он над народом. А народ его потому начал войну, что не мог противиться внезапному восстанию всей Галлии. Самое лучшее доказательство этому — его собственное бессилие: ведь не до такой степени он не осведомлен об общем положении дела, чтобы питать уверенность в победе над римлянами своими собственными силами. Но таково решение всей Галлии, и именно сегодняшний день выбран для штурма всех зимних лагерей Цезаря, чтобы ни один легион не мог прийти на помощь другому. Как галлы, они, конечно, не могли отказать галлам же, тем более что принятое решение, очевидно, имело целью восстановление нацио-

нальной свободы. Так как он в достаточной степени исполнил перед ними долг патриота, то теперь он желает исполнить долг благодарности за благодеяния, полученные от Цезаря; как старый друг он настоятельно просит Титурия подумать о себе и о своих солдатах. Большой отряд наемных германцев уже перешел через Рейн, через два дня он будет здесь. Римляне сами должны решить, не лучше ли им, прежде чем заметят соседи, оставить зимние квартиры и дойти или до Цицерона, или до Лабизна, из которых один находится от них в пятидесяти милях, а другой несколько дальше. Он одно им обещает и скрепляет это обещание клятвой — дать свободный проход по своей земле. Этим он исполнил бы долг перед своим народом, освобождая его от зимнего постоя, и отблагодарил бы Цезаря за оказанные услуги. После этой речи Амбиориг удалился.

Арпиней и Юний доложили услышанное легатам. Пораженные этим внезапным сообщением, они полагали, что им нельзя пренебрегать, хотя оно идет от врага. Особенное впечатление производила на них малая вероятность того, чтобы такой незначительный и слабый народ, как эбуроны, сам по себе мог осмелиться начать войну с римлянами. Поэтому они доложили дело военному совету, и там между ними возник большой спор. Л. Аурункулей и большая часть военных трибунов и центурионов первого ранга полагали, что ничего не следует делать наобум и что зимний лагерь нельзя покидать без приказа Цезаря; они доказывали, что в хорошо укрепленном зимнем лагере можно устоять против каких угодно полчищ, хотя бы и германских: об этом свидетельствует уже то, что первую неприятельскую атаку они очень храбро выдержали и даже нанесли врагу большой урон; в отношении продовольствия они не страдают; а тем временем подойдут подкрепления как из бли-

жайшего зимнего лагеря, так и от Цезаря. Наконец, разве не верх легкомыслия и позора принимать самые ответственные решения по совету врага?

В ответ на это Титурий кричал, что поздно уже будет, когда соберутся еще большие неприятельские полчища, да еще с присоединением германцев, или когда случится какое-либо несчастье в соседнем зимнем лагере. Теперь некогда совещаться. По его мнению, Цезарь отправился в Италию; иначе и карнеты не задумали бы убить Тазгетия, и эбуроны не пошли бы на наш лагерь с таким презрением к нам, если бы Цезарь был здесь. Не с советом врага он соображается, а с реальными фактами: Рейн близко; германцы очень огорчены смертью Ариовиста и нашими прежними победами; пылает местью вся Галлия, претерпевшая столько оскорблений, покорившаяся римской власти и утратившая свою прежнюю военную славу. Наконец, кто мог бы поверить тому, чтобы Амбиориг решился на такой шаг без определенных оснований? Его мнение вдвойне безопасно: если дело не так плохо, то они без всякой опасности достигнут ближайшего легиона; но если вся Галлия заодно с германцами, тогда единственное спасение заключается в быстроте. Наоборот, к каким результатам приведет предложение Котты и других, не согласных с ним? Если даже незачем будет бояться опасности в данный момент, зато в будущем грозит голод как последствие долгой осады».

Да, описание рождает на редкость гнетущее впечатление...

Однако необходимо выделить одну важную деталь: все стало возможным лишь потому, что Цезаря действительно не было рядом.

Это сулило катастрофу...

Обратимся опять к «Запискам»:

«После речей обеих сторон, причем Котта и центурионы первого ранга упорно отстаивали свое предложение, Сабин еще громче закричал, так что его могла слышать значительная масса солдат: так пусть будет по-вашему! Я не таков, чтобы бояться смерти более, чем кто бы то ни было из вас! Вот они поймут, и, если случится беда, от тебя они потребуют ответа. Не будь дело за тобой, они могли бы уже послезавтра соединиться с своими товарищами в ближайшем зимнем лагере и сообща с ними разделять превратности войны, вместо того чтобы быть здесь брошенными и сосланными и погибать вдали от остальных либо от меча, либо от голода.

Все участники совета встают, схватывают за руки обоих противников и просят не доводить дела своими раздорами и упрямством до крайней опасности: оставаться ли или уходить — то и другое не представляет затруднений, если только все будут согласны и единодушны; наоборот, при раздоре нельзя ждать спасения. Споры затягиваются до полуночи. Наконец Котта сдался на приведенные доводы. Предложение Сабина берет верх. Отдают приказ на рассвете выступить. Всю ночь проводят без сна, так как каждый солдат осматривал свои вещи и соображал, что он может взять с собой и что из лагерного обзаведения должен будет оставить. Придумывают всевозможные доводы в пользу того, что дальнейшее пребывание в лагере было бы весьма опасным, и эта опасность только увеличилась бы от усталости и бессонницы солдат. На рассвете выступают очень растянутой колонной и с огромным обозом, как люди, вполне убежденные в том, что Амбиориг дал им совет не как враг, а как лучший друг.

Между тем враги, заключив из ночного шума и бодрствования о предстоящем выступлении наших, разделились на два отряда, поместили в лесах в удобном и скрытом месте двойную засаду милях в двух от римского лагеря и стали выжидать приближения римлян. Как только большая часть их колонны спустилась в котловину, неприятели показали у обоих выходов и стали теснить арьергард, а авангарду преграждать подъем и, таким образом, вовлекать наших в сражение на совершенно неудобной для них позиции.

Титурий, который ничего не предусмотрел раньше, только теперь стал в беспокойстве суетиться, бегать с места на место и расставлять когорты, но и это он делал трусливо и с видом человека, совершенно потерявшего голову, как это обыкновенно бывает с людьми, принужденными выработать план действий тогда, когда нужно уже действовать. Наоборот, Котта, который уже думал о том, что подобное может случиться во время похода, и именно поэтому был против выступления, попевал всюду, где этого требовало общее благо: он не только обращался с словами ободрения к солдатам, но и сам принимал участие в бою и, таким образом, исполнял обязанности и полководца, и солдата. Так как из-за растянутости колонны не очень легко было лично все исполнять и даже предусмотреть, где и что нужно, то легаты приказали объявить солдатам, чтобы они оставили обоз и образовали каре. Хотя такое распоряжение в подобных случаях вообще не заслуживает порицания, но теперь оно оказалось непригодным: у наших солдат оно уменьшило шансы на победу, а у врагов подняло боевой дух, так как было очевидно, что эта мера внушена величайшим страхом и отчаянием. Ко всему этому присоединилось и другое неизбежное зло: солдаты стали толпами покидать строй и спешили разыскать в обозе и

захватить с собой все, что для каждого из них было дорого. Таким образом, всюду раздавался крик и плач.

Наоборот, варвары проявили большую распорядительность. Их вожди приказали объявить по всей линии: никто не должен выходить из строя: все, что оставили римляне,— их добыча, для них она и предназначена; пусть только они знают, что теперь все зависит от победы. [Храбростью и боевым пылом наши не уступали врагам]: покинутые вождем и счастьем, они видели свое спасение исключительно в храбрости; и каждый раз, как какая-либо когорта выступала из каре, там много врагов падало мертвыми. Как только Амбиориг это заметил, он приказал объявить своим, чтобы они стреляли издали, не подходили слишком близко к неприятелю и там, где он будет наступать для атаки, подавались назад; при их легком вооружении и ежедневном упражнении им никакого вреда не будет; а когда римляне будут снова отступать к своей линии, вот тогда пусть они их и преследуют.

Это распоряжение исполнялось со всей точностью: каждый раз, как какая-либо когорта выходила из каре для атаки, враги с чрезвычайной быстротой отбегали. А тем временем этот бок неизбежно обнажался и, будучи неприкрытым, подвергался обстрелу. А когда когорта начинала отступать на свое прежнее место в каре, то ее окружали как те, которые перед ней отступали, так и те, которые стояли поблизости от нее. Если же римляне хотели оставаться в каре, то там не было места для проявления личной храбрости, и вследствие своей скученности они не могли избавиться от снарядов, пускаемых в них неприятельскими массами.

И все-таки, несмотря на столько злоключений и на большие потери ранеными, они твердо держались; хотя прошла значительная часть дня (сражение длилось с

рассвета до восьмого часа дня), они не делали ничего такого, что было бы недостойно их самих. В этот момент был тяжело ранен метательным копьем в оба бедра храбрый и очень уважаемый Т. Бальвенций, который в прошлом году был старшим центурионом. Кв. Луканий, также центурион первого ранга, был убит в отважном бою в то время, как хотел подать помощь окруженному врагами сыну. Легат Л. Котта был ранен пращей прямо в лицо во время обхода и ободрения когорт и рядов.

Кв. Титурий был всем этим окончательно потрясен. И вот он, заметив издали Амбиорига, который ободрял своих людей, послал к нему своего переводчика Кн. Помпея с просьбой пощадить его и солдат. В ответ на эту просьбу тот сказал: если Титурий желает поговорить с ним, это можно; что касается пощады солдат, то он надеется добиться ее у своих людей; но самому Титурию не будет никакого вреда: в этом он дает свое честное слово. Тот сообщает об этом раненому Котте и спрашивает, не найдет ли он возможным выйти из линии боя и сообщать переговоры с Амбиоригом: он надеется добиться от него пощады для себя и для своих солдат. Но Котта наотрез отказался идти к вооруженному врагу.

Сабин приказывает находившимся при нем военным трибунам и старшим центурионам следовать за собой. Когда он подошел ближе к Амбиоригу, ему приказали бросить оружие. Он повинуется и приказывает своим сделать то же.

А тем временем, пока они вели переговоры, и Амбиориг намеренно их затягивал, Сабина мало-помалу окружили и убили. Но теперь эбуроны, по своему обыкновению, закричали: „Победа, победа!“ — и, бросившись с диким воем на наших, прорвали их ряды. Здесь был убит

с оружием в руках Л. Котта и большая часть его отряда. Остальные отступили в лагерь, перед этим ими покинутый. Из них орлоносец Л. Петросидий, теснимый массой врагов, бросил орла через вал в лагерь, а сам с чрезвычайной храбростью сражался перед лагерем, пока не был убит. Они с трудом выдерживали штурм вплоть до ночи, а ночью, потеряв всякую надежду на спасение, они все до одного покончили с собой. Лишь немногие спаслись из сражения, после блужданий по лесам добрались до зимнего лагеря легата Т. Лабизна и принесли ему известие о случившемся».

Известия страшные...

Каких бойцов потерял Цезарь, это просто горе!

Зато в стане неприятеля торжествовали...

Как свидетельствует автор «Записок», «гордясь этой победой, Амбиориг немедленно отправился с конницей к своим соседям адуатукам; он двигался непрерывно днем и ночью, а пехоте своей приказал идти в арьергарде. Сообщив адуатукам о происшедшем и тем подняв их на ноги, он на следующий день прибыл к нервиям и стал их уговаривать не упускать случая навсегда завоевать себе свободу и отомстить римлянам за причиненные ими обиды. Он сослался при этом на смерть двух легатов и на истребление значительной части римской армии: нет никакого труда, говорит он, напасть врасплох на легион, находящийся на зимних квартирах под командой Цицерона, и уничтожить его: в этом он обещает свое полное содействие. Этими словами он без труда убедил нервиев».

Итак, пресловутые нервии вновь возникают на исторической арене. Им действительно есть за что мстить римлянам. Амбиориг прекрасно знал, кого ему привлекать на свою сторону.

Дальнейшие события говорят сами за себя:

«Они немедленно разослали гонцов к подчиненным их власти кеутронам, грудиям, левакам, плеумоксиям и гейдумнам, набрали как можно больше войск и неожиданно налетели на зимний лагерь Цицерона еще прежде, чем до него дошли слухи о смерти Титурия. С Цицероном также случилось то, чего следовало ожидать: некоторые его солдаты, ушедшие в лес за дровами и другими материалами для укрепления, были застигнуты и отрезаны внезапной атакой неприятельской конницы. Тогда эбуроны, нервии, адуатуки, вместе со своими союзниками и подданными, напали на легион и начали штурмовать лагерь. Наши поспешно сбегались к оружию и заняли вал. В этот день легион с трудом выдержал натиск неприятелей, так как они всю надежду возлагали на быстроту и были вполне уверены в том, что если они теперь одержат победу, то останутся победителями навсегда.

Цицерон немедленно написал Цезарю и обещал большую награду за доставку писем; но все дороги были заняты, и его посланцев перехватывали неприятели. В течение ночи с необычайной быстротой было изготовлено не менее ста двадцати башен из леса, заранее свезенного для укрепления: все, что казалось недоделанным, теперь было закончено. На следующий день враги возобновили штурм лагеря с еще большими боевыми силами и стали заваливать ров. Как и накануне, наши оказали сопротивление; то же самое продолжалось и во все последующие дни. Работа шла без перерыва даже ночью; ни больным, ни раненым не было возможности отдохнуть. Все, что нужно было для защиты от нападения на следующий день, заготовлялось за ночь; было изготовлено много заостренных кольев и большое количество стенных копий; башни накрывают досками, к валу приделывают плетеные брустверы и зубцы. Сам Цицерон, несмотря на свое

слабое здоровье, не давал себе отдыха даже ночью, так что солдаты сами сбегались к нему и своими громкими просьбами принуждали его беречь себя.

Тогда вожди и князья нервиев, которые имели какой-либо случай побеседовать с Цицероном и находились с ним в дружественных отношениях, заявляют о своем желании переговорить с ним. Получив это разрешение, они указывают ему на то же, о чем Амбиориг говорил с Титурием: вся Галлия находится под оружием; германцы перешли через Рейн; зимние лагеря Цезаря и всех его легионов осаждены. Прибавляют и сообщение о смерти Сабина; в подтверждение этого ссылаются на Амбиорига: большая ошибка — рассчитывать на какую-либо помощь со стороны тех, которые сами отчаялись в своем спасении. Тем не менее они отнюдь не враждебно настроены по отношению к Цицерону и римскому народу; они только против зимнего постоя и не желают, чтобы он обратился в постоянную привычку. Цицерону и его людям они позволяют покинуть свой лагерь невредимыми и спокойно отправляться куда им угодно. На это Цицерон дал один ответ: римский народ не привык принимать условия от вооруженных врагов; если им угодно положить оружие, то пусть они обратятся к нему за содействием и отправят послов к Цезарю: принимая во внимание его справедливость, он надеется, что они добьются от него исполнения своих пожеланий.

Обманувшись в своих ожиданиях, нервии окружают наш лагерь валом в десять футов вышиной и рвом в пятнадцать футов шириной. Эти знания они получили от нас в своих сношениях с нами за предыдущие годы, а также пользовались указаниями некоторых бывших у них пленных римлян из нашего войска. Но за отсутствием подходящих для этого дела железных инструментов они принуждены были снимать дерн мечами, а землю выгре-

бать руками и выносить в плащах. По этому можно было составить себе представление об их многочисленности: менее чем в три часа они окончили линию укрепления в десять миль в окружности и пятнадцать футов высотой, а в следующие дни начали готовить и воздвигать башни соразмерно с высотой вала, стенные багры, устраивать „черепахи“, чему их научили те же пленные.

На седьмой день осады внезапно поднялась сильная буря, и враги, пользуясь этим, стали метать из пращей раскаленные глиняные пули, а также дротики с огнем на острие в бараки, которые, по гальскому обычаю, имели соломенную крышу. Они быстро загорелись, и силой ветра огонь распространился по всему лагерю. Враги с громким криком, точно победа была уже одержана и несомненна, стали подкатывать башни и „черепахи“ и взбираться по лестницам на вал. Но наши солдаты проявили замечательную храбрость и присутствие духа: хотя их со всех сторон палил огонь и снаряды сыпались на них градом и хотя они видели, что горит весь обоз и все их имущество,— не только никто не отходил от вала, чтобы совсем его покинуть, но почти никто даже и не оглядывался, но все сражались с необыкновенным ожесточением и отвагой. Для наших это был самый тяжкий день, но он окончился тем, что тогда было изранено и перебито очень много врагов, так как они сгруппировались у самого вала и задние ряды не давали передним возможности выбраться. Когда огонь на время несколько ослабел и в одном пункте враги подкатили башню вплотную к валу, то центурионы третьей когорты отступили с своей позиции, и отвели всех своих людей, и начали кивками и криками приглашать врагов, не угодно ли им пожаловать в укрепление; но ни один не осмелился сделать ни шагу вперед. Тогда их со всех сторон осыпали градом камней и выбили из башни, а башню подожгли.

В том легионе было два очень храбрых центуриона, которым немного оставалось до повышения в первый ранг: Т. Пулион и Л. Ворен. Между ними был постоянный спор о том, кто из них заслуживает предпочтения, и из года в год они боролись за повышение с величайшим соревнованием. Когда около укреплений шел ожесточенный бой, Пулион сказал: чего ж ты раздумываешь, Ворен, и какого другого случая ждешь показать свою храбрость? Нынешний день порешит наш спор.

С этими словами он вышел из-за укрепления и бросился на неприятелей там, где они были особенно сгущены. Ворен тоже не остался за валом, но, боясь общественного мнения, пошел за ним. Тогда Пулион, подойдя на близкое расстояние к врагу, пустил копье и пронзил им одного галла, выбежавшего вперед из толпы. Враги прикрыли щитами своего пораженного и бездыханного товарища и все до одного стали стрелять в Пулиона, не давая ему возможности двинуться с места. Пулиону пробили щит, и один дротик попал в перевязь. Этим ударом были отброшены назад ножны и задержана его правая рука, когда он пытался вытащить меч. Тогда враги, пользуясь его затруднением, обступили его. Но тут подбежал его соперник Ворен и подал ему в эту трудную минуту помощь. Вся толпа тотчас же обратилась на него и бросила Пулиона, думая, что он убит дротиком. Ворен действует мечом и, убив одного, мало-помалу заставляет остальных отступить; но в увлечении преследованием он попадает в яму и падает. Теперь и он в свою очередь окружен, но ему приходит на помощь Пулион, и оба, убив немало неприятелей, благополучно, со славой возвращаются в лагерь. Так подшутила над ними судьба в их соперничестве и борьбе: оба врага поддержали и выручили друг друга, и нельзя было решить, кого из них следует признать храбрей другого».

Поразительное описание! Оно, кстати, демонстрирует со всей очевидностью, что даже отсутствие Цезаря не могло вконец извести геройских качеств его славных легионеров. Именно в такие моменты, как правило, и проявляется вся суть человека. Пред этим меркнет все. Деяния Пулиона и Ворена — лучшее этому подтверждение!

Но вернемся к «Запискам»: *«Осада с каждым днем становилась тяжелее и опаснее, особенно потому, что значительная часть солдат была переранена и оборону пришлось возложить лишь на немногих защитников. Тем чаще посылались к Цезарю письма и гонцы; но часть последних враги ловили и на глазах у наших солдат подвергали мучительной казни. В лагере был один знатный нервий, по имени Вертикон, который с самого начала осады перебежал к Цицерону и на деле доказал ему свою полную преданность. Этот самый Вертикон склонил обещанием свободы и большими наградами одного из своих рабов к тому, чтобы доставить письмо Цезарю. Тот привязал письмо к метательному копью, пронес его и, не возбуждая у галлов, как галл, никаких подозрений, добрался до Цезаря, который этим путем узнал об опасном положении Цицерона и его легиона».*

Наконец-то Цезарь узнает о происходящем!

Он немедленно берет ситуацию в свои руки.

Теперь у осажденных появляется реальный шанс на спасение.

Им нужно лишь дождаться своего начальника и избавителя.

Согласно «Запискам»,

«Цезарь получил это письмо около 11-го часа дня и тут же отправил к М. Крассу, стоявшему лагерем в стране белловаков в двадцати пяти милях от него, гонца с приказом выступить со своим легионом в полночь и спешно идти к нему. Красс двинулся немедленно по при-

бытии гонца. Другого гонца Цезарь послал к легату Г. Фабия, чтобы тот привел легион в область атреба-тов, где Цезарь должен был проходить. Писал он и Лабизну, чтобы тот с своим легионом подошел к границе нервиев, если это можно сделать без вреда для общего положения дела. Остальной части войска, так как она была слишком далеко, он решил не дожидаться. Кроме того, он стянул к себе около четырехсот всадников из ближайших зимних лагерей.

Около третьего часа он получил от передовых разъездов (Красса) известие о приближении Красса и в этот день прошел двадцать миль. Красса он назначил комендантом Самаробривы и дал ему легион, так как здесь он оставлял обоз всей армии, заложников от общин, государственный архив и весь хлеб, свезенный им сюда на зиму. Фабий, как ему и было приказано, не стал терять много времени и с своим легионом встретил Цезаря на походе. Что касается Лабизна, то он уже узнал о смерти Сабина и о гибели римских когорт. Так как теперь против его лагеря появились все боевые силы треверов, то он, естественно, опасался, что если его выступление из зимнего лагеря будет походить на бегство, то он не в состоянии будет выдержать атаку неприятеля, вдобавок упоенного недавней победой. Поэтому он указал в своем ответе Цезарю, до какой степени было бы для него опасно выводить свой легион из зимних квартир, подробно описал события в стране эбуронов и уведомил, что все конные и пешие силы треверов заняли позицию в трех милях от его лагеря.

Цезарь одобрил его решение, и, хотя вместо трех легионов, на которые он рассчитывал, он принужден был ограничиться двумя, тем не менее единственное средство к спасению ему представлялось в быстроте действий. Ускоренным маршем он прибыл в страну нервиев. Там он

узнал от пленных о том, что делается у Цицерона и как опасно его положение. Тогда он уговорил, обещая большую награду, одного из галльских всадников доставить письмо к Цицерону. Оно было им написано по-гречески, чтобы враги из перехваченной нашей переписки не могли узнать наших планов. В случае невозможности добраться он дает галлу наставление привязать письмо к ремню дротика и этот дротик перебросить в лагерь. В письме он писал, что уже выступил с легионами и скоро будет на месте; пусть только Цицерон не изменит своей прежней доблести. Галл, боясь излишнего риска, пустил дротик согласно полученному наставлению. Он случайно зацепился за башню и в течение двух дней не был замечен нашими. Но на третий день один солдат увидел его, снял и доставил Цицерону. Тот, посмотрев письмо, прочел его на собрании солдат и этим чрезвычайно всех обрадовал. Скоро стали виднеться издали клубы дыма от пожаров, чем были устранены всякие сомнения относительно прихода легионов.

Когда галлы узнали через разведчиков о приближении Цезаря, то они сняли осаду и пошли со всеми силами на него. Это была целая армия тысяч в шестьдесят. Пользуясь случаем, Цицерон снова потребовал у упомянутого Вертикона галла для доставки Цезарю письма. Посланному он напомнил, что он с крайней осторожностью должен держать свой путь, а в письме писал, что враги его оставили и всеми полчищами обратились против Цезаря. Это письмо было доставлено Цезарю около полуночи. Он сообщил его своим людям и ободрил их к сражению. На следующий день на рассвете он снялся с лагеря и приблизительно через четыре мили пути заметил полчища врагов за долиной и ручьем. Было бы очень опасно при таких маленьких силах дать сражение на невыгодной позиции; сверх того, так как он знал, что Цицерон

теперь освобожден от осады, то он полагал, что можно спокойно действовать с меньшей скоростью. Поэтому он остановился и приказал разбить укрепленный лагерь на возможно более выгодной позиции. Хотя лагерь этот уже сам по себе был мал, так как предназначался для неполных семи тысяч человек, да еще без обоза, но он сделал его еще меньше, насколько возможно сузив его улицы, с тем чтобы внушить врагу полное презрение к нашему войску. Тем временем он во все стороны разослал разведчиков, чтобы найти самый удобный путь для перехода через долину.

В этот день у ручья было несколько маленьких конных стычек, вообще же обе стороны держались в своих лагерьх: галлы ожидали еще больших войск, которые еще не собрались, а Цезарь рассчитывал притворной трусливостью заманить врагов на свою сторону, чтобы дать им сражение в этой части долины перед своим лагерем, а если не удастся, то обследовать пути и перейти через долину и ручей с наименьшей опасностью. На рассвете неприятельская конница приблизилась к лагерю и завязала сражение с нашей. Цезарь приказал своим всадникам нарочно отступить перед врагом и отходить к лагерю; вместе с тем он распорядился сделать выше вал по всей линии, заложить ворота и за этой работой как можно более суетиться и проявлять притворный страх.

Все это соблазнило врагов перевести свое войско и выстроить его в боевой порядок на невыгодной позиции; а так как Цезарь увел солдат даже с вала, то они подошли ближе, стали со всех сторон стрелять внутрь лагеря и через глашатаев всюду объявлять, что если кто — галл или римлянин — пожелает до 3-го часа перейти к ним, то он может это сделать безопасно, но после того это будет уже невозможно. И вообще, они прониклись величайшим презрением к нам: так как им каза-

лось, что они не могут прорваться через ворота, которые в действительности были лишь для виду заложены одним слоем дерна, то одни из них стали голыми руками обрывать вал, а другие заваливать рвы. Тогда Цезарь сделал вылазку из всех ворот, пустил на них конницу и быстро обратил их в бегство, так что в общем никто из них не осмелился остановиться для сопротивления; многие из них были убиты, и все принуждены были побросать оружие.

Но продолжить преследование Цезарь не решился, так как между ним и неприятелями были леса и болота и, таким образом, не было возможности причинить им даже самые незначительные потери. Поэтому он в тот же день дошел до цицероновского лагеря, не потеряв ни одного солдата. Он с удивлением смотрит на неприятельские башни, „черепахи“ и укрепления. На смотре легиона он узнает, что даже десяти процентов не осталось не ранеными. По всему этому он мог судить, как велика была опасность и как храбро велась оборона. Он похвалил по заслугам Цицерона и легион и особо отличил тех центурионов и военных трибунов, которые, по свидетельству Цицерона, проявили выдающуюся доблесть. Подробности о гибели Сабина и Котты он узнал от пленных. На следующий день он созвал общее собрание, рассказал, как было дело, и обратился к солдатам со словами утешения и ободрения: к тому несчастью, виной которого была опрометчивость легата, следует отнестись с тем большим хладнокровием, что оно уже искуплено милостью бессмертных богов и их собственной храбростью, и теперь ни для врага нет оснований долго радоваться, ни для них — долго горевать».

Каковы речи, однако?!

Невероятная сила убеждения — в этом весь Цезарь!

«Между тем,— говорится в „Записках“,— до Лабиезна с невероятной быстротой доходит через ремов весть о победе Цезаря. Хотя зимний лагерь Лабиезна был приблизительно в шестидесяти милях от лагеря Цицерона, и Цезарь пришел туда только после девятого часа дня, но еще раньше полуночи поднялся у лагерных ворот крик, которым ремы хотели дать знать Лабиезну о победе и поздравить его. Когда эта весть дошла до треверов, то Индутиомар, который уже решил штурмовать на следующий день лагерь Лабиезна, ночью бежал и отвел все свои войска назад к треверам. Цезарь отослал Фабия с его легионом назад в зимний лагерь, а сам с тремя легионами решил зимовать в трех лагерях в окрестностях Самаробривы и, ввиду сильных восстаний, вспыхнувших в Галлии, лично остаться на всю зиму при своей армии. Действительно, при известии о гибели Сабина почти все галльские племена начали совещаться о войне, рассылать повсюду гонцов и послов, осведомляться о том, какие решения намерены предпринять другие и кто первый начнет военные действия, а также устраивать по ночам собрания в уединенных местах. Вообще почти за всю зиму не было ни одного спокойного для Цезаря дня, но он постоянно получал какие-нибудь известия о собраниях и волнениях галлов. Между прочим, Л. Росций, которого он назначил командиром 13-го легиона, известил его о том, что большие силы тех галльских племен, которые называются ареморийскими, собрались для нападения на него и уже находились не более чем в восьми милях от его зимнего лагеря, но при известии о победе Цезаря ушли так поспешно, что уход этот походил на бегство».

Что же творится, что происходит?

Неужели римлянам суждено утратить все, что было завоевано ими за все эти четыре года?

Выходит, все потери, понесенные ими, были напрасны?

Теперь нужно все начинать сначала?

Мучительные вопросы, почти неразрешимые...

Но не для Юлия Цезаря.

Он уже знал, как ему не утратить контроль за Галлией. И ему было ведомо верное средство, которое позволит этого добиться!

Как утверждает автор «Записок», *«Цезарь сумел удержать в повиновении значительную часть Галлии тем, что вызвал из всех общин их князей и либо запугивал их уверениями, что он знает обо всем происходящем, либо успокаивал их словами одобрения».*

Впрочем, даже Цезарю не удалось преуспеть до конца, уж слишком непроста была ситуация, в которой оказались римляне...

Согласно «Запискам», *«исключение составили только сеноны, одно из самых сильных и влиятельных в Галлии племен. Цезарь назначил у них царем Каварина, брат которого — Моритазг, так же как и его предки, царствовал над ними ко времени прихода Цезаря. И вот сеноны в силу постановления всей общины задумали убить Каварина, но так как он вовремя это заметил и бежал, то они преследовали его до границ царства, выгнали из своей страны и лишили царской власти, а затем отправили к Цезарю послов для своего оправдания. Но когда Цезарь потребовал, чтобы к нему явился весь их сенат, они не послушались. То обстоятельство, что нашлись люди, которые первые дали сигнал к войне с римлянами, произвело на варваров такое сильное впечатление и вызвало такой переворот в их настроении, что почти ни одно племя не могло в наших глазах считаться надежным, за исключением эдуев и ремов, которых Цезарь всегда отличал особым вниманием — одних за их давнюю и неиз-*

менную верность римскому народу, других — за недавние услуги в войне с галлами. И этому вряд ли нужно особенно удивляться: помимо других причин, галльский народ, занимавший по своей воинской доблести первое место среди всех других народов, естественно, был чрезвычайно огорчен таким умалением своей военной славы, которое довело его до подчинения римскому владычеству.

А треверы и Индутиомар не переставали в течение всей зимы посылать за Рейн послов, подстрекать германские общины, обещать им большие денежные суммы и распространять сообщения о том, что большая часть римской армии уничтожена и только очень небольшая уцелела. Но только ни одного германского племени им не удалось склонить к переходу через Рейн: те говорили, что их дважды проучили — во время войны Ариовиста и при переходе тенктеров, — и они больше не хотят испытывать счастье. Обманувшись в надежде на их помощь, Индутиомар, тем не менее, стал продолжать собирать и обучать войска, покупать у соседей лошадей и заманивать к себе большими наградами изгнанников и осужденных. И надо сказать, что всеми этими действиями он уже приобрел себе в Галлии такой авторитет, что к нему отовсюду стекались посольства, и не только целые общины, но даже частные лица искали его милости и дружбы.

Как только он заметил, что все к нему сами идут, что сенонов и карнутов как соучастников в возмущении можно толкнуть на дальнейшие шаги, а, с другой стороны, нервии и адуатуки прямо готовятся к войне с римлянами и что, как только он выступит из своей страны, у него не будет недостатка в добровольцах, — то он назначил вооруженный съезд. По галльским понятиям, это равносильно началу военных действий: на эти съезды обязаны собираться все взрослые люди в полном вооружении;

кто является последним, того на глазах собравшегося народа подвергают всевозможным мучениям и казням. На этом съезде Индутиомар объявляет главу другой партии и своего зятя Кингеторига (который, как мы выше указали, отдался под защиту Цезаря и остался ему верным) врагом и конфискует его имущество. После этого он заявляет на съезде, что его позвали на помощь сеноны, карнеты и многие другие галльские племена: он пойдет к ним через страну ремов и опустошит их поля, а сначала нападет на Лабизна. Затем он отдал дальнейшие распоряжения.

Лабизн, стоявший в лагере, очень укрепленном самой природой и человеческим искусством, не боялся никакой опасности для себя и для своего легиона; он думал только, как бы не упустить случая к удачному сражению. И вот, как только он узнал от Кингеторига и его приближенных содержание речи, которую Индутиомар держал на съезде, он послал гонцов к соседним племенам и стал отовсюду вызывать всадников, назначив им определенный срок для явки. Тем временем Индутиомар почти ежедневно разъезжал со всей конницей около его укреплений, либо с тем, чтобы познакомиться с расположением его лагеря, либо чтобы завязать переговоры или поугубить; его всадники обыкновенно все стреляли через вал в лагерь. Но Лабизн не выпускал своих людей из окопов и всячески старался укрепить врага в его представлении о трусости римлян.

Индутиомар каждый день с возрастающим презрением подъезжал к нашему лагерю. Но Лабизн в одну из ночей ввел в лагерь конницу, набранную им у всех соседних племен, и всячески усилил караул, не давая никому выходить из лагеря, так что треверы никоим образом не могли получить об этом каких-либо сведений. Между тем Индутиомар, по обыкновению, приблизился к лагерю и

провел здесь значительную часть дня; его всадники стреляли и с громкой бранью вызывали наших на бой. Но, не получив от наших никакого ответа, они под вечер, когда им вздумалось, ушли и рассеялись без всякого порядка. Вдруг Лабизн выпускает на них из двух ворот всю конницу с строжайшим приказом — как только враги будут опрокинуты и обращены в бегство (он предполагал, что так случится, и это предположение оправдалось на деле), всем броситься на одного Индутиомара и, прежде чем не увидят его убитым, никому не целиться в кого-либо другого. Лабизн, разумеется, не хотел, чтобы Индутиомар улучил время для бегства, пока наши солдаты будут заняты его людьми. За его голову он назначил большую награду. На помощь всадникам все время высылались когорты. Распоряжение это увенчалось успехом: так как все устремились на одного Индутиомара, то он был застигнут как раз во время переправы вброд через реку и убит; его голова была принесена в наш лагерь. Кроме него, всадники на обратном пути нагнали и перебили всех, кого могли. При известии об этом все собравшиеся силы эбуронов и нервиев разошлись, и с этого времени для Цезаря наступило некоторое успокоение Галлии.

Так завершился пятый год римского присутствия в Галлии.

Был он страшен и кровав.

Многих своих героев недосчитались римляне.

Кроме того, 54 г. до н. э. преподнес очень тяжелый и мучительный урок: имея дело с галлами, нельзя расслабляться ни на миг. Римляне допустили трагическую ошибку, расслабившись и уменьшив контроль. В итоге вся Галлия оказалась охвачена огнем мятежа, для усмирения которого еле-еле хватило сил. За один этот чудовищный год римляне понесли урон больший, нежели за все четы-

ре предыдущих года. Это очень тягостное переживание, ощущать себя триумфатором и вдруг оказаться в лагере, осажденном со всех сторон свирепыми врагами, которых, казалось, и в природе-то самой более не усматривается...

Легионеры да и сам их несравненный предводитель обрели страшный опыт. От того, в какой мере они усвоили его, зависела их общая судьба на бескрайних просторах Галлии...

После того, что произошло в 54 г. до н. э., Цезарь едва ли был склонен доверять затишью. Он был убежден, что это явление временное; очень скоро наверняка последуют новые выступления мятежных галлов. Учитывая, какую убыль понесли римляне, было просто необходимо заняться новым набором.

Эта задача была возложена Цезарем на плечи легатов Селана, Антисия Регина и Секстия. Помимо этого, Цезарь ходатайствовал перед тогдашним проконсулом и своим приятелем Гнеем Помпеем о направлении в Галлию свободных солдат, ранее ему присягнувших. Цезарь одновременно преследовал сразу же две цели: 1) хотел продемонстрировать, как быстро он способен восполнить убыль в живой силе; 2) стремился убедить галлов в неограниченности ресурсов Рима. В итоге Цезарю было прислано вдвое больше легионеров, чем он утратил за время военных действий в минувшем году.

Излишне упоминать, что Цезарь добился желаемого эффекта.

Впрочем, торжество было недолгим.

Со всех сторон поступали тревожные известия.

Так, например, треверы заключили союз с Амбиоригом и теперь предполагали атаковать Цезаря сообща.

Вдобавок так и норовили затеять мятеж другие племена. Уже было ясно, что нервии, адуатуки и менапии сошлись с германцами и вот-вот выступят против римлян. Проявляли непокорность сеноны, явно намеревающиеся заключить союз с карнутами и прочими племенами...

Признаки нового витка войны были более чем очевидны.

Цезарь понимал, что мешкать нельзя и римские легионы необходимо привести в состояние полной боевой готовности в самые краткие сроки.

Добившись этого и прекрасно помня, что внезапность нападения зачастую является залогом успешного финала для всей военной кампании, Цезарь внезапно атаковал с четырьмя своими легионами силы нервиев.

Удар римлян был не только внезапным, но еще и сокрушительным. Цезарь *«захватил множество скота и народа, отдав его в добычу солдатам, и опустошил их поля. Этим он принудил их покориться и дать заложников. Быстро окончив эту операцию, он отвел легионы назад на зимние квартиры»*.

В начале весны Цезарем была устроена сходка представителей всех галльских племен. Сеноны, карнуты и треверы его дерзко проигнорировали, не явившись. Цезарь был вполне удовлетворен, поскольку обрел сразу же три цели для нанесения удара.

Начать он предпочел с сенонов.

Любопытно, что весть о разгроме и полном уничтожении нервиев мигом облетела всю Галлию. Понимая, что неявка на сходку племен — это прямой вызов Цезарю, который вполне способен мгновенно отреагировать и нагрянуть с проверкой, сеноны даже не позаботились подготовиться к его встрече. Когда они спохватились, уже было поздно. Легионы Цезаря уже находились в самом сердце их земель. Аккон, предводитель сенонов и

главный смутьян, попробовал было призвать под знамена население деревень, но это было лишено смысла. Как обычно, когда галлы убеждались в собственной несостоятельности, они мигом принимали виноватый и сокрушенный вид, моля о пощаде. Испытанный прием, который зачастую срабатывал. Именно так решили поступить сеноны и теперь. Причем обратиться к Цезарю они специально решили при поддержке эдуев, зная, что Цезарь к тем благоволит. Как ни странно, Цезарь согласился их помиловать, потребовав заложников. В итоге сговорились на сотне душ. Надзирать за ними предстояло все тем же эдуям.

Неожиданно к Цезарю прибыли ремы, прося за злокозненных карнутов. Решение Цезаря по ним было аналогичным. Кроме того, Цезарь потребовал от каждого из провинившихся племен обеспечить ему пополнение конницы.

Таким образом, с какой-то просто сверхъестественной быстротой Цезарь избавил от напряженности эту часть Галлии. В ближайшее время удара отсюда ему можно было не опасаться.

После того как отпали сеноны и карнеты, на очереди были треверы и Амбиориг. Цезарю было известно о связях Амбиорига с менапиями и прирейнскими германцами. Благодаря этим связям он всегда мог спастись от преследования. Чтобы его частично ослабить, Цезарь вознамерился уничтожить эти связи Амбиорига.

Цезарь «послал обоз всей армии в страну треверов к Лабизну и, кроме того, туда же приказал двинуть два легиона, а сам с пятью легионами налегке выступил против менапиев. Последние, в надежде на то, что самая местность достаточно защитит их, не собирали никаких отрядов, но бежали в леса и болота и туда же перенесли все свое имущество.

Поделившись своими боевыми силами с легатом Г. Фабием и квестором М. Крассом, Цезарь быстро навел мосты и двинулся на неприятеля тремя колоннами. Дворы и селения он предал пламени и захватил много скота и народа. Это вынудило менапиев послать к нему послов с просьбой о мире. Он взял от них заложников и заявил, что будет рассматривать их как врагов, если они дадут у себя приют Амбиоригу или его посла. Укрепив здесь свое положение, он оставил у менапиев для наблюдения атребата Коммия с конницей, а сам двинулся против треверов.

За это время треверы собрали большие пешие и конные силы и готовились напасть на Лабизна, который зимовал с одним легионом в их стране. Они были от него уже не более чем в двух переходах, как вдруг узнали, что подошли два легиона, посланные Цезарем в подкрепление. Разбив свой лагерь в пятнадцати милях, они решили ожидать прихода германских вспомогательных войск.

Лабизн, узнав об их замыслах и надеясь, что их необдуманность даст ему случай сразиться, оставил для прикрытия обоза пять когорт, с двадцатью пятью когортами и с большим конным отрядом двинулся против неприятеля и в одной миле от него разбил укрепленный лагерь. Его отделяла от неприятеля трудная для перехода река с отвесными берегами. И сам он не собирался переходить через нее, и враги, по его предположениям, не стали бы переходить. У них со дня на день увеличивалась надежда на приход подкреплений.

Тогда Лабизн открыто говорит на военном совете, что ввиду слухов о приближении германцев он не намерен рисковать собой и своим войском и на следующий день снимется с лагеря. Это скоро было сообщено врагам, так как из большого числа галльских всадников некоторые, естественно, сочувствовали галльскому делу. Лабизн со-

звал ночью военных трибунов и старших центурионов, познакомил их со своим планом и, чтобы тем легче внушить врагам мысль о нашей трусости, приказал сняться с лагеря с большим шумом и беспорядком, чем это обыкновенно бывает у римлян. Этим он сделал свое отступление похожим на бегство. При большой близости лагерей разведчики и об этом еще до рассвета донесли врагам.

Едва арьергард выступил из лагеря, как галлы начали убеждать друг друга не упускать из рук желанную добычу: было бы долго, говорили они, при такой панике среди римлян, дожидаться помощи от германцев, да и противно их достоинству бояться с их огромными силами напасть на ничтожный отряд, который вдобавок бежит и обременен тяжестями. Поэтому они без колебаний перешли через реку и завязали сражение.

Лабизн, который заранее этого ожидал, продолжал делать вид, что отступает, и двигался не спеша, чтобы все их силы заманить на этот берег реки. Затем, пустив обоз несколько вперед и устроив его на одном холме, он сказал: вот вам, солдаты, желанный случай: враг в ваших руках на позиции для него затруднительной и невыгодной. Проявите передо мной, возждем вашим, ту же храбрость, какую вы часто проявляли перед вашим императором, и думайте, что он сам здесь и сам на вас смотрит. Вместе с тем он приказывает сделать поворот в сторону врага и выстроиться; для прикрытия обоза он послал несколько эскадронов, а остальную конницу расположил на флангах.

Наши немедленно подняли крик и стали пускать в неприятелей копья. Как только те увидели, что мнимые беглецы, против ожидания, идут на них в атаку, они не могли выдержать даже первого натиска, но уже при первом столкновении пустились бежать и устремились

в леса. Лабизн преследовал их с конницей, много перебил, немало взял в плен и, таким образом, через несколько дней снова покори́л это племя. Ибо германцы, которые уже шли к ним на помощь, при известии о бегстве треверов вернулись домой. Вместе с ними удалились из страны и родственники Индутиомара, которые были зачинщиками этого возмущения. Кингеторигу, который, как мы говорили, с самого начала и до конца остался верным римлянам, была дана высшая гражданская военная власть».

Первый этап прошел блестяще; Цезарь легко добился желаемого.

Теперь ему нужно было разбить треверов.

Но прежде всего Цезарю хотелось переправиться через Рейн.

На то также имелись особые причины.

Как сказано в «Записках», «*во-первых, оттуда были посланы треверам вспомогательные войска против него, во-вторых, он не желал, чтобы там нашел себе убежище Амбиориг*».

Легионерам однажды уже пришлось налаживать переправу. Так что технология процесса была уже отработана. То, на что ранее потребовалась неделя времени, было успешно сотворено за несколько дней! Вслед за этим Цезарь перешел Рейн с основными своими силами.

Первыми его встретили убии, уверяя, что никогда не поддерживали треверов. Они молили их пощадить и предлагали любое число заложников. Следствие, учиненное Цезарем, обнаружило, что вспомогательные силы поступили треверам от свебов. Убии избежали кары; им было приказано поведать о тайных путях в землю свебов.

Убии не только предоставили Цезарю желаемую информацию, но даже уведомили о том, что «*свебы стягива-*

ют все свои боевые силы в одно место и требуют от подчиненных им племен присылки пеших и конных подкреплений. Тогда он принял меры к обеспечению себя провиантом и выбрал удобную позицию для лагеря. Убийам он дал приказ перевести весь свой скот и движимое имущество из деревень в города — в надежде, что недостаток продовольствия заставит тех грубых варваров принять сражение в невыгодной обстановке. Тем же убиям он поручил почаще посылать к себе разведчиков и узнавать, что там делается. Они исполнили его приказания и через несколько дней сообщили, что свебы, по получении точных сведений о римской армии, со всеми своими союзными войсками, которые они успели набрать, отступили к самым отдаленным границам своей страны: там есть огромный лес, по имени Бакенский; он идет далеко в глубь страны и служит естественной стеной для херусков и свебов против их нападений и разбойничьих набегов друг на друга: при входе в этот лес свебы и решили выждать приближение римлян».

Важность этой информации для Цезаря нельзя переоценить.

Читаем в «Записках»:

«Когда Цезарь узнал от разведчиков убиев, что свебы удалились в свои леса, он решил не двигаться дальше из боязни недостатка провианта, так как германцы — на что мы указывали выше — очень мало занимаются земледелием. Но чтобы вообще оставить варваров в страхе перед своим возвращением и задержать подход к ним подкреплений, он после обратной переправы своего войска через Рейн приказал разобрать на двести футов в длину конец моста у берега убиев и на краю моста поставил четырехэтажную башню; для охраны моста он заложил сильное предмостное укрепление, для прикрытия которого оставил двенадцать когорт под командой

молодого Г. Волькация Тулла. Так как уже начал поспевать хлеб, то сам Цезарь выступил в поход против Амбиорига через Ардуеннский лес, самый большой во всей Галлии, который идет на протяжении с лишком пятисот миль от берегов Рейна и границы треверов вплоть до страны нервиев. Сюда же он послал вперед со всей конницей Л. Минуция Басила в расчете, что быстрота движения или же удобный случай помогут ему достигнуть некоторого успеха. При этом он посоветовал Басилу не позволять разводить в лагере огни, чтобы они еще издали не были сигналом его приближения, а сам обещал ему без промедления идти за ним следом.

Как Басилу было приказано, так он и поступил. Он быстро и совершенно неожиданно проделал свой поход и застиг врасплох массу эбуронов в деревнях. По их показаниям он двинулся против самого Амбиорига туда, где, как они говорили, он находился в сопровождении немногих всадников.

Счастье во всем играет большую роль, особенно же в делах войны. Большой случайностью было то, что Басил наткнулся на Амбиорига, когда последний был к этому не готов и не принял мер предосторожности, и что Басила увидели перед собой прежде, чем о его наступлении могли дойти слухи и вести. Но не менее счастливым случаем для Амбиорига было то, что хотя он лишился всего бывшего при нем военного имущества, причем были захвачены даже его повозки и лошади, но сам спасся от смерти. Но и это случилось лишь потому, что его дом стоял в лесу, так как вообще галлы для защиты от жары строят свои жилища большей частью вблизи лесов и рек, а его спутники и друзья, заняв узкую дорожку в лесу, некоторое время могли выдерживать нашу конную атаку. Во время боя кто-то из его людей посадил его на коня, и беглеца укрыл лес. Таким образом, по воле судьбы

Амбиориг, с одной стороны, подвергся опасности, с другой — избежал ее».

Характерно, что Амбиориг отказался от сбора всей своей рати, порекомендовав через гонцов своим людям позаботиться о себе самостоятельно. Началось бегство: «Часть населения спаслась бегством в Ардуенский лес, другая — в обширные болотистые местности; жившие ближе к Океану укрылись на островах, образуемых приливами; многие совсем покинули свою страну и нашли для себя и для всего своего достояния пристанище у людей совершенно чужих. Царь другой половины страны эбуронов — Катуволк, участник восстания Амбиорига, по своему преклонному возрасту не мог выносить тягости войны и бегства и, всячески проклиная Амбиорига как истинного виновника этого движения, отравился ягодами тиса, который в большом количестве водится в Галлии и в Германии».

Безотрадный финал, что ни говори...

Практически одновременно «сегны и кондрусы, которые причисляются к германским племенам и живут между эбуронами и треверами, отправили Цезарю послов с просьбой не рассматривать их как врагов и вообще не думать, что все германцы, живущие по сию сторону Рейна, имеют общие интересы: сами они вовсе не помышляли о войне и не посылали никаких подкреплений Амбиоригу. Цезарь опросил по этому поводу пленных и приказал сегнам и кондрусам выдать ему всех бежавших эбуронов, которые вздумают спасаться к ним. Только при этом условии он обещал не трогать их страны. Затем, разделив все свои силы на три колонны, он направил обоз всех легионов в Адуатуку. Так называется укрепленный пункт почти в центре страны эбуронов, где перед этим стояли на зимних квартирах Титурий и Аурунку-

лей. Это место он выбрал, между прочим, потому, что теперь нужно было облегчить работу солдат. Для прикрытия обоза он оставил 14-й легион, один из тех трех, которые он в последний раз набрал в Италии и перевел сюда. Командование легионом и лагерем он поручил Кв. Туллию Цицерону, которому, кроме того, придал двести всадников.

Разделив войско, одну из трех колонн в три легиона Цезарь отправил под командой Т. Лабизна к Океану в те части области эбуронов, которые соприкасаются со страной менапиев; другую, также в три легиона, под начальством Г. Требония, для опустошения области, прилегающей к стране адуатуков; а сам с остальными тремя легионами решил двинуться к притоку Мосы Скальдису и к окраине Ардуеннского леса, куда, по его сведениям, удалился в сопровождении немногих всадников Амбиориг. При выступлении он обещал вернуться через семь дней, так как знал, что к этому сроку легион, оставляемый в Адуатуке, должен получить свое довольствие. Лабизна и Требония он также убеждает вернуться, если это можно сделать без ущерба для всей кампании, к тому же дню, чтобы снова обменяться мнениями и, выяснив расчеты неприятеля, начать войну по новому плану».

Важно отметить, что в «Записках» сообщается:

«У врагов, как мы выше указали, не было какого-либо регулярного войска, или города, или укрепленного пункта, способного к вооруженной обороне, но это была лишь масса, разбросанная в разных направлениях; каждый цеплялся или за скрытую долину, или за лесное место, или за непроходимое болото, если надеялся найти себе здесь защиту или спасение.

Эти места были известны соседям, что требовало от Цезаря особой бдительности, разумеется, не в смысле сохранения войска во всей его совокупности (армии как целому не могла угрожать никакая опасность со стороны уstraшенных и разбросанных неприятелей), но надо было беречь отдельных солдат; а это в свою очередь должно было отзываться и на всей армии. И действительно, с одной стороны, жажда добычи заманивала многих из них все дальше и дальше, а с другой — леса с их потаенными и неверными тропами не давали возможности атаковать неприятеля в сомкнутом строю.

Чтобы покончить с этой операцией и в корне истребить весь этот преступный сброд, надо было бы рассылать в разные стороны много отдельных отрядов и, таким образом, раздроблять войско; если же держать манипулы в строю под знаменами, как этого требовали правила и установившийся в римской армии порядок, — в таком случае сама местность служила для варваров защитой, и у отдельных из них хватало дерзости устраивать засады и нападать на рассеявшихся римских солдат. Против подобных затруднений принимались, насколько возможно было, меры предосторожности в том соображении, что, при всей жажде мести у солдат, лучше жертвовать отдельными случаями причинить вред врагу, чем это делать с какими-либо потерями. Поэтому Цезарь разослал по соседним общинам гонцов, вызывая всех, рассчитывающих на добычу, грабить эбуронов, чтобы в их лесах подвергались опасности лучше галлы, чем легионные солдаты, а также чтобы окруженное этой массой племя было уничтожено за свои преступления вконец, вплоть до самого своего имени. И действительно, отовсюду собралось множество галлов.

Так шло дело во всех частях страны эбуронов. Между тем уже приближался седьмой день, когда Цезарь хотел

вернуться к обозу и в лагерь Цицерона. Тут можно было убедиться в том, какую роль играет на войне счастье и сколько превратностей оно приносит. Враги, как мы указали, были рассеяны и напуганы, и у них не было ни одного отряда, который мог бы подать нам хотя бы самый ничтожный повод к опасениям. Но тем временем дошел до зарейнских германцев слух о разграблении эбуронов и о том, что римляне вызывают охотников до добычи. Тогда жившие у самого Рейна сугамбры, которые, как выше было указано, дали приют бежавшим тенктерам и усипетам, собирают две тысячи всадников и переправляются через Рейн на кораблях и на плотах, на тридцать миль ниже того места, где Цезарь навел [второй] мост и поставил гарнизон. Они нападают на пограничные части области эбуронов, захватывают много разбежавшегося народа и большое количество скота, до которого варвары вообще большие охотники. В увлечении добычей они двигаются дальше; ни леса, ни болота не задерживают этих прирожденных воинов и разбойников. Они спрашивают у пленных, где находится Цезарь; им говорят, что он далеко и что его войско отсюда ушло. Один из пленных прибавил: что вы гонитесь за этой жалкой и ничтожной добычей, когда вы сразу могли бы сделаться богачами? Через три часа вы можете быть в Адуатуке: туда римское войско свезло все свое богатство, а тамошний гарнизон так мал, что ни вала кругом занять не сможет, ни выйти за укрепления не решится.

Обнадеженные им германцы спрятали ту добычу, которую они уже успели наgrabить, и поспешили в Адуатуку, взяв в проводники того же пленного, который им это сообщил».

Тем временем Цицерон строго следовал указаниям Цезаря. Однако где-то по истечении недели, на седьмой

день, в его душу закрались сомнения, что Цезарь возвратится в срок. Цицерона же как раз донимали жалобами на текущее положение дел: лагерь по своей воле никому нельзя почему-то покинуть и т. д. Постепенно он убедил себя, что, если удалиться от лагеря на расстояние не свыше пяти-шести километров, это пройдет без осложнений. В лагере было немало больных; тех, что поправились, можно было отправить на восстановление. А пока что они как раз пригодятся для доставки фуража. Из них была составлена особая часть под специальным флагом; затем их выпустили из лагеря; возрадовавшись этому, за ними последовали всякого рода торговцы и погонщики.

Но недаром же говорят: где тонко, там и рвется!

Стоило только отпущенным оставить расположение римских войск, как неизвестно откуда возникли

«германские всадники и тотчас же на скаку попытались ворваться в лагерь у задних ворот. Так как с этой стороны их прикрывали леса, то они были замечены только при самом своем приближении к лагерю, так что торговцы, разбившие свои палатки у самого вала, не успели вернуться в лагерь. Это неожиданное нападение привело наших в замешательство, и караульная когорта с трудом выдержала первый натиск. Враги охватывают лагерь и с других сторон — в расчете найти какой-либо пункт для прорыва. Только с трудом наши удерживают ворота; остальные подступы защищает только самая местность и лагерные укрепления. Во всем лагере суэта и тревога, и один спрашивает у другого о причине переполоха; не соображают, куда направить атаку, кому куда идти. Один кричит, что лагерь уже взят; другой утверждает, что войско вместе с императором уничтожено и победители-варвары уже здесь; большую часть самое место наводит на странные суеверные мыс-

ли: живо представляется катастрофа с Коттой и Сабином, которые погибли именно в этом укреплении. Такой всеобщий страх и ужас у римлян поддерживает в варварах мысль, что в лагере действительно нет гарнизона, как им говорили пленные. Они пытаются прорваться и подбадривают друг друга к тому, чтобы не упускать из рук такого счастливого случая.

В числе больных при отряде находился старший центурион в войске Цезаря П. Секстий Бакул, о котором мы упоминали в связи с прежними сражениями. Он уже пятый день не принимал пищи. Не ожидая спасения ни для себя, ни для остальных, он выходит без оружия из палатки, видит, что враги уже близко и дело совсем плохо; хватает оружие у первого попавшегося и становится у ворот. К нему присоединяются центурионы караульной когорты. Некоторое время они все вместе выдерживают бой, но Секстий лишается чувств от многих тяжелых ран, и его с трудом спасают, передавая из рук в руки. Тем временем остальные ободряются настолько, что осмеливаются стать на укрепления и принять вид активных защитников.

Между тем наши солдаты уже окончили фуражировку и вдруг слышат крик. Вперед выскакивают всадники и видят, как плохо обстоит дело. А здесь нет ни одного укрепления, чтобы прикрыть уstraшенных: только что набранные солдаты, без боевой опытности, глядят военному трибуну и центурионам в глаза и ждут их указаний. Нет такого храброго человека, которого неожиданность не смутила бы. Варвары, заметив издали сомкнутые ряды отряда, бросают штурм. Сперва они были убеждены, что вернулись легионы, которые, [однако], по показанию пленных, должны были уйти далеко. Потом, удостоверившись в малочисленности отряда, они нападают на него со всех сторон.

Погонщики побежали вперед на ближайший холм. Быстро выбитые оттуда, они бросаются к знаменам и манипулам и тем еще больше терроризируют и без того оробевших солдат. Другие предлагают образовать, ввиду близости лагеря, клинообразную колонну и таким образом быстро пробиться — в полной уверенности, что если некоторая часть из них и будет отрезана и уничтожена, зато остальные могут спастись; третьи советуют занять позицию на возвышенности и сообща разделить общую участь. Этого не одобряют старые солдаты, которые, как мы указали, отправились под особым знаменем вместе с когортами. И вот, ободрив друг друга, они под предводительством своего начальника — римского всадника Г. Требония — пробиваются сквозь неприятельские ряды и все до одного благополучно достигают лагеря. Примкнувшие к ним погонщики и всадники спаслись благодаря той же атаке этих храбрых солдат. Наоборот, те, которые заняли возвышенности, за отсутствием боевого опыта не выдержали принятого ими же самими плана — защищаться на высокой позиции, равно как и не сумели усвоить себе ту стремительность и быстроту, которая на их глазах так помогала другим. Вместо этого они попытались вернуться в лагерь, причем попали на невыгодное место. Их центурионы, часть которых была переведена из низших рангов в других легионах в этот легион с повышением в ранге за храбрость, сражались с чрезвычайной доблестью, чтобы не потерять ранее приобретенной славы, и пали; зато часть солдат, воодушевленная их храбростью, заставила врага податься и, против ожидания, благополучно достигла лагеря; другая же часть была окружена варварами и погибла.

Германцы, видя, что наши уже стоят на укреплениях, потеряли надежду на завоевание лагеря и вернулись

за Рейн с той добычей, которую они спрятали в лесах. Но даже после ухода неприятеля все еще продолжался ужас у наших, и, когда посланный Цезарем с конницей Г. Волусен в следующую ночь прибыл в лагерь, ему никто не хотел верить, что Цезарь и его армия невредимы и подходят. Все были так охвачены страхом, что, точно безумные, утверждали, что все главные силы уничтожены и что только этот конный отряд спасся при общем бегстве: ведь если бы, говорили они, войско было невредимым, германцы не стали бы штурмовать лагерь. Их страху положил конец только приход Цезаря.

Как человек, хорошо знакомый с превратностями войны, Цезарь по своем возвращении мог сделать упрек единственно в том, что когорты были посланы с своего поста и из укрепленного лагеря: следовало избегать возможности даже самой незначительной неудачи; по его мнению, несомненной игрой судьбы было внезапное нападение врага, а еще более — его удаление, после того как он был уже у самого вала, почти в воротах лагеря. Но самым удивительным во всем этом деле представлялось то, что германцы, переправившиеся через Рейн с намерением опустошить страну Амбиорига, случайно отвлеклись в сторону римского лагеря и тем оказали Амбиоригу самую желанную услугу.

Вот что творилось в тот год в Галлии...

Цезаря, впрочем, нимало не смутила та опасность, которой подвергся римский лагерь. Он был намерен принести опустошение землям неприятеля.

В «Записках» сообщается: «Все селения и дворы, какие только попадались на глаза, были сожжены; все разграблялось; хлеб на полях съедало множество вьючных животных и людей, а то, что оставалось, полегло от дурной осенней погоды и проливных дождей; если кому-нибудь покамест

еще и удавалось укрыться, то всем таким людям, даже после ухода нашего войска, грозила несомненная смерть от голода. При этом разосланные в огромном количестве по разным направлениям всадники часто добирались до такого пункта, что эбурионы при взятии в плен искали глазами Амбиорига, точно они только что видели его бегущим, и даже утверждали, что он не совсем еще скрылся. Это увеличивало надежду на успех погони, и те, которые желали заслужить высшую благодарность Цезаря, брали на себя бесконечный труд и, можно сказать, в своем усердии готовы были превзойти самую природу человеческую. Но каждый раз какой-нибудь мелочи недоставало до полного успеха. А тем временем Амбиориг спасался в потаенных местах и в густых лесах и под покровом ночи устремлялся по иным направлениям и в другие местности — притом в сопровождении только четырех всадников, которым он одним решался доверить свою жизнь».

Цезарь, добившись опустошения вражеских земель и потеряв за все время не более двух когорт своих воинов, предпочел вернуться к ремам в Дурокортор.

Там он затеял специальное расследование деталей заговора сенонов и карнутов. Аккон, который *«стоял во главе этого заговора, был присужден к смерти и казнен по обычаю предков. Некоторые из страха перед судом бежали. Они объявлены были лишенными огня и воды. После этого Цезарь поместил на зимние квартиры два легиона на границе треверов, два — в области лингонов, шесть остальных — в Агединке в области сенонов, заготовил для всей армии продовольствие и, по своему обыкновению, отправился в Италию на судебный съезд».*

Очередной год присутствия римлян в Галлии был отмечен достаточно тонкой игрой со стороны антиримской

коалиции племен. Как обычно происходило, после завершения сезона и ухода войск на зимние квартиры Цезарь ненадолго отбывал в Италию. На сей раз его пребывание в Риме почти совпало по времени с убийством Клодия, народного трибуна и некогда — любовника Помпеи, третьей супруги Цезаря. Сенат, реагируя на убийство, объявил о тотальной мобилизации. Это решение распространялось и на территории провинций, а значит, касалось и Галлии. Тамошние князья решили воспользоваться ситуацией и объявили о том, что ввиду серьезных осложнений в Риме Цезарь надолго там застрянет. Известие моментально взбудоражило всю Галлию; стала стремительно зарождаться смута.

В «Записках» отмечается, что

«этот случай побудил людей, уже давно скорбевших о своем подчинении римской власти, строить с большой свободой и смелостью планы войны с римлянами. Галльские князья стали собираться в лесных и отдаленных местах и жаловаться на казнь Аккона: такая же участь, говорили они, может постигнуть и их самих. Они сокрушаются об общей для всей Галлии судьбе; всякими обещаниями и наградами вызывают желающих начать восстание и на свой риск добиваться свободы для Галлии. Главное дело — отрезать Цезаря от его армии, прежде чем их тайные планы сделаются известными. И это нетрудно, так как ни легионы не осмелятся выйти из зимнего лагеря в отсутствие полководца, ни полководец не может добраться до легионов без прикрытия; наконец, лучше пасть в бою, чем отказаться от попытки вернуть свою прежнюю военную славу и унаследованную от предков свободу.

После оживленных прений карнаты заявляют, что для общего блага они готовы на все опасности, и обеща-

ют первыми начать войну. Но так как невозможно было обеспечить тайну предприятия путем обмена заложниками, то они требуют клятвенной поруки в том, что после начала военных действий их не покинут остальные; такой порукой должна быть присяга перед соединенными знаменами, которая была у галлов одним из самых торжественных религиозных обрядов. Все присутствовавшие похвалили карнутов, дали эту присягу, условились о дне восстания и затем разошлись по домам.

Когда наступил условленный день, карнуты, под предводительством двух отчаянных смельчаков — Гутруата и Конконнетодумна, по данному знаку устремились в Кенаб, перебили римских граждан, поселившихся там с торговыми целями, и разграбили их имущество. В том числе погиб и уважаемый римский всадник Г. Фуфий Цита, который, по приказу Цезаря, заведовал продовольствием. Молва об этом скоро дошла до всех общин Галлии...

Так было и с арверном Верцингеторигом, сыном Кельтилла. Этот очень влиятельный молодой человек, отец которого стоял некогда во главе всей Галлии и за свое стремление к царской власти был убит своими согражданами, собрал всех своих клиентов и без труда поджег их к восстанию. Узнав о его замыслах, арверны схватились за оружие. Его дядя Гобаннитион и остальные князья, не находившие возможным теперь же пытаться счастья, воспротивились ему, и он был изгнан из города Герговии. Однако он не отказался от своего намерения и стал набирать по деревням бедноту и всякий сброд. С этой шайкой он обходит общину и повсюду привлекает к себе сторонников, призывая к оружию для борьбы за общую свободу. Собрав таким образом большие силы, он изгоняет из страны своих противников, которые недавно изгнали его самого. Его приверженцы провозглашают

его царем. Он повсюду рассылает посольства, закликает галлов соблюдать верность своей присяге. Скоро в союз с ним вступают сеноны, парисиисы, пиктоны, кадурки, туроны, аулерки, лемовики, анды и все прочие племена на берегу Океана. По единогласному постановлению они вручили ему главное командование. Облеченный этой властью, он требует от всех этих общин заложников; приказывает в кратчайший срок поставить определенное число солдат; определяет, сколько оружия и к какому сроку должна изготовить у себя каждая община. Главным образом он заботится о коннице. Чрезвычайная энергия соединяется у него с чрезвычайной строгостью военной дисциплины: колеблющихся он подвергает большим наказаниям, за крупные преступления приказывает сжигать и казнить всевозможными пытками, за легкие проступки обрезать уши или выкалывать один глаз и в таком виде отправлять на родину, чтобы наказанные служили уроком для остальных и своей тяжелой карой внушали им страх.

Быстро набрав этими суровыми мерами целую армию, он посылает часть ее под начальством отчаянного смельчака — кадурка Луктерия в область рутенов, а с другой отправился сам в область битуригов. При его приближении битуриги отправили к своим покровителям эдуям послов с просьбой о подкреплении, чтобы сообще легче выдержать нападение неприятельского войска. Эдуи, по совету легатов, которых Цезарь оставил при армии, послали битуригам в помощь и конные, и пешие силы. Когда эти войска дошли до Лигера, отделяющего битуригов от эдуев, то они простояли там несколько дней, не решаясь переправляться через реку, и вернулись домой, а легатам нашим донесли, что вернулись из боязни вероломства битуригов, которые, по их сведениям, были намерены напасть на них, в случае их переправы, с

одной стороны сами, в то время как с другой нападут арверны. Действительно ли такова была причина, которая будто бы заставила эдуев вернуться, или это было с их стороны вероломством, утвердительно сказать нельзя за отсутствием достаточных данных. Во всяком случае, по уходе эдуев битуриги немедленно соединились с арвернами».

Вот такую картину представляла собой Галлия без Цезаря.

Его присутствие явно обладало некой магнетической силой.

Естественно, волнения были и при нем, но масштабность проявлений всегда зависела от местопребывания Цезаря.

Известия в те времена доходили до адресата не слишком быстро, и поэтому ситуация в Галлии уже успела крепко выйти из-под контроля, когда Цезарю стало известно о том, что происходит.

На тот момент ситуация в Риме стабилизировалась, и Цезарь вполне мог отбыть обратно в Галлию. Однако перед ним стояла серьезная проблема: как добраться до своих легионов? Во время смуты доверять было нельзя никому. К тому же и время поджимало.

Принять Цезарю решение помог случай.

Согласно «Запискам», *«посланный к рутенам кадурк Луктерий склонил их общину к союзу с арвернами. Отсюда он двинулся дальше в области нитиоброгов и габалов, с тех и других взял заложников, собрал значительные боевые силы и задумал прорваться в Провинцию по направлению к Нарбону».*

Цезарь немедленно устремился в Нарбон.

Добравшись до города, он *«ободряет робких, ставит гарнизоны во всех пунктах, пограничных с неприятелем,*

именно в области принадлежащих к Провинции рутенов, арекомийских вольков, толосатов и в окрестностях Нарбона; часть его сил в Провинции и подкрепления, приведенные им из Италии, должны были собраться в области гельвиев на границе с арвернами».

Появление Цезаря, а главное — его действия, как всегда, произвели свой магический эффект! Луктерий почел за благо отступить, открывая тем самым для Цезаря путь к землям гельвиев и далее — арвернов, главных смутьянов. Пренебрегая смертельной опасностью, Цезарь сумел преодолеть утопающий в снегах Кевеннский хребет и внезапно обрушился на арвернов. Те полагали себя надежно защищенными благодаря почти что неприступному хребту, и появление Цезаря их просто ужаснуло. Цезарь вознамерился еще более усилить впечатление и

«приказал своей коннице охватить своими набегами возможно более широкий район и как можно больше нагнать страху на неприятелей. Слухи и прямые вести об этом доходят до Верцингеторига. Его обступают в ужасе все арверны и умоляют позаботиться об их достоянии и не отдавать его на разграбление врагам, тем более что война, как и сам он видит, всей тяжестью обрушивается на их страну. Их просьбы побудили его выступить из области битуригов по направлению к стране арвернов.

Цезарь предвидел, что Верцингеториг так и поступит. Поэтому он пробыл в этих местах только два дня, а затем оставил армию под предлогом, что желает привести сюда подкрепления и стянуть всю конницу. Во главе этой армии он поставил молодого Брута и приказал ему разослать по всем направлениям конницу для набегов на возможно большем пространстве, прибавив, что постарается пробыть в отлучке не более трех дней.

После этого он сам быстрым маршем прибыл в Вьенну против ожидания своих. Застав там в отличном состоянии конницу, которую он за много дней до этого выслал впереди себя, он двинулся с нею, не останавливаясь ни днем, ни ночью, через страну эдуюв в область лингонов, где зимовали два его легиона, чтобы в случае, если даже и эдуюи задумают посягнуть на его личную безопасность, предупредить их замыслы быстротой действий. Прибыв туда, он посылает приказы к остальным легионам и стягивает их в одно место, прежде чем арверны могли получить сведения о его приближении. При этом известии Верцингеториг снова отвел свое войско в область битуригов, оттуда двинулся к Горговине, городу боев, которые после поражения в гелветийской битве были поселены там Цезарем и отданы под покровительство эдуюям, и приступил к его осаде».

Для Цезаря это был, образно говоря, удар ниже пояса.

Коварный Верцингеториг рассчитал все точно: если Цезарь не кинется вызволять своих из окруженного города, его реноме будет уничтожено; если же выведет до срока свои легионы с зимних квартир, не дав им толком подготовиться, это может не только привести к серьезным потерям в живой силе, но еще и фатально отразится на общем ходе кампании.

Цезарь выбрал второй вариант.

Он предпочел идти на выручку.

Иной выбор был практически невозможен.

Единственное, что еще успел Цезарь, это условиться с эдуюями о снабжении продовольствием.

Буквально «на следующий день он подошел к городу сенонов Веллаунодуну. Чтобы не оставлять у себя в тылу врагов и тем облегчить подвоз провианта, он присту-

пил к осаде города и через два дня обвел его валом. На третий день из города явились послы с предложением капитуляции. Цезарь приказал выдать оружие, вывести вьючный скот и дать шестьсот заложников. Для наблюдения за исполнением этих условий он оставил легата Г. Требония, а сам поторопился продолжить свой поход на город карнутов — Кенаб. Карнуты только теперь узнали об осаде Веллаунодуна и в предположении, что она затянется довольно долго, все еще были заняты формированием гарнизона для обороны Кенаба. Сюда Цезарь прибыл через два дня и разбил лагерь перед самым городом, но за поздним временем отложил осаду до следующего дня, причем, однако, приказал солдатам немедленно заготовить все для нее необходимое. Так как к городу Кенабу примыкал мост через реку Лигер, то из опасения, что неприятели ночью убегут из города, он приказал двум легионам караулить всю ночь под оружием. И действительно, кенабийцы незадолго до полуночи бесшумно вышли из города и начали переходить через реку. Об этом дали знать Цезарю разведчики. Тогда он приказал легионам, которые по его распоряжению были наготове, поджечь ворота и вступить в город. Город попал в его руки, и почти все жители, за немногими исключениями, были взяты в плен, так как узость моста и дорог сделала бегство для большой массы невозможным. Он приказал разграбить и сжечь город и отдал его в добычу солдатам. Затем он перевел войско через Лигер и прибыл в область битуригов».

До осажденного Верцингеторигом города было уже рукой подать.

Появление Цезаря побудило Верцингеторига забыть об осаде.

Он со всеми силами устремился навстречу Цезарю.

А Цезарь был уже крепко занят, поскольку

«приступил к осаде города битуригов Новиодуна, лежавшего на его пути. Из этого города пришли к нему послы с просьбой о прощении и пощаде. Желая исполнить свои дальнейшие планы с той же скоростью, которой он был обязан успехом в большей части своих предприятий, он приказал сдать оружие, вывести лошадей и дать заложников. Часть заложников была уже выдана, остальные дела были в полном ходу, в город были уже введены центурионы с несколькими солдатами для приема оружия и животных, как вдруг вдали показалась неприятельская конница, образовавшая авангард колонны Верцингеторига. Как только горожане заметили ее и прониклись надеждой на выручку, они подняли военный клич и стали хвататься за оружие, запирают ворота и занимать стену. Бывшие в городе центурионы догадались по всему поведению галлов, что они что-то замышляют, немедленно обнажили мечи, заняли ворота и благополучно вернулись оттуда со своими солдатами в лагерь.

Цезарь приказал коннице выступить из лагеря и завязал конное сражение. Когда наших начали теснить враги, то он послал в помощь около четырехсот германских всадников, которых он с самого начала войны обыкновенно держал при себе. Галлы не могли выдержать их натиска, обратились в бегство и с большими потерями отступили к своим главным силам. После их поражения горожанами снова овладел ужас. Они схватили тех, кого считали виновниками возмущения народа, привели их к Цезарю и сдались. Окончив эту операцию, Цезарь двинулся против Аварика, самого укрепленного и главного города битуригов, к тому же лежащего в очень плодородной местности. Он был уверен, что с занятием этого города подчинит общину битуригов своей власти».

Теперь уже Верцингеторигу предстояло сделать сложный выбор. Поскольку ему не хотелось брать всю ответственность на себя, он предпочел ее разделить с партнерами. Однако повод для сбора был особый. У Верцингеторига родилось предложение о коренном изменении традиционной военной стратегии.

Как свидетельствует автор «Записок»,

«после стольких сплошных неудач — под Веллаунодуном, Кенабом и Новиодуном — Верцингеториг созывает своих на собрание. Там он указывает, что войну следует вести совершенно иначе, чем до сих пор. Надо всячески стараться отрезать римлян от фуражировок и подвоза провианта. Это сделать нетрудно, так как сами галлы имеют перевес в коннице и, кроме того, им благоприятствует время года. Травы косить нельзя; враги должны по необходимости дробиться на небольшие отряды и добывать фураж из усадеб; все подобные отряды может ежедневно уничтожать конница. Помимо того, все частные интересы надо принести в жертву общему благу, а именно сжечь на всем этом пространстве селения и усадьбы всюду, куда только римляне могут отправляться за фуражом. А у галлов всего этого вполне достаточно, так как их будут снабжать своими запасами те, на чьей территории будет идти война. Римляне либо не вынесут голода, либо должны будут с большой для себя опасностью уходить слишком далеко от лагеря. При этом все равно — перебить их самих или лишить их обо- за, без которого вести войну нельзя.

Далее, надо сжечь такие города, которые не вполне обеспечены от опасности своим местоположением или искусственными укреплениями, чтобы они не были убежищем для галлов, уклоняющихся от воинской повинности, и не соблазняли бы римлян вывозить из них запасы

провианта и добычу. Если бы это показалось тяжелым и огорчительным, то, несомненно, гораздо тяжелее увод в рабство детей и жен и истребление их самих — а это неизбежная участь побежденных.

Предложение Верцингеторига было единодушно одобрено, и в один день было сожжено у битуригов более двадцати городов. То же происходит и в остальных общинах. Во всех направлениях видно зарево пожаров. Но как все это ни огорчало галлов, они утешали себя уверенностью, что теперь победа почти в их руках и они скоро вернут потерянное.

На общем собрании обсуждался вопрос и об Аварике — сжечь ли его или же защищать. Битуриги на коленях молят всех галлов не принуждать их своими руками поджигать этот, может быть, самый прекрасный город во всей Галлии, красу и опору их общины. Они утверждают, что защитят его благодаря его местоположению, так как он почти со всех сторон окружен рекой и болотом и доступен только в одном, и то очень узком, месте. Эта просьба была уважена. Верцингеториг сначала противился, но потом уступил их мольбам и всеобщему сочувствию к ним. Для города были выбраны надежные защитники.

Верцингеториг двигался по пятам Цезаря небольшими дневными переходами и в конце концов выбрал для лагеря место, защищенное болотами и лесами, в шестнадцати милях от Аварика. Там, благодаря регулярно поставленной разведке, он ежечасно узнавал о том, что делается в Аварике, и давал соответственные указания. Он наблюдал за всеми нашими продовольственными и фуражировочными отрядами и, когда они заходили слишком далеко, нападал на них поодиночке и причинял им значительный урон, хотя с нашей стороны, насколько это можно было предусмотреть, прини-

мались предупредительные меры и экспедиции отправлялись в неопределенное время и не по одним и тем же направлениям».

Пожалуй, один из самых любопытных моментов Галльской войны! Верцингеториг не имел возможности ранее изучить военное искусство Юлия Цезаря. Однако нестандартный подход к ведению войны обнаруживает в нем стратега, во многом схожего с Цезарем. Верцингеториг явно на голову выше галльских князьков. Не будет преувеличением сказать, что в этом эпизоде военного противостояния он, даже, наверное, не подозревая того, умудряется бить Цезаря его же оружием! В принципе, у Цезаря в ходе войны впервые появляется достойный противник!

Цезарь же не терял времени даром; он «разбил лагерь у той части города, которая, как указано выше, не была окружена рекой и болотами и представляла единственный очень узкий доступ. Здесь он начал заготавливать материал для плотины, продвигать крытые галереи и устанавливать две башни, ибо окружению валом мешало местоположение. Относительно доставки продовольствия он не переставал обращаться с убедительными просьбами к боям и эдуюм. Но последние мало помогали, потому что не обнаруживали ни малейшего усердия, а первые, будучи племенем слабым и малым, не располагали большими запасами и то, что имели, скоро съели сами.

Таким образом, от бедности боев, незначительности эдуюв и пожара усадеб наша армия испытывала такие тяжелые продовольственные затруднения, что солдаты в течение многих дней не видали хлеба и утоляли свой острый голод лишь мясом скота, пригоняемого из отдален-

ных деревень; однако от них не слышали ни одного звука, недостойного величия римского народа и их прежних побед.

Мало того, когда Цезарь на осадных работах обращался к отдельным легионам и говорил, что готов снять осаду, если им слишком тяжело терпеть нужду, они, все до одного, просили его не делать этого: за много лет службы под его командованием они никогда не навлекали на себя бесчестия, ниоткуда не уходили, не кончив дела; они сочли бы для себя позором оставить начатую осаду: лучше вынести все лишения, чем отказаться от поминок в честь тех римских граждан, которые погибли в Кенабе от вероломства галлов. То же самое они заявляли Цезарю и через своих центурионов и военных трибунов».

Да, с такими людьми работать — это честь! У Цезаря была настоящая команда! Насколько убоги и жалки были его союзнички (бои и эдуи), настолько поражали преданностью и стойкостью его несравненные легионеры. Тот редкий случай, когда солдаты и командир стоят друг друга!

На этом этапе многое зависело от качества работы лазутчиков и агентов.

Так, «когда башни уже приблизились к стене, Цезарь узнал от пленных, что Верцингеториг извел весь фураж и поэтому придвинулся ближе к Аварику, причем сам он выступил с конницей и легковооруженными пехотинцами, привыкшими сражаться среди всадников, — для того чтобы устроить засаду там, куда, по его расчетам, наши должны были явиться на следующий день за фуражом. При известии об этом Цезарь выступил в полночь в полной тишине и рано утром достиг лагеря врагов. Те, скоро узнав через разведчиков о приближении Цезаря, спрятали свои повозки и обоз в густой лес, а все свои

силы выстроили на высоком и открытом месте. Весть об этом заставила Цезаря отдать приказ немедленно убрать поклажу в одно место и держать оружие наготове.

Это была высота с легким у подошвы подъемом. Ее почти со всех сторон окружало чрезвычайно трудно-проходимое болото, не шире пятидесяти футов. Галлы сломали мосты через него и спокойно держались на возвышенности, уверенные в природной крепости своей позиции; при этом они занимали все броды и проходы этого болота, разделившись по племенам, в полной готовности напасть со своей возвышенной позиции на римлян, если последние, при своей попытке прорваться через болото, застрянут в нем. Ввиду близости их расположения можно было бы подумать, что они готовы были дать бой при условиях почти одинаковых для обеих сторон; но, убеждаясь в действительности как раз в неравенстве этих условий, легко можно было понять, что это лишь притворная, хвастливая демонстрация. Римские солдаты негодовали на то, что враги не боятся на таком ничтожном расстоянии спокойно смотреть на них, и требовали сигнала к бою. Но Цезарь разъяснил им, скольких жертв и скольких доблестных жизней должна была бы стоить эта победа: как раз потому, что он видит их полную готовность решиться на все ради его славы, он был бы повинен в величайшей несправедливости, если бы их жизнь была для него не дороже его личных интересов. Утешив этими словами солдат, он в тот же день отвел их в лагерь и стал делать дальнейшие приготовления к осаде города».

В отличие от Цезаря и его верных соратников, Верцингеториг куда менее мог рассчитывать на лояльность собственных подчиненных.

Читаем в «Записках»:

«Когда Верцингеториг вернулся к своим, то он был обвинен в измене за то, что слишком близко продвинулся к римлянам, что ушел со всей конницей, что оставил очень большие силы без командования, что после его ухода римляне подошли очень скоро с большой выгодой для себя; все это не могло произойти случайно и без умысла; он, следовательно, предпочитает быть царем Галлии с разрешения Цезаря, а не милостью своих соотечественников. На эти обвинения он возразил: с лагеря он снялся из-за недостатка фуража, по их же собственному предложению; к римлянам он придвинулся из убеждения в выгоде позиции, которая сама себя способна защищать без всяких искусственных укреплений; без конницы в болотистых местах можно было вполне обойтись, тогда как там, куда она с ним выступила, она оказала полезные услуги.

При своем уходе он намеренно никому не передавал командования, чтобы его заместитель под влиянием неразумного увлечения массы не соблазнился на решительное сражение, а к этому сражению, как он видел, стремились все по своей слабохарактерности, так как им не хотелось дольше выносить трудности войны. Если римляне подошли случайно, надо благодарить судьбу; если же по чьему-либо показанию, то заслуживает признательности этот предатель, так как галлы со своей высокой позиции могли убедиться в их малочисленности и проникнуться презрением к храбрости людей, которые не осмеливались дать сражение и с позором отступили в свой лагерь. От Цезаря он вовсе не желает высшей власти путем измены, так как может получить ее после победы, которая теперь обеспечена для него и для всей Галлии. Мало того, власть эту он возвращает им назад,

если они убеждены в том, что они не столько получают от него спасение, сколько оказывают ему честь.

— Чтобы вы увидели,— прибавил он,— что я говорю правду, послушайте римских солдат.

При этом он выводит рабов, которых он несколько дней тому назад захватил на фуражировке и замучил голодом и цепями. Заранее наученные ответам на вопросы, которые им будут предлагать, они выдали себя за легионных солдат: будто бы от голода и крайней нужды они тайно вышли из лагеря в расчете найти в деревне сколько-нибудь хлеба или мяса. От такой же нужды страдает и все войско, все обессилели и не могут выносить работ над укреплениями; поэтому полководец решил увести войско через три дня, если осада города нисколько не подвинется вперед...

— Вот чем,— сказал Верцингеториг,— обязаны вы мне, которого вы обвиняете в измене. Вы сами видите, что я изнурил голодом большую победоносную армию, не пролив ни капли вашей крови. Я же принял меры и к тому, чтобы ни одно племя не дало ей убежища при ее позорном отступлении и бегстве».

Верцингеториг — манипулятор почище Цезаря!

Для него народ подобен пластилину.

Итог закономерен: «Вся масса приветствует его криком и, согласно с обычаем, стучит оружием — что галлы всегда делают в честь оратора, речь которого они одобряют: Верцингеториг — великий вождь, его честность несомненна, и разумнее вести войну невозможно. Решено было послать из всего войска десять тысяч отборных бойцов в город, чтобы не доверять общего блага одним битуригам, так как ясно было, что если они удержат этот город, то это и будет почти равносильно окончательной победе».

Цезарь был достаточно умен и наблюдателен, чтобы не заметить новизны в действиях галлов.

Свидетельством тому — его же «Записки»:

«Исключительной доблести наших солдат галлы противопоставляли разного рода маневры, так как вообще эта нация отличается большой смышленостью и чрезвычайной способностью перенимать и воспроизводить у себя все, чему учат другие. Именно наши стенные крюки они ловили петлями и, зацепив их, тащили воротом к себе в город, под нашу плотину они проводили подземные ходы и таким образом вытаскивали из-под нее землю, с тем большим знанием дела, что у них есть большие железные копи, и всякого рода подземные ходы им хорошо известны по собственному опыту. А всю свою стену они застроили со всех сторон ярусными башнями, которые покрыли кожами.

Далее, они делали частые вылазки и днем и ночью и либо поджигали плотину, либо нападали на наших солдат за их работой, и на какую высоту от ежедневного увеличения плотины поднимались наши башни, такую же они давали своим башням посредством прибавки новых балок; наконец, проведение открытых ходов они задерживали заостренными и зажженными бревнами, горячей смолой и камнями огромной тяжести и таким образом препятствовали приближению их к стенам.

...Все эти препятствия очень затрудняли осаду, и, кроме того, работа наших солдат все время замедлялась холодами и постоянными ливнями. И все-таки они преодолели все затруднения непрерывным трудом, построив в двадцать пять дней плотину шириной в триста тридцать футов и высотой в восемьдесят футов. Когда она уже почти касалась неприятельской стены и Цезарь, по

обыкновенно, проводил ночь при работающих солдатах и ободрял их ни на одну минуту не прерывать работы, незадолго до третьей стражи заметили, что плотина дымится (оказалось, что ее подожгли посредством подкопа враги); в то же время по всей стене поднялся воинский клич, и из двух ворот у обеих сторон [наших] башен началась вылазка. Другие бросали издали со стены на плотину факелы и сухое дерево, лили смолу и другие горючие вещества, так что с трудом можно было сообразить, куда надо прежде всего спешить, где подать помощь. Но так как, по заведенному Цезарем порядку, всегда стояли на карауле два легиона, и еще большее число солдат было занято попеременно работой, то скоро одни стали отбивать вылазку, другие отводить назад башни и ломать плотину, а вся масса солдат, бывшая в лагере, сбежалась тушить пожар».

«Записки» Цезаря недаром считаются классическим пособием по стратегии и тактике военных действий. Обращает на себя внимание четкое распределение Цезарем ролей и задач; даже в ходе ожесточенной схватки не возникает суеты и разлада в действиях его солдат!

Однако вернемся к нашему рассказу. Хотя ночь была почти на исходе, еще рано было праздновать финал:

«Оставшаяся часть ночи уже пришла к концу, а сражение все еще продолжалось во всех пунктах, и у врагов возникали все новые и новые надежды на победу, тем более что они видели, как сгорели башенные щитки и какого труда стоило нашим солдатам, не имевшим прикрытия, подавать помощь. Наоборот, у них самих бойцы с свежими силами постоянно сменяли утомленных, и вообще они полагали, что спасение всей Галлии зависит исключительно от этого момента.

В это время на наших глазах случился достойный упоминания эпизод, о котором мы не сочли возможным умолчать. Один галл перед воротами города бросал по направлению к башне в огонь передаваемые ему из рук в руки комки сала и смолы. Пораженный в правый бок выстрелом из скорпиона, он пал бездыханным. Один из его соседей перешагнул через его труп и продолжал его дело; он точно так же был убит выстрелом из скорпиона, его сменил третий, третьего — четвертый; и этот пункт только тогда был очищен неприятельскими бойцами, когда пожар плотины был потушен, враги были оттеснены и сражение вообще окончилось».

Что ж, римляне оказались сильнее, как всегда. Однако в этой битве подле стен осаждаемого города им противостояли галлы, показавшие себя на сей раз отважными и самоотверженными солдатами.

Однако положение галлов было очень сложным; перспективы — туманны. Впрочем, их вождь не утратил присутствия духа: «Так как ни одна из всевозможных попыток галлов не удалась, то на следующий день, по совету и приказанию Верцингеторига, они приняли решение бежать из города. Эту попытку они надеялись осуществить в тишине ночи с небольшими потерями, так как недалеко от города был лагерь Верцингеторига и, кроме того, тянувшееся между лагерем и городом сплошное болото должно было замедлять нашу погоню. И они уже собирались сделать это ночью, но вдруг выбежали на улицу замужние женщины и с плачем стали всячески просить на коленях своих мужей не отдавать на мучения врагам их и их общих детей, которым природное слабосилие мешает бежать. Но, увидев своих мужчин непреклонными — вообще в момент величайшей опасности страх не знает сострадания, — они стали кричать и давать римлянам знаки, что их мужья хотят

бежать. Это устрашило галлов, и из боязни, что римская конница может отрезать их от всех дорог, они от этого плана отступились».

Совершенно невероятный поворот событий.

Верцингеториг не мог предвидеть подобного варианта.

По идее, если бы галлам удался их маневр, у них был бы шанс избежать немедленной погони и спастись. Однако приносить в жертву своих жен и детей — бесчеловечно. Конечно, сомнительно, что Цезарь, обнаружив поутру опустевший город, стал бы уничтожать мирных жителей. Можно допустить, что на это и делал ставку Верцингеториг. Однако предложенный им ход был явно недостойным.

Вернемся к «Запискам»:

«На следующий день Цезарь распорядился продвинуть башню и указал, куда направить те осадные работы, которые по его приказанию были уже начаты. В это время начался сильный ливень, и Цезарь решил использовать такую погоду для исполнения задуманного плана. Видя, что караулы на стене у неприятелей расставлены не так тщательно, как обыкновенно, он и своим солдатам приказал работать с меньшей энергией и дал им необходимые указания. Поместив легионы в боевой готовности в скрытом месте за крытыми галереями, он ободрил их к тому, чтобы наконец пожать плоды победы за свои великие труды; тем, которые первыми взойдут на неприятельскую стену, он обещал награды и затем дал сигналы к атаке. Солдаты быстро бросились со всех сторон и немедленно заняли всю стену.

Неожиданность нападения привела врагов в ужас. Выбитые со стены и из башен, они остановились в клинообразном строю на площади и других открытых местах с решимостью принять правильное сражение там,

где римляне пойдут на них в атаку. Но, увидев, что никто не спускается на ровное место, но все распространяются кругом по всей стене, они побоялись потерять последнюю надежду спастись бегством и, побросав оружие, неудержимым потоком устремлялись к окраинам города. Там одни из них, давившие друг друга в узком выходе из ворот, были перебиты нашей пехотой, а другие — уже за воротами — конницей».

Да, спасти галлов уже ничто не могло...

Следующий абзац из «Записок» особенно важен в свете рассмотренного нами выше решения Верцингеторига о ночном бегстве с этико-нравственной точки зрения.

Читаем:

«При этом никто не думал о добыче. Озлобленные резней в Кенабе и трудностью осадных работ, солдаты не дали пощады ни дряхлым старикам, ни женщинам, ни малым детям. В конце концов из всей массы, доходившей до четырех тысяч человек, уцелело едва восемьсот человек, которые успели при первых же криках броситься из города и невредимыми добрались до Верцингеторига.

Но он боялся, как бы скопление их в лагере и жалость к ним не породили возмущения в солдатской массе, и потому принял этих беглецов уже поздно в тишине ночи. При этом он разместил по дороге вдали от лагеря своих друзей и князей общин и приказал последним разбить их на группы и отводить к их землякам в ту часть лагеря, которая с самого начала досталась каждому племени.

Созвав на следующий день собрание, он утешал присутствующих и ободрял их не слишком падать духом и не слишком волноваться по поводу неудачи: не храбро-

стью и не в открытом бою победили римляне, но каким-то хитрым приемом и благодаря знанию осадного дела, в котором галлы были неопытны. Ошибаются те, которые ожидают на войне только одних успехов. Он всегда был против обороны Аварика: свидетелями в этом они сами. Но неразумие битуригов и излишняя снисходительность остальных были причинами этой неудачи. Но он скоро залечит ее более крупными успехами. Именно те общины, которые расходятся с остальными галлами, он всячески постарается привлечь на свою сторону и таким образом создать единый общегалльский союз; и если в нем будет согласие, то даже весь мир не в состоянии бороться с ним. Этой цели он почти уже достиг. А тем временем в интересах общего блага справедливо потребовать от них приступить наконец к укреплению своих лагерей, чтобы тем легче выдерживать внезапные нападения врагов».

В дальнейшем «Верцингеториг, как и обещал, все свое внимание обращал на присоединение к союзу остальных племен и старался склонить на свою сторону их князей дарами и обещаниями. Для этой цели он выбирал подходящих людей, которые особенно способны были обольщать новых сторонников либо вкрадчивыми речами, либо благодаря дружественным связям. Спасшихся бегством из завоеванного Аварика он распорядился вооружить и одеть; вместе с тем для пополнения убыли в войсках он приказал общинам поставить определенные контингенты солдат и привести их к известному сроку в лагерь, а также набрать и доставить к нему всех стрелков, которых было очень много в Галлии. Этими мерами потери, понесенные в Аварике, были скоро восполнены. Тем временем к нему прибыл с большой конницей — как собственной, так и нанятой в Аквитании,— царь нитиоброгов

Теутомат, сын Оловикона, которому в свое время наш сенат дал титул друга римского народа».

Взятие Аварики позволило римлянам пополнить свои запасы продовольствия. Припомним, что кампания велась практически в зимнее время; можно себе представить, каким лишениям и испытаниям подверглись солдаты Цезаря. Вместе с тем он явно совершил тактический просчет, что встал лагерем в Аварики и не начал преследование Верцингеторига. Ведь, напади Цезарь на него на следующий день, надо полагать, все разом бы и закончилось. Однако Цезарь поступил иначе, а зря. Покуда римляне расслаблялись, Верцингеториг не только восполнил убыль в живой силе, но, как вы уже знаете, неожиданно обрел очень мощного союзника. Практически одновременно с этим к Цезарю явилось посольство от союзников-эдуев с *«просьбой помочь их общине в это особенно трудное для нее время: положение ее очень опасно; эдуи издавна обыкновенно избирают только одного высшего сановника, который в течение года пользуется царской властью, а теперь у них два таких сановника, и каждый из них утверждает, что он избран законным путем. Один из них — Конвиктолитав, влиятельный и знатный молодой человек, а другой — Кот, из очень древнего рода и также с очень большим влиянием и могущественной родней, брат которого Валетиак занимал в прошлом году ту же должность. Все граждане под оружием, разделился сенат, разделился народ, у каждого вождя свои клиенты. Если эта распря затянется, то дело кончится тем, что одна часть граждан вступит в вооруженное столкновение с другой. Предупредить его может только бдительность и авторитет Цезаря».*

Невероятно, но Цезарь решает заняться улаживанием этого несуразного конфликта! Вместе с тем он, похоже, ощущал, насколько противоречиво поступает, и пытался

оправдать свое решение: *«Хотя Цезарь понимал, что очень невыгодно прерывать войну и уходить от врага, но вместе с тем он хорошо знал, к каким вредным последствиям приводят внутренние распри, а потому решил не допустить, чтобы эта могущественная и тесно связанная с римским народом община, которую он сам всегда возвышал и всячески отличал, прибегла к вооруженному восстанию и чтобы партия, менее уверенная в своих силах, обратилась за помощью к Верцингеторигу».*

Что ж, нам придется удовольствоваться этим.

Вроде бы все логично, хотя и шито белыми нитками... Но вернемся к «Запискам»:

«По законам эдуюв верховный правитель не может оставлять пределов страны, и так как Цезарь не хотел давать повода думать, что он в чем-либо умаляет их права и законы, то он счел нужным двинуться самому в область эдуюв и вызвал к себе в Декетию весь их сенат и обе спорящие стороны. Туда собралась почти вся община, и он узнал, что избиратели были созваны тайно, в небольшом количестве, в неподходящем месте и в неподходящее время, и что брат объявил верховным правителем брата, тогда как, по законам, два члена одной и той же фамилии при жизни их обоих не только не могут быть выбраны на должность верховного правителя, но даже не имеют права совместно заседать в сенате. Поэтому Цезарь принудил Кота сложить с себя власть и утвердил ее за Конвиктолитавом, который, согласно с местными обычаями, за временным отсутствием светских властей, был избран под руководством жрецов.

Поставив такой приговор, он посоветовал эдуюм забыть все споры и распри, оставить в стороне всякие другие дела и заняться исключительно настоящей войной в ожидании от него заслуженных наград после поко-

рения всей Галлии; для этой цели они должны спешно прислать к нему всю конницу и десять тысяч человек пехоты. Все это войско он имел в виду распределить по разным местам для охраны продовольственных транспортов. Затем он разделил свою армию на две части: четыре легиона он дал Лабизну для похода на сенонов, а шесть повел сам на арвернов к городу Герговии по течению реки Элавера; половину конницы он отдал ему, половину оставил себе. При известии об этом Верцингеториг сломал все мосты на этой реке и пошел другим ее берегом».

Началось очень странное соперничество. Будь Цезарь прозорливее и доведи дело до конца, ничего подобного бы не случилось. Теперь ему приходилось соперничать с равными если не превосходящими силами противника, который, подобно Цезарю, обожал нетрадиционную тактику ведения боя. Крайне опасный эксперимент, надо заметить...

Автор «Записок» свидетельствует:

«Итак, оба войска были на виду друг у друга и почти всегда разбивали лагерь одно против другого, причем с галльской стороны бывали расставлены разведочные посты, чтобы римляне где-нибудь не построили моста и не переправили своих сил. Это создавало большие затруднения для Цезаря, и он опасался, как бы река не задержала его в течение большей части лета, так как через Элавер можно переходить вброд вообще не раньше осени. Во избежание этого он разбил лагерь в лесистой местности против одного из тех мостов, которые Верцингеториг велел сломать. На следующий день он остался здесь в скрытом месте с двумя легионами, а остальные силы двинул в поход, по обыкновению, со всем обозом, разме-

стив некоторые когорты таким образом, чтобы число легионов казалось полным. Им дан был приказ пройти вперед как можно дальше, и, когда, судя по времени дня, они уже должны были разбить лагерь, он начал вновь строить мост на тех же сваях, нижняя часть которых оставалась еще целой. Эта работа была скоро окончена. Цезарь перевел легионы, выбрал удобное для лагеря место и вызвал к себе назад остальные войска. При известии об этом Верцингеториг, чтобы не быть вынужденным против воли к решительному сражению, ускоренным маршем ушел вперед.

Отсюда Цезарь дошел в пять дневных переходов до Герговии, и уже в день его прихода произошло небольшое кавалерийское сражение. Осмотрев местоположение города — он лежал на очень высокой горе, и все подступы к нему были трудны, — Цезарь оставил всякую мысль о штурме и даже к блокаде решил приступить только после полного урегулирования продовольственного дела. А Верцингеториг, разбив свой лагерь на горе около города, расположил отряды отдельных общин вокруг себя на небольшом расстоянии один от другого и занял все уступы хребта, насколько можно было с них обозревать окрестности. Таким образом, весь его лагерь в целом имел грозный вид. Князей этих общин, которых он выбрал в свой военный совет, он каждый день на рассвете вызывал к себе для разных сообщений или распоряжений и почти ежедневно заставлял стрелков сражаться в рядах конницы, чтобы испытать степень мужества и храбрости каждого из своих в отдельности.

Против города у самой подошвы горы был холм, чрезвычайно укрепленный и со всех сторон отвесный: если бы его захватили наши, то они, очевидно, могли бы в значительной степени затруднять врагам добывание воды и свободу фуражировок. Но этот холм занимали галлы,

впрочем, не очень сильным отрядом. Цезарь в тишине ночи выступил из лагеря, прежде чем из города могла прийти помощь, выбил охранный отряд и, овладев этим пунктом, поставил там два легиона и провел от главного лагеря к малому двойной ров в двенадцать футов шириною, чтобы солдаты могли даже поодиночке ходить от одного пункта к другому в полной безопасности от внезапного нападения неприятелей».

Цезарь вновь оправдывает собственную репутацию. У него вновь появилось позиционное преимущество. Только вот беда: воспользоваться им он не сумел!

Почему?

К нему явилось очередное посольство от эдуев. Они принесли крайне неутешительные вести: назначенный Цезарем Конвиктолитав, явно не способный достойно нести бремя власти, возомнил себя полубогом и затеял мятеж! Подбиваемый богачом Литавикком, преследовавшим в этом деле свои цели, он с теми, кто примкнул к нему, решил заключить союз с аравернами и сообща обрушиться на Цезаря!

Вот когда Цезарь пожалел, что внял тогда мольбам эдуев. Но он им благоволил, тем более что ему теперь нужно было вновь думать о сохранении своего лица. Ведь не мог же он повернуться спиной к союзникам...

И что же делает Цезарь?

Как всегда стремительный в принятии решений, Цезарь *«без малейшего колебания вывел из лагеря четыре легиона в полной боевой готовности и всю конницу; сократить лагерь при таких обстоятельствах не было времени, так как теперь, очевидно, все зависело от быстроты; для прикрытия лагеря он оставил легата Г. Фабия с двумя легионами. Он отдал также приказ об*

аресте братьев Литавикка, он узнал, что они незадолго до этого бежали к неприятелям. Своих солдат он просил не тяготиться походом в такое тяжелое время, и так как все они были полны одушевления, то он прошел целых двадцать пять миль, пока не заметил колонны эдоев. Бросив на них свою конницу, он задержал и остановил их движение, причем, однако, запретил своим людям кого бы то ни было убивать. Эпоредоригу и Виридомару, которых те считали убитыми, он приказал скакать вместе со всадниками и обратиться с воззванием к своим соотечественникам. Узнав их и убедившись в обмане Литавикка, эдуй стали протягивать руки, показывать, что сдаются, бросать оружие и молить о пощаде. Литавикк со своими клиентами, которым, по галльским обычаям, грешно было покидать патрона даже в случае крайней опасности, спасся бегством в Герговию.

Цезарь послал общине эдоев гонцов объявить, что только благодаря его милосердию пощажены те, которых он мог бы по праву войны перебить. Своему войску он дал три часа на отдых и затем двинулся на Герговию».

До чего же нелепо складывалась это кампания...

Впервые Цезарь вел себя столь непоследовательно!

Результаты этого были вполне закономерны.

Он еще не распростился с непутевыми эдуюми, как гонцы известили его о том, что, покуда он отсутствовал, занимаясь бессмысленным миротворчеством, его лагерь был атакован. Гонцы «сообщили ему, как опасно было положение: враг со всеми силами напал на лагерь, люди свежие часто сменяли у него утомленных, а наших изнуряло постоянное напряжение, так как вследствие огромных размеров лагеря они должны были все время бесменно держаться на валу; много народа было переранено стрелами и всевозмож-

ными метательными снарядами; впрочем, для защиты от них оказались очень полезными метательные машины. По уходе врагов Фабий оставил только двое ворот, остальные же приказал заделать, а на вал поставить оборонительные щитки и на завтрашний день стал готовиться к такому же нападению».

Как будто все могло быть иначе?!

Стоило неприятелю узнать, что Цезаря в ставке нет, как началась атака.

Ладно, на первый раз еще все обошлось, однако Цезарь вполне мог явиться уже к пепелищу и телам своих поверженных товарищей...

Естественно, узнав о происшедшем, он мгновенно двинулся к лагерю.

Между тем в общине эдуев так и не наступил мир. Более того, улепетнувший Литавикк, которому Конвиктолитавом было вверено командование военными силами, вернулся, услышав об отбытии Цезаря, и вновь началось сущее безобразие. Самое грустное в том, что эдуи, подобно ментально ущербным социопатам, были даже не в состоянии грамотно оценить происходящее: кто прав, а кто виноват. Вдобавок еще проявились некоторые сугубо национальные черты их характера.

Цезарь пишет:

«Эдуи при первых же известиях от Литавикка не дают себе труда расследовать дело. Одних увлекает корыстолюбие, других вспыльчивость и необдуманность — эта прирожденная черта их национального характера, заставляющая их принимать пустые слухи за несомненную истину. Они грабят имущество римских граждан, вырезают их, уводят в рабство. Положение, и без того принявшее дурной оборот, еще более ухудшает Конвиктолитав, который доводит чернь до крайней ярости,

чтобы по совершении преступления ей неловко было об-разумиться. Так, они заставили военного трибуна М. Аристия, который отправлялся к своему легиону, покинуть город Кабиллон и дали ему гарантию личной безопасности; к тому же они принудили и тех римских граждан, которые поселились там для торговли. Но тут же на пути они напали на них и отняли весь багаж. Так как те стали сопротивляться, то их продержали целые сутки в осаде, и после значительных потерь с обеих сторон нападавшие стали звать к себе еще большее число вооруженных.

Но когда тем временем пришло известие, что все их солдаты находятся во власти Цезаря, то они спешат к Аристию и доказывают, что все это произошло помимо воли их властей; назначают следствие о разграблении имущества, конфискуют имущество Литавикка и его братьев, посылают послов к Цезарю для оправдания. Все это они делают с тем, чтобы вернуть к себе своих; но тайне они задумывали войну и посылали для этой цели посольства к прочим общинам: и действительно, они были запятнаны преступлением, соблазнены выгодами от разграбления имущества, в чем было замешано много народа, и страшились наказания.

Все это Цезарь хорошо понимал. Тем не менее он отвечал послам со всей ласковостью, на какую был способен: из-за глупости и легкомыслия черни, говорил он, он не намерен принимать какие-либо крутые меры против всей общины и лишать эдучев своего обычного благоволения. Но сам он ожидал еще большего движения в Галлии и опасался того, что все племена могут со всех сторон напасть на него; поэтому он обдумывал, как бы оставить Герговию и снова стянуть к себе все войско, но так, чтобы это отступление, вызванное боязнью восстания, не походило на бегство».

Вот оно, опять!

Цезарь явно намеревается усидеть на нескольких стульях сразу, надеясь на свою сноровку, хотя и понимает, что все может завершиться исключительно фатально.

Он пытается переиграть судьбу!

В «Записках» читаем:

«Среди этих размышлений ему показалось, что есть возможность устроить дело. Именно, когда он зашел в малый лагерь для осмотра работ, он заметил, что один занимаемый врагами уступ совершенно ими оставлен, а между тем в предыдущие дни он был почти не виден из-за массы людей. С удивлением он спрашивал об этом перебежчиков, которые ежедневно стекались к нему в большом количестве. Все они в один голос утверждали (это, впрочем, и сам Цезарь уже знал через своих разведчиков), что хребет этой цепи — почти ровный, но он лесист и узок с той стороны, где был доступ к другой части города; за этот пункт враги особенно опасаются в полном убеждении, что с потерей этого уступа, поскольку римляне уже заняли другой, они будут почти совершенно заперты и отрезаны от всяких внешних сношений и фуражировки; именно для укрепления этого пункта все люди и были вызваны Верцингеторигом.

Узнав об этом, Цезарь посылает туда же около полуночи несколько эскадронов конницы с приказом производить свои передвижения с возможно большим шумом. На рассвете он приказал вывести из лагеря большое количество обозных лошадей и мулов, снять с них вьюки и посадить на них погонщиков в шлемах, чтобы они имели вид настоящих всадников. Им он дал приказ разъезжать кругом по возвышенностям и прибавил к ним несколько всадников, которые должны были для демонстрации охватывать своими разъездами еще более широкий район.

Все эти партии должны были после долгого объезда кругом направляться в один и тот же пункт. Все это видели вдали из города, так как из Герговии открывался вид вниз на лагерь, но вследствие большого расстояния нельзя было точно узнать, в чем дело. Один легион Цезарь отправил на ту же возвышенность и, когда он несколько прошел вперед, остановил его в ложбине и прикрыл лесом. Это укрепило галлов в их подозрении, и они перевели туда для шанцевых работ все свои силы.

Заметив, что неприятельский лагерь опустел, Цезарь приказал своим солдатам переходить из большого лагеря в малый маленькими группами и притом закрыть знаки различия и спрятать знамена, чтобы не быть замеченными из города. Равным образом он дал соответствующее указание легатам, которые командовали отдельными легионами; особенно предупреждал он их сдерживать солдат и не давать им слишком далеко заходить вперед либо из желания сразиться, либо в надежде на добычу. Он подчеркнул при этом, как неблагоприятно для них самое местоположение; единственное средство против этого — быстрота; все дело тут в благоприятном случае, а не в сражении. После этих указаний он дал сигнал к наступлению и в то же время послал эдучев с правой стороны другой дорогой в гору.

Городская стена была от равнины и подошвы горы по прямому направлению, если не считать изгибов дороги, в тысяче двухстах шагах; всякого рода обходы, смягчавшие подъем, увеличивали это расстояние. Приблизительно на середине уступа галлы соорудили применительно к местности вдоль по горе стену из огромных каменных глыб в шесть футов вышиной, чтобы задерживать наши атаки; всю нижнюю часть склона они оставили незанятой, а верхнюю вплоть до самой городской стены покрыли густым рядом лагерей. Наши солдаты по

данному сигналу быстро дошли до укрепления, перешли его и овладели тремя лагерями, захватив их с такой быстротой, что царь нитиоброгов — Теутомат, застигнутый врасплох в своей палатке (так как спал в полдень полунагой), с трудом вырвался на раненой лошади из рук грабивших лагерь солдат.

Достигнув своей цели, Цезарь приказал трубить отбой и немедленно остановил бывший при нем 10-й легион. Но солдаты остальных легионов не расслышали звука трубы, так как их отделяла от Цезаря большая долина. Хотя военные трибуны и легаты, согласно распоряжению Цезаря, всячески старались их сдерживать, но те, увлеченные надеждой на скорую победу, бегством врагов и прежними счастливыми сражениями, вообразили, что для их храбрости не существует ничего непреодолимого, и только тогда прекратили преследование, когда приблизились к городской стене и к воротам. Тут во всех частях города поднялся крик; те, которые были отсюда далеко, в ужасе от внезапного переполоха решили, что враг уже в стенах города, и бросились вон из города. Женщины стали бросать со стены одежду и деньги и, наклоняясь с обнаженной грудью, простирали руки и заклинали римлян пощадить их и не губить, как они это сделали в Аварике, даже женщин и детей. Некоторые из них дали даже спустить себя на руках и отдались солдатам. Центурион 8-го легиона Л. Фабий, как всем было известно, заявил в этот день среди своих, что его соблазняют награды, обещанные под Авариком, и он не допустит, чтобы кто-либо прежде его взошел на стену. И вот, взяв трех солдат из своего манипула, он на их руках поднялся на стену; в свою очередь, приподнимая их одного за другим, он вытянул их на стену.

Тем временем те галлы, которые, как мы выше указали, собрались в другой части города для шанцевых работ,

сначала услышали крик, а затем к ним стали одна за другой приходить вести, что город занят римлянами. Тогда они, послав вперед конницу, бегом устремились туда. В том порядке, в каком они прибывали, они останавливались под стеной и, таким образом, увеличивали число защитников. Когда их собралась большая масса, то женщины, которые незадолго до того протягивали со стены руки к римлянам, теперь стали заклинять своих, по галльскому обычаю показывать на свои распущенные волосы и выносить всем на глаза детей. И позиция, и численное превосходство неприятеля делали для римлян борьбу неравной; кроме того, они были утомлены своей перебежкой и потому с трудом держались против свежих и непочатых неприятельских сил.

Когда Цезарь заметил, что сражение происходит на невыгодной позиции и силы неприятеля все увеличиваются, то, боясь за свое войско, он послал легату Т. Секстию, которого оставил для прикрытия малого лагеря, приказав спешно вывести из лагеря когорты и занять позицию у самой подошвы возвышенности против неприятельского правого фланга с тем, чтобы мешать неприятелю беспрепятственно преследовать наших, в случае если Секстий увидит их выбитыми из занимаемой позиции. Сам же он прошел отсюда со своим легионом немного вперед и с места остановки стал выжидать исхода сражения».

Сложно поверить, но скверная карма эдзев, явно сбивающая Цезаря с курса и препятствовавшая ему принимать грамотные решения, вновь проявилась! И как горестно и дико для римлян...

Автор записок признается:

«Шел ожесточенный рукопашный бой, причем враги полагались на выгодную позицию и свое численное превосходство, а наши — на свою храбрость. В это время вдруг

показались на нашем открытом фланге эдуи, которых Цезарь послал справа в гору другой дорогой, чтобы не дать соединиться неприятельским силам. Сходство оружия привело наших в великий ужас, и хотя они видели, что у эдучей правое плечо обнажено (это обыкновенно служило отличительным признаком их мирных намерений), но именно в этом солдаты усматривали хитрый прием, придуманный врагами, чтобы обмануть их. В то же самое время центуриона Л. Фабия и тех, которые вместе с ним взойшли на стену, окружили, убили и стали сбрасывать головой вниз со стены. Центурион того же легиона М. Петроний, попытавшийся взломать ворота, был застигнут целой массой врагов. Потеряв надежду на свое спасение и весь израненный, он закричал последовавшим за ним солдатам своего манипула: так как я не могу спасти и себя, и вместе с собою вас, то я, по крайней мере, позабочусь о вашей жизни, которую я своим славолюбием подверг опасности. Пользуйтесь случаем и думайте о себе. С этими словами он ворвался в гущу врагов, двух из них убил, а остальных несколько оттеснил от ворот. Когда его товарищи попытались помочь ему, он сказал им: напрасно вы пытаетесь спасти мне жизнь: и кровь и силы уже оставляют меня. Лучше уходите, пока возможно, и спасайтесь к вашему легиону. Так вскоре он пал в бою и спас своих товарищей.

Наши, теснимые со всех сторон, были сбиты с позиции и потеряли сорок шесть центурионов».

Ну не безобразие ли?

Как можно оправдать столь непоправимые потери?!

Правда, ситуацию от окончательного провала уберег все тот же достославный «10-й легион, который стоял в резерве на более ровной местности. Его в свою очередь сменили когорты 13-го легиона, которые двинулись из малого лагеря

под командой Т. Секстия и заняли более высокую позицию. Как только легионы достигли равнины, они остановились и выстроились против врага. Но Верцингеториг отвел своих солдат с подошвы горы назад в укрепления. В этот день мы потеряли без малого семьсот солдат».

Цезарь был едва ли доволен собой и наверняка грыз себя изнутри. Впрочем, досталось на орехи и его солдатам. В «Записках» сказано:

«На следующий день Цезарь созвал солдат на сходку и на ней порицал их безрассудство и пыл, именно что они самовольно решили, куда им идти и что делать, не остановились при сигнале к отбою и не послушались удерживавших их военных трибунов и легатов. Он указал им, как много значит невыгодное местоположение, что он и сам испытал под Авариком, когда застиг врагов врасплох без вождя и без конницы и все-таки добровольно отказался от несомненной победы, чтобы в бою на неудобной позиции не понести хотя бы самого ничтожного урона. Насколько он удивляется их героизму, которого не могли остановить ни лагерные укрепления, ни высота горы, ни городская стена, настолько же он порицает их своеволие и дерзость, с которой они воображают, что могут судить о победе и об успехе предприятия правильнее полководца. От солдата он требует столько же повинования и дисциплины, сколько храбрости и героизма.

Но в конце этой речи он ободрил солдат и советовал им не слишком из-за этого печалиться и не приписывать храбрости врагов того, что произошло от неудобства местности».

Между тем жизнь продолжалась. Чтобы не провалить всю кампанию этого года, следовало для начала выиграть хотя бы текущую битву.

Задача сложная, но решаемая — для Юлия Цезаря!

Итак,

«оставаясь при своем прежнем решении относительно отступления, он вывел легионы из лагеря и выстроил их на удобной позиции. Но так как Верцингеториг и на этот раз не стал спускаться на равнину, то Цезарь после небольшого, но удачного кавалерийского сражения снова отвел войско в лагерь. То же самое он повторил и на следующий день. Решив теперь, что им приняты достаточные меры для принижения галльской хвастливости и для укрепления мужества своих солдат, Цезарь двинулся в страну эдуев. Так как враги и на этот раз не преследовали его, то на третий день он починил мост на реке Элавере и переправил свое войско на другой берег.

Там ему представились эдуи Виридомар и Эпоредориг, и от них он узнал, что Литавикк со всей конницей отправился волновать эдуев: поэтому необходимо им самим поспешить и прибыть раньше его, чтобы удержать эдуев в повиновении. Хотя для Цезаря по многим признакам было ясно вероломство эдуев и он понимал, что отъезд этих обоих князей только ускорит отпадение общины, однако он не счел нужным удерживать их, чтобы избежать всякой видимости насилия и не дать заподозрить себя в трусости. При их отъезде он вкратце упомянул о своих заслугах перед эдуями, какими слабыми и в каком состоянии унижения он их застал, они были согнаны в города, лишены в наказание своих земель и всего достатка, обязаны платить дань, оскорбительнейшим образом принуждены были дать заложников; но он довел их до высокого благополучия и могущества, так что они не только вернули себе свое прежнее положение, но стали пользоваться большим влиянием и значе-

нием, чем когда-либо. С таким поручением он отпустил их на родину.

У берегов Лигера на удобном месте находился город эдуев Новиодун. Здесь Цезарь поместил всех галльских заложников, запасы хлеба, общественную казну и значительную часть своего и войскового багажа; сюда же он отправил большое количество лошадей, скупленных им для этой войны в Италии и в Испании. Когда сюда прибыли Эпоредориг и Виридомар, то они получили следующие сведения о положении дел в общине: Литавикк принят эдуями в их главном городе Бибракте, к нему приехали верховный правитель Конвиктолитав и значительная часть сената, и от имени общины отправлено к Верцингеторигу посольство для заключения мирного и дружественного договора.

Тогда они и с своей стороны решили не упускать такого удобного случая. Поэтому они перебили в Новиодуне стражу и находившихся там римских купцов и поделили деньги и лошадей между собой; заложников от общин они распорядились препроводить в Бибракте к верховному правителю; город, который они не надеялись удержать за собой, они сожгли, чтобы он на что-нибудь не пригодился римлянам; часть хлеба, насколько это возможно было, второпях увезли на кораблях, а остаток бросили в реку или сожгли. Затем сами они стали набирать в окрестностях боевые силы, располагать по берегам Лигера охранительные отряды и караулы и, чтобы нагонять на римлян страх, всюду делать демонстративные конные набеги в расчете, не удастся ли отрезать римлян от подвоза и, доведя их до голода, прогнать в Провинцию.

В этой надежде их особенно поддерживало то, что Лигер очень поднялся от таяния снегов и потому казался совершенно непроходимым вброд.

Узнав об этом, Цезарь решил поторопиться, чтобы в случае, если дело дойдет до сражения во время постройки мостов, дать его прежде, чем враг стянет сюда более значительные силы. Действительно, изменить план и отступить в Провинцию (что, по крайней мере в данный момент, всякий считал неизбежным) представлялось невозможным: с одной стороны, мешали беславие и позор отступления, преграда в виде Кевеннского хребта и вообще трудность передвижения, с другой — он очень боялся за судьбу разьединенного с ним Лабизна и посланных с последним легионов. Здесь его всадники скоро нашли брод, который был при его крайне тяжелом положении довольно подходящим, хотя только руки и плечи выдавались над водой, чтобы держать оружие. Затем, для ослабления силы течения, он поставил в воде конницу и, пользуясь первыми проявлениями замешательства врага при этом зрелище, благополучно переправил войско. На полях он нашел много хлеба и скота и, снабдив тем и другим в изобилии войско, направил свой путь в страну сенонов».

Ну, можно сказать, Цезарю каким-то чудом удалось до некоторой степени выправить положение. Правда, покуда был жив Верцингеториг, Цезарь не смел расслабляться. Их главные битвы еще были впереди!

Как выше упоминалось Цезарем, он в то самое время крайне беспокоился о судьбе своего славного военачальника Лабизна. Беспокоился не зря, потому что тот вынужден был вести войну не менее сложную и проблематичную, чем сам Цезарь.

Если обратиться к тексту «Записок», то можно узнать,

что «Лабизн, оставив в Агединке для прикрытия обоза недавно прибывшие из Италии пополнения, двинулся с

четырьмя легионами против Лутетии. Это — город парисиев, лежащий на острове Секваны. При известии о его приближении здесь собрались большие неприятельские силы из соседних общин. Верховное командование было вручено аулерку Камулогену: хотя он и был уже дряхлым стариком, но был призван на эту должность за отличное знание военного дела. Последний, обратив внимание на сплошное болото, которое имело спуск в реку Секвану и делало всю местность почти недоступной, расположился здесь и стал мешать нашей переправе.

Лабизн сначала пытался подводить крытые подвижные галереи, заваливать болото фашинником и насыпью и таким образом прокладывать себе надежную дорогу. Но потом, когда он нашел эту работу слишком трудной, он без шума выступил из лагеря в третью стражу и тем же путем, каким пришел сюда, достиг Метиоседа. Это — город сенонов, лежащий, подобно только что упомянутой Лутетии, также на острове Секваны. Захватив здесь около пятидесяти кораблей, он быстро их связал, посадил на них солдат и без сопротивления овладел городом, так как горожане, значительная часть которых была призвана на войну, были уstraшены этой неожиданностью. Восстановив мост, который в предыдущие дни был сломан неприятелями, он перевел войско и пошел на Лутетию по течению реки. Узнав об этом от бежавших из Метиоседа, неприятели приказали сжечь Лутетию и сломать городские мосты, а сами покинули болото у берегов Секваны и расположились против Лутетии и лагеря Лабизна».

Момент по-прежнему весьма благоприятный для Лабизна. Однако уже вовсю начали просачиваться слухи, губительные для римлян. Благодарить за это следовало все тех же несуразных эдуев!

Читаем в «Записках»:

«Уже говорили, что Цезарь отступил от Герговии, уже ходили слухи об отпадении эдуев и об удачном ходе восстания Галлии, а галлы в разговорах друг с другом утверждали, что Цезарь отрезан от своего маршрута и от Лигера и из-за недостатка провианта вынужден был спешно отступить в Провинцию. При известии об отпадении эдуев белловаки, которые уже и раньше были ненадежными, стали собирать войска и открыто готовиться к войне. Тогда Лабизн, ввиду полной перемены положения, понял, что ему надо принять совершенно иное решение. Теперь он помышлял уже не о дальнейших завоеваниях и наступательных действиях против неприятеля, но о том, как бы отвести назад свое войско без потерь в Агединк. Действительно, с одной стороны ему угрожали белловаки, считавшиеся самым храбрым в Галлии племенем, с другой — против него стоял Камулоген с готовым к бою и хорошо снаряженным войском; кроме того, его легионы были совершенно отрезаны большой рекой от резервного отряда и обоза. При таких внешних затруднениях он стал искать выхода в смелом решении.

Под вечер он созвал военный совет, на котором потребовал от присутствующих точного и энергичного исполнения своих приказаний; затем распределил между римскими всадниками команду над судами, выведенными из Метиоседа, с приказом пройти без шума по окончании первой стражи четыре мили вниз по течению реки и там поджидать его. Пять когорт, которые он считал наименее боеспособными, он оставил для прикрытия лагеря; а пять остальных из того же легиона должны были выступить в полночь вверх по реке со всем багажом и с большим шумом. Он разыскал и лодки и направил их

туда же с приказом как можно сильнее бить веслами. А сам немного спустя в полной тишине выступил с тремя легионами по направлению к тому пункту, где должны были причалить суда.

Когда он прибыл сюда, то при поддержке внезапно поднявшейся бури застиг врасплох неприятельских разведчиков, расставленных вдоль по всей реке. Под надзором римских всадников, на которых была возложена эта задача, римская пехота и конница были быстро переправлены на другой берег. Почти в то же самое время на рассвете враги получили известие, что в римском лагере происходит необычный шум, что вверх по реке движется большой отряд и в том же направлении слышны удары весел, а несколько ниже переправляют солдат на судах. При этом известии враги решили, что легионы переправляются в трех местах и что римское войско в полной панике от измены эдуев собирается бежать. Тогда они также разделили свои силы на три отряда. Против римского лагеря они оставили один отряд, другой, небольшой, отправили в направлении Метиоседа с приказом двигаться вперед по мере движения судов, а остальные силы повели против Лабизна.

На рассвете наши были все переправлены, и в то же самое время были видны враги, стоявшие в боевом строю. Лабизн, ободряя солдат, просил их не забывать о своей прежней храбрости и счастливых сражениях и представлять себе, что перед ними сам Цезарь, под предводительством которого они часто побеждали врагов. Затем он дает сигнал к бою. При первой схватке на правом фланге, где стоял 7-й легион, враги были опрокинуты и обращены в бегство; на левом, который был занят 12-м легионом, первые ряды неприятелей пали под ударами копий, но остальные оказывали очень упорное сопротивление, и никто не давал повода заподозрить себя в желании бежать.

Сам неприятельский предводитель Камулоген находился при своих бойцах и ободрял их. Победа все еще оставалась неопределенной; но когда трибунам 7-го легиона дали знать о том, что делается на левом фланге, они со своим легионом появились в тылу неприятеля и ударили на него. Однако и теперь никто не подался, но все были обойдены и перебиты. Ту же участь разделил и Камулоген. Что же касается тех, которые были оставлены для наблюдения за находившимся против них лагерем Лабизна, то, когда они услышали о начале сражения, они пошли на помощь своим и заняли холм. Однако они не могли выдержать натиска наших победоносных солдат и смешались с бегущими, причем все, кто не нашел убежища в лесах и горах, были перебиты конницей. По исполнении этой операции Лабизн вернулся в Агединк, где оставался обоз всей армии; отсюда на третий день он со всеми силами прибыл к Цезарю».

Вот пример того, как собранность и сосредоточенность на конкретной цели приносят заветные плоды. Этот поход Лабизна — одна из главных жемчужин всей военной кампании 52 г. до н. э.

А вот Юлий Цезарь, конечно, своим бесконечным улаживанием внутренних делишек эдуев крайне осложнил положение римлян в Галлии. Естественно, он пытался сделать все красиво и правильно, но случай этот требовал иного. А пока что приходилось пожинать плоды необъяснимого благоволения Цезаря к убогому и бесстыжему народу эдуев.

В «Записках» сказано:

«Как только отпадение эдуев стало известным, война приняла более широкие размеры. Повсюду рассылались посольства; эдуи старались соблазнить соседние общины

всем, чем могли: влиянием, могуществом, подкупом. Они обладали заложниками, которых поместил у них Цезарь, и угрозой казнить их запугивали колеблющихся. Далее, они просили Верцингеторига прибыть к ним и сообща обдумать план военных действий. Добившись его прибытия, они настаивали на том, чтобы верховное руководство войной было предоставлено им, и так как это вызвало споры, то назначили общегалльский съезд в Бибракте. Со всех сторон собираются массажи. Дело решается общим голосованием; все до одного признают главнокомандующим Верцингеторига.

На этом съезде не было ремов, лингонов и треверов: первые два племени оставались верными союзу с римлянами, а треверы жили очень далеко, и их теснили германцы, вследствие чего они в продолжение всей войны не принимали в ней никакого участия и не посылали ни одной стороне вспомогательных отрядов. Эдуи очень огорчились потерей главенства, стали жаловаться на изменение своего положения и желали вернуть благоволение Цезаря; однако, раз решившись на войну, они не осмеливались действовать отдельно от других. Честолюбивые молодые люди — Эпоредориг и Виридомар неохотно подчинялись Верцингеторигу.

Тот требует от общин к определенному сроку заложников. Всей коннице, числом в пятнадцать тысяч человек, отдается приказ немедленно собраться; что же касается пехоты, то, по его словам, ему будет довольно той, которая была у него до сих пор; он не думает пытаться счастья и давать открытое сражение, но при численном перевесе его конницы ему очень легко затруднять римлян в добывании хлеба и фуража. Пусть только галлы равнодушно собственными руками испортят свой хлеб и подожгут усадьбы; ценой этих материальных жертв они, несомненно, навсегда приобретут власть и

свободу. После этого он требует от эдуев и сегусиавов, ближайших соседей Провинции, десять тысяч человек пехоты; к ним он придает восемьсот всадников. Во главе их он ставит брата Эпоредорига и приказывает ему открыть войну против аллоброгов. На противоположном конце Галлии он посылает габалов и отряды ближайших арвернских округов против гельвиев, а рутенов и кадурков — опустошать страну вольков и арекомиков. При всем том он тайно отправляет к аллоброгам, чтобы соблазнить их, гонцов и посольства, в надежде, что они еще не успокоились от предыдущей войны. Их князьям он обещает деньги, а общине — власть над всей Провинцией».

История — дивная наука!

Она позволяет, оперируя фактами, постичь самую тайную суть явлений.

Описываемый год не предвещал поначалу ничего скверного.

Но небольшой недосмотр, ничтожная слабинка и — все пошло прахом!

У Цезаря оказался грозный противник.

А еще очень умный и во многом схожий с самим Цезарем.

Невероятно, но практически на всем протяжении их соперничества не Цезарь, а именно Верцингеториг задает тон.

Его конница своим числом значительно превосходит римскую, поэтому римлянам даже думать нечего о том, чтобы дать сражение на равнине. Там у них не будет шансов. Вместе с тем Верцингеториг явно не спешит ввязываться в серьезную схватку, выжидая наиболее благоприятный момент, чтобы окончательно покончить с Цезарем. В сущности, все должно было происходить иначе. Это

именно Цезарю надлежало диктовать свою волю. Однако он упустил инициативу, а Верцингеториг этим воспользовался. Теперь Цезарь должен был придумать некий совершенно гениальный ход, чтобы возобладать над Верцингеторигом. И, надо полагать, он этот ход как раз разрабатывал.

Пока что хвалиться Цезарю было особенно нечем.

Однако мудрецы не даром говорили: уступить в сражении еще не значит проиграть войну. У Юлия Цезаря еще оставались все шансы на удачу.

На то он был и Цезарь!

Ранее в приводимом из «Записок» фрагменте мы продемонстрировали, насколько серьезной на тот момент была военная мощь Верцингеторига.

Что могли противопоставить всему этому римляне?

Если верить «Запискам», то *«римляне имели под оружием только двадцать две когорты из самой Провинции, которые легат Ю. Цезарь выставял против врага на всех пунктах. Гельвии на свой страх сразились с соседями, но были разбиты и, потеряв много человек убитыми, в том числе и своего князя Г. Валерия Доннотаура, сына Кабура, отброшены за укрепления своих городов. Аллоброги расставили вдоль по Родану густые караульные цепи и с большой заботливостью и бдительностью стали сторожить свои границы. Так как Цезарь знал о численном превосходстве неприятельской конницы и, будучи отрезан от всех дорог, не мог получить никакой поддержки ни из Провинции, ни из Италии, то он послал за Рейн к покоренным в предшествующие годы германским племенам гонцов, чтобы получить от них конницу и легковооруженную пехоту, сражающуюся в ее рядах. Когда германцы прибыли, то их лошади оказались не вполне удовлетворительными. Поэтому Цезарь взял лоша-*

дей у военных трибунов и прочих римских всадников, а также у добровольцев-ветеранов и распределил их между германцами».

Вот, пожалуйста, весьма нестандартное решение. В итоге не только увеличена численность римской конницы, но явно усилен и ее состав. Превосходное начало!

Однако враги тоже не дремали:

«Тем временем неприятельские отряды, двинувшиеся из страны арвернов, соединились с всадниками, которых должна была поставить вся Галлия. И вот, когда Цезарь шел в область секванов окраиной земли лингонов, чтобы, в случае надобности, немедленно подать помощь Провинции, Верцингеториг расположился с этими значительными силами тремя лагерями милях в десяти от римлян.

Созвав на совет начальников конницы, он указал им, что настал час победы: римляне бегут в Провинцию и очищают Галлию; для достижения свободы в данный момент галлам этого достаточно, но на будущее время мир и покой этим мало обеспечиваются: конечно, римляне вернуться с большими силами и не прекратят войны. Поэтому галлы должны напасть на них на походе, когда они не готовы к бою. Если легионеры будут подавать помощь своим и на это тратить время, то они не смогут продолжать поход; если же — чего он скорее ожидает — они бросят обоз и будут думать только о своем спасении, то они лишатся не только предметов первой необходимости, но и своего престижа. Что же касается неприятельских всадников, то и сами галлы не должны сомневаться в том, что никто из них не осмелится показаться наружу из-за рядов прикрывающей их пехоты. Для укрепления их мужества при атаке он будет держать все войско перед лагерем и этим нагонять страх

на врагов. Всадники дружно кричат, что надо обязать себя священной клятвой — не принимать в дом и не пускать к детям, родителям и женам никого, кто два раза не проскачет сквозь неприятельскую колонну.

Предложение это было одобрено, и все принесли эту клятву. На следующий день галльская конница разделена была на три отряда, из которых два стали угрожать римлянам с обоих флангов, а третий задерживал походную колонну с фронта».

Цезарь отреагировал на это молниеносно:

он «разделил и свою конницу на три отряда и бросил их на врага. Сражение началось на всех пунктах. Колонна остановилась, обоз был принят легионами в середину. Там, где нашим было трудно и их слишком теснили враги, туда Цезарь поворачивал фронт и направлял атаку; это задерживало напор врагов и ободряло наших надеждой на помощь.

Наконец, на правом фланге германские всадники овладели гребнем возвышенности и сбили оттуда неприятелей; бежавших они преследовали — и многих при этом перебили — вплоть до реки, где Верцингеториг стоял со своей пехотой.

Заметив это, остальные галльские всадники из боязни быть окруженными также пустились бежать. Всюду идет резня. Три знатнейших эдую были взяты в плен и приведены к Цезарю: начальник конницы Кот, который на прошлых выборах был соперником Конвиктолитавы, Каварилл, который после измены Литавикка командовал пехотой, и Эпоредориг, под предводительством которого еще до прихода Цезаря эдую вели войну с секванами».

Важность случившегося переоценить нельзя!

Цезарю удалось переиграть неприятельскую конницу и разбить ее наголову! Еще недавно в возможность чего-то подобного было крайне сложно поверить.

Но вернемся опять к «Запискам»:

«Когда, таким образом, вся галльская конница была обращена в бегство, то Верцингеториг отвел свое войско, как оно стояло перед лагерем, и двинулся прямо к городу мандубиев — Алесии, приказав немедленно вывезти из лагеря обоз и направить вслед за собой. Цезарь отвел свой обоз на ближайший холм и оставил для его прикрытия два легиона, а сам, пока еще было светло, преследовал неприятеля и, перебив в его арьергарде около трех тысяч человек, на следующий день разбил лагерь под Алесией. Осмотрев местоположение города и пользуясь паникой врагов, которую причинило поражение самой надежной части их армии — конницы, он решил обложить Алесию и потому ободрял солдат не жалеть труда.

Самый город Алесия лежал очень высоко на вершине холма, так что его можно было взять, очевидно, только блокадой. Подошва этого холма была омываема с двух сторон двумя реками. Перед городом тянулась приблизительно на три мили в длину равнина; со всех остальных сторон город был окружен холмами, которые поднимались на небольшом от него расстоянии и были одинаковой с ним вышины. Под стеной на восточном склоне холма все это место густо занимали галльские силы, которые провели для своей защиты ров и ограду в шесть футов вышины. А линия укрепления, которую строили римляне, занимала в окружности одиннадцать миль. В соответственных пунктах на ней был разбит лагерь и устроено двадцать три редута. В этих редутах днем стояли сторожевые посты для предупреждения внезапных вылазок; сильные отряды караулили их и ночью.

После начала работ завязалось кавалерийское сражение на равнине, которая, как мы выше сказали, простиралась на три мили между холмами. С обеих сторон идет очень упорный бой. Когда нашим стало трудно, Цезарь послал им на помощь германцев и выстроил легионы перед лагерем, чтобы предупредить внезапное нападение неприятельской пехоты.

Поддержка легионов увеличила у наших мужество, обращенные в бегство враги затруднили себя своей многочисленностью и скупились в очень узких проходах, оставленных в ограде. Тем ожесточеннее их преследовали германцы вплоть до их укреплений. Идет большая резня. Некоторые, бросив коней, пытаются перейти через ров и перелезть через ограду. Легионам, стоявшим перед валом. Цезарь приказывает несколько продвинуться вперед. Но и те галлы, которые были за укреплениями, приходят в неменьшее замешательство: им вдруг начинает казаться, что их атакуют, и они все кричат: „К оружию!“ Некоторые со страха вламываются в город. Тогда Верцингеториг приказывает запереть ворота, чтобы лагерь не остался без защитников.

Перебив много врагов и захватив немало лошадей, германцы возвращаются в лагерь».

Из описания видно, что в двух кардинальных по значению эпизодах решающее слово сказала конница. Обратите внимание, основное действие происходило именно на равнине. А ведь до того, как Цезарь гениально замыслил возродить свою конницу посредством привлечения германских воинов, сама перспектива сойтись в схватке на равнине казалась губительной.

Два боя.

Всего два боя.

И положение коренным образом меняется!

Теперь уже Верцингеторигу надо было думать о спасении остатков своей рати. Он по-прежнему располагал значительными силами, но утратил военную инициативу, которой вновь завладел Юлий Цезарь.

Однако Верцингеториг был тертый калач и совсем не думал сдаваться!

Наоборот, он, в свою очередь, тоже замыслил маневр, который при удачной реализации сулил ему в скором времени восстановить прежний баланс сил!

В «Записках» читаем:

«Еще до окончания римлянами своих укреплений Верцингеториг принимает решение отпустить ночью свою конницу. При ее уходе он поручает каждому посетить свою общину и собирать на войну всех способных по возрасту носить оружие. Он ссылается на свои заслуги перед ними и заклинает подумать о его спасении за великие услуги, оказанные им делу общей свободы, не предавать его врагам на мучительную казнь. Но если они не проявят достаточной энергии, то вместе с ним обречены на гибель восемьдесят тысяч человек отборного войска. По сделанному подсчету, у него хватит хлеба с трудом на тридцать дней, но при известной бережливости можно продержаться несколько дольше. С этими поручениями он отпускает конницу, которая прошла во вторую стражу без всякого шума там, где наша линия укреплений имела перерывы. Весь хлеб он приказывает доставить ему и за послушание определяет смертную казнь; скот, пригнанный в большом количестве мандубиями, распределяет между своими солдатами по числу голов; а хлеб начинает отмеривать скупно и на короткий срок. Все войска, стоявшие перед городом, он снова вводит в город. Приняв эти меры, он решает ждать галльских подкреплений и планомерно продолжать войну.

Узнав об этом от перебежчиков и от пленных, Цезарь устроил свои укрепления следующим образом. Он провел ров в двадцать футов шириной с отвесными стенками, так что ширина его основания равнялась расстоянию между верхними краями; а все прочие укрепления устроил в четырехстах футах позади этого рва. Так как пришлось по необходимости занять очень большое пространство и всю линию укреплений нелегко было заполнить сплошным кольцом солдат, то такая система имела целью помешать неожиданным или ночным массовым неприятельским атакам на укрепления и, с другой стороны, предохранять в течение дня назначенных на работу солдат от неприятельского обстрела. На упомянутом расстоянии он провел два рва в пятнадцать футов ширины и такой же глубины; в средний из них, находившийся на ровной и низменной местности, он провел воду из реки. За ними выстроена была плотина и вал в двенадцать футов вышиной, который был снабжен бруствером и зубцами, причем на местах соединения бруствера с валом выдавались большие рогатки, чтобы затруднять врагам восхождение на вал, а вся линия укреплений была опоясана башнями в восьмидесяти футах одна от другой.

Приходилось по необходимости одновременно добывать и лес и хлеб и строить укрепления при неполном составе войск, часть которых уходила довольно далеко из лагеря. Поэтому галлы нередко пытались нападать на наши укрепления и со всеми своими силами делать вылазки из нескольких городских ворот сразу.

Тогда Цезарь счел нужным прибавить к этим веркам еще и другие, чтобы все укрепление можно было защищать меньшим количеством солдат. С этой целью срубались стволы деревьев или очень прочные сучья, их верхушки очищались и заостривались; затем проводились один за другим рвы в пять футов глубиной. В них уста-

навливались эти стволы, и, чтобы их нельзя было вырвать, снизу они скреплялись, причем сучья выдавались наружу. Они образовали по пять рядов, связанных и сплетенных друг с другом. Кто попадал туда, тот натыкался на острия стволов. Их называли „могильными столбами“. Перед ними выкапывались косыми рядами в виде пятерки ямы в три фута глубины, постепенно суживавшиеся книзу. В них опускались гладкие стволы толщиной в человеческое бедро, заостренные и обожженные сверху и выдававшиеся над поверхностью не более чем на четыре дюйма. Чтобы придать им полную устойчивость, каждый из них у основания закапывали на один фут земли и утаптывали ее; а остальную, верхнюю, часть ямы прикрывали прутьями и хворостом, чтобы скрыть ловушку. Такого рода ям было всюду проведено по пять рядов в трех футах друг от друга. По сходству с цветком их называли „лилиями“. Перед ними целиком вкапывались в землю кольца в фут длиной с железными крючками; они были устроены в разных местах на небольшом расстоянии друг от друга. Их называли „стрекалами“.

По окончании всех этих работ Цезарь выбрал, насколько позволяла местность, самую ровную полосу и провел на ней совершенно такую же линию укреплений в четырнадцать миль в окружности, но обращенную наружу, именно против ожидаемого извне неприятеля, чтобы он даже в очень большом количестве не был в состоянии окружить со всех сторон его караульные отряды. А чтобы не быть вынужденным выходить в случае надобности из лагеря с опасностью для своего войска, он приказал всем запастись хлебом и фуражом на тридцать дней».

Итак, мы видим, что Цезарь самым тщательным образом готовился к позиционной войне. И, что скрывать, достаточно в этом преуспел.

В то же самое время инициатива Верцингеторига тоже возымела определенное развитие, хотя, возможно, и не совсем такое, как он изначально предполагал.

В «Записках» сказано:

«Во время этих происшествий под Алесией галлы назначили съезд князей и постановили на нем не созывать под знамена всех способных носить оружие, как этого желал Верцингеториг, но потребовать от каждой общины определенного контингента бойцов: было опасение, что при такой огромной и смешанной массе невозможно будет поддерживать дисциплину, отличать своих от чужих и наладить продовольствие.

Эдуи и их клиенты сегузиавы, амбивареты, бранновикийские аулерки и бланновии должны были поставить тридцать пять тысяч; столько же — арверны с подчиненными их власти элеутетами, кадурками, габалами и веллавиями; секваны, сеноны, битуриги, сантоны, рутены и карнуты — по двенадцать тысяч; белловаки — десять тысяч, столько же — лемовики; по восемь тысяч — пиктоны, туроны, парисии и гелветы; по шесть тысяч — анды, амбианы, медиоматрики, петрокории, нервии и морины; пять тысяч — нитиоброги, столько же — кеноманские аулерки; атребаты — четыре тысячи, велиокаussy и аулерки эбуровикийские — по три тысячи, раурики и бои — по две тысячи; все общины, живущие у берегов Океана под общим названием арморийских, — тридцать тысяч: в их числе были корисолиты, редоны, амбигарии, кадеты, осисмы, венеты, лексовии и венеллы. Из них белловаки не выставили назначенного им контингента, заявив, что они самостоятельно будут вести войну с римлянами и по своему усмотрению и не желают подчиняться ничьей власти. Впрочем, по просьбе Коммия и во внимание к союзу гос-

теприимства с ним, они послали вместе с другими две тысячи человек».

Давайте-ка подсчитаем: 276 тысяч человек!!!!

Эта астрономическая цифра пополнений в людской силе, на которые мог рассчитывать Верцингеториг, явно отражает, насколько ненавистным для галлов было присутствие римлян на их территориях...

О вышеупомянутом Коммии нужно сказать несколько слов. Он символизирует еще один пример великодушного отношения Цезаря, за которое отплачено предательством! В «Записках» о нем сообщается следующее: *«Этот самый Коммий... оказал Цезарю в качестве верного союзника важные услуги в Британии. За это Цезарь освободил его народ от всякой дани, утвердил за ним прежние права и законы и даже подчинил ему моринов. Но так велико было согласие всей Галлии в деле завоевания свободы и восстановления прежней воинской славы, что Коммий и не думал об этих милостях и дружбе, да и вообще все галлы и телом и душой отдавались этой войне».*

Далее в своих «Записках» Юлий Цезарь приводит результаты своих вычислений общего количества пополнений, направленных Верцингеторигу. Цифры (наша и его) не вполне совпадают, но порядок тот же.

Автор «Записок», подсчитав, заключает: *«Набрано было около восьми тысяч человек конницы и двухсот пятидесяти тысяч человек пехоты. Им производили смотр и подсчет в стране эдуев и назначили для них командиров. Верховное командование было вручено атребату Коммию, эдуям Виридомару и Эпоредоригу и двоюродному брату Верцингеторига арверну Веркассивеллауну. К ним были прикомандированы уполномоченные от общин в качестве военно-*

го совета. Все бодро и уверенно направляются к Алесии. Вообще, каждый думал, что даже вида такой массы нельзя будет выдержать, особенно при нападении на римлян с двух сторон, когда состоится вылазка из города и извне покажутся такие огромные конные и пешие силы».

Что ж, расчет грамотный, бесспорно.

Только не стоило забывать, что во главе римлян по-прежнему стоит Юлий Цезарь. Подобного бойца взять на испуг было непросто, даже такой чудовищной оравой мятежных галлов.

Наверное, это прозвучит недостаточно корректно, но тупость и недалёковидность, проявленные галлами, невероятно удручают. Цезарь уже с полдесятка лет хозяйничает на их территории, выигрывая практически все сражения и нанося колоссальный урон в живой силе и прочем. До сих пор никому из галлов не удавалось выиграть у Цезаря военный сезон. И все равно, они упрямо и нелепо прут на него безобразной толпой, пребывая в абсолютной уверенности, что он при одном только появлении их тотчас пустится наутек! Ими не сделано даже эскиза домашней тактической заготовки на тот случай, если Цезарь вдруг не захочет убегать... Такое скудомыслие наказуемо. И поделом!

Что же происходило в осажденном римлянами городе? Обратимся к «Запискам»:

«Между тем уже прошел день, в который осажденные в Алесии ожидали прихода помощи от своих; весь хлеб был съеден, и, не зная, что делается у эдоев, они созвали собрание для совещания о том, как найти выход из своего критического положения. При этом было высказано много различных мнений: некоторые рекомендовали сдаться, другие предлагали сделать вылазку, пока еще есть силы. По своей исключительной и бесчеловечной

жестокости заслуживает внимания речь Критогната. Этот высокородный и уважаемый арверн сказал: „Каков же мой совет? Делать то, что делали наши предки в далеко не столь значительной войне с кимбрами и тевтонами: загнанные в свои города и страдая от такой же нужды в съестных припасах, они поддерживали жизнь свою трупами людей, признанных по своему возрасту негодными для войны, но не сдались врагам. Если бы у нас не было такого примера, то я признал бы делом чести создать его во имя свободы и завещать потомкам“.

Голосованием было решено удалить из города всех негодных для войны по нездоровью или по годам и испытать все средства, прежде чем прибегнуть к мере, рекомендованной Критогнатом; однако, если к тому вынудят обстоятельства и запоздает помощь, то лучше уже воспользоваться его советом, чем согласиться на условия сдачи или мира. Мандубии же, принявшие тех в свой город, были изгнаны из него с женами и детьми. Когда они дошли до римских укреплений, то они со слезами стали всячески умолять принять их в качестве рабов, только бы накормить. Но Цезарь расставил на валу караулы и запретил пускать их».

А тут как раз и подмога для Верцингеторига подоспела! В «Записках» сказано:

«Тем временем Коммий и остальные главнокомандующие достигли со всеми своими войсками Алесии, заняли лежавший вне линий наших укреплений холм и расположились не более чем в одной миле от них. На следующий день они вывели из лагеря конницу и заняли всю ту равнину, которая, как выше было нами указано, тянулась на три мили в длину. Свою пехоту они поставили в некото-

ром отдалении на высотах. Из города Алесии вся долина была видна. При виде этих вспомогательных войск осажденные бегут к ним навстречу, поздравляют друг друга, и все ликуют. Все силы выступают из города и располагаются перед ним; ближайший ров заваливают фашинником и землей и готовятся к вылазке и ко всем случайностям боя.

Цезарь распределил все свое войско на обе линии укреплений, чтобы, в случае надобности, каждый точно знал свой пост и с него не уходил, а коннице он приказал выступить из лагеря и завязать сражение. Из всех лагерей, занимавших в окрестностях самые высокие пункты, открывался вид вниз, и потому все солдаты с напряженным вниманием следили за исходом сражения.

Галлы расположили в рядах своей конницы отдельных стрелков и легковооруженных пехотинцев, которые должны были подавать помощь своим при их отступлении и выдерживать атаку нашей конницы. Неожиданными нападениями они многих из наших ранили и заставили выйти из линии боя. Так как галлы были уверены в своем боевом перевесе и видели, как тяжело приходится нашим от их численного превосходства, то и те, которые находились за укреплениями, и те, которые пришли к ним на помощь, поднимали повсюду крик и вой для возбуждения храбрости в своих. Дело шло у всех на виду, ни храбрость, ни трусость не могли укрываться, и потому жажда славы и боязнь позора вызывали в обеих сторонах геройский пыл.

С полудня почти вплоть до захода солнца сражение шло с переменным успехом, пока наконец германцы в одном пункте не напали сомкнутыми рядами на неприятелей и не опрокинули их. Во время их бегства стрелки были окружены и перебиты. И в прочих пунктах наши преследовали отступавшего неприятеля вплоть до его

лагеря и не дали ему времени снова собраться с силами. Тогда те, которые выступили из Алесии, почти совершенно отчаялись в победе и с печалью отступили в город».

Два важных момента: 1) вновь, уже в третий раз, решающего перелома добиваются именно германцы в составе конницы; 2) галлы явно не были готовы к упорному сопротивлению римлян, а потому, как и следовало ожидать, уступили им поле боя; колоссальный численный перевес оказался бесполезен.

Но вернемся к «Запискам». Цезарь продолжает свой рассказ:

«По прошествии одного дня, в течение которого галлы изготовили много фашичника, лестниц и багров, они выступили бесшумно в полночь из лагеря и приблизились к полевым укреплениям. Внезапно подняв крик, который для осажденных должен был служить сигналом их наступления, они бросают фашичник, сбивают наших с вала пращами, стрелами и камнями и вообще готовят штурм. В то же время Верцингеториг, услышав их крик, дает своим сигнал трубой к наступлению и выводит их из города. Наши занимают на укреплениях свои посты, которые каждому были назначены в предыдущие дни, и отгоняют галлов фунтовыми пращами, кольями, расставленными по всем шанцам, и свинцовыми пулями. Так как за наступившей темнотой ничего не было видно, то много народа с обеих сторон было переранено. Немало снарядов выпущено было из метательных машин. Там, где нашим было трудно, легаты М. Антоний и Г. Требоний, которым досталась оборона этих пунктов, выводили резервы из ближайших редутов и по мере надобности посылали их на помощь.

Пока галлы находились на некотором расстоянии от наших укреплений, им давало известную выгоду множество снарядов; но как только они подошли ближе, то стали натывать на „стрекала“ либо попадали в ямы и ранили себя о крючья, либо им наносились сквозные смертельные раны копьями, пускаемыми с вала и башен».

Выходит, не зря заставлял Цезарь своих солдат возводить все эти изошренные редуты. Поистине они пригодились!

А галлам, увы, можно было только посочувствовать:

«Во всех пунктах они понесли большие потери ранеными, но нигде не прорвали линии наших укреплений,* а между тем уже приближался рассвет, и тогда они, из боязни быть окруженными на неприкрытом фланге вылазкой римлян из верхнего лагеря, отступили к своим. Что же касается осажденных, то пока они приносили заготовленные Верцингеторигом материалы для вылазки и первые ряды их засыпали рвы, на все это ушло много времени, и они узнали об отступлении своих прежде, чем успели приблизиться к нашим укреплениям. Таким образом, они ни с чем вернулись в город.

Дважды отбитые с большим уроном, галлы совещаются о том, что им делать, привлекают знающих местность людей, узнают от них о расположении верхнего лагеря и об укреплениях. На северной стороне был холм, который наши, вследствие его обширности, не могли включить в линию своих укреплений: по необходимости пришлось разбить лагерь на месте почти что прямо невыгодном, именно на отлогом спуске холма. Этот лагерь занимали легаты Г. Антистий Регин и Г. Каниний Ребил с двумя легионами. Ознакомившись через разведчиков с местностью, неприятельские вожди отбирают из всего

войска шестьдесят тысяч человек, притом из тех племен, которые особенно славились своей храбростью, тайно условливаются между собой относительно деталей дальнейших действий и назначают общий штурм на полдень. Командование этими войсками они поручают арверну Веркассивеллауну, одному из четырех главнокомандующих и родственнику Верцингеторига. Тот, выйдя из лагеря в первую стражу, к рассвету прошел почти весь путь, занял скрытую позицию за горой и приказал своим солдатам отдохнуть после ночных трудов. Около полудня он двинулся на вышеупомянутый лагерь; в то же время и его конница стала подходить к полевым укреплениям, а остальные силы начали развертываться перед нашим лагерем.

Верцингеториг, увидав своих из крепости Алесии, со своей стороны выступает из города и приказывает захватить фашинник, шести, подвижные навесы, стеновые багры и вообще все заготовленное им для вылазки. Сражение идет во всех пунктах единовременно; повсюду делаются попытки штурма; в наиболее слабые пункты устремляются большими массами. Римские отряды, растянутые по таким огромным укреплениям, с трудом успевают давать отпор во многих местах сразу. Очень устрашает наших крик, раздавшийся в тылу у бойцов, так как для них ясно, что их опасное положение зависит от чужой храбрости: ведь все, что от людей далеко, сильнее действует на их душу.

Цезарь, выбрав удобный пункт, видит с него, что где делается: где наших теснят, туда он посылает резервы. Обеим сторонам приходит на мысль, что именно теперь наступил решающий момент их конечной борьбы: для галлов, если они не прорвут укреплений, потеряна всякая надежда на спасение, римлян, если они удержатся, ожидает конец всех их трудов. Особенно тяжело приходится

нашим у верхних укреплений, против которых, как мы указали, был послан Веркассивеллаун. Неблагоприятная для римлян отлогость холма оказывает большое влияние на ход сражения. Часть галлов пускает снаряды, часть идет на римлян строем „черпахи“; утомленных сменяют свежие силы. Все галлы бросают землю на укрепления, облегчают себе таким образом подъем и засыпают ловушки, скрытые римлянами в земле. У наших уже не хватает ни оружия, ни сил».

Мы вплотную подошли к критической точке боя.

Важно запомнить, как в эту минуту держит себя Юлий Цезарь.

Напомним, что на чаше весов — жизни солдат Цезаря и его собственная жизнь.

В «Записках» читаем:

«Узнав об этом, Цезарь посылает тесным на помощь Лабизна с шестью когортами и приказывает ему, в случае невозможности держаться, увести когорты с вала и сделать с ними вылазку, но прибегнуть к этой мере только в крайности. А сам обходит остальных, ободряет их не поддаваться изнурению, обращая их внимание на то, что от этого дня и часа зависят все плоды прежних сражений. Осажденные потеряли надежду взять слишком огромные полевые укрепления и пытаются взобраться на крутизны и напасть на бывшие там укрепления; сюда они несут все материалы для штурма. Множеством снарядов они выбивают защитников из башен, засыпают землей и фашином рвы, рвут баграми вал и брустверы.

Цезарь сначала посылает туда молодого Брута с его когортами, а затем с другими когортами Г. Фабия; наконец, так как сражение становилось все более и более

ожесточенным, сам ведет на помощь свежие резервы. Восстановив здесь бой и отбив неприятелей, он спешит к тому пункту, куда послал Лабизна; берет с собой четыре когорты из ближайшего редута, приказывает части конницы следовать за собой, а другой — объехать внешние укрепления и напасть на врагов с тылу. Лабизн, убедившись в том, что ни плотины, ни рвы не могут выдержать напора неприятельских полчищ, собрал в одно место сорок когорт, которые были выведены из ближайших редутов и случайно на него наткнулись, и сообщил Цезарю через гонцов о своих ближайших намерениях. Цезарь спешит к нему, чтобы принять участие в сражении.

О его прибытии узнали по цвету одежды, которую он носил в сражениях как знак отличия; вместе с тем показались следовавшие за ним по его приказу эскадроны всадников и когорты, так как с высот видно было все происходившее на склонах и в долине. Тогда враги вновь завязывают сражение. Навстречу крику, поднявшемуся с обеих сторон, раздается крик с вала и со всех укреплений. Наши оставили копья и взялись за мечи.

Внезапно в тылу у неприятелей показывается римская конница и приближаются еще другие когорты. Враги повертывают тыл, но бегущим перерезывают дорогу всадники. Идет большая резня. Вождь и князь лемовиков Седулий падает убитым; арверна Веркассивеллауна захватывают живым во время бегства; Цезарю доставляют семьдесят четыре военных знамени; лишь немногие из этой огромной массы спасаются невредимыми в свой лагерь. Те, которые заметили из города избиение и бегство своих, отчаялись в своем спасении и увели свои войска назад от укреплений.

При слухе об этом тотчас же начинается всеобщее бегство из галльского лагеря. И если бы наши солдаты не

были утомлены частыми передвижениями на помощь и напряженным трудом за целый день, то все неприятельские полчища могли бы быть уничтожены. Посланная около полуночи конница нагнала арьергард; много народу было при этом взято в плен и убито; остальные разбегаются по своим общинам».

Какое сокрушительное поражение галлов!

Без преувеличения можно сказать, что это — ключевое сражение Галльской войны. Поразительная демонстрация римлян, как, начиная чуть ли не в минусе, обрести в итоге победу. Два боя и одно большое сражение — столько потребовалось Цезарю, чтобы выиграть военную кампанию 52 г. до н. э.

А что же его грозный и столь похожий на него соперник — Верцингеториг?

Верцингеториг сдается Цезарю (худ. Лайонел-Ноэль Роэр. 1899)

Конец его истории также содержится в «Записках»: *«На следующий день Верцингеториг созвал общее собрание и заявил на нем, что эту войну он начал не ради своих личных выгод, но ради общей свободы; так как необходимо покориться судьбе, то он отдает себя в распоряжение собрания: пусть оно благоволит сделать выбор: или его смертью удовлетворить римлян, или выдать его живым. По этому поводу отправили к Цезарю послов. Он приказывает им выдать оружие и привести князей. Сам он сел в укреплениях перед лагерем. Туда приводят вождей; Верцингеторига выдают, оружие положено».* У Плутарха сказано о его сдаче в плен подробнее: *«Верцингеториг, руководитель всей войны, надев самое красивое вооружение и богато украсив коня, выехал из ворот. Объехав вокруг возвышения, на котором сидел Цезарь, он соскочил с коня, сорвал с себя все доспехи и, сев у ног Цезаря, оставался там, пока его не заключили под стражу, чтобы сохранить для триумфа».* Перед этим ему суждено было около шести лет провести в темнице. Пред взорами Рима он предстал лишь на триумфе в 46 г. до н. э., и сразу же после этого над ним совершили казнь. Такой вот безрадостный финал...

Однако рассказ об этом этапе Галльской войны еще не закончен.

Осталось сказать буквально два слова.

Цезарю, прежде всего, было необходимо решить, как поступить с эдуюми, его предавшими, да и союзницами их, арвернами. Видимо, Цезарь все-таки питал к эдуям невероятную по своей силе симпатию, поскольку он... вновь их пощадил. В «Записках» Цезарь объясняет свой поступок далеко идущими политическими целями: *«Эдуев и арвернов Цезарь приберег, в расчете снова приобрести через них влияние на их общины; остальных пленных он распределил во всем своем войске по человеку на солдата в качестве военной добычи».*

Чем же занялся Цезарь по завершении военных действий?

Нет, вы, наверное, просто не поверите: отправился к эдуям!!!

Признание об этом присутствует в его «Записках»:

«По окончании этой войны [Цезарь] отправляется в страну эдуев и снова покоряет их общину. Прибывшие туда послы от арвернов обещают исполнить все его требования. Он приказывает дать большое число заложников. Легионы он отпускает на зимние квартиры. Около двадцати тысяч человек он возвращает эдуям и арвернам.

Т. Лабизна посылает в страну секванов с двумя легионами и конницей; к нему прикомандировывает М. Семпрония Рутила. Легаты Г. Фабий и Л. Минуций Басил получают приказ зимовать у ремов для ограждения их от каких-либо обид со стороны их соседей — белловаков. Г. Антистия Регина он посылает к амбиваретам, Т. Секстия — к битуригам, Г. Каниния Ребила — к рутенам, каждого с одним легионом.

Кв. Туллий Цицерон и П. Сульпиций должны были занять зимние квартиры в городах эдуев Кабиллоне и Матисконе для обеспечения подвоза провианта. А сам он решил зимовать в Бибракте.

На основании донесения Цезаря об этой победе в Риме назначается двадцатидневное молебствие».

Цезарь, как опытный военачальник, отдавал себе отчет, каково пришлось его людям в году минувшем, когда, в сущности, решалась сама судьба римлян в Галлии. Легионеры нуждались в реальном отдыхе. После победы в главном сражении Галльской войны они это заслужили.

Тем более что после понесенных потерь галлам наверняка нужно было изрядное время, чтобы оправиться, и едва ли следовало ожидать от них очередных волнений. Именно поэтому Цезарь не строил на 51 г. до н. э. никаких далеко идущих планов.

Однако, как это нередко случается, обстоятельства решились за него.

Видимо, вся Галлия, вновь пройдя через унижительное поражение, задавалась вопросом: неужели никому не удастся совладать с римлянами? Ведь они не боги, а люди, а стало быть, уязвимы. Наверняка есть средство их погубить!

И это средство следовало найти как можно скорее.

Галлия опять забурлила...

От надежд Цезаря позволить своим людям хорошенько восстановиться с силами не осталось и следа, когда от многочисленных лазутчиков, рассеянных по территории Галлии, начали приходить неутешительные известия о том, что *«многие общины единовременно задумывают возобновить войну и составляют тайные заговоры. В качестве правдоподобной причины этого обстоятельства указывали на общераспространенное среди галлов убеждение, что какая бы боевая масса ни была сосредоточена в одном месте, она не может дать должный отпор римлянам; но если несколько общин откроют военные действия в различных пунктах одновременно, то армия римского народа не будет иметь ни времени, ни сил энергично воевать во всех пунктах и всюду поспевать со своей помощью; но только ни одно племя не должно отказываться от этой неприятной участи, если благодаря такому выигрышу времени остальным удастся отвоевать себе свободу»*.

Надо отдать галлам должное!

Правда, идея изначально лежала на поверхности. Будь у галлов побольше сметки, они могли бы соединиться и

выступить против римлян сообща еще в 58 г. до н. э., когда началось римское проникновение. Однако потребовались годы тяжелых поражений, чтобы подобная мысль забрезжила в их скудных рассудках.

Цезарь был явно не в восторге, когда узнал об этом.

Покуда галлы не осуществили своего намерения, им следовало немедленно помешать! Все мысли об отдыхе мгновенно пошли прахом.

В «Записках» сказано, что *«Цезарь назначил комендантом своего зимнего лагеря квестора М. Антония, а сам в сопровождении конного отряда отправился накануне январских Календ из города Бибракты к 13-му легиону, стоявшему, по его распоряжению, на эдуйской границе в области битуригов, и присоединил к нему зимовавший по соседству 11-й легион. Оставив по две когорты (от каждого легиона) для охраны обоза, он двинулся с остальным войском в богатейшую область битуригов, так как при обширности их земель и многочисленности городов зимовавший у них легион не мог бы удержать их от приготовлений к войне и от заговоров»*.

Внезапность нападения была излюбленным коньком Цезаря всегда.

Не стал он изменять себе и на этот раз.

Результат, как всегда, был вполне прогнозируем!

Как сказано в «Записках»,

«благодаря внезапному появлению Цезаря произошло то, что и должно было произойти с врагами, не успевшими приготовиться и жившими разбросанно: поселяне, которые жили без всяких опасений, были застигнуты нашей конницей врасплох прежде, чем они могли спастись бегством в города».

А именно Цезарь решительно воспретил предавать пламени усадьбы (что обыкновенно служит признаком

неприятельского набега) — с той целью, чтобы в случае продвижения в глубь страны не испытывать нужды в фураже и хлебе и чтобы не путать врагов этими пожарами. Устрашенные потерей многих тысяч пленных, те битуриги, которым удалось спастись от первого нападения римлян, бежали в соседние общины в надежде на частные дружественные связи и на солидарность с ними их единомышленников. Тщетно, ибо Цезарь своими ускоренными маршами повсюду их опередил и не дал ни одной общине времени думать о чужой безопасности более, чем о своей. Этой быстротой он обеспечил за собой верность дружественных племен, а на колебавшихся наводил страх и принуждал их к покорности. Так как битуриги при таких обстоятельствах убедились в том, что милость Цезаря открывает им возврат к его дружбе и что соседние общины, не подвергаясь никакому наказанию, дали заложников и снова были приняты под его покровительство,— то они последовали их примеру».

Блицкриг удался!

Цезарь восстановил контроль над одними из обширнейших земель Галлии; теперь планам создания антиримской коалиции галльских племен было бы крайне не просто осуществиться. Появлялся реальный шанс, что у римлян все-таки будет передышка.

Как отмечено автором «Записок», «солдаты Цезаря самоотверженно выносили все лишения в зимние дни от очень трудных походов и невыносимых холодов. В награду за эти лишения и выносливость он обещал, в виде денег от добычи, каждому рядовому по двести сестерциев, а центуриону — по тысяче. Затем он отправил легионы назад на зимние квартиры, а сам вернулся на сороковой день в Бибракт».

И снова надеждам на настоящий отдых не дано было осуществиться, поскольку,

«когда он производил там судебное разбирательство, к нему прислали послов битуриги с просьбой о помощи против карнутов и с жалобой на вторжение последних в их страну. Ввиду этого он пробыл в зимнем лагере не более восемнадцати дней и вывел с зимних квартир на Ара-ре 14-й и 16-й легионы, которые, как указано было в предыдущей книге, были там размещены для обеспечения продовольственного дела. С этими двумя легионами он и выступил для преследования карнутов.

Когда молва о приближении нашего войска дошла до врагов, то карнуты, наученные чужими несчастьями, оставили села и города, где они жили в наскоро построенных для защиты от зимы маленьких и бедных помещениях (значительной части своих городов они после недавнего своего поражения лишились), и рассеялись по разным направлениям. Так как именно теперь наступила самая лютая погода, и Цезарь не желал, чтобы его солдаты страдали от нее, то он разбил свой зимний лагерь в городе карнутов Кенабе и поместил солдат частью в домах галлов, а частью в бараках, которые были построены солдатами и покрыты спешно собранной соломой. Всадников же и пехотинцев из вспомогательных отрядов он послал во все стороны, куда только, по его сведениям, устремлялись враги. И недаром, ибо большей частью наши возвращались с богатой добычей. Суровая зима и страх перед постоянными опасностями сломили карнутов: лишены крова, они нигде не осмеливались задерживаться на более или менее долгое время, а в жестокие морозы даже в лесах не находили себе достаточной защиты. Поэтому, потеряв много народа, они рассеялись и разбежались по соседним общинам».

Судя по всему, у Цезаря оставались серьезные сомнения по поводу лояльности окрестных галльских племен.

Допустим, карнугы снова были рассеяны, но оставались другие, например, те же строптивые белловаки. Напомним, что именно белловаки сочли возможным отказаться от возложенной на них присылки Верцингеторигу десяти тысяч добровольцев, ограничившись всего двумя тысячами бойцов. При этом, что характерно, они заявили, что у них с римлянами свои счеты; незачем поступать под чье-то начало, чтобы отомстить легионерам Цезаря за старые обиды. У белловаков хватит сил, чтобы разобратся с римлянами самостоятельно.

Из «Записок» известно, что

«Цезарь считал достаточным в это суровое время года разгонять собиравшиеся отряды неприятелей, чтобы помешать возникновению новой войны, и, насколько можно было рассчитать, был уверен в том, что к началу лета дело не дойдет до большой войны. Поэтому он оставил два своих легиона под командой Г. Требония на зимних квартирах в Кенабе, а сам выступил в поход против белловаков.

А именно часто отправляемые ремами послы извещали его о том, что белловаки, превосходившие военной славой всех галлов и бельгов, вместе с соседними племенами под предводительством белловака Коррея и атребата Коммия собирают войска и стягивают их в одно место, чтобы всей массой обрушиться на страну подчиненных ремам суессионов. Считая делом не только своей чести, но и своей безопасности оградить заслуженных перед римским государством союзников от всякого рода бедствий, Цезарь снова вызвал с зимних квартир 11-й легион, а к Г. Фабию послал письмо с приказом провести в область суессионов свои два легиона и взял у Т. Лабиена один из двух его легионов. И вот, в то время как сам он был непрерывно занят, тяжесть этих отдельных экс-

педиций он распределил между легионами по очереди, насколько это позволяло положение зимних лагерей и его оперативный план.

Собрав все эти силы, он выступил против белловаков и, разбив лагерь в их стране, послал по всем направлениям эскадроны всадников для захвата пленных, от которых можно было бы узнать о намерениях врагов. Всадники исполнили поручение и сообщили, что лишь немногих они нашли в домах, да и эти последние отнюдь не оставались там для обработки полей (ибо повсюду было произведено повальное выселение), но были отправлены сюда назад для разведок. На свои расспросы о том, где находятся главные силы белловаков и каковы их планы, Цезарь получил ответ, что белловаки, способные носить оружие, собрались в одно место, а с ними также амбианы, аулерки, колеты, велиокасы и атребаты; для лагеря они выбрали возвышенность в лесу, окруженную болотами, а весь обоз направили в более отдаленные леса. Войной руководят несколько князей, но масса слушается, главным образом, Коррея, который известен как заклятый враг римского народа. Несколько дней тому назад из этого лагеря отправился атребат Коммий привести вспомогательные войска от германцев, живущих в ближайшем соседстве и необыкновенно многочисленных. В случае подтверждения слуха, что Цезарь наступает только с тремя легионами, князья и особенно народ белловаков единогласно и с редким единодушием решили дать ему сражение, чтобы потом не быть вынужденными вести решительную борьбу со всем войском при худших и более тяжких условиях. Если же при нем большие сил, то они намерены остаться на избранном ими месте и мешать из засады римлянам добывать фураж, по времени года скудный и разбросанный, а также хлеб и всякий другой провиант.

Эти сведения Цезарь получил из нескольких подтверждающих друг друга показаний многих пленных. Признавая, что сообщаемые ему планы врагов разумны и очень далеки от обычной у варваров опрометчивости, он решил всячески позаботиться о том, чтобы внушить врагам презрение к малочисленности его войска и тем вынудить их к сражению. При нем были чрезвычайно храбрые легионы из ветеранов — 7-й, 8-й и 9-й; большие надежды подавала и отборная молодежь 11-го легиона, прослужившая уже восемь лет, но по сравнению с остальными пока еще не приобретшая себе репутации такой же боевой опытности и храбрости. Поэтому он созвал военный совет и, изложив на нем все поступившие к нему донесения, поднял дух у своих людей. В предположении, что врага можно заманить на сражение кажущимся числом трех легионов, он распределил походные колонны так, чтобы легионы 7-й, 8-й и 9-й шли впереди своего обоза, 11-й легион должен был замыкать всю обозную колонну, впрочем, как это обыкновенно бывает в небольших экспедициях, довольно незначительную: таким образом, врагам должно было броситься в глаза как раз столько боевых сил, сколько они хотели встретить. Построив по этой системе войско приблизительно в виде четырехугольника, Цезарь показывается с ним на глаза врагам скорее, чем они могли этого ожидать».

Однако так уж получилось, что эффект неожиданности не сработал.

И даже более того: удивляться вскоре пришлось самому Цезарю.

Едва было построено каре из легионов, как галлы всем скопом возникли перед строем римских войск. Донесения лазутчиков не лгали: галлов собралась такая прорва, что от них буквально рябило в глазах. Если Цезарь прежде

рассчитывал, что сведения о численности неприятеля отчасти наверняка завышены, теперь все его сомнения по этому поводу вмиг отпали.

Задача серьезно осложнилась.

Нужно было срочно менять тактическую установку.

А на это требовалось время.

Согласно «Запискам»,

«при всем желании дать сражение Цезарь, однако, был изумлен многочисленностью неприятеля и потому стал лагерем против неприятельского лагеря, причем между ними была только не очень широкая долина с довольно отвесными склонами.

Этот лагерь он приказал окружить валом в двенадцать футов вышины и на нем устроить соответственно с его высотой небольшой земляной бруствер, далее провести двойной ров в пятнадцать футов ширины с отвесными стенками, поставить на близком расстоянии друг от друга башни в три этажа вышиной и соединить их друг с другом крытыми мостами с небольшими плетеными брустверами из хвороста для защиты их передних сторон.

Таким образом, лагерь был защищен от неприятелей двойным рвом и двойным рядом защитников, из которых один ряд тем смелее и дальше мог пускать метательные снаряды, чем безопаснее было его положение вверху на мостах, а другой, расположенный на самом валу, ближе к неприятелю, был прикрыт мостом от падающих на него снарядов. К воротам лагеря были пристроены двустворчатые двери и приставлены еще более высокие башни.

Цель этих укреплений была двоякая. Цезарь надеялся, что размеры его работ покажутся варварам признаком его страха и тем прибавят им уверенности. Он понимал,

что, ввиду необходимости отправляться за фуражом и за хлебом довольно далеко, его лагерь даже при малочисленной охране может быть защищен своими собственными укреплениями.

Тем временем часто происходили стычки, но с обеих сторон обыкновенно выбегало лишь по несколько человек, так как между обоими лагерями было болото. Впрочем, иногда либо галлы и германцы из наших вспомогательных отрядов переходили через это болото и энергично преследовали врагов, либо, в свою очередь, враги тем же путем переправлялись через него и оттесняли наших назад. Но при ежедневных фуражировках случалось то, что неизбежно должно было случаться при добывании фуража из отдаленных, лежавших вразброс дворов, именно что фуражиров, рассеявшихся по малоудобным местам, окружали. Это обстоятельство причиняло нашим небольшие потери лошадьми и рабами, но зато развивало у варваров нелепые фантазии, тем более что Коммий, который, как я указал, отправлялся за помощью к германцам, теперь вернулся с конным отрядом. Хотя численность его не превышала пятисот человек, но прибытие германцев, разумеется, увеличило надменность галлов».

Какая опять-таки ирония судьбы: германцы оказались решающей силой во время боевых действий римлян против галлов в минувшем году. А теперь галлы сами прибегли к их помощи. Правда, пятьсот человек не могли сделать погоды, как говорится, но все-таки это был достаточно сильный отряд. Впрочем, германцы входили также в состав и римского войска. Об их действиях мы расскажем ниже.

Все это время Цезарь не прекращал своих наблюдений за галлами.

В «Записках» мы читаем:

«Цезарь замечал, что враги уже несколько дней держатся в своем лагере, прикрытом болотом и от природы защищенном; вместе с тем он видел, что штурм этого лагеря потребовал бы кровопролитного боя, а окружение всего этого места укреплениями возможно было бы при наличии более многочисленного войска. Поэтому он послал письмо к Требонию с приказом как можно скорее вызвать 13-й легион, зимовавший под командой легата Т. Секстия в стране битуригов, и, таким образом, идти с тремя легионами ускоренным маршем на соединение с ним; сам же он разослал для прикрытия фуражировок всадников, вызванных им в большом количестве из племени ремов, лингонов и других, для отражения внезапных неприятельских набегов.

Это происходило каждый день. Как обыкновенно и бывает, с течением времени к этому привыкли и потому уменьшили свою бдительность. Тогда белловаки, узнав ежедневное расположение наших кавалерийских постов, поместили в засаду в лесистой местности отборный отряд пехоты, а на следующий день послали туда же конницу, чтобы сначала заманить наших, а затем окружить и атаковать.

Этот несчастный жребий пал на ремов, которые в этот день должны были нести сторожевую службу. А именно, как только они вдруг заметили неприятельских всадников и при своем численном превосходстве презрительно отнеслись к малочисленному неприятелю, они стремительно помчались в погоню и были со всех сторон окружены пехотинцами. Это привело их в замешательство и заставило отступить скорее, чем это обыкновенно бывает в конных сражениях. При этом они потеряли начальника конницы, князя своей общины Вертиска: этот последний по своему преклонному возрасту с трудом мог сидеть на коне, но, соблюдая гальский

обычай, не воспользовался ссылкой на свой возраст для отказа от должности начальника конницы, равно как и не пожелал, чтобы сражение происходило без него.

Удачное сражение и смерть князя и командира ремов повысили надменность неприятелей, а наших понесенный ими урон научил ставить посты после более тщательного обследования местности и соблюдать меру в преследовании отступающего врага».

Вскоре представился прекрасный повод германцам, входившим в состав войск Цезаря, реально проявить себя.

В «Записках» говорится: *«Тем временем в виду обоих лагерей у бродов и переправ через болото постоянно происходили ежедневные стычки. Во время одной из них германцы, которых Цезарь перевел через Рейн, чтобы они пешими сражались в рядах конницы, с большой решительностью все до одного перешли через болото, перебили тех немногих неприятелей, которые попытались оказать им сопротивление, и упорно стали преследовать остальную массу. Тогда не только те, которых избивали в рукопашном бою или ранили издали, но и те, которые обыкновенно стояли довольно далеко в резерве, обратились в ужасе в позорное бегство и, часто теряя возвышенные пункты, не переставали бежать, пока не спаслись в свой лагерь, а некоторые от стыда бежали еще дальше за лагерь. Это положение вызвало во всем их войске такое смятение, что трудно было решить, что у них преобладало: надменность при ничтожных удачах или страх при незначительной неудаче».*

Что ж, германцы вновь доказали, что они brave вояки!

Похоже, в избиении галлов они находили свою особую прелесть.

Последнее замечание «Записок» — применительно к галлам — особенно показательно; досадно, что Цезарь ничего не пишет о том, как проявили себя приведенные

Коммием германские конники (общим числом до пяти-сот). Велика была вероятность, что германцам с обеих сторон выпадет не слишком-то завидная участь сойтись в бою друг против друга.

Далее события разворачивались следующим образом:

«Галлы простояли еще несколько дней в том же лагере. Но когда они узнали о приближении легионов и легата Г. Требония, то вожди белловаков, боясь осады, подобной осаде Алесии, выслали из лагеря ночью всех стариков, слабосильных и безоружных и вместе с ними остальной обоз. Но пока они разворачивали эту беспорядочную и нестройную колонну (дело в том, что за галлами даже при их движении налегке обыкновенно идет множество повозок), показался уже дневной свет. Тогда они выстроили перед своим лагерем вооруженные силы, чтобы не дать римлянам начать преследование прежде, чем их обоз не отойдет на значительное расстояние.»

Однако Цезарь, ввиду очень крутого подъема на холм, не считал нужным нападать ни на сопротивляющихся, ни на отступающих; но все-таки он находил полезным придвинуть свои легионы настолько, чтобы очищение позиции под напором наших солдат не прошло без большой опасности для неприятелей. Он видел, что лагери разделяет труднопроходимое болото и что именно трудность переправы может замедлить быстроту преследования; вместе с тем тот хребет, который тянулся по ту сторону болота почти до самого неприятельского лагеря, был отделен от последнего небольшой долиной. Поэтому он проложил через болото мосты, перевел по ним легионы и быстро дошел до верхней площадки хребта, которая с обоих боков прикрывалась крутым спуском.»

Построив на ней свои легионы, он дошел до конца этого хребта и поставил войска в боевую линию на таком месте, с которого можно было обстреливать неприятельские колонны из метательных машин».

Инженерная мысль Цезаря-стратега всегда блещет новизной! Нет предела его импровизациям. Спору нет, у него имеются свои излюбленные тактические решения, которые он часто использует, но в каждом случае он приносит нечто новое. Любое, самое небольшое изменение диспозиции может послужить толчком для тактических инноваций Цезаря. Позицию, выгодную для противника, он легко может обратить против него, сделав ее вынужденной или даже фатальной.

Читаем в «Записках»:

«Варвары в твердой надежде на свою позицию не отказывались от сражения в случае, если римляне сделают попытку подняться для штурма на холм; с другой стороны, они не решались отводить свои силы отдельными отрядами, чтобы они не пришли поодиночке в расстройстве. Поэтому они продолжали стоять в боевом порядке.

Поняв причину их упорства, Цезарь приготовил к бою двадцать когорт и приказал остальным разбить на этом месте и укрепить лагерь. По окончании всех этих работ он поставил перед валом все легионы в боевом порядке и распределил всадников по постам с приказом не разнуздывать лошадей. Белловаки увидели, что римляне готовы к преследованию и что им самим на этой позиции нельзя без большой опасности провести ночь и вообще оставаться хотя бы даже некоторое время».

Чтобы противостоять Цезарю, следовало уметь импровизировать. Судя по всему, белловаки (скорее всего,

бессознательно) почувствовали необходимость привлечения свежих решений.

И, как это ни удивительно, у них получилось: «Они придумали такой способ отступления. Передавая друг другу, по своему обыкновению, из рук в руки связки соломы и хворосту, имевшихся у них в большом количестве, они сложили их перед фронтом и при наступлении ночи по данному сигналу одновременно зажгли. Этот сплошной огонь вдруг скрыл у римлян из виду все неприятельские войска, и тогда они немедленно с необыкновенной быстротой убежали.

Хотя Цезарь из-за огня не мог заметить отхода врагов, но в предположении, что это было предпринято с целью прикрыть бегство, он продвинул вперед легионы и послал конные эскадроны в погоню. Но сам он стал двигаться медленно из боязни засады, именно того, что, может быть, враги продолжают удерживать ту же позицию и пытаются заманить наших на невыгодное место.

Всадники боялись въезжать в дым и в густые волны огня, а если некоторые из них в своем увлечении и попадали туда, то с трудом различали головы своих собственных лошадей и из боязни засады также дали белловкам возможность вполне беспрепятственно отступить.

Таким образом, враги, обнаружив в этом бегстве столько же страха, сколько хитрости, без всяких потерь ушли миль на десять вперед и расположились лагерем в весьма защищенной местности. Часто высылая отсюда в засаду конные и пешие отряды, они причиняли римлянам большой урон при их фуражировках».

Вот замечательный пример того, как можно было свести на нет даже усилия самого Цезаря!

Однако долго спускать с рук неприятелю подобные безобразия Цезарь не мог. Он понимал, что может решить судьбу белловаков одним-единственным сражением. Оставалось дожидаться наиболее благоприятных условий.

Вскоре «Цезарь узнал от одного пленного, что вождь белловаков Коррей выбрал шесть тысяч человек из самых храбрых пехотинцев и тысячу человек из всей конницы для засады в такой местности, куда, по его предположению, ввиду обилия фуража и хлеба, римляне должны были послать отряд фуражиров. Узнав об этом замысле врага, Цезарь вывел большее, чем обыкновенно, число легионов и послал вперед конницу, как это он обычно делал для прикрытия фуражиров. Ее ряды он пополнил легковооруженной пехотой и сам двинулся с легионами со всей возможной быстротой.

Враги выбрали для своей засады открытое поле, которое тянулось по всем направлениям не более чем на тысячу шагов и было защищено со всех сторон лесами или же очень трудно проходимой рекой, и всю эту местность оцепили, точно облавой, своими скрытыми отрядами.

Наши, зная о замысле врагов, появились там эскадронами в полном вооружении и с боевым воодушевлением, готовые на какое угодно сражение в надежде на поддержку следовавших за ними легионов. Их приближение внушило Коррею мысль, что теперь настал удобный момент для боя; и прежде всего он показался с небольшими отрядами, с которыми и напал на ближайшие к нему эскадроны. Наши мужественно выдержали это нападение, не скопляясь в слишком большом количестве в одном месте: это обыкновенно случается в конных сражениях от какого-либо испуга сражающихся, и

тогда уже многочисленность людей бывает причиной большого урона.

В то же время как наши эскадроны находились в разных местах и для боя выступали по очереди отдельные небольшие группы, задерживая обход с флангов, из лесов делают вылазку все остальные на помощь сражавшемуся Коррею. Начинается в разных пунктах упорное сражение и идет некоторое время без перевеса для той или другой стороны, пока из лесов не вышла в боевом порядке вся пехотная масса, которая и заставила наших всадников отступить; но к ним на помощь скоро подошли легковооруженные пехотинцы, которые, как я указал, были отправлены впереди легионов. Они заняли места среди эскадронов и начали мужественно сражаться.

Бой идет некоторое время с одинаковым напряжением; но затем, как это вообще бывает в сражениях, те, которые выдержали первое нападение из засады, одерживают верх уже потому, что не были застигнуты врасплох и не понесли от нападающих никакого урона. Между тем ближе подходят легионы, и одновременно разносится и среди наших и среди врагов весть, что идет сам император с готовыми к бою силами. Эта уверенность в поддержке со стороны когорт заставляет наших сражаться с особой энергией, очевидно, чтобы в случае замедления не пришлось делить победную славу с легионами.

Враги падают духом и стараются спастись бегством по разным направлениям. Но напрасно: ибо те топографические трудности, которыми они хотели поставить в безвыходное положение римлян, теперь опутали их самих. Победленные, разбитые, потеряв большую часть своих людей, они в паническом страхе бегут частью в леса, частью за реку, но бегущих наши энергично преследуют и уничтожают.

Тем временем Коррей, которого никакая беда не могла сломить, не пожелал оставить поле сражения и бежать в лес; не склонило его к сдаче и приглашение со стороны наших, но он продолжал очень храбро сражаться и многих ранил, пока не вынудил озлобленных победителей забросать его копьями».

Все очевидно: Цезарь диктует свои условия противнику и нападает, лишь когда четко знает, что это сейчас ему более всего выгодно. В итоге противник разбит.

В минувшем сезоне Цезарь подчас позволял не уничтоженному окончательно противнику спастись бегством. Теперь он не намерен давать врагам никаких послаблений: *«После такого успеха Цезарь имел основание думать, что сломленные этим поражением враги тотчас же по получении известия о нем должны немедленно очистить место, где стоял лагерь, находившийся от этого побоища, по слухам, на расстоянии около восьми миль. Поэтому он решил не терять результатов только что одержанной победы. Хотя перед ним была труднопроходимая река, однако он по горячим следам переправился через нее с войском и двинулся вперед. Но белловаки и остальные племена, к которым, против их ожидания, спаслись бегством лишь незначительные остатки их войск, и притом израненные и уцелевшие от гибели только благодаря лесам, поняли, что теперь все повернулось против них: Коррей убит, конница и храбрейшая часть пехоты погибла, приближение римлян несомненно. Тогда они вдруг созвали трубой собрание и в один голос заявили, что надо послать к Цезарю послов и заложников».*

Привычная уловка галлов: как видят, что все их надежды пошли прахом, падают ниц перед победителем, моля о пощаде и обещая впредь не шалить.

Как только прозвучало предложение о посылке гонцов с просьбой о мире,

«все одобрили это решение, но атребат Коммий бежал к тем германцам, у которых он взял вспомогательные войска для этой войны. Прочие немедленно отправили к Цезарю послов с просьбой удовлетвориться таким наказанием врагов, которого он при своем милосердии и человеколюбии, разумеется, никогда бы не наложил на них, если бы он мог наказать их, когда у них были свежие силы и они с ним не сражались. Конное сражение сломало силы белловаков; погибло много тысяч человек из отборной пехоты; едва спаслись бегством вестники об этом побоище. Но все-таки, насколько это возможно при такой катастрофе, белловаки извлекли из этого сражения большую пользу, именно что убит Коррей, инициатор войны, подстрекатель народа; ведь при его жизни сенат никогда не имел такой силы, какую имела невежественная чернь.

В ответ на эти просьбы Цезарь указал послам: в прошлом году в то же самое время белловаки и остальные племена начали войну: они одни из всех с величайшим упорством провели свое предприятие до конца, и даже сдача остальных галлов не могла их образумить. Он хорошо знает, что очень удобно сваливать вину на умерших. Но никто не имеет такого влияния, чтобы против воли князей при противодействии сената и сопротивлении всех порядочных граждан, опираясь только на надежную толпу черни, быть в состоянии вызвать войну и вести ее. Тем не менее он готов удовлетвориться тем наказанием, которое они сами на себя навлекли».

Тактика общения Цезаря с побежденной стороной явно меняется: если прежде он, соболезнуя пораженцам, великодушно шел им навстречу, то теперь этого нет и в помине. Цезарь припоминает им их былые грехи: лживые обещания и т. д. Он в итоге сообщает о своей готов-

ности их простить, но ясно дает понять, что веры им больше нет. Цезарь словно предупреждает: урон, понесенный сегодня,— это просто пустяки по сравнению с теми потерями, что ждут белловаков, если они вновь ослушаются и нарушат свои обещания.

Белловаки, видимо, осознали, что ситуация крайне серьезна и что им следует немедленно подтвердить свои добрые намерения.

Как сообщают «Записки»,

«в следующую ночь послы возвратились к своим с ответом Цезаря, затем собрали должное число заложников. Спешно прибыли послы и от других племен, которые выжидали, чем кончится дело белловаков. Все они дали заложников и исполнили все требования, кроме только Коммия, которому страх мешал доверить свою жизнь кому бы то ни было.

Дело в том, что в прошлом году, когда Цезарь производил суд в Ближней Галлии, Т. Лабизн узнал, что Коммий соблазняет общины к отпадению и устраивает заговор против Цезаря. Он решил, что немедленное пресечение этой измены отнюдь не было бы вероломством. Так как при этом он не рассчитывал, что Коммий явится на его зов в римский лагерь, то, не желая дальнейшими попытками заставить его насторожиться, он послал к нему Г. Волусена Квадрата с поручением постараться под видом переговоров убить его. Для этой цели он дал отборных и подходящих центурионов. Обе стороны сошлись для переговоров, и Волусен, как было условлено, схватил Коммия за руку. Но центуриону — был ли он смущен непривычной задачей, или ему в этом помешали друзья Коммия — не удалось покончить с ним. Впрочем, первым же ударом меча он нанес Коммию тяжелую рану в голову. С обеих сторон схватились за мечи, однако с

целью не столько сразиться, сколько разойтись; наши были уверены, что Коммий смертельно ранен, а галлы, догадавшись о коварном умысле, боялись большего, чем они видели. После этого Коммий, как говорили, решил никогда не показываться ни одному римлянину на глаза».

Ну вот, дело сделано!

Наиболее рьяных мятежников Цезарь проучил и жестоко наказал.

Следовало ожидать, что скорая и жестокая расправа над карнутами и белловаками должна была отрезвляюще подействовать на горячие, но, увы, далеко не блестящие умы прочих галлов. Она и впрямь возымела действие: *«После полной победы над очень воинственными племенами Цезарь видел, что уже ни одна община не собирается подниматься на него войной и лишь отдельные люди выселяются из городов и бегут из деревень для избавления от угрожающего им подчинения римской власти. Поэтому он решил разослать свои войска в разные области. Квестора М. Антония с 12-м легионом он взял к себе, легата Г. Фабия послал с двадцатью пятью когортами в самую отдаленную часть Галлии, где, по его сведениям, некоторые племена стояли под оружием, а те два легиона, которые зимовали в тех местностях под начальством легата Г. Каниния Ребила, он считал недостаточно сильными. Т. Лабиезна он вызвал к себе, а бывший при нем на зимних квартирах 15-й легион послал в Ближнюю Галлию для защиты колоний римских граждан, чтобы с ним не случилось такого же несчастья от нашествия альпийских варваров, как прошлым летом с тергестинцами, которые были застигнуты врасплох их внезапным нападением и ограблены».*

Не забыл Цезарь подыскать задачу и для себя.

Вы помните, наверное, что от него каким-то чудом сумел улепетнуть мятежный и коварный галл Амбиориг.

Цезарь о нем не забыл и сейчас *«выступил для опустошения и разорения страны Амбиорига: потеряв надежду на то, что этот уstraшенный беглец когда-либо попадетя ему в руки, он считал неотложным делом своей чести до такой степени истребить в его стране жителей, дома и скот, чтобы уцелевшие, если только таковые будут, из ненависти к Амбиоригу за свои великие бедствия лишили его всякой возможности вернуться к себе на родину.*

Когда посланные во все стороны земли Амбиорига легионы и вспомогательные войска разорили всю страну убийствами, пожарами и грабежом, перебили и взяли в плен много народа, то Цезарь послал Лабизна в землю треверов. Это племя, привыкшее вследствие соседства с Германией изо дня в день воевать с ними, по грубости образа жизни мало отличалось от германцев и повиновалось римской власти только тогда, когда его принуждали к этому военной силой».

Прочие военачальники Цезаря тоже не били баклуши: так, легат Г. Канниний

«узнал из писем и от гонцов Дуратия (последний всегда оставался неизменно верным римлянам, между тем как часть его племени отпала), что довольно большие неприятельские силы собрались в области пиктонов, и потому поспешил к городу Лемону. При приближении к нему он получил более точные сведения от пленных, что вождь андов Думнак с многотысячным войском запер Дуратия в Лемоне и держит в осаде. Не решаясь riskнуть со своими слабыми легионами на сражение, Канниний разбил лагерь на защищенной позиции. Думнак, узнав о его приближении, обратил все свои силы на римские легионы и приступил к осаде римского лагеря. Он потра-

тил несколько дней на штурм, но, несмотря на тяжелые потери, нигде не мог прорвать укреплений и потому снова обратился к осаде Лемона.

В то же время легат Г. Фабий, который успел покорить несколько племен и обеспечил себе их верность взятием заложников, получил письмо от Г. Каниния Ребила о происшествиях в стране пиктонов. Это известие заставило его двинуться на помощь Дуратию. Но Думнак, узнав о приближении Фабия, потерял всякую надежду на спасение в случае, если он будет вынужден одновременно выдерживать напор внешнего врага и считаться с опасностью со стороны осажденных горожан. Поэтому он поспешно ушел оттуда со своими войсками, причем считал себя в полной безопасности только в случае переправы своего войска через реку Лигер, а через эту большую реку можно было перейти не иначе как по мосту. Фабий, правда, еще не видал неприятеля и не успел еще соединиться с Канинием, но на основании сообщений людей, знавших эту местность, он счел наиболее вероятным, что враги в страхе скорее всего направятся как раз туда, куда они и направились. Ввиду этого он поспешил со своими войсками к тому же мосту, а коннице приказал двигаться впереди легионов, однако лишь настолько, чтобы возвратиться в тот же лагерь, не утомив лошадей. Всадники, как и было указано, пустились в погоню, напали на колонны Думнака, атаковали на походе обремененных поклажей и, обратив их в паническое бегство, многих перебили и захватили большую добычу. После этого удачного дела они вернулись в лагерь.

В следующую ночь Фабий послал вперед всадников с определенным поручением завязать сражение и задерживать все силы противников, пока не подойдет он сам. Для точного выполнения этого приказа начальник конницы Кв. Атий Вар, человек редкой храбрости и ума,

ободрил своих людей и, догнав неприятельское войско, расположил одну часть эскадронов на удобных местах, а с другой атаковал врага. Неприятельская конница сражалась необыкновенно храбро в надежде на поддержку идущей за ней пехоты. Развертывается упорное сражение. Наши всадники, презирая побежденных накануне врагов и помня, что за ними идут легионы, очень храбро сражались даже с пехотой; им стыдно было отступить, и они горели желанием своими собственными силами довести сражение до конца. В свою очередь вчерашний опыт внушил неприятелям уверенность в том, что никаких подкреплений больше не подойдет и что теперь им представился случай уничтожить римскую конницу.

В то время как сражение некоторое время шло с величайшим напряжением, Думнак построил свою пехоту так, чтобы она могла в определенной очереди поддерживать конницу. Вдруг появляются густые ряды легионов. При виде их поражены были неприятельские эскадроны, пришли в ужас линии пехоты, произошло полное замешательство в обозе, и все с громким криком пустились бежать врассыпную. А наши всадники, до этого очень храбро сражавшиеся с упорным врагом, в увлечении радостью победы подняли отовсюду громкий крик, окружили отступавших и начали избивать их до тех пор, пока хватило силы у коней для преследования, а у людей — для нанесения ударов. Таким образом, было перебито более двенадцати тысяч вооруженных или бросивших от страха оружие и захвачен был весь громадный обоз».

Наверное, у римлян зачастую (как и у нас сейчас) рождалось впечатление, что довольно-таки суровые уроки, полученные галлами в ходе войны, явно не идут им впрок. И дело отнюдь не в их исключительном свободолюбии, а скорее в присущих им глупости и недалекости.

ности. Ничем другим нельзя объяснить того, что, еще даже не придя в себя после поражения, некоторые галлы чисто автоматически и бездумно затевали новую заварушку.

Читаем в «Записках»:

«В числе бежавших был сенон Драппет, который в самом же начале восстания Галлии собрал отовсюду отчаянных людей, призвал к свободе рабов, привлек к себе изгнанников из всех общин, принял даже разбойников и отрезал римлян от их обоза и от подвоза провианта. Теперь стало известно, что он набрал из бежавших около пяти тысяч человек и с ними обратился против Провинции заодно с кадурком Луктерием, который, как сообщено было в предыдущей книге, в самом начале галльского восстания был намерен напасть на Провинцию. При этом известии легат Каниний поспешил с двумя легионами в погоню за ними, чтобы избежать позора, что разбойничьи нападения этой отъявленной шайки могут причинить вред Провинции или хотя бы навести на нее страх.

Г. Фабий двинулся с остальным войском против карнутов и прочих племен, силы которых, как он знал, понесли большие потери в его сражении с Думнаком. Он не сомневался в том, что недавнее поражение сделает их более покорными, а если дать им побольше времени, то тот же Думнак может снова подстрекнуть их к восстанию. При покорении этих племен Фабию сопутствовало великое счастье, наградившее его быстрым успехом: карнуты, которые, несмотря на частые репрессии, до сих пор не заикались о мире, теперь дали заложников и покорились; так же и остальные племена, жившие на самом дальнем конце Галлии, у берегов Океана, и называвшиеся ареморийскими, немедленно по приходе Фабия

и его легионов подчинились, по примеру карнутов, всем его требованиям. Думнак был изгнан из своей страны и, скрываясь в одиночестве, был вынужден искать себе убежища в самых отдаленных местах Галлии.

А Драппет и с ним Луктерий при известии о появлении Каниния и его легионов поняли, что их попытка вступить в Провинцию в то время, как их преследует римское войско, может окончиться их несомненной гибелью и что для них отрезана всякая возможность беспрепятственных скитаний и грабежей. Поэтому они остановились в области кадурков, где когда-то, в лучшие времена, Луктерий имел большую силу у своих сограждан и всегда пользовался у варваров уважением как зачинщик всякого рода переворотов. Там он занял своими и Драппетовыми отрядами отлично защищенный от природы город Укселлодун, состоявший прежде под его патронатом, и привлек на свою сторону горожан.

Поспешно подошедший туда Г. Каниний заметил, что город со всех сторон защищен очень отвесными скалами и что для тяжеловооруженных солдат подъем на них был бы труден даже при полном отсутствии защитников. С другой стороны, он видел, что в городе находится большой обоз, который, при попытке тайно увести его, не мог бы уйти не только от конницы, но даже и от тяжеловооруженной пехоты. Поэтому он разделил свои когорты на три отряда и разбил три лагеря на очень высокой позиции. Отсюда он решил мало-помалу, насколько позволяли его относительно небольшие силы, провести вал вокруг всего города.

Горожане при виде этих мероприятий вспомнили о несчастной участи Алесии и стали бояться столь же ужасной осады, причем Луктерий, переживший это бедствие, особенно настаивал на необходимости позаботиться о запасах хлеба. Поэтому они единодушно решили

оставить в городе только часть сил, а с остальными выступить налегке для доставки в город хлеба. Это предложение было одобрено, и в ближайшую ночь Драппет и Луктерий, оставив в городе две тысячи вооруженных, вывели из него остальных.

Через несколько дней они добыли большое количество хлеба в области кадурков, которые отчасти с большой готовностью помогали им в продовольственном деле, отчасти же не могли им помешать в этом. А иногда они оба по ночам делали набег на наши редуты. Поэтому Г. Каниний перестал спешить с проведением укреплений вокруг всего города из боязни, что он не будет в состоянии охранять все доведенные до конца работы или же ему пришлось бы поставить в очень многих пунктах слишком слабые караулы.

Собрав большой запас провианта, Драппет и Луктерий остановились приблизительно в десяти милях от города, чтобы отсюда мало-помалу подвозить провиант в город. Сами они распределили между собой занятия следующим образом: Драппет остался с частью войска для охраны лагеря, а Луктерий повел обозных животных в город. Расставив по пути караулы, он начал около десятого часа ночи доставку провианта в город лесными и узкими тропинками.

Когда лагерные сторожа услышали этот шум и посланные разведчики сообщили, в чем дело, то Каниний быстро напал с вооруженными когортами из ближайших редутов перед рассветом на провожатых обоза. Последние в ужасе от неожиданной беды разбежались под защиту своих караулов. Но когда наши их увидели, то в еще большем озлоблении против вооруженных они не оставили ни одного из них в живых. Луктерий с немногими людьми спасся оттуда бегством, не возвращаясь, однако, в лагерь.

После этого удачного дела Каниний узнал от пленных, что часть неприятельских войск находится под командой Драппета приблизительно в двенадцати милях. Удо­стоверившись в этом из многих других показаний, он понял, что после поражения одного вождя легко уничтожить остальных внезапным нападением, и считал большим счастьем, что из того побоища никто не спасся в лагерь, чтобы принести Драппету весть об этом несча­стии.

Не видя в этой попытке никакого риска, он выслал вперед к неприятельскому лагерю всю конницу и необык­новенно проворных германских пехотинцев, а сам разде­лил один легион на три части для охраны трех лагерей, а другой повел с собой налегке.

Подойдя ближе к врагам, он узнал от посланных впе­ред разведчиков, что их лагерь, как это обыкновенно бы­вает у варваров, лежит не на высоте, а внизу у берега ре­ки и что германцы и всадники налетели врасплох на не ожидавших того врагов и уже завязали с ними сражение. Тогда он приказал легиону изгот­овиться и повел его в бое­вом строю на неприятелей. Таким образом, по сигналу, данному со всех сторон сразу, была занята возвышен­ность. Тогда германцы и всадники при виде легионных знамен стали сражаться с еще большим ожесточением. Когорты немедленно напали со всех сторон, всех переби­ли или взяли в плен, а также захватили большую добычу. В этом сражении попал в плен и сам Драппет.

После такой большой удачи, не стоившей почти ни­каких потерь даже ранеными, Каниний снова обратился к осаде города.

Теперь, по уничтожении внешнего врага, страх перед которым до сих пор мешал ему разделить свои силы и окончить кольцо укреплений вокруг города, он приказал всюду приняться за эту работу. Туда же на следующий

день прибыл со своими войсками Фабий и взял на себя осаду части города».

Тем временем Цезарь захотел взглянуть на то, что творится в землях карнутов, с усмирения которых и начался карательный рейд римлян в текущем сезоне. Он «оставил квестора М. Антония с пятнадцатью когортами в стране белловаков, чтобы лишить бельгов всякой возможности вновь поднять восстание. Сам он посетил остальные общины, требуя большого числа заложников и стараясь успокоить всеобщую тревогу утешениями. Наконец он прибыл в страну карнутов... Он заметил, что в сознании своей вины они особенно беспокоятся, и, чтобы избавить их общину от страха, потребовал выдачи на казнь Гутруата, который первый начал это преступное дело и подстрекнул народ к войне. Хотя он не доверялся даже своим согражданам, однако все постарались быстро разыскать его и доставить в лагерь. Вопреки своему характеру, Цезарь вынужден был отдать его на казнь сбежавшейся большой толпе солдат, которые именно ему приписывали все военные опасности и потери, так что в конце концов они забили его до смерти и затем обезглавили».

Практически тогда же Цезарь получил депешу Каниния, из которой узнал о поучительной

«судьбе Драппета и Луктерия и о продолжающемся упорстве горожан. Правда, он презирал их малочисленность, но все-таки признавал необходимым подвергнуть их за упорство примерному наказанию, чтобы у всех галлов выбить из головы мысль, что для сопротивления римлянам им не хватило не столько сил, сколько выдержки, и чтобы по их примеру остальные племена не вздумали, в расчете на выгоды своего местоположения, начать борьбу за свое освобождение, — тем более что все галлы

знали, что осталось только одно лето цезаревского наместничества и что если им удастся продержаться только это лето, то никакие дальнейшие опасности им не страшны. Поэтому он оставил там Кв. Калена во главе легионов с приказанием идти за ним следом обычным маршем; а сам со всей конницей поспешил ускоренными переходами к Канинию.

Появившись, против всеобщего ожидания, под Укселлодуном, Цезарь нашел, что город уже со всех сторон отрезан осадными укреплениями и что осада ни при каких условиях не может быть снята. Узнав вместе с тем от перебежчиков, что горожане в изобилии снабжены хлебом, он сделал попытку отрезать неприятелей от воды».

И вновь у нас есть повод отметить талант Цезаря как военного стратега!

Сначала Фабий, а потом и Каниний прекрасно проявили себя в полевых сражениях; вот уже последний стоит у ворот Укселлодуна. Город прекрасно защищен, являя собой неприступную твердыню. Однако он взят в кольцо; осада начата.

Разве не было желания у римлян, чтобы осада как можно быстрее завершилась капитуляцией горожан?

Да наверняка было!

Только вот что странно: Каниний был преимущественно озабочен тем, чтобы усилить вокруг города кольцо осады. Вместе с тем ему даже в голову не пришло позаботиться о пресечении водоснабжения.

Казалось бы, чего проще?!

Ан нет...

И что в итоге?

Твердыню городскую с ходу взять нет никакой возможности. Город битком забит припасами съестными,

вода тоже исправно поступает. В сущности, на горожанах осада не сказывается никоим образом. Правда, они не могут покинуть город, ну так и бог с ним! Целее будут! Римляне намертво застыли у стен города, а жизнь пронесется мимо...

За все это время Канинию даже не пришло в голову, что положение жителей Укселлодуна можно существенно ужесточить, и тогда осада продлится куда меньше! Но вот возникает Цезарь. Ему было достаточно всего лишь одного мгновения, чтобы зафиксировать брешь в кольце осады. И первое, к чему он приступает, это попытка уничтожить городское водоснабжение!

В «Записках» сказано:

«Внизу, посреди глубокой долины, окружавшей почти всю гору, на обрывах которой был расположен город Укселлодун, текла река. Отвести ее было невозможно по условиям самой местности: она шла у самой подошвы горы так, что ни в какую сторону нельзя было провести глубоких отводных каналов. Но все-таки для горожан было трудно спускаться к ней по крутизне, и если бы наши стали им в этом препятствовать, то они не могли бы ни подойти к реке без риска быть ранеными или убитыми, ни вновь подняться по крутому склону. Поняв эти их затруднения, Цезарь расставил посты стрелков и пращников, а на некоторых пунктах напротив самого легкого спуска из города установил метательные машины и таким образом старался отрезать горожан от воды.

С этого времени вся масса ходивших за водой стала собираться в одно место непосредственно у основания городской стены, где пробивался могучий источник, именно на той стороне города, которая на протяжении приблизительно трехсот футов не была окружена ре-

кой. Все желали отрезать горожан от этого источника, но только Цезарь нашел к этому средство: он повел против него на гору подвижные галереи и начал строить плотину, что, впрочем, потребовало большого труда при постоянной борьбе с неприятелем. Действительно, горожане сбегали сверху, поддерживали без опасности для себя перестрелку издали и ранили многих из наших, которые упорно продвигались вперед. Однако это не отпугивало наших солдат: они продолжали придвигать подвижные галереи („виней“) и упорной работой над плотиной преодолевать естественные затруднения. В то же время они проводят из галереи подземные ходы к самой артерии источника — работа, которую можно было производить вполне безопасно и не вызывая у врага никаких подозрений. Выстраивается плотина в шестьдесят футов вышины, и на ней устанавливается башня в десять этажей — не с тем, конечно, чтобы достигнуть высоты городских стен (это было невозможно ни при каких угодно осадных работах), но чтобы она была выше верхней части источника. С этой башни начали обстреливать из метательных машин самый подход к источнику, так что горожане могли только с большой опасностью добывать воду. Таким образом, гибли от жажды не только все животные, мелкие и крупные, но и множество людей».

Благодаря действиям Цезаря от бывшего благополучия горожан не осталось и следа:

«В ужасе от этого бедствия горожане стали наполнять бочки салом, смолой и щепками, зажигали и скатывали их на римские осадные верки, а в то же время отчаянно сражались, чтобы угрозой нападения отвлечь римлян от тушения. В самих верках вдруг вспыхнул боль-

*шой пожар, ибо весь горючий материал, который ска-
тывался по обрыву, задерживался галереями и плотиной,
но именно то, что его задерживало, само от него и заго-
ралось. Но хотя наши солдаты и страдали от такой
опасной борьбы и от неудобной местности, однако все
это они выносили с величайшим мужеством. Борьба шла
на очень высоком пункте на глазах у нашей армии и при
громком крике с обеих сторон. И вот, чем более кто был
заметен, тем более он подставлял себя под неприятель-
ские выстрелы и огонь, чтобы его храбрость станови-
лась для всех еще очевиднее.*

*Замечая, что многих из наших солдат ранят, Цезарь
приказал когортам со всех сторон двинуться вверх по го-
ре к городу и повсюду поднять громкий крик, как бы с на-
мерением взять штурмом самые стены. Это устрасило
горожан, и, не зная, что делается в других местах, они
отозвали своих бойцов от штурма укреплений и расста-
вили их по стенам. Так как сражение у верхов окончи-
лось, то наши быстро потушили пожар, охвативший
работы, и отчасти не дали ему дальнейшего распрост-
ранения. Тем не менее горожане продолжали упорно со-
противляться и, хотя у них очень много народа погибло
от жажды, не оставляли своей решимости, пока нако-
нец подземными ходами не были перехвачены и отведены
в сторону жилы их источника. Таким образом, этот
живой ключ вдруг иссяк и поверг граждан в полное отча-
яние, так что они объясняли это событие не изобре-
тательностью людей, но волей богов. Вследствие этого они
по необходимости должны были сдаться».*

Пришел черед наказания!

Ранее мы уже отмечали, что прощать все безоглядно
тем, кто многократно его предавал, он более не намерен.
Вдобавок уже подходил к концу срок, определенный се-

натом для его наместничества в Галлии. Пора было уже подумывать о преемнике. Ну а тот не должен был получить страну, которую бы лихорадило от восстаний. А еще бы не лихорадило, когда Цезарь был милосерден и великодушен, и преступным мерзавцам обычно все сходило с рук!

Это следовало изменить.

В «Записках» читаем:

«Цезарь знал, что его мягкость всем известна, и не имел оснований бояться, что какую-либо слишком суровую его меру будут истолковывать как проявление природной жестокости. Но вместе с тем он не видел конца своему предприятию, если, подобно кадуркам и их союзникам, несколько племен сразу будут поднимать восстания. Поэтому он решил устроить остальных примерной карой: всем, кто носил оружие, он приказал отрубить руки, но даровал им жизнь, чтобы тем нагляднее было наказание за их преступления.

Драппет, который был взят в плен Канинием, несколько дней воздерживался от пищи и этим покончил с собой, может быть, потому, что был возмущен и озлоблен наложением цепей, а может быть, из страха перед более тяжелой казнью. В то же время Луктерий, который спасся из сражения бегством, попал в руки арверна Эпаснакта: часто меняя места, он укрывался то у того, то у другого, так как, очевидно, нигде не мог себя чувствовать долгое время в безопасности и хорошо знал, как его должен ненавидеть Цезарь. Арверн Эпаснакт, как верный друг римского народа, без всяких колебаний доставил его в цепи Цезарю».

Нужно здесь добавить несколько слов и о верном Лабиэне, которого Цезарь направил в земли треверов.

В «Записках» сказано: «Между тем Лабиеэн имел удачное конное сражение в стране треверов и, перебив много треверов и германцев, захватил в свои руки живыми князей, в том числе эдуа Сура, который отличался величайшей храбростью и знатностью рода и единственный из всех эдуев до сих пор не положил оружия».

Вновь эти зловердные эдуи!..

Хотелось верить, что благодаря Лабиеэну теперь о них хоть какое-то время ничего не будет слышно.

Итак, Цезарь вполне мог подводить итоги своего наместничества.

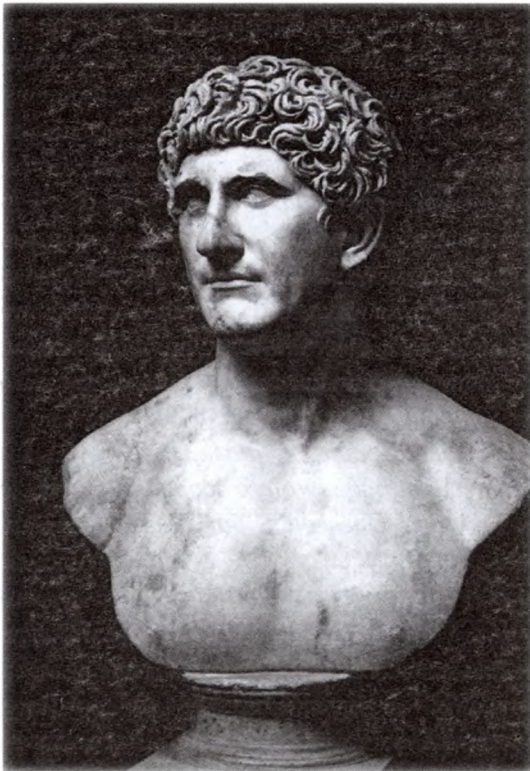
Практически вся Галлия была им покорена.

Все произошло не так, может быть, быстро, как ему хотелось, но важен сам итог. Кроме того, следовало еще учесть, что Цезарю все эти годы пришлось сражаться на незнакомой территории, причем с весьма своеобразным противником.

Оставалось лишь несколько финальных штрихов.

Цезарь «еще ни разу не был в Аквитании, которая только отчасти была побеждена П. Крассом, и потому отправился с двумя легионами в эту часть Галлии, чтобы там закончить свою летнюю кампанию. И эту операцию он исполнил с обычной быстротой и удачей. Все аквитанские общины прислали к Цезарю послов и дали ему заложников. После этого сам он с конным отрядом отправился в Нарбон, а армию поручил своим легатам отвести на зимние квартиры: четыре легиона он разместил в Бельгии под командой легатов М. Антония, Г. Требония и П. Ватиния, два легиона были отведены в область эдуев, которые, как ему было известно, пользовались во всей Галлии величайшим авторитетом, два ос-

тавлены были в стране туронов на границе карнутов, чтобы держать в повиновении всю ту прилегающую к Океану страну, два остальных должны были стоять в стране лемовиков недалеко от арвернов, чтобы, таким образом, ни одна часть Галлии не оставалась незанятой римским войском. Сам он пробыл несколько дней в Провинции. Там он поспешно объехал все судебные округа, разобрал общественные тяжбы и наградил людей заслуженных: ему было очень легко познакомиться с поведением и настроением жителей во время восстания всей Гал-

Марк Антоний

лии, с которым он справился благодаря верности и поддержке Провинции. После этого он вернулся к легионам в Бельгию и провел зиму в Неметокенне».

Зимние каникулы Цезаря, увы, были отчасти омрачены известиями от Марка Антония, направленного для поддержания порядка в земли атребатов. Тот сообщал, что дерзкий смутьян, «атребат Коммий имел сражение с римской конницей. Племя атребатов, когда у них занял зимние квартиры Антоний, оказывало нам полное повиновение, но Коммий после вышеупомянутого своего поражения при всех волнениях постоянно был к услугам своих сограждан, чтобы у них при всякого рода попытках восстания всегда был налицо зачинщик войны и предводитель. И вот, в то время как община держалась по отношению к римлянам смирно, он с своими всадниками жил грабежом, делал небезопасными пути сообщения и часто перехватывал провиант, шедший для римского зимнего лагеря.

К Антонию на зимнее время был прикомандирован начальник конницы Г. Волусен Квадрат. Его-то Антоний и послал для преследования неприятельской конницы. У Волусена с его выдающейся храбростью соединялась личная ненависть к Коммию, и тем приятнее для него было исполнение этого приказа. И вот, устраивая засады, он часто нападал на его всадников и давал им удачные сражения. Последний раз, когда бой был особенно ожесточенным, Волусен, из желания поймать самого Коммия, упорно гнался за ним в сопровождении лишь немногих всадников. Тот бросился бежать и довольно далеко завлек Волусена, а затем вдруг, охваченный враждой к нему, стал взывать к своим о защите и помощи, заклиная их не оставлять безнаказанным вероломного нанесения ему ран, повернул коня и опрометью поскакал на Волусена. То же делают все его всадники, и так как наших

было немного, то их обращают в бегство и преследуют. Коммий, пришпорив коня, сталкивается с конем Квадрата, изо всех сил пускает в Волусена пику и попадает ему в самое бедро. Как только начальник был ранен, наши без колебания остановились, повернули коней и отбросили врага. А затем многие из неприятелей, пораженные сильной атакой наших, были ранены и отчасти раздавлены в бегстве, отчасти взяты в плен. Их предводитель избежал опасности только благодаря быстроте своего коня, а очень тяжело раненного начальника конницы отнесли в лагерь. Утолил ли Коммий свой гнев или же был потрясен большими потерями в своем отряде, во всяком случае, он отправил к Антонию послов и, дав заложников, обещался быть там, где ему будет предписано. Он просил только об одном, чтобы принят был во внимание его страх встречи с глазу на глаз с каким бы то ни было римлянином. Антоний признал этот страх и обусловленное им желание основательными, согласился на его просьбу и принял заложников».

Таким образом, все в итоге обошлось благополучно. Порядок был восстановлен.

Это было особенно приятно Цезарю, поскольку он, как и любой другой на его месте, едва ли бы желал оставлять пост наместника, будучи вынужден заниматься активным кровопролитием вплоть до последнего момента своего пребывания у власти.

Более того, стремясь оставить о себе наиболее благоприятные воспоминания, в последние месяцы своего пребывания в Галлии Цезарь был склонен часто призывать к себе отдельных галльских вождей и не только удостоивал их учтивой беседой, но и вручал щедрые дары. И какими бы ни были в душе смутьянами галлы, они невольно ценили подобное обращение, особенно учиты-

вая, что оно было демонстрируемо самим Цезарем. Их беспокойный нрав смягчался, и они не пытались замышлять очередные гадости против римлян.

Пора было возвращаться в Рим.

Во-первых, Цезарь хотел поддержать кандидатуру своего военачальника Марка Антония, мечтавшего стать жрецом, а кроме того, ему было доподлинно известно, что его влиятельные противники в Риме, понимая прекрасно, насколько возросло влияние Цезаря после покорения Галлии, стремятся лишить его всех почестей, а также отлучить от верных легионов. Однако это были все-таки задачи будущего (хотя отнюдь не отдаленного!), а перед этим Цезарю предстоял тур почета по верным ему провинциям.

В «Записках» описанию этого события отведено особое место:

«Прибытие Цезаря было встречено всеми муниципиями и колониями с необыкновенным почетом и любовью. Ведь тогда он впервые возвращался туда после полного окончания войны со всей Галлией. Придумывалось все возможное для украшения ворот, дорог и всех мест, где должен проходить Цезарь. Навстречу ему выходило все население вместе с детьми, повсюду закалались жертвы, на площадях и перед храмами установлено было множество столов с яствами для богов, точно это было предвкушением радостного и желанного триумфа. Так велики были пышная щедрость людей богатых и восторг народа».

Галльская война продолжалась 9 лет и завершилась полным покорением Галлии. За все это время римляне потеряли (по приблизительным подсчетам) несколько десятков тысяч легионеров.

По сообщению самого Цезаря, за это время им было уничтожено около миллиона галлов...

Далее Цезарь вернулся в Неметокенну (Ближняя Галлия), где дал последний смотр войскам. По завершении его он распределил войска следующим образом: Требонию с четырьмя легионами препоручил Бельгию, Фабию (с тем же числом легионов) — земли эдуев.

После этого он отправился в Италию, надеясь разобратсья с врагами официально (именно так!), но внутренне — хорошо зная нравы тех, с кем ему предстояло столкнуться в Риме,— будучи готовым к гражданской войне!

Глава 7

ЦЕЗАРЬ-ДИКТАТОР. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Цезарь отсутствовал в Риме очень долго (несколько кратких его наездов из Галлии в Италию в счет не идут). Галльской войне он посвятил изрядную часть собственной жизни. Осилевшим предыдущую главу не могли не запасть в душу его несравненные триумфы и нечеловеческие испытания. Они повлияли на Цезаря, изменили его. В Рим он возвращался из Галлии внутренне уже иным человеком.

Однако в Риме жизнь тоже не стояла на месте.

Там тоже имели место изменения, многие из них ранили душу Цезаря. Согласно Светонию, *«в эти же годы он потерял сначала мать, потом дочь и вскоре затем внука»*. Но не только личными утратами встретил Цезаря Рим. Как раз именно тогда столица мира была охвачена еще в большей мере, нежели обычно, беспощадной борьбой за власть. Продолжительное отсутствие Цезаря побудило его врагов покуситься на его почести и привилегии. Сведения о некоторых враждебных поползновениях доходили до Цезаря и в Галлии. Не будет преувеличением сказать, что он возвращался, желая дать бой всем своим недоброжелателям.

Незадолго до приезда Цезаря был убит Публий Клодий, народный трибун, некогда, кстати, соблазнивший его третью жену. Гибелью народного трибуна немедленно воспользовался сенат, используя ее в качестве козыря для борьбы с Цезарем. У Светония сказано: *«Между тем убийство Публия Клодия привело в смятение все государство, и сенат постановил избрать только одного консула, назвав имя Гнея Помпея».*

На стороне Цезаря были враждебные сенату народные трибуны. Для них уже сам Цезарь был той козырной картой, которую они надеялись разыграть с величайшей выгодой для себя. Но Цезарь был не так-то прост.

Как отмечает Светоний:

«Народные трибуны хотели назначить Цезаря в товарищи Помпею, но Цезарь посоветовал им лучше попросить у народа, чтобы ему было позволено домогаться второго консульства еще до истечения срока командования и не торопиться для этого в Рим, не кончив войны.

Достигнув этого, он стал помышлять о большем и, преисполненный надежд, не упускал ни одного случая выказать щедрость или оказать услугу кому-нибудь, как в государственных, так и в частных делах. На средства от военной добычи он начал строить форум: одна земля под ним стоила больше ста миллионов. В память дочери он обещал народу гладиаторские игры и пир — до него этого не делал никто. Чтобы ожидание было напряженной, он готовил угощение не только у мясников, которых нанял, но и у себя на дому. Знаменитых гладиаторов, в какой-нибудь схватке навлекших немилость зрителей, он велел отбивать силой и сохранять для себя (тем самым он избавлял несчастных от неминуемой гибели, навсегда заручаясь их преданностью. — Г. Б.). Молодых

бойцов он отдавал в обучение не в школы и не к ланистам (профессиональные владельцы гладиаторских школ.— Г. Б.), а в дома римских всадников и даже сенаторов, которые хорошо владели оружием; по письмам видно, как настойчиво просил он их следить за обучением каждого и лично руководить их занятиями. Легионерам он удвоил жалованье на вечные времена, отпускал им хлеб без меры и счета, когда его бывало вдоволь, а иногда дарил каждому по рабу из числа пленников».

Кстати, поначалу он вовсе не намеревался сражаться с Помпеем. Скорее наоборот, он полагал, что гораздо выгоднее им обоим было бы сохранить старинные приятельские отношения. *«Чтобы сохранить родство и дружбу с Помпеем,— пишет Светоний,— он предложил ему в жены Октавию, внучку своей сестры, хотя она и была уже замужем за Гаем Марцеллом, а сам просил руки его дочери, помолвленной с Фавстом Суллой. Всех друзей Помпея и большую часть сенаторов он привязал к себе, ссуждая им деньги без процентов или под ничтожный процент».*

В сущности, Юлий Цезарь, несмотря на невероятную свою популярность, проистекавшую уже из одного его статуса покорителя Галлии, находил для себя обязательным позаботиться и о тех, кто не принадлежал к высшему сословию.

Светоний свидетельствует:

«Граждан из других сословий, которые приходили к нему сами или по приглашению, он осыпал щедрыми подарками, не забывая и их вольноотпущенников и рабов, если те были в милости у хозяина или патрона. Наконец, он был единственной и надежнейшей опорой для подсудимых, для задолжавших, для промотавшихся юнцов, кроме лишь тех, кто настолько погряз в преступлениях, ни-

щете или распутстве, что даже он не мог им помочь; таким он прямо и открыто говорил, что спасти их может только гражданская война».

Но о сильных мира сего Цезарь также помнил; он хотел на них рассчитывать, когда гонка за власть в Риме достигнет финальной стадии: *«С таким же усердием привлекал он к себе и царей и провинции по всему миру: одним он посылал в подарок тысячи пленников, другим отправлял на помощь войска куда угодно и когда угодно, без одобрения сената и народа. Крупнейшие города не только в Италии, Галлии и Испании, но и в Азии и Греции он украшал великолепными постройками».*

Все эти действия, ознаменовавшие поразительную активность Цезаря по возвращении в Рим из Галлии, не могли не интриговать; охваченные паникой власти поспешили предупредить Цезаря и сами открыто нанесли первый удар.

Светоний пишет:

«Наконец, когда уже все в изумлении только гадали, куда он клонит, консул Марк Клавдий Марцелл, объявив эдиктом, что имеет дело большой государственной важности, предложил сенату: преемника Цезарю назначить раньше срока, так как война закончена, мир установлен и победителю пора распустить войско (момент важнейший: ведь, как вы помните, Цезарь не стал распускать свои легионы, боготворившие его и готовые за него сложить голову! — Г. Б.); а на выборах кандидатуру Цезаря в его отсутствие не принимать, так как и Помпей не сделал для него оговорки в народном постановлении (похоже, Помпей уже тогда начал опасаться чересчур возросшего влияния своего приятеля и решил подложить ему свинью — поистине, чего не сделает политик ради власти! — Г. Б.).

Вообще, что касается достаточно непростых тогдашних взаимоотношений Цезаря и Помпея, то будет крайне полезно познакомиться с комментарием Плутарха: „Цезарь давно уже решил низвергнуть Помпея — так же, конечно, как и Помпей его. После того как Красс, которого любой из них в случае победы имел бы своим противником, погиб в борьбе с парфянами, Цезарю, если он хотел быть первым, не оставалось ничего иного, как уничтожить того, кому первенство уже принадлежало, а Помпей, чтобы не допустить такого исхода, должен был своевременно устранить того, кого он страшился. Помпей лишь недавно начал опасаться Цезаря, а прежде относился к нему с пренебрежением, считая, что не трудно будет уничтожить того, кто объяван своим возвышением ему, Помпею. Цезарь же — который с самого начала питал эти намерения — слов-

Гней Помпей

но атлет, надолго удалился из поля зрения своих соперников. В Галльских войнах он упражнял и себя, и войско и подвигами своими настолько увеличил свою славу, что она сравнялась со славой побед Помпея. Теперь он пользовался всеми поводами, какие давали ему и сам Помпей, и условия времени, и упадок гражданской жизни в Риме, приведший к тому, что лица, домогающиеся должностей, сидели на площади за своими столиками с деньгами и бесстыдно подкупали чернь, а нанятый народ приходил в Собрание, чтобы бороться за того, кто дал ему денег,— бороться не с помощью голосования, а луками, пращами и мечами. Нередко собравшиеся расходились лишь после того, как осквернят возвышение для оратора трупами и запятнают его кровью. Государство погружалось в пучину анархии, подобно судну, несущемуся без управления, так что здравомыслящие люди считали счастливым исходом, если после таких безумств и бедствий течение событий приведет к единовластию, а не к чему-либо еще худшему. Многие уже осмеливались говорить открыто, что государство не может быть исцелено ничем, кроме единовластия, и нужно принять это лекарство из рук наиболее кроткого врача, под каковым они подразумевали Помпея. Помпей же, притворно, на словах, отнекиваясь от такой роли, на деле более всего добивался именно того, чтобы его провозгласили диктатором. Катон и его друзья поняли это и провели в сенате предложение избрать Помпея единственным консулом, чтобы тот, удовольствовавшись таким более или менее законным единовластием, не добивался диктатуры. Было решено также продлить ему время управления провинциями, которых у него было две — Испания и Африка. Управлял он ими при помощи легатов, ежегодно получая на содержание своих войск тысячу талантов из государственной казны «».

Как видите, поводов для вражды между Цезарем и Помпеем хватало.

Но как же именно Помпей использовал закон в своих целях?

Светоний продолжает: *«Дело в том, что Помпей в своем законе о правах должностных лиц воспретил домогаться должностей заочно и по забывчивости не сделал исключения даже для Цезаря, исправив эту ошибку лишь тогда, когда закон был уже вырезан на медной доске и сдан в казначейство. Не довольствуясь лишением Цезаря его провинций и льгот, Марцелл предложил также лишить гражданского права поселенцев, выведенных Цезарем по Ватиниеву закону в Новый Ком, на том основании, что гражданство им было даровано с коварным умыслом и противозаконно».*

Выступление действующего консула отражало официальную позицию сената по отношению к Цезарю.

«Цезаря это встревожило, — отмечает Светоний. — Он был убежден — и это часто от него слышали, — что теперь, когда он стал первым человеком в государстве, его не так легко столкнуть с первого места на второе, как потом со второго на последнее. Поэтому он стал всеми силами сопротивляться, отчасти — с помощью вмешательства трибунов, отчасти — при содействии второго консула Сервия Сульпиция.

В следующем году Гай Марцелл сменил в должности консула своего двоюродного брата Марка и возобновил его попытки; тогда Цезарь за огромные деньги нашел себе защитника в лице его коллеги Эмилия Павла и самого отчаянного из трибунов — Гая Куриона. Но, увидев, что против него действуют все настойчивей, и что даже консулы будущего года избраны враждебные ему, он обратился к сенату с письмом, прося не отнимать у него дар римского народа, — или же пусть другие полководцы то-

же распустят свои войска (это явный намек Юлия Цезаря на Гнея Помпея, который, будучи в Риме, даже не думал давать приказ о роспуске своих легионов, стоявших в Испании и Африке.— Г. Б.). Как полагают, он надеялся, что при желании ему будет легче созвать своих ветеранов, чем Помпею — новых воинов.

Противникам же он предложил согласиться на том, что он откажется от восьми легионов и Трансальпийской Галлии и сохранит до избрания в консулы только два легиона и Цизальпийскую провинцию или даже один легион и Иллирик.

Когда же ни сенат не пожелал вмешаться, ни противники — идти на какое бы то ни было соглашение о делах государственных, тогда он перешел в Ближнюю Галлию и, покончив с судебными собраниями, остановился в Равенне, угрожая войною, если сенат примет суровые меры против вступившихся за него трибунов (одним из них, кстати, был его друг Марк Антоний.— Г. Б.)».

Весьма важен комментарий Светония по поводу случившегося:

«Это, конечно, был только предлог для гражданской войны; причины же ее, как полагают, были другие. Так, Гней Помпей неоднократно утверждал, что Цезарь оттого пошел на всеобщую смуту и переворот, что из своих частных средств он не мог ни окончить построек, которые начал, ни оправдать ожидания, которые возбуждало в народе его возвращение. Другие говорят, будто он боялся, что ему придется дать ответ за все, что он совершил в свое первое консульство вопреки знамениям, законам и запретам: ведь и Марк Катон не раз клятвенно заявлял, что привлечет его к суду тотчас, как он распустит войско, и в народе говорили, что, вернись он только частным человеком, и ему, как Милону

(убийце трибуна Клодия.— Г. Б.), придется защищать себя в суде, окруженном вооруженной охраной. Это тем правдоподобнее, что и Азиний Поллион рассказывает, как Цезарь при Фарсале, глядя на перебитых и бегущих врагов, сказал дословно следующее: „Они сами этого хотели! Меня, Гая Цезаря, после всего, что я сделал, они объявили бы виновным, не обратись я за помощью к войскам!“

Некоторые, наконец, полагают, что Цезаря поработила привычка к власти, и поэтому он, взвесив свои и вражеские силы, воспользовался случаем захватить верховное господство, о котором мечтал с ранних лет. Так думал, по-видимому, и Цицерон, когда в третьей книге „Об обязанностях“ писал, что у Цезаря всегда были на устах стихи Еврипида, которые он переводит так:

*Коль преступить закон — то ради царства;
А в остальном его ты должен чтить».*

Ну а потом события начали стремительно разворачиваться!

Читаем у Светония:

«И вот, когда приспело известие, что вмешательство трибунов не имело успеха, и что им самим пришлось покинуть Рим, Цезарь тотчас двинул вперед когорты (на тот момент он располагал всего лишь пятью тысячами пехотинцев и тремястами всадниками.— Г. Б.); а чтобы не возбуждать подозрений, он и присутствовал для виду на народных зрелищах, и обсуждал план гладиаторской школы, которую собирался строить, и устроил, как обычно, многолюдный ужин.

Но когда закатилось солнце, он с немногими спутниками, в повозке, запряженной мулами с соседней мельницы, тайно тронулся в путь. Факелы погасли, он сбился с

дороги, долго блуждал и только к рассвету, отыскав проводника, пешком, по узеньким тропинкам вышел, наконец, на верную дорогу».

Надо заметить, что достославный Плутарх излагает эти события иначе:

«У Цезаря было не более трехсот всадников и пяти тысяч человек пехоты. Остальные его воины оставались за Альпами, и он уже отправил за ними своих легатов. Но так как он видел, что для начала задуманного им предприятия и для первого приступа более необходимы чудеса отваги и ошеломительный по скорости удар, чем многочисленное войско (ибо ему казалось легче утратить врага неожиданным нападением, чем одолеть его, придя с хорошо вооруженным войском), то он дал приказ своим командирам и центурионам, вооружившись кинжалами, без всякого другого оружия занять Аримин, значительный город в Галлии, избегая, насколько возможно, шума и кровопролития.

Командование войском он поручил Гортензию, сам же провел целый день на виду у всех и даже присутствовал при упражнениях гладиаторов. К вечеру, приняв ванну, он направился в обеденный зал и здесь некоторое время оставался с гостями. Когда уже стемнело, он встал и вежливо предложил гостям ожидать здесь, пока он вернется. Немногим же доверенным друзьям он еще прежде сказал, чтобы они последовали за ним, но выходили не все сразу, а поодиночке.

Сам он сел в наемную повозку и поехал сначала по другой дороге, а затем повернул к Аримину».

Нельзя не признаться, что, если сравнивать образ Цезаря, заплутавшего в темноте, с Цезарем, хитроумно раз-

рабативающим операцию для внезапной атаки на Рим, последний куда более привлекателен!

Именно на пути к Армину и находилась та речка под названием Рубикон, которую Юлий Цезарь обессмертил.

Как именно?

Обратимся вновь к Светонию:

«Он настиг когорты у реки Рубикона, границы его провинции. Здесь он помедлил и, раздумывая, на какой шаг он отваживается, сказал, обратившись к спутникам: „Еще не поздно вернуться; но стоит перейти этот мостик, и все будет решать оружие“. Он еще колебался, как вдруг ему явилось такое видение. Внезапно поблизости показался неведомый человек дивного роста и красоты: он сидел и играл на свирели. На эти звуки сбегались не только пастухи, но и многие воины со своих постов, среди них были и трубачи. И вот у одного из них этот человек вдруг вырвал трубу, бросился в реку и, оглушительно протрубив боевой сигнал, поплыл к противоположному берегу. „Вперед,— воскликнул тогда Цезарь,— вперед, куда зовут нас знамена богов и несправедливость противников! Жребий брошен“.

Так перевел он войска; и затем, выведя на общую сходку бежавших к нему изгнанников-трибунов, он со слезами, разрывая одежду на груди, стал умолять солдат о верности. Говорят даже, будто он пообещал каждому всадническое состояние, но это — недоразумение. Дело в том, что он, взывая к воинам, часто показывал на свой палец левой руки, заверяя, что готов отдать даже свой перстень, чтобы вознаградить защитников своей чести; а дальние ряды, которым легче было видеть, чем слышать говорящего, приняли мнимые знаки за слова, и отсюда пошла молва, будто он посулил им всаднические кольца и четыреста тысяч сестерциев».

После исторического перехода через Рубикон Цезарь стремительным маршем двинулся в Аримин, ворвался в этот город и почти мгновенно занял его. Значение этого хода для самого Цезаря и всего Рима было колоссальным.

Плутарх в восхищении восклицает:

«После взятия Аримина как бы широко распахнулись ворота перед войною во всех странах и на всех морях, и вместе с границей провинции были нарушены и стерты все римские законы; казалось, что не только мужчины и женщины в ужасе бродят по Италии, как это бывало и прежде, но и сами города, поднявшись со своих мест, бегут, враждуя друг с другом. В самом Риме, который был затоплен потоком беглецов из окрестных селений, власти не могли поддержать порядка ни убеждением, ни приказами. И немногого недоставало, чтобы город сам себя погубил в этом великом смятении и буре. Повсюду господствовали противоборствующие страсти и неистовое волнение. Ибо даже сторона, которая на какое-то время торжествовала, не оставалась в покое, но, вновь сталкиваясь в огромном городе с уstraшенным и поверженным противником, дерзко возвещала ему еще более страшное будущее, и борьба возобновлялась».

Величайшим своим триумфом на батальных полях Галлии Цезарь был обязан зачастую внезапности своего нападения. Так и теперь, как некогда в Галлии, своим неожиданным решением он застал противников врасплох. Ужас консулов не поддавался описанию; что касается Помпея, того хотелось просто пожалеть:

«Помпея, который был ошеломлен не менее других, теперь осаждали со всех сторон. Одни возлагали на него

ответственность за то, что он содействовал усилению Цезаря во вред и самому себе, и государству, другие ставили ему в вину, что он позволил Лентулу оскорбить Цезаря, когда тот уже шел на уступки и предлагал справедливые условия примирения. Фавоний же предлагал ему топнуть ногой о землю, ибо Помпей как-то, похваляясь, говорил сенаторам, что незачем им суетиться и заботиться о приготовлениях к войне: если только Цезарь придет, то стоит ему, Помпею, топнуть ногою оземь, как вся Италия наполнится войсками. Впрочем, и теперь еще Помпей превосходил Цезаря числом вооруженных воинов; никто, однако, не позволял ему действовать в соответствии с собственными расчетами. Поэтому он поверил ложным слухам, что война уже у ворот, что она охватила всю страну, и, поддаваясь общему настроению, объявил публично, что в городе восстание и безвластие, а затем покинул город, приказав следовать за собой сенаторам и всем тем, кто предпочитает отечество и свободу тирании.

Итак, консулы бежали, не совершив даже обычных жертвоприношений перед дорогой; бежало и большинство сенаторов — с такою поспешностью, что они захватывали с собой из своего имущества первое попавшееся под руку, словно имели дело с чужим добром. Были и такие, которые раньше горячо поддерживали Цезаря, теперь же, потеряв от ужаса способность рассуждать, дали без всякой нужды увлечь себя этому потоку всеобщего бегства. Но самым печальным зрелищем был вид самого города, который накануне великой бури казался подобным судну с отчаявшимися кормчими, носящемуся по волнам и брошенному на произвол слепого случая. И все же, как бы много боли ни причиняло это переселение, римляне из любви к Помпею считали землю изгнания своим отечеством и покидали Рим, словно он уже стал ла-

герем Цезаря. Даже Лабием, один из ближайших друзей Цезаря, бывший его легатом и самым ревностным помощником его в Галльских войнах, теперь бежал от него и перешел на сторону Помпея. Цезарь же отправил ему вслед его деньги и пожитки».

Теперь, когда жребий действительно был брошен, Цезарю нельзя было мешкать. Он был просто обязан воспользоваться плодами своего внезапного нападения. *«Дальнейшие его действия, вкратце и по порядку, были таковы,— пишет Светоний.— Он вступил в Пицен, Умбрию, Этрурию; Луция Домиция, противозаконно назначенного ему преемником и занимавшего Корфиний, он заставил сдать и отпустил».*

На эпизоде с Домицием следует остановиться подробнее, тем более что он замечательно представлен у Плутарха:

«Прежде всего Цезарь двинулся на Домиция, который с тридцатью когортами занял Корфиний и расположился лагерем у этого города. Домиций, отчаявшись в успехе, потребовал у своего врача-раба яд и выпил его, желая покончить с собой. Но вскоре, услышав, что Цезарь удивительно милостив к пленным, он принялся оплакивать себя и осуждать свое слишком поспешное решение. Однако врач успокоил его, заверив, что дал ему вместо яда снотворное средство. Домиций, воспрянув духом, поспешил к Цезарю, получил от него прощение и вновь перебежал к Помпею. Эти новости, дойдя до Рима, успокоили жителей, и некоторые из бежавших вернулись назад.

Цезарь включил в состав своего войска отряд Домиция, а также всех набравшихся для Помпея воинов, которых он захватил в итальянских городах, и с этими си-

лами, уже многочисленными и грозными, двинулся на самого Помпея».

С этой целью, как пишет далее Светоний, *«по берегу Верхнего моря он двинулся к Брундизию, куда бежали консулы и Помпей, спеша переправиться за море. После безуспешных попыток любыми средствами воспрепятствовать их отплытию он повернул в Рим. Обратившись здесь к сенаторам с речью о положении государства...»*

Мы просто обязаны прервать рассказ Светония, поскольку он спешит перейти к погоне Цезаря за Помпеем. Между тем обращение Цезаря к сенату содержало необыкновенное по своему великодушию предложение, которое они, впрочем, крайне недальновидно для себя отвергли. Они отказали тому, кто, по сути, уже владел Италией!

(Немного статистики: имея при себе всего лишь пять тысяч триста человек войска, Юлий Цезарь подчинил себе всю Италию за каких-то два месяца!!!)

Позволим же теперь Плутарху описать все случившееся тогда в сенате:

«Рим он нашел в более спокойном состоянии, чем ожидал, и, так как много сенаторов оказалось на месте, он обратился к ним с примирительной речью, предлагая отправить делегацию к Помпею, чтобы достигнуть соглашения на разумных условиях. Однако никто из них не принял этого предложения либо из страха перед Помпеем, которого они покинули в опасности, либо не доверяя Цезарю и считая его речь неискренней.

Народный трибун Метелл хотел воспрепятствовать Цезарю взять деньги из государственной казны и ссылаясь при этом на законы. Цезарь ответил на это: „Оружие и законы не уживаются друг с другом. Если ты не-

доволен моими действиями, то иди-ка лучше прочь, ибо война не терпит никаких возражений. Когда же после заключения мира я отложу оружие в сторону, ты можешь появиться снова и ораторствовать перед народом. Уже тем,— прибавил он,— что я говорю это, я поступаю моими правами: ведь и ты, и все мои противники, которых я здесь захватил, находитесь целиком в моей власти“. Сказав это Метеллу, он направился к дверям казнохранилища и, так как не нашел ключей, послал за мастерами и приказал взломать дверь. Метелл, ободряемый похвалами нескольких присутствовавших, вновь стал ему противодействовать. Тогда Цезарь решительно пригрозил Метеллу, что убьет его, если тот не перестанет ему досаждать. „Знай, юнец,— прибавил он,— что мне гораздо труднее сказать это, чем сделать“. Эти слова заставили Метеллу удалиться в страхе, и все необходимое для войны было доставлено Цезарю быстро и без помех».

Это просто удивительно: Цезарь, по сути ставший уже властелином Италии, не желает гибели своему прежнему товарищу. Он готов пойти на компромисс. Скорее всего, Помпею бы он позволил сохранить не менее одного легиона солдат и препоручил бы ему что-то из провинциальных владений. Да, безусловно, для Помпея это было бы крахом всего. Однако, пойдя сенаторы навстречу Цезарю и обратись они к Помпею, возможно, тот остался бы жив. Да, у него не было бы влияния над Римом, но он правил бы своими землями с помощью верных своих солдат. Непоследняя участь в свете, согласитесь!

Конечно, Помпей (будучи невероятно амбициозен и видя себя в мечтах владыкой если и не всего мира, то уж Рима — наверняка!) тоже мог отвергнуть предложение Цезаря о выработке приемлемых условий для перемирия

(контраст между Римом и провинцией безмерен!), но благодаря низости сенаторов у него вообще не стало выбора, и он с того момента уже всецело был предоставлен своей горестной участи...

Возвращаясь к дальнейшим действиям Цезаря, нам известно, что *«он направился против сильнейших войск Помпея, находившихся в Испании под начальством трех легатов: Марка Петрея, Луция Афрания и Марка Варрона; перед отъездом он сказал друзьям, что сейчас он идет на войско без полководца, а потом вернется к полководцу без войска»*. У Плутарха сказано, что *«в Испании Цезарь не раз попадал в засады, так что его жизнь оказывалась в опасности, воины его жестоко голодали, и все же он неустанно преследовал неприятелей, вызывал их на сражения, окружал рвами, пока, наконец, не овладел и лагерями, и армиями»*.

Далее хочется обратить внимание читателей на суховатое замечание почтенного Светония: *«И хотя его задерживали как осада Массилии (совр. Марсель.— Г. Б.), закрывшей ворота у него на пути, так и крайний недостаток продовольствия, вскоре он подчинил себе все»*.

Каких-то два десятка слов, мимолетно и небрежно упомянув Массилию... Светоний оставляет нам загадку, уделяя этому событию столь скромное место. И даже не уделяя, какое там, а просто упоминая. А ведь осада Массилии может с полным правом считаться одним из выдающихся сражений гражданской войны! В подтверждение нашей версии позвольте предоставить слово самому Цезарю. В его поучительном труде «Гая Юлия Цезаря комментарии к гражданской войне» невероятным деталям этой осады уделено немалое место. Начальный этап осады был поручен Цезарем опытному Требонию. Он, горя желанием отличиться перед обожаемым властелином, с невероятной энергией приступил к осуществлению возложенной на него задачи:

«Тем временем Г. Требоний, который был оставлен для осады Массилии, начал с двух сторон подводить к городу плотину, подвижные галереи и башни. Одна из башен находилась в ближайшем соседстве с гаванью и с верфями, а другая была у ворот, через которые входили в город со стороны Галлии и Испании (в той части морского берега, которая прилегает к устью Родана). Дело в том, что Массилия почти с трех сторон омывается морем и только четвертая доступна с суши. Но и в этой полосе та ее часть, которая доходит до кремля, защищена от природы глубокой ложиной, и потому ее осада была бы продолжительной и трудной. Для производства осадных работ Г. Требоний выписал из всей провинции большое количество вьючных животных и рабочих и приказал доставить хворосту и лесу. Это позволило ему построить плотину в восемьдесят футов высотой.

Но в городе был издавна такой большой запас военных материалов и такие крупные метательные машины, что никакие галереи, покрытые прутьями, не могли выдерживать действия снарядов. Двенадцатифутовые кольца с острыми наконечниками, выпускаемые из баллист самого крупного калибра, не только пробивали целых четыре слоя фашины, но и вонзались в землю. Поэтому галереи прикрывались связанными в ряд футовыми бревнами, соединенными друг с другом, и по ним проносили и передавали из рук в руки строительный материал. Впереди шла „черпаха“ в шестьдесят футов для выравнивания почвы. Она также была сделана из очень массивных бревен и прикрыта всем тем, что могло защищать ее от огня и камней. Но большие размеры осадных работ, высота стены и башен и множество метательных орудий замедляли все дело осады. Кроме того, альбики часто делали вылазки из города и пытались поджечь плотину и башни. Впрочем, наши солдаты без труда па-

рализовали эти попытки и, со своей стороны, причиняя большие потери делавшим вылазки, отбрасывали их в город».

Задача Требония осложнилась тем, что Помпей, переживая об участии Массилии, решил отправить осажденным пополнение:

«Между тем Гн. Помпей послал на помощь Л. Домицию и массилийцам Л. Насидия с эскадрой в шестнадцать кораблей, часть которых была обита медной броней. Он шел Сицилийским проливом совершенно незаметно для Куриона, пристал к Мессане, воспользовался тем, что знатные граждане и сенат этого города были охвачены ужасом и бежали, и увел из тамошней верфи один корабль. Включив его в свою эскадру, он направился к Массилии и тайно выслал вперед быстроходную лодку, чтобы известить Домиция и массилийцев о своем приближении. При этом он настойчиво уговаривал их дать с помощью доставленных им подкреплений новое сражение флоту Брута.

Массилийцы со времени своей вышеупомянутой неудачи (провалившаяся попытка атаковать римлян вне стен города, в акватории.— Г. Б.) вывели из верфи старые корабли приблизительно в таком же количестве, как и прежде, и успели их починить и с большой тщательностью снарядить, тем более что у них не было недостатка в гребцах и кормчих. В эту эскадру они включили также рыбацьи лодки, покрыв их палубой для защиты гребцов от снарядов, и вооружили их стрелками и метательными машинами. К снаряженному таким образом флоту старики, женщины и девушки обратились со слезными мольбами помочь в последний час родному городу. Под их впечатлением экипаж сел на корабли с не меньшим воодушевлением и уверенностью, чем в пре-

дыдущем сражении. Ведь таков уже свойственный всем недостаток нашей человеческой природы, что вещи неожиданные и неизвестные внушают слишком большую самоуверенность или же слишком большой страх. Так случилось и тогда. Действительно, прибытие Л. Насидия возбудило в гражданах большие надежды и рвение. При первом же благоприятном ветре они вышли из гавани и прибыли в Тавроэнт (укрепленный пункт у массивцев) на соединение с Насидием. Там они привели свой флот в боевую готовность, ободрили друг друга к бою и сообща наметили план военных действий. Правое крыло было отведено массивцам, левое — Насидию.

Туда же поспешил и Брут. Его эскадра также увеличилась, так как к судам, построенным по распоряжению Цезаря в Арелате, прибавилось шесть кораблей, захваченных у массивцев. За этот промежуток он починил их и вполне снарядил. Ободрив своих солдат и напомнив им, что они победили несломленного врага и теперь должны показать свое презрение к побежденному, он выступил против массивцев, полный воодушевления и надежды на успех».

Происшедшее потребовало от римлян скорректировать свои тактические решения по штурму Массилии, поскольку итог предстоящей баталии должен был определить будущее самой осады:

«Из лагеря Г. Требония и со всех возвышенных мест легко было обозревать весь город. Было видно, как вся оставшаяся в городе молодежь, а также все пожилые люди с женами и детьми протягивали к небу руки из общественных мест, со сторожевых пунктов и со стены или шли к храмам бессмертных богов и, распростершись перед их изображениями, молили о победе. Все без исключе-

ния понимали, что от успеха этого дня зависит вся их судьба. Ведь на суда сели знатнейшая молодежь и самые почтенные граждане всех возрастов, которых вызвали поименно и умоляли в случае поражения отказаться от каких бы то ни было дальнейших попыток, а в случае победы быть уверенными, что город будет спасен или домашними силами, или, может быть, также помощью извне.

В завязавшемся сражении массилийцы проявили величайшую храбрость: они помнили о напутственных наставлениях, полученных ими от своих близких, и сражались в убеждении, что у них уже не будет случая для подобной попытки и что те из них, кого постигнет в бою смерть, лишь немного раньше разделят судьбу остальных граждан, которых при взятии города ждет та же участь. Когда наши корабли стали мало-помалу развертываться, то неприятели извлекли пользу из ловкости своих кормчих и подвижности своих судов; а когда наши при удобном случае накидывали на неприятельский корабль железные багры и зацепляли его, то оказавшийся в бедственном положении корабль немедленно получал со всех сторон помощь. Если дело доходило до рукопашного боя, то от массилийцев не отставали и их союзники альбики, которые лишь немногим уступали нашим в храбрости. Вместе с тем снаряды, во множестве выпускаемые издали с судов меньшего размера, ранили многих из наших людей, которые этого не предвидели и не могли от них защититься. Две неприятельские триремы заметили корабль Д. Брута, который особенно легко было узнать по его особому флагу, и бросились на него с двух сторон. Но подготовленный к этой атаке Брут сделал быстрое движение и увернулся от столкновения. Неприятельские корабли с разбега так сильно столкнулись друг с другом, что оба очень тяжело по-

страдали, а один, у которого обломился нос, совсем потерял боеспособность. Тогда те корабли из эскадры Брута, которые находились поблизости, воспользовались их аварией, атаковали их и быстро пустили оба их ко дну.

Корабли же Насидия оказались бесполезными и скоро вышли из линии боя: ведь у людей их экипажа не было перед глазами родного города, не слышали они напутствий со стороны близких и родных, и ничто не понуждало их рисковать жизнью. Поэтому в составе этих кораблей совсем не было потерь. Зато из массилийского флота пять кораблей было пущено ко дну, четыре захвачено, один спасся бегством вместе с эскадрой Насидия; все они устремились в Ближнюю Испанию. Один из уцелевших кораблей был послан вперед в Массилию сообщить эту весть. При его приближении к городу навстречу ему высыпало за получением вестей все население, и когда узнали о поражении, то всеми овладела глубокая печаль, и город сразу принял такой вид, как будто бы его взяли с бою враги. Тем временем массилийцы стали готовиться к обороне города».

Римляне же теперь сконцентрировались исключительно на осаде города:

«Легионеры, работавшие на правой стороне шанцевых укреплений, заключили из частых вылазок врага, что для обороны может быть весьма полезной постройка по соседству со стеной кирпичной башни, которая служила бы для них и фортом, и убежищем при отступлении. Сначала они сделали ее — только на случай внезапных нападений — низкой и маленькой. Сюда они отступали, отсюда и отбивались, если на них нападали врасплох более или менее крупные силы; отсюда, наконец, они выбегали для отражения и преследования непри-

ятеля. Она тянулась в каждую сторону на тридцать футов, а ее стены были в пять футов толщиной. Но после этого — ведь опыт в соединении с человеческой изобретательностью во всем учитель — оказалось, что очень полезно было бы построить башню выше. Это было сделано следующим образом.

Когда башня была выведена до дощатого наката первого этажа, они вставили балки в ее стены так, что даже концы балок были прикрыты стенной кладкой, и, таким образом, наружу не выступало ничего такого, к чему был мог пристать неприятельский огонь.

Поверх этого наката они повели стенную кирпичную кладку на такую высоту, на какую позволяла крыша щитка и подвижных навесов; сверху этой кладки они положили накрест две балки, почти доходившие до наружных стен, с тем чтобы на них держался тот накат, который должен был служить крышей башни; а поверх этих двух балок были положены под прямым углом и связаны досками поперечные балки. Эти поперечные балки были несколько длиннее стен и немного выдавались наружу так, чтобы на них можно было повесить циновки, которые должны были во время выведения стен под накатом задерживать и отражать неприятельские снаряды. Этот верхний накат был покрыт кирпичом и глиной, чтобы обезвреживать неприятельский огонь, а поверх кирпича и глины были постланы матрацы, чтобы снаряды из метательных машин не пробивали дерева, а камни из катапульт не расшатывали кирпичной кладки. Указанные циновки, которых было три, были сделаны из якорных канатов и были такой же длины, как стены, а шириной в четыре фута; они были укреплены вокруг башни и повешены снаружи с трех сторон, обращенных к неприятелю, на выступавших концах поперечных балок. Опыт, приобретенный в других местах, убедил строи-

телей в том, что только такого рода канатные циновки непроницаемы ни для обычных снарядов, ни для снарядов, выпускаемых из осадных машин.

Как только готовая часть башни была покрыта и защищена от всяких неприятельских снарядов, они убрали щитки на другие работы, а крышу башни как самостоятельную часть сооружения начали поднимать с первого яруса воротами кверху — настолько, насколько позволяли спущенные циновки. Под их прикрытием и защитой они продолжали выводить кирпичные стены и снова посредством ворота поднимали крышу и освобождали себе место для дальнейшей стройки. Как только подходило время класть второй накат, они так же, как сначала, вделывали балки в наружные кирпичные стены и отсюда снова поднимали воротами крышу вместе с циновками. Таким образом, вполне свободно, без кровопролития и без опасности они выстроили шесть ярусов и в подходящих местах оставили шесть отверстий для метания снарядов.

Как только они получили уверенность, что эта башня может защитить все соседние верки, они начали строить подвижной навес длиной в шестьдесят футов из балок в два фута толщиной, чтобы продвигать его от своей кирпичной башни к неприятельской башне и к стене.

Он был устроен следующим образом. Прежде всего были положены на земле две балки одинаковой длины на расстоянии четырех футов друг от друга, и в них были вставлены столбы вышиной в пять футов. Эти столбы были соединены друг с другом не очень крупными стропилами, на которых должны были лежать балки, образующие крышу подвижного навеса. Эти балки были в два фута толщиной и были прибиты скобами и гвоздями. На самом краю крыши и на балках были прикреплены бруски в четыре пальца в квадрате, чтобы поддерживать кир-

пичи, которые должны были покрывать крышу. Когда таким образом была сделана покатая крыша, идущая рядами в соответствии с положением балок на стропилах, подвижной навес был покрыт кирпичами и глиной для защиты от огня с неприятельской стены. Кирпичи же покрыли кожей, чтобы неприятели не могли пускать из труб воду и размывать их. В свою очередь кожа была покрыта матрацами для защиты от огня и камней. Все это сооружение, прикрытое галереями, было построено рядом с самой башней; и вдруг, когда враги ничего подобного не подозревали, наши придвинули его на катках, употребляющихся при спуске кораблей, к неприятельской башне, так что оно подошло вплотную к ее каменной стене».

Как ни изрядна была чередá горестей и бед, выпавших на долю массилийцев, они отнюдь не утратили бодрости духа, явно не намереваясь сдаваться. На каждый демарш атакующей стороны они немедленно отвечали соответствующими мерами. Однако удача была явно не на их стороне:

«Устрашенные этой непредвиденной бедой, горожане подвинули рычагами самые крупные каменные глыбы и скатили их со стены прямо на навес. Прочность дерева выдержала их удар, и все камни скатились с отлогой крыши. Когда массилийцы заметили это, они придумали другое средство: набили бочки смолой и дегтем, зажгли их и сбросили со стены на навес. Но и они, катясь по крыше, соскользнули в сторону, тогда их немедленно оттолкнули внизу от сооружения шестами и вилами. Тем временем наши солдаты под прикрытием навеса вышибли ломami нижние камни неприятельской башни, на которых лежал фундамент, самый же навес они защища-

ли из кирпичной башни стрельбой из метательных машин, которой и выбили неприятелей со стены и из башен и таким образом парализовали оборону стены. Так как из ближайшей башни было вышиблено уже много камней, то часть этой башни сразу обрушилась, а другая грозила упасть следом за ней. Тогда неприятели, боясь разграбления города, все до одного безоружные, с повязками на голове высыпали из ворот и стали с мольбой протягивать руки к легатам и войску.

При этом неожиданном зрелище все военные действия приостановились, причем солдаты оставили бой и из любопытства поспешили сюда, чтобы послушать и узнать, в чем дело. Как только неприятели дошли до легатов и войска, они все до одного бросились на колени и просили подождать прихода Цезаря: теперь они видят, что город их взят, что осадные работы доведены до конца и их собственная башня уже подкопана; поэтому они отказываются от обороны; конечно, они могут быть без малейшего промедления тут же уничтожены, если по приходе Цезаря не будут исполнять его приказаний и следить за каждым его мановением. Они указывали также, что если башня совсем обрушится, то солдат нельзя будет удержать и в надежде на добычу они вторгнутся в город и разрушат его. Все это и многое другое в том же роде массилийцы, как люди образованные, излагали очень трогательно и со слезами».

Ситуация возникла нетипичная. Легаты не решились возложить на свои плечи все бремя ответственности за принятие решения по дальнейшей участи массилийцев, предпочтя дожидаться приезда Юлия Цезаря: «Эти просьбы побудили легатов вывести солдат из осадных укреплений, прекратить штурм и только оставить стражу при укреплениях. Состраданием было создано своего рода пере-

мирие, и теперь обе стороны стали ждать прибытия Цезаря. Ни с неприятельской стены, ни с нашей стороны не летали больше снаряды; все ослабили заботу и бдительность, как будто бы дело было кончено. Надо сказать, что Цезарь в письме к Требонию настоятельно приказывал не допускать взятия города штурмом: иначе солдаты в своем озлоблении на измену масилийцев и на презрение, которое те к ним показывали, а также на продолжительность осадных работ могли бы перебить все взрослое мужское население города. Они уже не раз грозили это сделать, и теперь стоило большого труда удержать их от вторжения в город. Вообще, они были очень недовольны тем, что дело стало за Требонием, который, как им казалось, и помешал им овладеть городом».

Нужно отметить выдержку Г. Требония, который не пошел на поводу у своих легионеров, хотя это было столь соблазнительно просто. Однако он был верен письменному приказу Цезаря, а потому был непоколебим.

Но вот что удивительно: как некогда случилось Юлию Цезарю неоднократно проявлять свое великодушие по отношению к поверженным галлам, а те в ответ, вместо должной благодарности, так и норовили предать его и напасть исподтишка, — масилийцы в итоге прибегли к схожей тактике. Вот только что мы видим их ползущими со стенаниями по земле, в слезах и безмерном горе; проходит миг, и они ищут возможности тайно атаковать:

«Но неприятели начали вероломно искать удобного момента, чтобы коварно обмануть нас. Прошло несколько дней. Наши ослабили свою энергию и бдительность. И вот в полдень, когда одни ушли из лагеря, а другие после долгого труда легли спать на самом месте работы, отложив в сторону и спрятав в чехлы оружие, масилийцы внезапно сделали вылазку из ворот и, так

как подул сильный ветер в благоприятном для них направлении, подожгли верки. Ветер так раздул огонь, что одновременно загорелись и плотина, и щитки, и башня, и метательные машины, и все это погибло в пламени прежде, чем можно было заметить, как вообще возник пожар. Растерявшись от этого неожиданного несчастья, наши стали хватать первое попавшееся оружие; другие бросились из лагеря и атаковали неприятелей, но преследованию бегущих мешали стрелы и снаряды, летевшие со стены.

Неприятели отступили к самой своей стене и здесь беспрепятственно подожгли подвижной навес и кирпичную башню. Таким образом, сооружение, потребовавшее многих месяцев и большого труда, было в одно мгновение уничтожено вероломством неприятелей и силой бури. Ту же попытку они повторили и на следующий день. При такой же буре с еще большей самоуверенностью они сделали вылазку, бросились на другую башню и плотину и закидали их головнями. Но, насколько наши перед этим ослабили свою энергию, настолько же теперь, наученные горьким опытом вчерашнего дня, они позаботились приготовить все необходимое для обороны. Таким образом, многих неприятелей они перебили, остальные же были отброшены в город, не достигнув своей цели.

Гай Требоний (изображение на монете)

Требоний принял все меры к тому, чтобы восстановить потерянное. Солдаты приступили к делу с удвоенным рвением. Они видели, что все их напряженные труды и сложные работы ни к чему не привели, и вместе с тем очень огорчились тем, что преступным нарушением перемирия их доблесть осуждена на насмешки. Так как, однако, все деревья в Массилийской области были повсеместно вырублены и свезены и вообще больше неоткуда было достать лесу для плотины, то они стали строить плотину нового, до сих пор не виданного типа — на двух кирпичных стенах в шесть футов толщиной и с накатом на этих стенах. Эта плотина была такой же ширины, как и прежняя деревянная. Где промежуток между стенами был слишком широк или накатные балки непрочными, они подставляли столбы и клали для подпорки поперечные балки, а верхний накат устилали фашинами, которые, в свою очередь, покрывались глиной. Таким образом, солдаты были прикрыты этим накатом, справа и слева — стенами, а спереди — щитком и потому могли безопасно пронести необходимый для работы материал. Дело быстро пошло вперед; урон, нанесенный долговременной работе, был скоро исправлен благодаря ловкости и доблести солдат. В нужных местах в стене были оставлены ворота для вылазок.

Теперь неприятели увидели, что немногих дней напряженного труда оказалось достаточно для восстановления верков, которое, по их ожиданиям, было на долгое время невозможно; следовательно, для них уже стали бесполезными вероломство и вылазки, и вообще не осталось ни одного пункта, где бы они могли повредить солдатам стрельбой, а веркам огнем. Они убедились и в том, что таким же образом можно даже весь город — там, где он доступен с суши, — окружить отовсюду стеной и башнями, и в том, что им нельзя будет де-

ржаться на своих укреплениях, так как каменная плоти́на пристроена нашими солдатами к городской стене почти до самого ее верха, и, следовательно, сражаться пришлось бы только ручным оружием, так как метательные машины, на которые они возлагали большие надежды, при незначительности расстояния для них пропадали; а при одинаковой обстановке боя со стены и башен, как они ясно видели, они не могли равняться с нашими солдатами в доблести. Поэтому они вернулись к мысли о сдаче на прежних условиях».

Поистине это детальное повторение истории с галлами... Стоит их прижать посерьезнее, и они мигом идут на попятную! Впрочем, дела осажденных были действительно скверны: «*Массилийцы были изнурены всевозможными страданиями, доведены до крайней нужды в съестных припасах, два раза побеждены в морском бою, часто терпели поражения при своих вылазках; кроме того, они тяжело страдали от заразы, возникшей вследствие долгой блокады и перемены пищи (все они питались залежавшимся просом и испортившимся ячменем, которые были давно ими заготовлены и ссыпаны в общественные магазины для подобного рода случаев). Башня их была сбита, значительная часть стены расшатана, на помощь других провинций или Помпеевых войск не было никакой надежды, так как они знали, что все это попало в руки Цезаря. Поэтому они решили сдаться ему без обмана. За несколько дней до сдачи о настрoении массилийцев узнал Л. Домиций. Он добыл себе три корабля, из которых два предоставил своим друзьям, а на один сел сам, воспользовался бурной погодой и покинул Массилию. Его заметили корабли, несшие по приказу Брута ежедневную караульную службу у гавани, и, снявшись с якоря, бросились за ним в погоню. Но корабль Домиция быстрым ходом пошел вперед и безостановочно продолжал бе-*

жать, пока наконец, при поддержке бури, не скрылся из виду. Два остальных корабля в страхе перед атакой наших судов вернулись в гавань. Массилийцы, согласно с приказом Цезаря, вывезли из города оружие и метательные машины, вывели из гавани и из верфи корабли и выдали деньги из городского казначейства».

Цезарь, получив отчет по всем деталям осады и поведения осажденных, не стал карать мятежных горожан, руководствуясь, впрочем, не столько их доблестью, сколько легендарной историей их родного города: *«По исполнении условий сдачи Цезарь пощадил город не столько за заслуги перед ним его населения, сколько во внимание к его имени и древнему происхождению. Там он оставил в качестве гарнизона два легиона, остальные послал в Италию, а сам отправился в Рим».*

Положение было очень напряженным; медлить теперь в расчете на то, что Помпей одумается и решит молить о пощаде, было невысказано. Поэтому Цезарь совсем недолго оставался в Риме; главным образом, для него это была краткая передышка, позволившая хоть немного отдохнуть его верным легионерам. Отдых был краток, к чему они, конечно, уже привыкли. И вскоре, буквально с места в карьер, Цезарь продолжил свою погоню за Помпеем.

Путь его лежал на Балканы: *«Вернувшись из Испании в Рим, он переправился в Македонию и там, продержав Помпея почти четыре месяца в кольце мощных укреплений, разбил его, наконец, в фарсальском сражении и преследовал бегущего до Александрии, где нашел его уже убитым».*

И вновь мы невольно поражаемся краткости сообщения Светония! Описание напряженного противостояния и самой важной битвы с Помпеем не могут быть нами опущены хотя бы в силу того, что их итог окончательно и бесповоротно определял, кому из героев суждено встать

над Римом. И поэтому целесообразно обратиться в очередной раз к «Комментариям» Юлия Цезаря (в них особенно важна для нас III книга, содержащая детали финального этапа борьбы Цезаря с Помпеем): *«В комициях, которыми руководил Цезарь в качестве диктатора, были выбраны в консулы Г. Юлий Цезарь и П. Сервилий. Это был именно тот год, в который он по закону имел право сделаться консулом. По окончании выборов Цезарь обратил внимание на то, что во всей Италии упал кредит и прекратилась уплата долгов. Ввиду этого он распорядился о назначении третейских судей, которые должны были производить оценку земельных владений и движимого имущества по довоенной стоимости и сообразно с ней удовлетворять кредиторов. Эту меру он счел наиболее целесообразной в видах устранения или, по крайней мере, уменьшения страха перед отменой прежних долговых обязательств, который почти всегда является последствием внешних и внутренних войн, а также для защиты доброго имени должников. Равным образом, согласно с законопроектами, вносимыми в народное собрание преторами и народными трибунами, он восстановил в правах несколько человек, осужденных в подкупе избирателей по закону Помпея в те времена, когда Помпей занимал своими легионами Рим».*

«Новая метла метет по-новому» — кто ж не знает этой поговорки?

Но обратите внимание, как стремится Цезарь продемонстрировать римлянам все преимущества собственного грядущего управления. Даже в непродолжительное свое пребывание в Риме Цезарь, отрывая время и внимание от подготовки военного похода, находит возможность для участия в принятии перспективных административных решений. Это не могло не произвести впечатления на римских граждан, поскольку давало им надежду, что при Цезаре их благосостояние явно пойдет в гору. Цезарь

интуитивно прибег (как к наиболее выигрышной в данный момент!) к тактике совместного принятия решений. Он привлек к судебным процессам народ — это было впечатляюще! Подобная тактика вмиг обеспечила Цезарю дополнительный политический капитал.

Как отмечает сам Цезарь,

«процессы того времени заканчивались в один день, причем показания свидетелей выслушивались одними судьями, приговор произносился другими. Эти лица в самом же начале гражданской войны предложили ему, если он пожелает, свои услуги на войне. Он оценил это их предложение так же высоко, как если бы уже на деле воспользовался их услугами. А именно: он держался того мнения, что они должны быть восстановлены в своих правах скорее приговором народа, чем личной милостью диктатора, так как он не хотел проявить неблагодарность к тем, которых следовало поблагодарить, и, с другой стороны, самовольно присваивать себе право помилования, принадлежащее народу.

Этим распоряжениям, а также латинским фериям (ежегодное жертвоприношение союза латинских городов глубоко и повсеместно почитаемой богине Диане.— Г. Б.) и производству всех выборов он посвятил одиннадцать дней, затем сложил с себя диктатуру и, выступив из Рима, прибыл в Брундисий, куда еще раньше приказал собраться одиннадцати легионам и всей коннице. Но там он нашел лишь такое число кораблей, на котором с трудом можно было перевезти пятнадцать тысяч легионеров и шесть тысяч всадников. Этого одного Цезарю не хватало для скорейшего окончания войны. Да и эти силы были посажены далеко не в полном составе, так как многие от стольких войн Галлии сделались не способными к службе, далее, немало жертв потребовал

длинный путь из Испании; наконец, суровая осень в Апулии и в окрестностях Брундисия после пребывания в здоровых местностях Галлии и Испании вредно отозвалась на санитарном состоянии всей армии».

Важный момент кампании: по сути, у Цезаря и близко не было готовности для участия в серьезном, возможно, весьма продолжительном военном походе. Войско его толком еще не отдохнуло; в принципе, оно вообще было расстроено, поскольку у Цезаря практически не было времени для приведения его в порядок: марш за маршем, битва за битвой...

Зато Помпей, хорошо зная сильные и проблематичные стороны Цезаря (недаром же они некогда приятельствовали!), подготовился изрядно.

Как свидетельствует сам Цезарь:

«Помпей имел в своем распоряжении целый год для собирания боевых сил; за это время и сам он не вел войны, и неприятели его не беспокоили. Он собрал много кораблей из Азии, с Кикладских островов, с Коркиры, из Афин, с Понта, из Вифинии, Сирии, Киликии, Финикии и Египта и распорядился построить большой флот также и во всех других местах. Кроме того, он наложил контрибуцию на Азию, Сирию, на всех царей, династов и тетрархов и на ахейские республики, много денег он заставил уплатить также римские корпорации в принадлежащих ему провинциях.

Что касается легионов, то девять были образованы им из римских граждан, пять он перевез с собой из Италии, один легион был из Киликии (он состоял из ветеранов и назван был „легионом близнецов“, так как был образован из двух легионов), один с Крита и из Македонии (это были ветераны, отпущенные прежними полководцами и

оставшиеся жить в этих провинциях); два происходили из Азии, где они были набраны по распоряжению консула Лентула. Кроме того, Помпей распределил по этим легионам в виде пополнения большое количество людей из Фессалии, Беотии, Ахайи и Эпира и включил в них также солдат Антония. Сверх указанных легионов он ожидал еще два легиона из Сирии под командой Сципиона.

Далее, у него было три тысячи стрелков с Крита, из Лакедемона, с Понта, из Сирии и других общин, две когорты пращников по шестьсот человек и семь тысяч всадников. Из них шестьсот галлов привел Дейотар, пятьсот — Ариобарзан из Каппадокии, почти столько же дал Котис из Фракии, приславший с ними сына своего Садалу; из Македонии было двести всадников под начальством очень храброго вождя Расциполиса. Пять сотен галлов и германцев были из александрийского отряда Габиния: они были оставлены А. Габинием там у царя Птолемея в качестве гарнизона, и теперь их доставил вместе со всей эскадрой Гн. Помпей-сын; восемьсот человек были набраны из его собственных рабов и пастухов; триста дали Таркондарий Кастор и Домнилай из Галлогреции (из них один прибыл сам, другой прислал сына); двести было прислано из Сирии коммагенским правителем Антиохом, получившим от Помпея большую награду; большая часть из них была гиппотоксотами, то есть конными стрелками. К ним он присоединил дарданов и бессов, которые были отчасти наемниками, отчасти набраны по его приказу или вследствие его личных связей, а также македонян, фессалийцев и граждан других племен и общин. Таким образом получилось вышеуказанное число».

Было бы явным недомыслием не позаботиться о снабжении такой прорвы народа. Однако Помпей ведь не зря

вышел победителем из множества военных походов, а потому обо всем позаботился: *«Громадное количество хлеба он собрал из Фессалии, Азии, Египта, Крита, Кирен и других местностей».*

Будучи, подобно Цезарю, изрядным стратегом, Гней Помпей решил опередить Цезаря и заставить его сражаться в максимально неблагоприятных условиях. Это нашло свое отражение уже в выборе им места для развертывания зимних квартир: *«Он решил перезимовать в Диррахии, Аполлонии и во всех приморских городах, чтобы не давать Цезарю переправляться через море, и с этой целью распределил свой флот по всему морскому побережью. Египетскими кораблями командовал Помпей-сын, азиатскими — Д. Лелий и Г. Триарий, сирийскими — Г. Кассий, родосскими — Т. Марцелл с Г. Копонием, либурнским и ахейским флотом — Скрибоний Либон и М. Октавий. А высшее руководство всем морским делом было предоставлено М. Бибулу; он же был и главнокомандующим всего флота».*

Цезарю пришлось на ходу менять тактику.

Нужно учитывать его щедрость по отношению к солдатам: после недавних триумфов им были розданы рабы, денежные средства и проч. В сущности, выступить в поход пришлось настолько быстро, что легионеры Цезаря (в значительной мере!) даже не имели возможности толком насладиться своими трофеями. Многим хотелось прихватить с собой хоть толику нажитого. Это шло вразрез с намерениями Цезаря:

«По прибытии в Брундисий Цезарь, созвав солдат на сходку, убеждал их: ввиду приближения конца их трудов и опасностей они должны со спокойным сердцем оставить в Италии своих рабов и поклажу и сами сесть налегке, чтобы, таким образом, на кораблях очистилось место для большего количества солдат. Все свои надежды

они должны возлагать на победу и на его щедрость. Все единодушно закричали, что его дело только приказывать: все, что он ни прикажет, они исполнят с охотой. Тогда он снялся с якоря на второй день до январских Нон, причем, как указано было выше, на корабли было посажено семь легионов. На следующий день он достиг берега и нашел тихую стоянку между Керавнийскими скалами и другими опасными местами. Здесь, без всяких повреждений в кораблях, он высадил своих солдат у того места, которое называется Палесте. Но гаваней он вообще остерегался в предположении, что они заняты противником.

В Орике находились Лукреций Веспимон и Минуций Руф с восемнадцатью азиатскими кораблями, которыми они командовали по распоряжению Децима Лелия, а в Коркире стоял М. Бибул со ста десятью кораблями. Но первые не были уверены в своих силах и не решались выйти из гавани, хотя Цезарь взял с собою для прикрытия всего двенадцать военных кораблей, из которых только четыре было палубных. Что же касается Бибула, то он не успел прийти вовремя, так как его корабли не были готовы к выходу в море и гребцы находились в разных местах: действительно, Цезарь показался у материка раньше, чем мог дойти даже слух о его приближении».

Уступая Помпею в численности войск и имея почти на порядок меньше боевых судов, Цезарь — как это не раз уже им практиковалось — предпочел сделать ставку на быстроту и внезапность.

В «Комментарии» говорится, что,

«высадив солдат, Цезарь в ту же ночь отправил корабли назад в Брундисий для перевоза остальных легионов и конницы. Это дело он возложил на легата Фуфия

Калена, поручив ему по возможности ускорить перевозку легионов. Но так как корабли эти слишком поздно отчалили от берега и пропустили ночной ветер, то на обратном пути с ними случилось несчастье. А именно: Бибул, получив в Коркире известие о прибытии Цезаря, надеялся встретиться в море хоть с некоторой частью его грузовых судов, но теперь наткнулся на пустые, которых попало ему в руки около тридцати.

Весь свой гнев и раздражение на собственный же недосмотр он излил на эти суда: он все их поджег и заодно сжег и матросов, и владельцев кораблей в надежде, что это жестокое наказание будет устрашающим примером для других.

После этой операции он занял флотом — по всем направлениям — все стоянки и берега от Сасонской до Курикской гавани и организовал с большой тщательностью сторожевую службу, причем сам лично, несмотря на очень суровую зиму, проводил время на кораблях и не пренебрегал никаким трудом и служебным делом — все это для того только, чтобы не пропустить к Цезарю ожидаемых им подкреплений...

По уходе либурнских кораблей из Иллирии М. Октавий с бывшими при нем кораблями прибыл в Салоны. Там он поднял далматов и прочих варваров и склонил их город Иссу к отпадению от Цезаря. Но корпорации римских граждан в Салонах ему не удалось привлечь к себе ни обещаниями, ни ссылкой на опасности, им угрожающие, и потому он решил осадить город (а город этот был защищен естественными условиями и, главным образом, холмом).

Однако римские граждане скоро построили для своей защиты деревянные башни, и так как, по своей малочисленности, они были слишком слабы для оказания сопротивления и истощены частыми поражениями, то они

обратились к крайнему средству: они дали свободу всем взрослым рабам, обрезали волосы у всех женщин и сделали из них веревки для метательных машин. Узнав об этом их решении, Октавий окружил город пятью лагерями и начал одновременно теснить горожан блокадой и штурмом. Те были готовы на всякие лишения, но очень страдали от недостатка продовольствия. Они отправили к Цезарю послов с просьбой помочь им в этом, а все другие лишения, сколько могли, выносили сами.

Когда наконец осаждающие стали от продолжительности осады много небрежнее, осажденные улучили удобный момент в полуденную пору, когда те ушли. Тогда они расставили на стене детей и женщин, чтобы не было заметно каких-либо отклонений от повседневного распорядка, а сами, вместе с недавно освобожденными рабами, организовались в ударный отряд и ворвались в ближайший лагерь Октавия. Взяв его с бою, они продолжали свою атаку и напали на все остальные лагеря подряд. Таким образом, они выбили помпеянцев из всех лагерей, многих перебили, а остальных, в том числе и самого Октавия, заставили бежать на корабли. (Таков был конец осады.) Так как уже приближалась зима, то Октавий, ввиду столь значительного поражения, отчаялся в возможности взять город с бою и удалился в Диррахий к Помпею».

Удача явно способствовала Цезарю, это бесспорно. Помпей стремительно утрачивал свое преимущество.

«Препфект Помпея, Л. Вибуллий Руф,— сказано в „Комментарии“,— дважды попадал во власть Цезаря и оба раза был отпущен им на свободу, раз под Корфинием, второй раз в Испании. Именно вследствие проявленной ему милости Цезарь признал его подходящим лицом для

сообщения Помпею его поручения, зная притом, что он пользуется у Помпея влиянием. Содержание этого поручения было таково: оба они должны наконец отказаться от своего упорства, положить оружие и больше не испытывать военного счастья.

Они уже понесли довольно большие потери, которые могли бы послужить им уроком и предостеречь их от дальнейших ударов судьбы. Помпей изгнан из Италии, потерял Сицилию, Сардинию, обе Испании и военную силу в Италии и Испании в сто тридцать когорт римских граждан; Цезарь огорчен смертью Куриона, гибелью африканской армии и капитуляцией Антония и его солдат под Курикой. Поэтому им пора пощадить и себя, и государство, так как они сами своими несчастьями достаточно показали, в какой степени военные успехи зависят от случайности.

Теперь единственный по удобству момент для мирных переговоров, пока они оба еще уверены в себе и представляются равными друг другу; но если судьба даст одному из них хоть небольшой перевес, то считающий себя более сильным не захочет и слушать об условиях мира, и тот, кто будет уверен в получении всего, не удовольствуется половиной. А так как до сих пор они не могли сговориться относительно мирных условий, то теперь они должны добиваться их в Риме у сената и народа. Это важно для государства и должно быть принято ими самими. Если оба они теперь на военной сходке поклянутся, что в ближайшие три дня распустят войска, положат оружие и откажутся от всех ресурсов, на которые они теперь опираются, то по необходимости оба они должны будут удовлетвориться приговором народа и сената (чтобы облегчить Помпею принятие этого предложения, он готов распустить все свои сухопутные силы и стоящие в городах гарнизоны)».

Очередная попытка Цезаря уберечь былого приятеля своего от грозящей ему неминуемой участи! Поистине великодушие его и сострадание не знали предела...

«Получив это поручение,— говорится далее в „Комментарии“,— Вибуллий счел не менее важным известить Помпея о внезапном приходе Цезаря и, таким образом, дать ему возможность принять соответственные меры, чем завести с ним речь о самом поручении. Поэтому он не прерывал пути ни днем ни ночью и всюду менял для скорости лошадей, чтобы только поскорее сообщить Помпею о приходе Цезаря. Помпей был в то время в Кандавии на пути из Македонии в Аполлонию и Диррахий, где были его зимние квартиры. Обеспокоенный этим неожиданным известием, он ускорил свой отъезд в Аполлонию, чтобы не дать Цезарю захватить приморские города. Но последний, после высадки солдат, в тот же день двинулся к Орику. Там был, по назначению Помпея, комендантом Л. Торкват, располагавший гарнизоном из парфинов. Как только прибыл Цезарь, Торкват попытался запереть ворота и защищать город. Но, когда он приказал грекам (парфинам) взойти на стены и взяться за оружие, они отказались сражаться с высшим магистратом римского народа. В свою очередь и горожане готовы были по собственному почину принять Цезаря. Тогда Торкват, потеряв надежду на какую бы то ни было помощь, открыл ворота, сдался сам и сдал город Цезарю, которым и был помилован.

После занятия Орика Цезарь, не теряя времени, отправился в Аполлонию. Услыхав о его прибытии, тамошний комендант Л. Стаберий начал свозить в кремль воду, укреплять его и требовать от аполлонийцев заложников. Но они заявили, что заложников не дадут, ворот перед консулом не запрут и вообще не позволят се-

бе принять решение, несогласное с единодушным приговором всей Италии и римского народа. Ввиду такого их настроения Стаберий тайно бежал из Аполлонии. Аполлонийцы отправили к Цезарю послов и приняли его в город. Их примеру последовали биллидцы и амантийцы и граждане прочих приморских городов и весь Эпир вообще: отправив к Цезарю послов, они обещали исполнять все его приказания.

При известии о происшествиях в Орике и Аполлонии Помпей начал бояться за Диррахий и, чтобы вовремя поспеть туда, двигался и днем и ночью. В это же время стал распространяться слух о приближении Цезаря, и так как Помпей спешил и не прерывал своего марша ни днем ни ночью, то на его войско напал такой страх, что почти все солдаты из Эпира и соседних местностей стали оставлять знамена, многие начали бросать оружие, и вообще этот марш стал походить на бегство. Но когда Помпей остановился близ Диррахия и приказал разбить лагерь, то ввиду продолжавшейся в его войске паники первым выступил Лабизн и поклялся не покидать Помпея, но разделить с ним всякую участь, какую только пошлет судьба. Такую же клятву принесли и остальные легаты; за ними последовали военные трибуны и центурионы и, наконец, все войско. Так как путь к Диррахию был раньше занят Помпеем, то Цезарь не считал более нужным спешить и расположился лагерем у реки Апса в области Аполлонии, чтобы защитить заслуженные перед ним общины; там он решил ждать прибытия из Италии легионов и зимовать в палатках. То же самое сделал и Помпей; он разбил лагерь за рекой Апсом и стянул туда свою армию и вспомогательные отряды.

Кален посадил в Брундисии, согласно предписанию Цезаря, легионы и конницу на все бывшие в его распоря-

жениии корабли и снялся с якоря. Но вскоре после отвала от гавани он получил от Цезаря письмо с извещением, что все гавани берега заняты флотом противника. Тогда он немедленно возвратился в гавань и туда же отозвал всю эскадру. Но один из кораблей продолжал свой курс вопреки приказу Калена, так как не имел на борту солдат и управлялся частным лицом. Его отнесло к Орику, и он был взят Бибулом. Последний приказал казнить всех поголовно — и рабов, и свободных, не исключая даже несовершеннолетних. Таким образом, спасение целой армии было делом одного момента и исключительного случая».

Сколь разительно отличается отношение Помпея и его военачальников к побежденным от великодушных инициатив Цезаря. Нельзя в очередной раз не обратить внимание читателей на то, что Цезарь стремился не проливать кровь везде, где это только было возможно. Важнейший плюс к его репутации великого военного стратега!

Но вернемся к «Комментариям» Цезаря:

«Бибул, как выше было указано, стоял со своим флотом у Орика. Он не давал Цезарю доступа к морю и к гаваням, но зато сам был совершенно отрезан от суши, потому что Цезарь расставил повсюду караульные отряды и, таким образом, держал в своих руках все побережье, не давая противнику возможности добывать дрова и воду и даже приставать к берегу. Положение было очень затруднительно, и Бибул так страдал от недостатка предметов первой необходимости, что принужден был подвозить из Коркиры не только провиант, но также дрова и воду. Один раз случилось даже, что из-за очень бурной погоды помпеянцы вынуждены были собирать утреннюю росу с кож, которыми были покрыты корабли.

Но все эти затруднения они выносили терпеливо и спокойно, не считая возможным обнажать берега и покидать гавани. И вот, когда Либон соединился с Бибулом, то они, ввиду указанного тяжелого положения, начали с кораблей разговоры с легатами М. Ацилием и Стацием Мурком, из которых один командовал караулами на стенах города, а другой — береговыми отрядами. Бибул и Либон просили дать им возможность переговорить с самим Цезарем об очень важных делах. К этому они кое-что прибавили, чтобы придать вес своей просьбе и вызвать предположение, что они действительно намерены вести мирные переговоры. А покамест они просили перемирия и получили его. Их предложение казалось очень важным, и легатам было известно, что Цезарь очень желает мира. К тому же полагали, что некоторый успех был достигнут миссией Вибуллия.

В то время Цезарь отправился с одним легионом для присоединения к себе более отдаленных городов и для облегчения доставки провианта, в котором он испытывал нужду. Он находился у города Бутрота, лежащего против Коркиры. Получив здесь письмо от Ацилия и Мурка о ходатайстве Либона и Бибула, он оставил легион и возвратился в Орик. Там оба они были вызваны для переговоров. Явился Либон и извинился за Бибула, говоря: последний был очень вспыльчив и, кроме того, питал личную вражду к Цезарю еще со времен их эдилитета и претуры. Именно поэтому, говорил Либон, Бибул и уклонился от переговоров, чтобы своей вспыльчивостью не испортить дела, которое сулит важные перспективы и очень большую пользу. Лично он, Либон, очень желает, как и всегда желал, заключения мира и прекращения военных действий, но на подобные переговоры он совсем не уполномочен, так как, по решению государственного совета, верховное руководство войной и всеми важнейшими

делами было возложено на Помпея. Однако когда они узнают требования Цезаря, то они сообщают их Помпею, и тогда, по их настоятельной просьбе, он уже сам поведет дальнейшие переговоры. А покамест, до получения ответа от Помпея, они просят продолжить перемирие, с тем чтобы при этом ни одна сторона ничего не предпринимала против другой. В заключение он кое-что сказал о существовании дела, а также о своих боевых силах и о военных ресурсах».

Однако обо всем следовало говорить лишь с самим Помпеем:

«Цезарь уже тогда не считал нужным отвечать на эти последние рассуждения. Да и теперь мы не видим достаточных оснований для их сообщения. Цезарь требовал свободного проезда его посольства к Помпею; Либон и Бибул должны в этом поручиться или же сами препроводить это посольство к Помпею. Что же касается перемирия, то военное положение обеих сторон таково, что они своим флотом задерживают подход его кораблей и подкреплений, а он отрезывает их от воды и от суши. Если они хотят для себя в этом пункте облегчения, то пусть ослабят охрану моря; если же они за него держатся, то он будет удерживать за собой сушу. Тем не менее переговоры о соглашении возможны и помимо этих уступок: одно другому не мешает. Либон отказывался брать на себя ответственность за послов Цезаря и гарантировать их безопасность, ссылаясь на то, что это зависит исключительно от усмотрения Помпея; он, однако, настаивал на перемирии и всеми силами старался его провести. Цезарь понял, что Либон завел эти переговоры только с целью улучшить свое опасное и стесненное положение: ни видов на мир, ни каких-либо реальных пред-

ложений при этом не было. Поэтому он снова обратил свое внимание на дальнейшее ведение войны.

Бибул, который много дней подряд не имел возможности сойти на сушу, тяжело заболел от холода и от напряженных трудов. Так как на море нельзя было лечиться, и при всем том он не хотел покидать своего поста, то он не мог оправиться от болезни. После его смерти верховное командование над флотом не перешло к какому-либо одному лицу, но каждый отдельный командир распоряжался своей эскадрой как хотел.

Когда улеглась тревога, вызванная неожиданным появлением Цезаря, Вибуллий решил при первом же подходящем случае, в присутствии Либона, Л. Лукция и Феофана, с которыми Помпей имел обыкновение советоваться о важнейших делах, начать речь о поручении Цезаря. Но Помпей прервал его с первых же слов и не дал говорить дальше: „Зачем мне жизнь,— сказал он,— зачем мне гражданские права, если дело будет иметь такой вид, что я ими обязан милости Цезаря? Подобного предположения никоим образом нельзя будет устранить, когда начнут думать, что меня по окончании войны возвратили в Италию, из которой я сам выехал“. Об этом Цезарь узнал от таких людей, которые присутствовали при беседе. Тем не менее Цезарь не прекращал своих попыток; но только он стал добиваться мирных переговоров другим путем.

Между лагерями Помпея и Цезаря была только река Айс, и солдаты часто вступали друг с другом в разговоры, во время которых, по взаимному соглашению, прекращалась перестрелка. И вот Цезарь послал своего легата П. Ватиния к самому берегу реки, чтобы заговорить о самых существенных условиях мира и громко спросить, позволительно ли римским гражданам посылать к своим согражданам послов, что сам Помпей

дозволил даже беглым рабам в Пиренеях и морским разбойникам? А ведь теперь они добиваются того, чтобы граждане не вступали в бой с гражданами. И многое другое прибавил он тоном просителя, как это и было естественно в деле, касающемся его собственного и общего спасения; его в молчании выслушали солдаты обеих сторон.

Ему ответили, что А. Варрон обещает выйти на следующий день для переговоров и сообщая с ним обсудить, каким образом послы могли бы безопасно пройти к ним и изложить свои пожелания; для этой цели сообщая было назначено определенное время.

Когда на следующий день послы там сошлись, то из обеих лагерей явилось большое множество народа: все напряженно ожидали, чем кончатся переговоры, и казались чрезвычайно миролюбиво настроенными.

Тогда из неприятельских рядов вышел Т. Лабизн и начал очень высокомерно говорить о мире и спорить с Ватинием. Во время этого разговора вдруг со всех сторон полетели копья. Ватиний, которого прикрыли щитами солдаты, спасся, но многие были ранены, в том числе Корнелий Бальб, Л. Плоций, М. Тибурций, несколько центурионов и солдат. Тогда Лабизн воскликнул: „Так перестаньте же говорить о примирении; никакого мира у нас быть не может, пока нам не доставят головы Цезаря!“»

Налицо явное нежелание стороны Помпея (не факт, кстати, что лично его!) свести дело к миру.. Все-таки Помпей по-прежнему располагал изрядными силами и мощью; у него оставались реальные шансы на римское владычество. Окружение Помпеево, понимая, сколь они вознесутся сами, возьми Помпей верх, было склонно игнорировать любые мирные инициативы со стороны Це-

заря (любое движение с их стороны в пользу мира было лишь попыткой выиграть время — когда они в том нуждались!).

Между тем в Риме обстановка тоже накалялась.

Впрочем, все в итоге разрешилось сравнительно благополучно.

Читаем в «Комментарии»:

«Около того же времени претор М. Целий Руф взял на себя дело должников. С первых же дней вступления в должность он поставил свое судейское кресло рядом с креслом городского претора Г. Требония и обещал свою помощь всем, кто будет апеллировать на приговоры третейских судей касательно оценки имущества и уплаты долгов в духе распоряжений, сделанных Цезарем лично во время его пребывания в Риме. Но распоряжения эти были вполне справедливы, и Требоний проявлял большую гуманность, придерживаясь убеждения, что в эти времена следует производить суд милостиво и умеренно. Поэтому не находилось никого, кто хотел бы положить начало подобным апелляциям.

В самом деле, оправдываться бедностью, жаловаться на свой личный и общественный крах и ссылаться на затруднения с аукционом — на это не требуется большой смелости; но что за дерзость и что за бесстыдство — признавать себя должником и в то же время стремиться сохранить за собою свое имущество в неприкосновенном виде! Вот почему и не находилось охотников заявлять подобные требования, и Целий оказался суровее тех самых людей, чьих интересов это касалось. Так он начал свою деятельность. Не желая, чтобы его первые шаги в этом неблагоприятном деле были неудачными,

он обнародовал законопроект об уплате долгов без процентов в течение шестилетнего срока.

Но он встретил противодействие со стороны консула Сервилия и остальных магистратов, благодаря чему успех его агитации был ниже его ожиданий. Тогда для возбуждения страсти он взял назад свой первый законопроект и опубликовал два других: о сложении с квартиронимателей годовой платы и об отмене долговых обязательств. В связи с этим он организовал нападение толпы на Требония и после кровопролитной схватки прогнал его с трибунала.

Консул Сервилий доложил об этом сенату, и сенат высказался за устранение Целия от должности. На основании этого декрета консул исключил Целия из сената и при его попытке говорить с роstr удалил с форума. Тот, с досады на этот позор, официально заявил, будто бы он отправляется к Цезарю, но в действительности тайно послал гонцов к Милону, который был осужден на изгнание за убийство Клодия, и вызвал его в Италию. Так как у Милона со времени его больших гладиаторских игр оставались еще гладиаторы, то Целий заключил с ним союз и послал его вперед в Турийскую область, чтобы вызвать восстание пастухов. А когда сам Целий прибыл в Касилин и в то же время в Капуе были арестованы его военные знамена и оружие, а в Неаполе был замечен отряд гладиаторов, имевший целью предать город,— то, по обнаружении своих замыслов, он не был допущен в Капую и, боясь опасности (так как корпорация римских граждан взялась за оружие и постановила считать его врагом государства), отказался от этого намерения и переменял маршрут.

Тем временем Милон разослал по муниципиям письменное сообщение о том, что он действует от имени и по поручению Помпея, согласно его приказу, переданному

через Вибуллия. Он пытался, прежде всего, агитировать среди тех, которые, по его мнению, были обременены долгами. Но, не имея у них никакого успеха, он открыл несколько смиренных домов, в которых содержались рабы, и начал осаждать город Косу в Турийской области. Но туда был послан с легионом претор Кв. Педий... Милон был убит камнем, пущенным со стены. Целий, отправлявшийся будто бы к Цезарю, прибыл в Турийскую область. Там он стал подстрекать к возмущению некоторых жителей этого муниципия и пытался подкупить галльских и испанских всадников Цезаря, которые были назначены в этот город на гарнизонную службу, но был последними убит. Таким образом, эти широкие планы, которые за недосугом законных властей вызвали немалое волнение Италии, были быстро и легко ликвидированы».

Неожиданно военный конфликт Цезаря с Помпеем продолжился на море.

Это произошло так.

«Либон оставил Орик,— пишет Цезарь,— и направился со своей эскадрой, состоявшей из пятидесяти судов, в Брундисий. Здесь он занял остров, лежавший против Брундисийской гавани, так как считал более выгодным держать в своих руках один пункт, через который неизбежно должны были выходить наши, чем блокировать все морское побережье и все гавани. Внезапным нападением он захватил несколько кораблей и сжег их, а один, нагруженный хлебом, увел с собой.

Этим он нагнал большой страх на наших и, высадив ночью солдат и стрелков, выбил конный гарнизон. Пользуясь удобством местности, он действовал так успешно, что мог отправить Помпею письмо с предложением

распорядиться, если угодно, вытащить остальные корабли на берег и починить их, так как он надеется отрезать Цезаря от подкреплений с помощью одной только своей эскадры.

В то время в Брундисии находился Антоний. Уверенный в храбрости своих солдат, он покрыл около шестидесяти лодок фашинами и щитками со своих военных кораблей, посадил на них отборных солдат, расставил их по разным местам побережья и приказал двум триремам, которые он распорядился построить в Брундисии, подойти к выходу из гавани под видом упражнения гребцов. Когда Либон увидел, что они слишком смело вышли вперед, то, в надежде перехватить их, отправил против них пять квадрик. Когда последние приблизились к нашим судам, то они, как им было приказано, начали спасаться бегством в гавань. Неприятелям в пылу увлечения слишком неосторожно погнались за ними. И вот со всех сторон вдруг по данному сигналу на неприятелей налетели лодки Антония и с первого же натиска захватили одну из квадрик вместе с гребцами и солдатами, а остальные принудили к постыдному бегству. К этому поражению присоединилось и другое несчастье, а именно: расставленные Антонием по морскому берегу всадники не давали неприятелям брать воду. Эта крайность и позор заставили Либона уйти из Брундисия и снять осаду».

До сих пор, как мы видим, Помпею ни разу не удалось нанести поражения легионам Цезаря. Что пешие, что морские батальи — везде лавры победителя доставались Цезарю и его военачальникам.

Вместе с тем Цезарь был изрядно озабочен тем, что поход затягивается, а он до сих пор так и не получил долгожданного подкрепления; без свежих легионов покончить

с Помпеем было бы затруднительно. Вынужденная задержка создавала помехи для благополучной переправы:

«Уже прошло много месяцев, и зима приходила почти к концу, а из Брундисия все еще не прибывали корабли с легионами. Цезарю казалось, что упущено немало благоприятных моментов для переправы: часто дули такие постоянные ветры, которыми, по его мнению, непременно нужно было бы воспользоваться. И чем более проходило времени, тем бдительнее наблюдали за ними командиры неприятельских эскадр, и тем больше у них было уверенности в том, что они помешают переправе. Да и Помпей в своих письмах часто делал им выговоры: так как они с самого начала не задержали переправы Цезаря, то пусть они поставят преграду хоть остальным его войскам. И вот, по мере того как с каждым днем ветры ослабевали, они ожидали наступления такой погоды, которая будет еще более неблагоприятна для переправы.

Все это очень беспокоило Цезаря, и он послал своим весьма строгий приказ — не теряя времени, выйти в море, как только подует благоприятный ветер, и держать курс к берегам аполлонийцев или лабеатов — на случай, не удастся ли там быстро пристать. В этих местах всего реже бывали неприятельские сторожевые суда, так как они не осмеливались выходить в море слишком далеко от гаваней.

Под руководством М. Антония и Фуфия Калена наши смело и мужественно снялись при южном ветре с якоря. Этого убедительно просили сами солдаты, заявлявшие, что для Цезаря они на все готовы. На следующий день наша эскадра проходила уже мимо Аполлонии. Когда ее увидели с материка, то командир стоявшего в Диррахии родосского флота Г. Копоний вывел свои суда из гавани и при ослабевшем ветре уже приблизился к нашим. Но

тот же южный ветер усилился, и наши от этого снова выиграли. При всем том Колоний не желал отказаться от своей попытки. В надежде на энергию и настойчивость своих моряков, он стал преследовать наших, и это несмотря на то, что они уже прошли мимо Диррахия при очень сильном ветре. Хотя судьба была милостива к нашим, они все-таки опасались неприятельского нападения в случае, если ветер ослабеет. Поэтому, достигнув гавани, называвшейся Нимфеем, в трех милях по ту сторону Лисса, они ввели в нее свои корабли. Эта гавань была защищена от юго-западного ветра, но открыта для южного. Вообще, им казалось, что опасность от бури меньше, чем опасность от неприятельского флота. Как только они туда вошли, по необыкновенно счастливой случайности, южный ветер, который перед этим дул два дня подряд, перешел в юго-западный.

На этом примере можно было видеть, как неожиданно изменилась судьба; те, которые недавно опасались за себя, укрылись в безопаснейшей гавани, а те, которые были так страшны для нашего флота, теперь вынуждены были бояться за свою собственную безопасность. Итак, с переменой положения погода спасла наших и погубила родосский флот: все его шестнадцать палубных кораблей наскочили на скалы и были разбиты; многочисленные гребцы и экипаж частью разбились о скалы, частью были сняты с них нашими солдатами. Цезарь всех их помиловал и отпустил на родину».

Что ж, на войне ситуация меняется каждую секунду, — справедливо утверждали стратеги древности! Однако обратите внимание на то, как неудачно складывалась для Помпея вообще вся эта кампания. Известный победитель, он мог бы призадуматься: а вдруг это неспроста?! А не будет ли более разумно и честно — не проливать

кровь римских граждан, а договориться с Цезарем? Увы, Помпей предпочел действовать иначе.

Но пусть Юлий Цезарь продолжит свой увлекательный рассказ:

«Два наших корабля шли медленнее других. Их застигла ночь, и они не знали, до какого пункта дошли остальные суда. Сами они остановились на якоре против Лисса. Комендант Лисса Отацилий Красс хотел взять их с бою и выслал против них много людей и судов малого размера. Вместе с тем он начал с ними переговоры о сдаче, обещая сдавшимся сохранить жизнь.

На борту одного корабля было двести двадцать солдат из легиона новобранцев, на борту другого — несколько менее двухсот из легиона ветеранов. Тут обнаружилось, какую выгоду дает присутствие духа.

Новобранцы, уstraшенные множеством судов и изнуренные качкой и морской болезнью, поверили клятве Отацилия, что им не будет никакого вреда, и сдались. Но когда их доставили к нему, то, вопреки священной клятве, все они на его глазах были без всякой пощады казнены.

Наоборот, солдаты из легиона ветеранов, хотя также пострадали от бури и от проникшей в трюм воды, решили не изменять своему прежнему мужеству. Они затянули переговоры о притворной сдаче вплоть до наступления ночи и затем заставили кормчего направить корабль к берегу. Там они нашли удобное место, где и провели остаток ночи. На рассвете Отацилий послал против них конный отряд, стороживший тот участок морского берега, в числе около четырехсот человек, вместе с другими солдатами из городского гарнизона. Ветераны стали защищаться, убили значительное количество неприятелей и благополучно добрались до наших.

Тогда корпорация римских всадников в городе Лиссе, который Цезарь еще раньше передал им и позаботился об его укреплении, приняла Антония и снабдила его всем необходимым. Отацилий, боясь за себя, бежал из города и направился к Помпею.

Войско Антония состояло из трех легионов ветеранов, одного легиона из новобранцев и восьмисот человек конницы. После высадки он отослал часть кораблей назад в Италию для перевозки остальных солдат и конницы, а особого рода галльские корабли, так называемые понтоны, оставил в Лиссе, чтобы дать Цезарю некоторую возможность преследовать Помпея, если последний, в предположении, что в Италии нет вооруженных сил, вздумает переправить туда свою армию. По той же причине Антоний спешно послал к Цезарю гонцов с извещением о том, где он высадился с войском и сколько человек перевез.

Цезарь и Помпей узнали об этом почти одновременно. Они сами видели, как прошли мимо Аполлонии и Диррахия корабли, держа курс вдоль тамошних берегов, но, куда их отнесло, они в первые дни не знали. Когда теперь пришли известия, они приняли противоположные решения. Цезарь желал как можно скорее соединиться с Антонием, а Помпей — преградить путь идущему на соединение противнику и, по возможности, напасть на него врасплох из засады.

Оба они в тот же день вывели свои войска из постоянных лагерей на реке Апсе: Помпей — тайно и ночью, Цезарь — явно и днем. Но Цезарю пришлось сделать большой крюк вверх по течению реки, чтобы найти место для перехода ее вброд; а у Помпея, которому не нужно было переходить реки, путь был свободный, и он поспешил форсированным маршем против Антония. Как только он узнал о приближении последнего, он нашел

удобное место и расположил на нем свои войска, но не выпускал их из лагеря и запрещал зажигать огни, чтобы скрыть свой собственный приход. Однако Антоний немедленно узнал о нем через греков. Поэтому он послал гонца к Цезарю и один день продержался в лагере: на следующий день к нему пришел Цезарь. При известии о его приходе Помпей, чтобы не быть отрезанным двумя армиями, оставил эту позицию. Он двинулся со всеми силами к Аспарагию в области Диррахия и там на удобном месте разбил лагерь».

А между тем жизнь продолжалась.

В Африке (а ведь именно там, увы, суждено было решиться всему между Помпеем и Цезарем) активизировался новоявленный император Сципион.

О нем сказано в «Комментарии» следующее:

«Около этого времени Сципион за некоторые поражения, понесенные им у Амана, провозгласил себя императором».

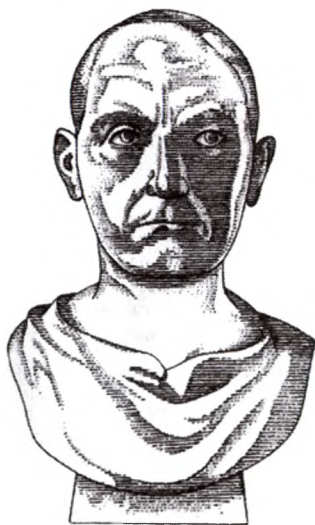
Нельзя не оценить иронии Цезаря! Ведь его самого, еще совсем тогда молодого, избрали императором его собственные солдаты, поскольку только им дано было это право. Зато Сципион (приходившийся, между прочим, тестем Гнею Помпею!) лавров победных не снискал, но отчаянно желал выделиться. Недолго думая, он объявил себя... императором!!!

Как пишет Цезарь,

«в этом звании он потребовал больших денежных взносов с городов и тиранов, а также взыскивал с откупщиков своей провинции следуемые с них за предыдущие два года денежные суммы и у них же взял вперед арендную плату за следующий год, а всей провинции при-

казал поставить конницу. Когда они собрались к нему, то он вывел свои легионы и конницу из Сирии и, таким образом, оставил у себя в ближайшем тылу неприятельми парфяны, которые незадолго до того убили в сражении императора М. Красса и держали в осаде М. Бибула. Провинция была этим очень обеспокоена и боялась войны с парфянами; и среди солдат слышались голоса, что если их поведут против неприятелей, то они пойдут, но на согражданина и консула не поднимут оружия. Тогда Сципион вывел оттуда свои легионы в Пергам и другие богатейшие города на зимние квартиры, щедро одарил солдат и, чтобы закрепить за собою их расположение, отдал им эти города на разграбление.

Тем временем со всей провинции без всякой пощады взыскивались наложенные взносы. Для удовлетворения корыстолюбия придумывались и многие другие налоги

Сципион Африканский

применительно к различным классам населения. Налагали подушную подать на рабов и свободных, устанавливали пошлины с колонн и дверей, требовали провианта, солдат, оружия, гребцов, метательных машин, повозок; вообще, стоило только подвести что-нибудь под какую-либо рубрику, и этого было уже достаточно для взыскания денег. Не только в города, но почти что во все села и небольшие укрепленные пункты назначались свои особые коменданты, и, чем больше грубости и жестокости они проявляли, тем выше их ценили как людей и граждан. Вся провинция была полна ликторов и командиров, битком набита комиссарами и сборщиками, которые, помимо взыскания наложенных денег, заботились и о собственном барыше. Чтобы прикрыть свои гнусные деяния благовидными именами, они любили говорить, что они изгнаны из дома и отечества и потому нуждаются в предметах первой необходимости.

Сверх всего этого чрезвычайно возрос процент, как это обыкновенно бывает во время войн, при поголовных налогах; при таких обстоятельствах на отсрочку платежа смотрели как на подарок. Поэтому задолженность провинции за эти два года очень увеличилась. И тем не менее требовались даже и с римских граждан определенные денежные суммы, которые, впрочем, взимались не с отдельных лиц, но с корпораций и городов, причем это прикрывалось заявлением, что деньги берутся по постановлению сената только взаймы. Откупщики, как это было и в Сирии, должны были заимобразно уплатить аренду за год вперед.

Кроме того, Сципион отдал было приказ взять из Эфесского святилища его старинные сокровища. Но когда в назначенный для этого день он собирался идти в святилище в сопровождении нескольких лиц сенаторского звания, специально для этого приглашенных, ему вручили

письмо от Помпея, что Цезарь переправился с легионами через море; поэтому он должен оставить другие дела и спешить со своей армией на соединение с Помпеем. По получении этого письма Цицион отпустил приглашенных сенаторов, стал готовиться к походу в Македонию и через несколько дней выступил. Только это спасло эфесские сокровища.

После соединения с Антонием Цезарь вывел из Орика легион, поставленный там для охраны морского побережья. Он считал необходимым привлечь на свою сторону тамошние провинции и с этой целью углубиться в страну. Когда к нему явились послы из Фессалии и Этолии с обещанием, что эти племена, в случае присылки гарнизонов, будут исполнять все его требования, он послал в Фессалию Л. Кассия Лонгина с легионом новобранцев (который назывался 27-м) и с двумя сотнями конницы, а в Этолию — Г. Кальвисия Сабина с пятью когортами и небольшим отрядом всадников. Их обоих он особенно убеждал позаботиться, ввиду близости этих местностей, о заготовке провианта. Гн. Домиций Кальвин должен был отправиться с двумя легионами, 11-м и 12-м, в Македонию, так как посол от той ее части, которая называлась Свободной, Менедем — самый влиятельный местный деятель — заявлял об исключительном расположении своих земляков к Цезарю.

Кальвисий был тут же по приходе очень радушно принят всеми этолийцами. Он выбил из Калидона и Навпакта гарнизоны противников и овладел всей Этолией. Кассий прибыл с легионом в Фессалию. Здесь он нашел различное настроение в городах, так как население разделилось на две партии: издавна влиятельный Гегесарет стоял за дело Помпея, а очень знатный молодой человек Петрей усиленно поддерживал Цезаря как своими личными средствами, так и средствами своих приверженцев».

Немаловажное обстоятельство, не учитывать которого было никак нельзя! Ведь оно ощутимо влияло на эффективность действий войск — как Цезаря, так и Помпея.

Но вернемся к «Комментарию»:

«В то же самое время Домиций прибыл в Македонию. Когда к нему немедленно стали собираться в большом количестве посольства от общин, он получил известие о приближении Сципиона с его легионами. Оно вызывало повсюду разные предположения и разговоры, так как в делах неожиданных молва обыкновенно преувеличивает события. Сципион нигде не задержался в Македонии и очень стремительно двигался против Домиция; но, приблизившись к нему на расстояние двадцати миль, вдруг повернул в Фессалию против Кассия Лонгина. Он сделал это так быстро, что одновременно приходили известия о том, что он приближается, и о том, что он уже здесь. Для того чтобы беспрепятственно продолжать поход, он оставил М. Фавония у реки Алиакмона, отделяющей Македонию от Фессалии, с восемью когортами для прикрытия обоза легионов и приказал построить там укрепление.

В то же время на лагерь Кассия налетела конница царя Котиса, обыкновенно стоявшая в разных местах на фессалийской границе. Известие о приближении Сципиона и появление всадников, которых Кассий принял за Сципионовых, устрасило его: он повернул к горам, опоясывающим Фессалию, и отсюда пошел по направлению к Амбракии. Сципиона же, который спешил догнать его, настигло письмо от М. Фавония, что приближается Домиций со своими легионами и он, Фавоний, без поддержки Сципиона не в состоянии удержать вверенного ему укрепления.

По получении этого письма Сципион изменил свой план и маршрут: он отказался от преследования Кассия

и поспешил на помощь Фавонию. Не прерывая похода ни днем ни ночью, он пришел к нему столь своевременно, что в один и тот же момент заметили пыль от войска Домиция и увидели передовые отряды Сципиона. Таким образом, Кассия спасла энергия Домиция, а Фавония — быстрота Сципиона.

Сципион пробыл два дня в постоянном лагере у реки Алиакмона, отделявшей его от лагеря Домиция, перевел на третий день на рассвете свое войско вброд, разбил лагерь и на следующий день рано утром выстроил солдат перед лагерем. Тогда и Домиций без колебаний решил вывести свои легионы на бой. Но так как между обоими лагерями была равнина шириной приблизительно в две мили, то Домиций придвинул свою боевую линию к лагерю Сципиона. Тот упорно стоял перед своим валом. И все-таки стоило большого труда сдержать солдат Домиция: дело не дошло до сражения, главным образом, потому, что протекавший у самого лагеря Сципиона ручей с крутыми берегами задерживал наше движение вперед.

Когда Сципион заметил у наших большое воодушевление и боевой пыл, то он стал бояться, что на следующий день ему придется против воли принять сражение или же, после больших ожиданий, возбужденных его приходом, бесславно стоять в лагере. Таким образом, он столь же позорно кончил, как опрометчиво зашел вперед: ночью, не дав даже сигнала „к сбору“, он обратно перешел через реку, вернулся туда же, откуда вышел, и там разбил у реки лагерь на высокой от природы позиции. Через несколько дней он устроил ночью конную засаду в том месте, куда наши в предыдущие дни обыкновенно ходили за фуражом. Когда начальник конницы Домиция, Кв. Вар, по обыкновению, явился туда, те вдруг выскочили из засады. Но наши храбро выдержали их натиск, все заняли свои места и с своей стороны всей массой

атаковали неприятелей, около восьмидесяти человек убили, остальных обратили в бегство, а затем вернулись в лагерь, потеряв только двух человек.

После этой стычки Домиций, в надежде заманить Сципиона на сражение, сделал вид, что вследствие крайней нужды в продовольствии он снимается с лагеря. Дав обычный клич „к сбору“, он прошел три мили и расположил все свое войско и конницу на удобном и скрытом месте. Сципион был готов преследовать его и отправил вперед значительную часть конницы, чтобы поточнее разведать маршрут Домиция. Когда она продвинулась вперед и первые эскадроны дошли до места засады, то ржание лошадей внушило им подозрение, и они начали отступать к своим; те, которые за ними следовали, заметили их отступление и остановились. Наши поняли, что засада открыта: не желая понапрасну дожидаться остальных, они отрезали два попавшихся им эскадрона. Из них только очень немногие спаслись бегством к своим — в том числе и начальник конницы М. Опимий; а все остальные всадники из этих эскадронов были перебиты или взяты в плен и приведены к Домицию.

Цезарь, как выше было указано, вывел из приморских пунктов гарнизоны и только в Орике оставил три когорты для защиты города; они же должны были охранять те военные суда, которые он провел из Италии. Тем и другим заведовал его легат Ацилий Канин. Ацилий отвел корабли во внутреннюю гавань за городом и привязал их к берегу, а при входе в гавань спереди затопил грузовое судно и с ним соединил второе: на последнем, против входа в гавань, он соорудил башню, поместил в нее большое количество солдат и поручил им ее защиту на случай неожиданных нападений.

При известии об этом командир египетского флота Гн. Помпей (сын) появился у Орика и с напряжением всех

сил вытащил воротами и канатами затопленное судно. Другое же судно, которое Ацилий поставил для обороны, он атаковал несколькими своими кораблями, на которых воздвиг башни такой же высоты. Он занимал в сражении более высокую позицию, уставших бойцов все время заменял свежими и — с разных пунктов, также и с суши, — производил атаки на городские стены при помощи лестниц и кораблей, с тем чтобы разъединить силы противников.

После таких усилий, благодаря массе выпущенных снарядов, он победил наших и, выбив защитников, которые все сошли на лодки и спаслись бегством, взял это судно с бою. В то же время, на другой стороне, он занял находившуюся против него естественную плотину, которая образовала из города почти полуостров, и провел по ней на катках при помощи рычагов четыре биремы во внутреннюю гавань. Напав, таким образом, с двух сторон на военные суда, которые были пустыми привязаны к берегу, он четыре из них увел с собою, а остальные сжег.

По исполнении этой операции он оставил здесь Д. Леллия, которого вызвал из азиатского флота. Последний начал задерживать провиант, шедший из Биллиды и Аманции в город. Сам Помпей отправился в Лисс, напал там на оставленные М. Антонием в гавани тридцать грузовых кораблей и все их сжег. Но когда он попытался взять Лисс, то встретил там сопротивление со стороны римских граждан, тамошней корпорации и солдат, оставленных Цезарем в качестве гарнизона, так что после трехдневной осады, которая стоила ему нескольких солдат, принужден был безрезультатно удалиться оттуда».

Внимательный анализ свидетельств Юлия Цезаря вновь подтверждает вывод, сделанный нами ранее. Воен-

ное счастье было явно не на стороне Помпея. Его войскам не удавалось выиграть ни одного этапа. Даже последний эпизод с сожжением тридцати кораблей М. Антония (читайте: Цезаря) не был доведен воинством Помпея до логического конца, поскольку население Лисса явно симпатизировало не ему, а Юлию Цезарю!

Между тем Цезарь горел желанием выйти на Помпея (скорее всего, стремясь подсознательно к переговорам, а не с целью уничтожения).

Он отмечает в своем «Комментарии»:

«Когда Цезарь узнал, что Помпей стоит у Аспарагия, то он двинулся туда же со всем своим войском, по пути завоевал город парфинов, в котором Помпей имел гарнизон, и на третий день дошел до Помпея. Он разбил свой лагерь рядом с Помпеевым, на следующий день вывел и построил все свое войско для решительного сражения. Но, заметив, что Помпей не двигается со своей выгодной позиции, он отвел войско назад в лагерь и принял другое решение.

На следующий день он выступил со всеми своими силами, делая большой крюк по трудному и узкому пути, к Диррахию, в надежде или загнать туда Помпея, или же, наоборот, отрезать его от этого города, в который тот сvez весь свой провиант и все военные запасы. Так и случилось. А именно: Помпей сначала не знал его намерений.

Видя, что Цезарь выступил в противоположном направлении, он решил, что недостаток провианта вынудил его к отступлению; но затем он получил точные известия от разведчиков и снялся на следующий день с лагеря, надеясь кратчайшим путем опередить Цезаря. Но Цезарь именно это и предполагал. Ободрив своих солдат терпеливо выдержать предстоящий трудный по-

ход, он только на короткое время прервал ночью свой марш и утром достиг Диррахия как раз тогда, когда издали уже был виден авангард Помпея. Там Цезарь немедленно разбил лагерь.

Помпей был отрезан от Диррахия, и так как ему не удалось осуществить свое первоначальное намерение, то он принял другой план: он разбил укрепленный лагерь на высоком месте, по имени Петра, где корабли могут без особого труда приставать к берегу и находить защиту от некоторых ветров. Там он приказал сосредоточить часть военного флота и свезти хлеб и прочие запасы из Азии и из всех других занимаемых им местностей.

Цезарь понял, что война затянется; вместе с тем он потерял надежду на подвоз из Италии, так как все берега тщательно охранялись помпеядцами, а его собственные эскадры, построенные им зимой в Сицилии, Галлии и Италии, все еще не приходили. Поэтому он послал легатов Кв. Тиллия и Л. Канулея в Эпир для продовольственных заготовок, а так как эти местности были довольно далеко, то он устроил в определенных пунктах хлебные магазины и распределил между соседними общинами поставку хлебных подвод. Равным образом он приказал реквизировать все хлебные запасы в Лиссе, у парфинов и во всех укрепленных пунктах. Но их было очень мало — с одной стороны, потому, что сама местность здесь сурова и гориста и население питается большей частью привозным хлебом, а с другой стороны — потому, что Помпей предвидел это и в предыдущие дни отдал область парфинов своему войску на разграбление: все их дома были обысканы и обобраны и весь забранный хлеб был доставлен к нему его конницей».

Нельзя не оценить: каждый из стратегов на высоте! Может создаться впечатление, что идет речь о противо-

борстве равных противников. Но последнее, впрочем, это лишь видимость.

Цезарь, естественно, не впал в отчаяние, окончательно поняв, что с мечтами на блицкриг придется расстаться. Не выбило его из колеи, как мы видим, и отсутствие подкреплений из Италии.

Он — настоящий солдат.

Цель определена: ее следует поразить!

В этом весь Цезарь.

Буквально в следующее мгновение после обмена любезностями он уже оглядывал окрестности, стремясь найти возможность использовать их свойства против легионов Помпея.

Читаем в «Комментарии»: *«Цезарь принял решение применительно к свойствам самой местности. Вокруг лагеря Помпея было очень много высоких и крутых холмов. Цезарь прежде всего занял их военной силой и построил на них редуты. Затем, смотря по природным условиям каждого отдельного пункта, он соединил эти редуты укреплениями, которыми стал замыкать Помпея, преследуя при этом тройную цель: во-первых, так как у него было слишком мало продовольствия, а Помпей был силен конницей, то надо было с наименьшим риском обеспечить подвоз хлеба и провианта для войска; во-вторых, важно было отрезать Помпея от фуража и сделать его конницу совершенно бесполезной; в-третьих, большой авторитет, которым Помпей, очевидно, пользовался у иноземных народов, был бы ослаблен, если бы по всему свету распространилась молва, что Помпей осажден Цезарем и не решается на сражение».*

Небольшая уловка со стороны Цезаря, не имеющего численного превосходства, и Помпей уже вынужден играть по его правилам. Вот так и определяется, кто есть кто. Цезарь постоянно переигрывает Помпея; тот изначально был обречен, в сущности. Он, помышляя о Риме,

этого не знал, как, впрочем, и сам Цезарь. Все двигалось к развязке...

«Помпей не желал оставлять моря и Диррахия, так как он сосредоточил там все военные припасы, оборонительное и наступательное оружие и метательные машины, а также подвозил там на кораблях хлеб для войска,— справедливо замечает Цезарь.— Но вместе с тем он не был в состоянии помешать фортификационным работам Цезаря иначе, как решившись на генеральное сражение; а его-то он в данный момент и не находил возможным. Для него оставался единственный способ ведения войны: захватывать как можно больше холмов, занимать военными отрядами местность на возможно большем протяжении и как можно больше разъединять силы Цезаря. Так он и делал.

Он построил двадцать четыре редута на пространстве в пятнадцать миль в окружности и здесь добывал себе фураж; в пределах его укреплений было много засеянных полей, и на первое время он кормил на них свой вьючный скот. И подобно тому, как наши посредством проведения непрерывных укреплений принимали меры к тому, чтобы помпеяницы не сделали где-нибудь вылазки и не напали бы на нас с тыла,— так и те в своем внутреннем кольце строили такие же непрерывные укрепления, чтобы наши не могли куда-либо проникнуть и обойти их с тыла. Но их работы шли успешнее наших, так как у них было больше солдат и их внутренние укрепления были меньшего размера, чем это было необходимо для укреплений Цезаря. Помпей, вообще говоря, не желал употреблять все свои боевые силы для противодействия работам Цезаря и избегал генерального сражения. Но при удобном случае он высылал стрелков и пращников, которых у него было очень много. Многие из наших сол-

дат были ранены, и неприятельских стрел стали так бояться, что почти все солдаты начали делать себе из войлока, из тряпок или из кож рубашки и фуфайки для защиты от стрел.

Обе стороны употребляли много усилий на занятия командных пунктов: Цезарь хотел как можно теснее сомкнуть кольцо вокруг Помпея, а Помпей стремился захватить кругом побольше холмов на возможно большем пространстве, и из за этого часто происходили сражения. Между прочим, когда 9-й легион Цезаря занял одну высоту и стал ее укреплять, Помпей занял другой холм против этой высоты и начал мешать нашим в их работах. Так как к нашей высоте можно было с одной ее стороны подойти по ровному месту, Помпей прежде всего расставил вокруг этого места стрелков и пращников, а затем выслал большое количество легковооруженных, пододвинул метательные орудия и стал таким образом мешать нашим фортификационным работам.

Нам нелегко было и отбиваться, и работать в одно и то же время. Ввиду того что нас со всех сторон метко обстреливали, Цезарь приказал отступить и очистить холм. Отступление шло по крутому склону. Тем яростнее наседали помпеянцы и не давали нашим отходить, так как им казалось, что мы очищаем позицию из страха. Говорят, что Помпей хвастливо предлагал окружающим признать его никуда не годным полководцем, если цезаревский легион осуществит без огромных потерь отступление с необдуманно занятого им пункта.

Беспокоясь за благополучное отступление своих, Цезарь приказал снести к краю холма фашины и сложить их против неприятеля; под их прикрытием солдаты должны были провести позади поперечный ров небольшой ширины, чтобы таким образом сделать это место по

возможности со всех сторон труднодоступным. А в удобных местах он расставил пращников, которые должны были прикрывать наше отступление. Теперь он отдал приказ отвести легион назад. Поэтому помпеянцы надменнее и смелее стали теснить наших и наседали на них, а фашины, выставленные в качестве защиты, они сбросили в ров, чтобы облегчить себе переход через него.

Когда Цезарь заметил это, то он стал опасаться, как бы этот отвод не показался поражением и бегством с позиции и не увеличил потерь. Поэтому он приказал командиру легиона Антонию приблизительно на середине пути ободрить солдат, дать сигнал трубой и атаковать неприятелей. Солдаты 9-го легиона вдруг стали дружно метать копья, бросились снизу бегом вверх по холму в контратаку, бурно погнались помпеянцев и заставили их повернуть тыл, причем отступление последних затруднялось лежащими на земле фашинами, кольями, на которые они натыкались, и рвами. Наши же вполне могли удовлетвориться отступлением без больших потерь и вполне благополучно вернулись к себе в лагерь, перебив много неприятелей и потеряв всего пять человек. Затем они заняли по сю сторону от этого места еще несколько ближайших холмов и dokonчили свои фортификационные работы!»

Просто поразительно, не так ли!

Помпей имел все преимущества, а что в итоге?

Крах намерения.

Цезарь же, как некогда в Галлии, вновь прибегает к свежим тактическим решениям и заслуженно празднует победу. Он так удовлетворен, что его задумка удалась, что даже позволяет в свой адрес завуалированный дифирамб (не забывая, однако, выделить качества своих солдат):

«Это был новый и необычайный способ ведения войны, как по очень большому количеству редутов, по огромному протяжению, по сложности фортификационных работ, по системе блокады, так и во всех других отношениях. В самом деле, всякий, кто пытается блокировать другого, обыкновенно замыкает неприятеля в кольцо тогда, когда последний приведен в расстройство, ослаблен или побежден в сражении либо деморализован какой-нибудь другой неудачей, между тем как осаждающий располагает превосходными конными и пешими силами. При этом цель блокады обыкновенно сводится к тому, чтобы отрезать неприятеля от подвоза провианта. Но в данном случае Цезарь блокировал с менее многочисленным войском неослабленную и свежую армию, имевшую всякие припасы в изобилии: к ней каждый день отовсюду приходило много судов с продовольствием, и какой бы ветер ни дул, он всегда в каком-нибудь одном направлении был благоприятен для плавания.

Между тем сам Цезарь находился в очень затруднительном положении, так как весь хлеб повсеместно в округе был съеден. Но все-таки его солдаты выносили нужду с поразительным терпением: они вспоминали, как в такой же степени страдали в прошлом году в Испании и, однако, благодаря своему напряженному труду и выносливости благополучно окончили эту тяжелую войну; они помнили, что терпели большую нужду под Алесией и еще большую под Авариком и в конце концов одержали победу над могущественнейшими народами. Они не отказывались ни от даваемого им в пищу ячменя, ни от стручковых плодов и очень ценили мелкий скот, который в изобилии получали из Эпира.

Они нашли даже особый корень, называвшийся „хара“, который с примесью молока очень облегчал их голод. Этого корня у них было очень много, и они делали из него

подобие хлеба. Когда в разговорах помпеянцы попрекали наших голодом, то они забрасывали их хлебцами из этого корня, чтобы понизить их гордые надежды.

Уже начинал попевать хлеб, и самая надежда облегчала нужду, так как у всех была уверенность, что скоро его будет много. Часто приходилось слышать на караулах и в разговорах заявления солдат, что они лучше будут питаться древесной корой, чем выпустят из рук Помпея. Им даже приятно было узнавать от перебежчиков, что помпеянцы кормят еще кое-как лошадей, в то время как остальной обозный скот у них уже погиб и что люди болеют от тесноты занимаемого ими места, от зловония, издаваемого множеством трупов, и от непривычки к ежедневной трудной работе, но что особенно тяжело им от недостатка воды. Действительно, Цезарь либо отвел все реки и ручьи, впадающие в море, либо запрудил их большими плотинами; так как местность была гориста и долины очень узки, то для запруды вбивались в дно сваи, и на них насыпалась земля, так что вода делалась стоячей.

Таким образом, помпеянцы по необходимости должны были искать мест низких и болотистых и, вдобавок к другим ежедневным работам, вынуждены были рыть колодцы. Но эти источники были очень далеко от некоторых из их редутов и в жаркую погоду быстро высыхали. Наоборот, Цезарево войско пользовалось отличным здоровьем и было очень богато водой, а также всякого рода съестными припасами, кроме хлеба. Вообще, видно было, как со дня на день становилось лучше, и с созреванием хлебов увеличивалась надежда.

При этом оригинальном характере войны обе стороны изобретали и новые способы ее ведения. Когда помпеянцы замечали по сторожевым огням, что наши когорты ночью стоят на карауле у укреплений, то они

бесшумно нападали, все за раз пускали стрелы в массу и затем поспешно возвращались к своим. Наученные этим опытом, наши придумали против этого такое средство, что зажигали огни в одном месте... [а караулили в другом]...

Между тем П. Сулла, которого Цезарь при своем уходе назначил комендантом лагеря, по получении об этом известия пришел на помощь когорте со своими двумя легионами; с его приходом помпеянцы были без труда отражены. Они не вынесли ни вида, ни атаки наших, и, как только первые из них были сбиты, остальные обратились в бегство и очистили позицию. Но когда наши погнались за ними, Сулла отозвал их назад, чтобы они в погоне не зашли далеко. Большинство думает, что если бы Сулла захотел энергичнее преследовать неприятеля, то война могла бы быть в этот день окончена. Однако его образ действий, по нашему мнению, не заслуживает порицания: одна роль принадлежит легату, другая — полководцу; один должен во всем держаться предписания, другой принимать самостоятельные решения соответственно с общим положением дела».

Интересный штрих: нам остается лишь гадать, чего же в этом высказывании больше: спасти своего подчиненного от порицания или лишний раз подчеркнуть свой и без того безмерно взнесенный судьбой статус. Не исключено, что обе мотивации проявились одновременно.

Вернемся вновь к «Комментариям»:

«Сулла, оставленный Цезарем в лагере, счел достаточным выручить своих и не пожелал дать генерального сражения (что могло бы принять и дурной оборот); иначе стали бы говорить, что он присвоил себе права главнокомандующего. Во всяком случае, его операция причи-

нила помпеянкам много затруднений при отступлении: зайдя вперед с неудобного места, они остановились на самом верху и должны были бояться, в случае отступления по крутому скату, что наши станут преследовать их сверху; к тому же оставалось мало времени до захода солнца, так как в надежде покончить дело они продолжали сражаться до ночи. Вследствие этого Помпей по необходимости должен был принять случайное решение, сообразное с данным моментом, и занял всего один холм, который лишь настолько был удален от нашего редута, что в него не могли попасть снаряды метательных орудий. На этой позиции он остановился, укрепил ее и здесь держал все войско.

Кроме того, в одно и то же время происходили сражения в двух разных местах, так как Помпей, чтобы разъединить силы Цезаря и отрезать их от подкреплений из ближайших редутов, атаковал несколько редутов сразу. В одном пункте Волкаций Тулл выдержал с тремя когортами атаку целого легиона и даже выбил его с позиции; в другом германцы, вышедшие из наших укреплений, перебили много неприятелей и благополучно вернулись к своим».

Вновь германские части проявляют себя, принося Цезаревой рати победу, как то не раз случалось в Галлии!

Кстати, тут самое время подвести небольшой итог:

«В шести сражениях, происшедших в один день (три было под Диррахием, три около укреплений), как оказалось при общем подсчете, помпеянцев пало две тысячи человек, из них много центурионов и добровольцев ветеранов (в том числе — Валерий Флакк, сын Луция, бывшего претора Азии); неприятельских знамен было доставлено шесть. Наши потери во всех сражениях не

превышали двадцати человек. Но на том же редуте все солдаты без исключения были ранены, и четыре центуриона из 8-й когорты потеряли зрение.

Когда солдаты хотели представить Цезарю доказательства своих трудов и опасностей, то, по их подсчету, в редут попало около тридцати тысяч стрел, причем в доставленном Цезарю щите центуриона Сцевы оказалось сто двадцать дыр. Последнего Цезарь за заслуги перед ним и перед государством наградил двумя тысячами [сестерциев] и объявил, что переводит его из 8-го ранга в 1-й (ибо было установлено, что редут обязан своим спасением, главным образом, ему); когорта же получила в награду двойное жалованье, хлеб, одежду, продовольственные пайки и военные отличия».

Выделим особо соотношение потерь: две тысячи душ Помпея (многие из командного состава) против двадцати человек Цезаря!!!

Как вам такое?!

Вот оно, искусство ведения войны в чистом виде!

Впрочем, Помпея недооценивать тоже нельзя. Кстати, в этот вечер он уж точно не сильно печалился, поскольку наверняка понимал, что каким-то чудом избежал полного краха. Не оттого ли он с таким энтузиазмом занялся фортификациями?

Согласно «Комментарию», *«Помпей прибавил за ночь большие новые укрепления, в следующие затем дни воздвиг башни и, когда верки достигли высоты пятнадцати футов, прикрыл соответствующую сторону лагеря подвижными навесами. По прошествии пяти дней он воспользовался второй темной ночью, загородил лагерные ворота для затруднения входа в них рогатками, вывел в начале третьей стражи в полной тишине войско и вернулся в свои прежние укрепления».*

Цезарь же не забывал о необходимости постоянно наращивать собственное военное превосходство. Так, он признается: *«Заняв Этолию, Акарнанию и Амфилохию при посредстве упомянутых выше Кассия Лонгина и Кальвися Сабина, Цезарь считал нужным сделать попытку и относительно Ахайи и с этой целью несколько продвинуться вперед. Поэтому он послал туда Кв. (Фуфия) Калена и прикомандировал к нему Сабина и Кассия с их когортами. Узнав об их приходе, Рутилий Луп, который, по поручению Помпея, управлял Ахайей, решил своевременно укрепить Истмийский перешеек, чтобы не допустить Фуфия в Ахайю. Кален занял, по соглашению с населением, Дельфы, Фивы и Орхомен, а некоторые другие города взял с боя; остальные общины он старался склонить на сторону Цезаря отправлением к ним посольств. В этом, главным образом, и заключалась деятельность Фуфия.*

Все следующие дни подряд Цезарь выводил войско в боевом строю на равнину, на случай, если Помпей пожелает решительного сражения. С этой целью он придвигал легионы почти к самому лагерю Помпея, его первая линия была лишь настолько удалена от его вала, чтобы в нее не попадали снаряды метательных орудий. Но Помпей, для сохранения своей славы и репутации, ставил свое войско перед лагерем так, чтобы третья линия примыкала к самому валу и чтобы все войско вообще находилось под прикрытием снарядов, пускаемых с вала».

Именно тогда на сцене вновь возникает Сципион.

Для Цезаря это явилось поводом еще один раз попытаться провести мирные инициативы (не забудем, что Сципион приходился Помпею зятем). Читаем в «Комментарии»: *«Во время этих происшествий в Ахайе и под Диррахием стало известно, что Сципион прибыл в Македо-*

нию. Цезарь, не забывая своего прежнего правила, послал к нему их общего друга А. Клодия, которого он с самого же начала, по рекомендации Сципиона, принял в круг своих ближайших друзей. Ему он дал письмо и устное поручение следующего содержания: он, Цезарь, сделал все, чтобы добиться мира, но до сих пор ничего не достиг. В этом, по его мнению, виноваты выбранные им самим посредники, которые побоялись сообщить Помпею эти поручения в неудобное время. Но Сципион настолько влиятелен, что не только может откровенно высказывать свое мнение, но может в значительной степени воздействовать на Помпея и направить его на истинный путь; он со своим войском не зависит от Помпея и помимо своего авторитета имеет также реальную силу для его обуздания. Если он это сделает, то все будут обязаны ему одному спокойствием Италии, миром в провинциях и спасением государства. Вот это поручение и передал Сципиону Клодий. В первые дни его, как казалось, охотно выслушивали, но потом он не был допущен к переговорам: за это Сципиона порицал Фавоний, как мы узнали впоследствии, по окончании войны. Таким образом, Клодий возвратился к Цезарю ни с чем».

Помпеянцы в принципе отвергали мир.

Оставалось одно — воевать.

Самое горькое, что война носила гражданский характер.

Творилось нечто противоестественное: римляне воевали против римлян.

И это было горе...

Согласно «Комментарию», «чтобы вернее задержать конницу Помпея под Диррахием и отрезать ее от фуража, Цезарь обнес сильными укреплениями два узких подступа, о которых мы говорили, и построил здесь два редута. Помпей, заметив безуспешность действий своей конницы, через

несколько дней снова перевез ее на кораблях к себе за укрепления. Недостаток фуража был так велик, что лошадей кормили листьями с деревьев и молодыми размолотыми тростниковыми корнями. Хлеб, который рос на полях за укреплениями, был уже съеден; пришлось по необходимости подвозить фураж дальним морским путем из Коркиры и из Акарнании; а так как его было очень мало, то надо было примешивать к нему ячмень; таким способом еще кое-как поддерживали конницу. Но после того, как повсюду не только был снят ячмень и кормовые травы, но не стало хватать даже и листьев с деревьев, то, ввиду истощения лошадей, Помпей решился сделать вылазку».

А тут еще крайне кстати для него возник небывалый прежде случай измены в стане Цезаря! Он, увы, возымел фатальные последствия...

Как рассказано в «Комментарии»,

«в числе всадников Цезаря было два брата аллоброга, Роукилл и Эг, сыновья Амбукилла, который много лет был главой своей общины. Это были чрезвычайно храбрые люди, которые своей храбростью оказали Цезарю немало отличных услуг во все войны с галлами. За это он поручил им на родине виднейшие должности, провел их выбор вне очереди в местный сенат, дал им земли в Галлии, отнятые у врагов, дарил большие денежные суммы и вообще сделал их из людей бедных богатыми. За свою храбрость они были в почете не только у Цезаря, но и очень ценились в армии. Но, опираясь на дружбу Цезаря и кичась нелепым варварским высокомерием, они презирали своих соотечественников, утаивали жалование всадников и всю добычу тайно присваивали себе.

Возмущенные этим, все их всадники обратились сообщая к Цезарю с открытой жалобой на такую несправедливость и, между прочим, прибавили, что те показыва-

ют ложное число всадников, чтобы присвоить жалованье себе.

Цезарь считал настоящий момент неподходящим для взыскания и, многое прощая им за их храбрость, оставил все это дело без последствий: но только наедине побранил их за то, что они наживаются на счет всадников, и посоветовал вполне положиться на его дружбу и по тому, что он уже сделал для них, рассчитывать на дальнейшие милости. Но все-таки это дело навлекло на них всеобщую ненависть и презрение, и они это поняли. Отчасти их убеждали в этом упреки людей посторонних, отчасти приговор земляков, отчасти заговорила их собственная совесть.

Из стыда, а также, может быть, в убеждении, что их наказание не отменено, но лишь отсрочено, они решили изменить нам и попытаться искать нового счастья и новых друзей. Переговорив с некоторыми своими клиентами, которых они решились посвятить в этот преступный замысел, они сначала попытались убить начальника конницы Г. Волусена (как это стало известным впоследствии, по окончании войны), чтобы их побег к Помпею сопровождался сколько-нибудь важной услугой. Но когда эта попытка оказалась слишком трудно исполнимой, и к ней не представилось случая, то они заняли как можно более денег, как бы для удовлетворения своих земляков и для возмещения похищенного, скупили множество лошадей и перешли к Помпею вместе с участниками своего замысла.

Так как они были знатного рода, богато одеты и вооружены, явились с большой свитой и большим количеством лошадей; так как, далее, они имели репутацию людей храбрых и были в почете у Цезаря, да и самый переход их был неожиданным и необычным, то Помпей повел их по всем своим укреплениям и с хвастовством их

показал. Действительно, до того времени никто ни из солдат, ни из всадников не переходил от Цезаря к Помпею, между тем как от Помпея к Цезарю перебежали почти ежедневно, а солдаты, набранные в Эпире, Этолии и в местностях, занимаемых Цезарем, делали это массами. Аллоброги знали все лагерные дела, например недочеты в укреплениях или упущения, указанные знаатоками военного дела; они заметили также, в какое время что делается, на каком расстоянии друг от друга находятся важнейшие пункты, в какой степени обеспечена караульная служба в зависимости от личности и добросовестности заведующих ею. И вот все это они выдали Помпею.

Помпей, как было указано, еще раньше решил сделать вылазку. Теперь, по получении этих сведений, он приказал солдатам сделать плетенные из прутьев нашьлемники и свозить материал для засыпания рвов. Когда все это было готово, он погрузил ночью на лодки и весельные суда большое количество легковооруженных и стрелков вместе с указанными материалами и вывел в полночь из главного лагеря и отдельных редутов шестьдесят когорт, направляя их против той части укреплений, которая доходила до моря и была самой удаленной от главного лагеря Цезаря. Туда же он послал суда, нагруженные, как указано, материалом для насыпи и легковооруженными солдатами, а также корабли, стоявшие у Диррахия, со специальными приказами. У тех укреплений стоял, по распоряжению Цезаря, квестор Лентул Марцеллин с 9-м легионом; а так как он был нездоров, то Цезарь прислал ему в помощники Фульвия Постума.

Там был против неприятеля ров в пятнадцать футов и вал вышиной в десять футов с насыпью такой же ширины. В шестистах шагах был другой вал, несколько ниже первого, обращенный в противоположную сторону:

из опасения, что наших могут окружить с моря. Цезарь построил там в предыдущие дни двойной вал, чтобы можно было дать отпор в случае нападения с двух сторон. Но сложность работ и непрерывный труд за все эти дни не позволяли своевременно окончить эти укрепления, которые занимали в окружности семнадцать миль. Поэтому Цезарь не успел довести до конца поперечный вал, обращенный против моря, который должен был соединять эти укрепления.

Это стало известно Помпею по донесению перебежчиков аллоброгов и причинило нам большое несчастье. В самом деле, как только две когорты 9-го легиона подошли к морю для несения караульной службы, вдруг на рассвете Помпеевы солдаты, объехав их с моря, стали бросать в них копья и засыпать рвы; одновременно с этим легионеры приставили лестницы и стали устрашать защитников стрельбой из метательных машин и всякого рода снарядами; наконец, кругом повсюду рассыпалось множество стрелков. А от камней, единственного оружия наших солдат, неприятелей защищали плетеные нашлаемники. Таким образом, наших всячески теснили, и они с трудом держались.

В это время враги заметили указанный выше недочет укрепления и, высадившись с кораблей, атаковали наших с тыла между обоими валами, там, где верки были недокончены, выбили их из обоих укреплений и принудили к бегству.

При известии об этом внезапном нападении Марцелин выслал из лагеря на помощь теснимым свои когорты; но они, заметив бегущих, не могли ободрить их своим приходом, да и сами не выдержали неприятельской атаки. Вообще, все дальнейшие подкрепления заражались страхом бегущих и только увеличивали замешательство и опасность: самое многолюдство затрудняло отступ-

ление. Когда в этом сражении был тяжело ранен и уже терял силы орлоносец, то, заметив наших всадников, он закричал им: „Я много лет, пока был жив, добросовестно охранял его; с той же верностью теперь, перед смертью, возвращаю его Цезарю. Заклинаю вас, не допустите воинского бесславия, которого до сих пор не случилось в войске Цезаря! Доставьте Цезарю его целым!“ Эта случайность спасла орла, между тем как все центурионы 1-й когорты, кроме первого центуриона принципов, были перебиты.

Помпеянцы уже приближались, избивая наших, к лагерю Марцеллина, что навело немалый страх и на остальные наши когорты. Но в это же время было видно, как Антоний, занимавший самый близкий к укреплениям пункт и получивший известие об этой атаке, стал спускаться с двенадцатью когортами в долину. Его подход остановил помпеянцев и ободрил наших, так что они после большой паники снова оправились. Немного погодя появился здесь и Цезарь с несколькими когортами, которые он взял из редутов: по установившемся за последнее время обыкновению, ему сигнализировали дымом от редута к редуту. Он узнал о понесенном уроне и обратил внимание на то, что Помпей прорвал его укрепления и разбивает лагерь вдоль морского берега с целью беспрепятственно добывать фураж и поддерживать связь со своими кораблями. Ввиду этого Цезарь оставил свой прежний план, осуществить который ему не удалось, и приказал укрепляться рядом с Помпеем».

Даже тяжелое предательство подлых аллоброгов, открывших Помпею секреты фортификационных сооружений Цезаря, не помогло помпеянкам одержать верх. Они были близки к заветной цели, но самоотверженность и героизм легионеров Цезаря обратили их планы в пепел.

Вернемся к рассказу.

Укрепления были завершены сравнительно быстро, но *«по окончании этих работ лазутчики Цезаря заметили, что неприятель ведет несколько когорт — с виду целый легион — за лесом в старый лагерь. Положение этого лагеря было таково. В предыдущие дни там разбил свой лагерь 9-й легион Цезаря, который бросился в атаку на помпеянцев и, как выше было указано, начал отовсюду окружать их укреплениями. Лагерь этот примыкал к какому-то лесу и отстоял от моря не более чем на триста шагов. Затем Цезарь по некоторым причинам изменил свой план и перенес лагерь несколько дальше этого места. Через несколько дней оставленный лагерь занял Помпей; а так как он имел в виду поместить в нем несколько легионов, то, сохранив за собой внутренний вал, он провел еще более обширные укрепления снаружи. Таким образом, этот малый лагерь, будучи заключен в большой, образовал нечто вроде форта или даже крепости. Также и с левого угла вплоть до реки было проведено укрепление протяжением до четырехсот шагов, чтобы солдаты без помехи и без опасности могли ходить за водой. Но и Помпей изменил свой план по некоторым причинам, о которых нет надобности упоминать, и снова оставил этот лагерь. Таким образом, лагерь этот простоял несколько дней пустым, и все его укрепления были целы.*

Лазутчики сообщили Цезарю, что туда пришел легион со всеми знаменами. Это сообщение было подтверждено наблюдениями, сделанными с некоторых высоколежащих редутов. Место это находилось приблизительно в пятистах шагах от нового лагеря Помпея. Цезарь, надеясь уничтожить этот легион и очень желая вознаградить себя за урон, понесенный в тот день, оставил у шанцевых работ две когорты, которые должны были

делать вид, что работают над укреплением. Сам же он вывел против легиона Помпея и его малого лагеря остальные тридцать три когорты в двойной линии; среди этих когорт был и 9-й легион, потерявший много центурионов и уменьшившийся в численном воинском составе. Для этой цели он двинулся как можно незаметнее в противоположном направлении. И сначала он не ошибся в своих предположениях: он пришел раньше, чем Помпей мог заметить, и, несмотря на сильные лагерные укрепления, быстро атаковал помпеянцев на левом фланге, на котором находился сам, выбив их с вала. Перед воротами лагеря была колючая изгородь. Здесь на короткое время завязалось сражение, причем наши пытались прорваться через ворота, а те защищали их. Особенно храброе сопротивление оказал здесь Т. Пулион, благодаря которому, как мы указывали, было предано войско Г. Антония. Но храбрость наших одержала верх: они уничтожили изгородь, ворвались сначала в главный лагерь, а затем в находящуюся внутри его крепость, куда укрылся разбитый легион, и там перебили несколько сопротивлявшихся.

Но судьба, столь могущественная в человеческих делах, особенно же на войне, часто производит громадные перемены благодаря незначительным случайностям. Так было и тогда.

Когорты цезаревского правого фланга, по незнакомству с местностью и в поисках ворот, дошли до того укрепления, которое, как мы выше указали, шло от лагеря к реке, и приняли его за укрепления самого лагеря. Заметив, что оно соединяется с рекой, они разрушили шанцы и, за отсутствием защитников, прорвались через них. За ними последовала вся наша конница.

Между тем Помпей, узнав об этом и воспользовавшись значительным выигрышем времени, увел пять леги-

онов с работы на помощь своим. Его конница стала приближаться к нашей, и в то же самое время наши солдаты, занимавшие лагерь, увидели его пехоту в боевом строю. Тогда все вдруг переменилось. Помпеев легион, ободренный надеждой на скорую помощь, стал делать попытки сопротивления у задних ворот и даже со своей стороны атаковать наших.

Конница Цезаря, которая все еще поднималась вверх узким путем по насыпям, стала бояться за свое отступление и первая обратилась в бегство. Правое крыло, не имевшее связи с левым, при виде замешательства конницы стало отступать, чтобы не быть застигнутым в пределах укреплений, через бреши разрушенного вала. При этом многие из солдат, чтобы не попасть в давку, бросались в ров с десятифутовой высоты вала, давя первых, остальные по их трупам искали себе спасения и выхода. На левом же крыле солдаты видели с вала, что Помпей подходит, а наши бегут. Так как враг был и спереди, и сзади, то из боязни быть отрезанными на узком пространстве они также начали отступать тем же путем, каким пришли, заботясь только о своем собственном спасении. Всюду было такое смятение, ужас и бегство, что, хотя Цезарь собственноручно выхватывал знамена у бегущих и приказывал им остановиться, тем не менее одни пускали на волю своих коней и бежали вместе с толпой, другие от страха бросали даже знамена, и вообще никто не слушался его приказа.

В этом ужасном положении, когда все войско могло бы быть уничтожено, нас спасло то, что Помпей из боязни осады (незадолго до того он видел, как бежали его солдаты из лагеря, и, надо полагать, теперь был изумлен таким неожиданным счастьем) некоторое время не решился приближаться к укреплениям. Его конница также медлила с преследованием вследствие узости прохода,

который вдобавок был занят нашими солдатами. Таким образом, в обоих случаях ничтожные обстоятельства приобрели громадное значение. Действительно, укрепления, проведенные от лагеря к реке, отняли у Цезаря победу, которая после захвата лагеря Помпея была почти несомненной; но они же замедлили быстроту преследования и тем спасли нас от гибели».

Да, вот она, Фортуна...

И впрямь ведь, какая-то малость все перевернула.

Правда, надо подчеркнуть: как потом ни превозносили себя помпеянцы, реальный урон «нашим» причинили не они, а особенности укреплений. Помпеянкам просто повезло, но они так уже привыкли быть побитыми, что не смогли воспользоваться неожиданным шансом.

Послушаем самого Цезаря: *«В этих двух сражениях Цезарь потерял за один день девятьсот шестьдесят солдат и двести человек из конницы (в числе их были Тутикан Галл, сын сенатора, известные римские всадники Г. Флегинат из Плаценции, А. Граний из Путеол, М. Сакративир из Капуи), военных трибунов и центурионов тридцать два человека. Но значительная часть из них погибла без боя, будучи задавлена во рву, в укреплениях, у реки бежавшими в панике товарищами. Погибли также тридцать два военных знамени».*

Горький перечень, что и говорить...

Зато в стане врага был нечестивый праздник, сопровождаемый зверствами по отношению к пленным:

«Помпей после этого сражения был провозглашен императором. Этот титул он удержал за собой и позволял приветствовать себя им впоследствии, но в своих письмах он обыкновенно не приписывал его, равно как и не украшал своих фасцев лавром. Но Лабизн добился от Помпея, чтобы ему предоставлены были пленные. Всех

он приказал вывести (по-видимому демонстративно, чтобы, в качестве перебежчика, заслужить больше доверия), стал называть их соратниками, расспрашивать в очень оскорбительных выражениях, имеют ли ветераны привычку бегать, и после этого казнил их на виду у всего войска.

Эти события до такой степени увеличили самоуверенность и гордость помпеянцев, что они перестали помышлять о дальнейших военных планах, но уже теперь считали себя победителями. Они не думали о том, что действительными причинами нашего поражения были малочисленность солдат, неудобство позиции, узость места от поспешного занятия лагеря, страх перед неприятелем, угрожавшим с двух сторон — внутри и снаружи укреплений, — наконец, разъединение войска на две несвязанные группы, которые не могли подать друг другу помощи. Они не принимали в соображение еще и того, что, в сущности, энергичного столкновения сторон и правильного сражения не было, но наши собственные солдаты своей многочисленностью причинили себе в давке гораздо больше вреда, чем нанес его неприятель. Наконец, они забывали об обычных на войне случайностях, о том, как часто самые ничтожные обстоятельства — будут ли это ложные предположения, или внезапный страх, или случайный порыв суеверия — причиняют огромный урон, как часто целые армии страдают от ошибки полководца или по вине трибуна. Но точно их победе помогла их доблесть, точно невозможны были никакие дальнейшие перемены положения, они прославляли по всему свету и устно, и письменно победу, одержанную ими в этот день».

Происшедшее не могло не отразиться на тактических построениях, разработанных Цезарем.

Чтобы разом покончить с Помпеем, нужен был совершенно особый ход. Некая тактическая импровизация. Схожее положение было у Цезаря в Галлии, и тогда он нашел выход. Не растерялся он и теперь.

Откровенность «Комментария» говорит сама за себя:

«Итак, все прежние замыслы Цезаря потерпели крушение, и он решил изменить весь план войны. Поэтому он вывел войска из всех укрепленных пунктов, снял осаду, стянул свои военные силы в одно место и обратился на военной сходке с ободрительной речью к солдатам, в которой советовал им: не слишком огорчаться происшедшим, не поддаваться вследствие этого панике от одного проигранного сражения, при этом не очень важного, и противопоставлять ему многие выигранные.

Надо благодарить судьбу за то, что они завоевали Италию без особых потерь, покорили обе Испании, с их очень воинственным населением и весьма искусными и опытными полководцами и подчинили своей власти соседние, хлебные провинции. Наконец, они должны вспомнить, как счастливо все они были переправлены сюда сквозь неприятельские флоты невредимыми, в то время когда врагами были заняты не только гавани, но и берега. Если не во всем бывает удача, то на помощь судьбе должна приходиться личная энергия.

В понесенном поражении можно обвинять кого угодно, только не его самого. Он дал сражение на выгодной позиции, овладел неприятельским лагерем, выбил оттуда противников и победил их в бою. Но либо их собственное замешательство, либо какая-нибудь ошибка, либо, может быть, даже сама судьба вырвала у них из рук уже одержанную победу. Во всяком случае, все они должны постараться возместить своей храбростью понесенные потери; тогда это поражение пойдет им на

пользу, как это было под Герговией, и те, которые пред этим боялись сражаться, пусть сами добровольно пойдут в бой.

После этой речи он заклеил позором нескольких знаменосцев и удалил их с должностей. Всё войско было так огорчено этим поражением и проникнуто таким желанием заглавить бесславию, что никто не дожидаясь приказов трибуна или центуриона, но каждый сам налагал на себя в виде наказания самые тяжёлые работы, и все горели жаждой боя; даже некоторые лица высших рангов полагали из стратегических видов, что следует остаться на этой позиции и рискнуть дать сражение. Но Цезарь не вполне доверял уstraшенным солдатам и предпочитал дать им время оправиться. Притом после оставления укреплений он очень опасался за правильный подвоз продовольствия.

Поэтому, не теряя времени, он позаботился только о раненых и больных и без шума выслал вперед вначале ночи весь обоз из лагеря в Аполонию, запретив останавливаться на отдых до прибытия к месту назначения. Для охраны его был послан один легион. Устроив эти дела, он задержал два легиона в лагере, а остальные вывел в четвертую стражу разными воротами и послал тем же путем вперед. Немного времени спустя он приказал — для соблюдения воинского обычая и для того, чтобы его уход стал известным как можно позднее, — дать клич „к сбору“, а сам тотчас выступил и, нагнав свой арьергард, быстро скрылся с горизонта».

Император Помпей был не так глуп; он мог принимать поздравления, но едва ли рассчитывал, что потери, понесенные в последней схватке, разом и вконец сломили Цезаря. Его лазутчики были начеку. Именно поэтому от него не укрылся маневр Цезаря.

Читаем в «Комментарии»:

«Помпей, узнав о его замыслах, не замедлил с погоней. Он попытался, если удастся, врасплох атаковать и устроить противника во время похода и с этой целью вывел свое войско из лагеря, а конницу послал вперед для задерживания арьергарда. Однако ему не удалось догнать Цезаря, так как последний двигался без обоза и потому далеко ушел вперед. Но когда дошли до реки Генуса с ее трудными для переправы берегами, то конница догнала наконец арьергард и стала его задерживать. Против нее Цезарь выставил свою конницу с прибавлением четырехсот антесигнанов без поклажи. Они действовали так удачно, что в завязавшемся конном сражении обратили всех в бегство, многих перебили и сами вполне благополучно вернулись к своей колонне.

Сделав в этот день обычный переход и переправив свое войско через реку Генус, Цезарь занял свой прежний лагерь против Аспарагия. Всех солдат он задержал за лагерным валом, а коннице, высланной будто бы за фуражом, приказал немедленно вернуться в лагерь задними воротами. И Помпей после дневного перехода также занял свой прежний лагерь у Аспарагия. Так как укрепления были еще целы, то у его солдат не было работы. Поэтому одни из них ушли довольно далеко за дровами и за фуражом, другие соблазнились близостью прежнего лагеря, чтобы сходить туда за поклажей и за багажом, значительная часть которого была там оставлена вследствие внезапного выступления. При уходе из лагеря они складывали свое оружие в палатках. Как Цезарь и предвидел, им трудно было преследовать, и потому около полудня он дал сигнал к выступлению, вывел войско и, сделав в этот день двойной переход, прошел от этого пункта на восемь миль вперед, чего Помпей за уходом солдат сделать не мог.

На следующий день Цезарь снова выслал вперед в начале ночи обоз и в четвертую стражу выступил сам, чтобы, в случае если его вынудят к сражению, его войско без поклажи было более готово к принятию этого неожиданного удара. То же делал он и в последующие дни. Хотя ему приходилось преодолевать весьма трудные дороги и очень глубокие реки, но благодаря подобной тактике он не понес крупных потерь. Дело в том, что Помпей весь первый день вынужден был задержаться в лагере; поэтому в следующие дни он потратил много усилий для форсированного продвижения с целью во что бы то ни стало догнать опередившего его Цезаря. Но эти напрасные усилия только истощили его, на четвертый день он прекратил погоню и решил изменить свой операционный план».

Тактика Цезаря немедленно приносит свои плоды!
Помпей вновь идет у него на поводу.

Скорость передвижения Цезаря войску Помпея просто недоступна.

Им за ними не угнаться, равно как и не победить.

Все более чем очевидно.

Согласно «Комментария»,

«Цезарю необходимо было побывать в Аполлонии, чтобы устроить раненых, заплатить войску жалованье, ободрить союзников и оставить в городах гарнизоны. Но на все это он употребил лишь столько времени, сколько позволяли другие спешные дела. Он боялся, как бы Помпей не предупредил его и не напал врасплох на Домиция. Поэтому он поспешил к Домицию со всей возможной быстротой и стремительностью. План всей этой операции был основан на следующих соображениях: если Помпей направится туда же, то его можно будет вынудить

к сражению при одинаковых для обеих сторон условиях, так как удаление от моря отрезывало его от запасов, сосредоточенных им в Диррахии, и от подвоза всякого другого провианта; если же Помпей переправится в Италию, то можно будет по соединении с Домицием двинуться на помощь Италии через Иллирию; если, наконец, он попытается осадить Аполлонию и Орик и отрезать Цезаря от всего морского побережья, то можно будет осадить Сципиона и тем неизбежно вынудить Помпея идти на помощь своим. Поэтому Цезарь послал вперед гонцов к Домицию с письмом и с соответствующими распоряжениями; затем он оставил в Аполлонии гарнизон из трех когорт, в Лиссе из одной, в Орике из трех и, устроив больных и раненых, пошел через Эпир и Афманию.

Но и Помпей, догадываясь о планах Цезаря, считал необходимым поспешить на помощь к Сципиону в случае, если Цезарь направит свой путь туда; если же он, в ожидании легионов и конницы из Италии, не захочет удаляться от морского побережья и окрестностей Орика, Помпей имел в виду со всеми силами напасть на Домиция.

По этим причинам оба они старались действовать с быстротой, чтобы помочь своим, а также не упустить момента для нападения на противника. Но Цезаря отвлекла от прямого пути экспедиция в Аполлонию, а у Помпея был удобный путь через Кандавию в Македонию. К этому присоединилась еще и неожиданная опасность: Домиций, простояв лагерем много дней против Сципиона, ушел оттуда за продовольствием и направился в Герраклию, по соседству с Кандавией, так что, по-видимому, сама судьба приносила его в жертву Помпею.

Об этом Цезарь до сих пор не знал.

Далее, так как Помпей разослал по всем провинциям и городам сильно преувеличенные сообщения о сражении

под Диррахием, то всюду усилились слухи о полном поражении и бегстве Цезаря, потерявшего будто бы всю свою армию. Эти слухи делали продвижение Цезаря опасным, и под их влиянием некоторые общины изменили ему. В довершение всего гонцы, разосланные по разным направлениям Цезарем к Домицию и Домицием к Цезарю, никак не могли достигнуть места назначения. Но по дороге разведчики Домиция были замечены аллоброгами из свиты Роукилла и Эга, которые, как было указано, перебежали к Помпею. По старому знакомству со времен Галльских походов, а может быть, и из хвастовства, галлы подробно рассказали им обо всем случившемся, а также об отступлении Цезаря и приближении Помпея. Получив от разведчиков эти сведения, Домиций, который еле-еле на четыре часа ходьбы опередил Помпея, благодаря врагам избежал опасности и соединился с Цезарем у Эгиния близ Фессалийской границы».

Это, что называется, гол в свои же ворота.

Причем как же все символично.

Благодаря предательству аллоброгов Помпей возымел шанс на победу, но длинные языки аллоброгов же (пусть и других, неважно!) позволили спастись Домицию. Представьте только, как все могло пойти, настигни Помпей Домиция и уничтожь!

Итак,

«соединившись с Домицием, Цезарь достиг Гомф, первого фессалийского города по дороге из Эпира. Эта община несколько месяцев тому назад по собственному почину прислала к Цезарю послов с предложением пользоваться всеми ее средствами и просила у него гарнизона. Но туда уже успели проникнуть упомянутые сильно преувеличенные слухи о сражении под Диррахием.

Поэтому начальник воинских сил Фессалии, Андросфен, предпочитая разделять с Помпеем победу, вместо того чтобы быть товарищем Цезаря по несчастью, согнал из деревень в город все свободное и рабское население, запер ворота и отправил к Сципиону и Помпею гонцов с просьбой о помощи: он уверен в городских укреплениях, если ему быстро помогут, но долгой осады он выдержать не может.

Сципион, узнав об отходе обеих войск от Диррахия, привел свои легионы в Ларису; но Помпей еще не приблизился к Фессалии. Цезарь приказал разбить лагерь и приготовить для спешного штурма лестницы, подвижные навесы и фашины. Когда все это было готово, он в ободрительной речи к солдатам указал, насколько выгодно для облегчения своей крайней нужды захватить этот переполненный припасами и богатый город и этим

Цезарь. Изображение с бронзовой монеты

нагнать страх на остальные общины; но все это должно быть сделано быстро, прежде чем придет выручка. Таким образом, при исключительном рвении солдат он еще в день своего прихода приступил к штурму города с его очень высокими стенами после девятого часа и взял его с боя до захода солнца. Отдав его на разграбление солдатам, он тотчас же снялся оттуда с лагеря и так быстро достиг Метрополя, что опередил гонцов и молву о взятии Гомф».

Наверное, ТАК сражаться в те времена больше не был способен никто. Цезарь отметал все установки времени и пространства.

Его триумф был неизбежен...

Читаем далее в «Комментарии»: *«Жители Метрополя сначала под влиянием слухов приняли то же решение, заперли ворота и расставили по стенам вооруженных людей; но потом, узнав о падении Гомф от пленных, которых Цезарь распорядился вывести к их стенам, открыли ворота. Так как Цезарь принял все меры к тому, чтобы город остался совершенно невредимым, то, сравнивая судьбу Метрополя с судьбой Гомф, ни одна из фессалийских общин, кроме Ларисы, которая была занята большими военными силами Сципиона, не решилась отказать ему в повиновении и в исполнении всех его требований. Цезарь нашел на полях, где уже почти поспел хлеб, удобное место, решил ожидать подхода Помпея и здесь сосредоточить всю войну».*

На подобных примерах надлежит учиться: Цезарь, имея проблематичный маршрут следования, сумел обогнать Помпея и оказался на землях, привечавших Помпея же много раньше, чем тот сам! Попутно он захватил целый ряд населенных пунктов, обеспечил войску изрядный запас продовольствия и фуража и расположился затем на максимально выгодных для себя позициях. Заметьте,

Цезарь все это уже свершил, а Помпея еще нет и на горизонте! Вот она, разница, которую нельзя не ощутить...

Вернемся к «Комментариям»:

«Помпей прибыл через несколько дней в Фессалию и, обратившись с речью к соединенному войску, поблагодарил своих солдат, а солдат Сципиона обнадежил предложением принять участие в добыче и наградах, так как победа уже обеспечена. Затем он соединил все легионы в одном общем лагере, поделился со Сципионом званием главнокомандующего и приказал играть у него его собственный сигнал и разбить для него особую ставку. Когда, таким образом, от соединения двух больших армий боевые силы Помпея увеличились, то у всех окрепли прежние фантазии, и надежда на победу настолько поднялась, что всякая потеря времени казалась только задержкой возвращения в Италию.

Когда Помпей делал что-нибудь не спеша и более или менее осмотрительно, то говорили, что это можно было сделать в один день, но что Помпей тешит верховной властью и с бывшими консулами и преторами обращается как с рабами. Одни уже открыто стали спорить друг с другом о претурах и жречествах и распределять консульства по годам. Другие требовали себе домов и имущества приверженцев Цезаря, бывших в его лагере. На военном совете у них даже возник спор о том, следует ли на ближайших преторских комициях считаться с заочной кандидатурой Луцилия Гирра потому, что сам Помпей послал его к парфянам. При этом родственники Гирра заклинали Помпея сдержат свое слово, данное ему при его отъезде: иначе Гирр оказался бы жертвой своего доверия к авторитету Помпея. Но другие не соглашались на предпочтение одного всем, так как ведь труды и опасности для всех одинаковы.

В ежедневных спорах относительно жречества Цезаря Домиций, Сципион и Спинтер Лентул уже доходили до тяжчайших словесных оскорблений, причем Лентул хвастался преимуществом, которое дает ему возраст, Домиций хвалился популярностью и авторитетным положением в Риме, а Сципион полагался на свое родство с Помпеем. Мало того, Акуций Руф привлек к суду перед Помпеем Л. Афрания по обвинению в том, что он предал в Испании войско. А Л. Домиций заявлял на военном совете, что, по его мнению, следует по окончании войны дать тем сенаторам, которые вместе с ними участвовали в войне, по три судебных таблички для произнесения приговора об отдельных лицах, которые остались в Риме или, хоть и находились в пределах областей, занятых Помпеем, но не оказывали ему военных услуг. Одна табличка должна была давать полное оправдание, другая — присуждение к смерти, третья — налагать денежный штраф. В конце концов все хлопотали либо о своих почестях, либо о денежных наградах, либо о преследовании своих врагов и помышляли не о том, какими способами они могут победить, но о том, какую выгоду они должны извлечь из победы».

Сушая вакханалия, иначе не скажешь!

И нагнетание ее тем пуще, чем ближе конец помпеянецв...

Согласно «Комментарию»,

«уже заготовлен был провиант, солдаты снова оправились после сражений под Диррахием, прошло довольно много времени, чтобы можно было составить себе ясное представление относительно воинского духа у солдат, и Цезарь счел нужным испытать, каковы намерения Помпея и склонен ли он принять сражение.

Поэтому он вывел войско из лагеря и построил его в боевую линию, сначала на удобной позиции и подальше от лагеря Помпея; но в следующие затем дни он продвигался более или менее вдаль от своего лагеря и приближал свой фронт к холмам, занятым Помпеем. От этого его войско становилось со дня на день увереннее. Но что касается конницы, то, так как числом она далеко уступала неприятельской, Цезарь держался относительно ее своего прежнего правила, о котором мы говорили выше: он приказывал сражаться в рядах конницы молодым антисигнанам без поклажи, со специальным вооружением, облегчавшим быстроту их действий. От ежедневного упражнения они приобрели опытность и в такого рода сражениях.

В результате одна тысяча всадников осмеливалась даже на открытой местности, в случае надобности, выдерживать атаку семи тысяч помпеянцев, не очень страшась их численного превосходства. И действительно, в те дни Цезарь дал даже удачное конное сражение, в котором вместе с другими был убит один из упомянутых двух аллоброгов, перебежавших к Помпею».

Такова сила возмездия!

Предателя неизбежно настигает кара...

А что же Помпей, спрашивается?

Что он планировал?

Читаем в «Комментарии»:

«Помпей, лагерь которого был на холме, выстраивал свое войско у самого его подножия и, как казалось, каждый раз выжидал, не подойдет ли Цезарь поближе на невыгодную для него позицию. Цезарь видел, что Помпея никоим образом нельзя заманить на сражение; поэтому он признал самой удобной для себя тактикой сняться с

лагеря и постоянно быть в походе: он рассчитывал облегчить себе частой переменой лагеря и движением по многим местностям добывание провианта, а также во время самого похода улучшить какой-нибудь удобный момент для сражения и наконец утомить ежедневными передвижениями войско Помпея, непривычное к тяжелому труду. Это решение было уже принято, был дан сигнал выступлению, и сложены были палатки, как вдруг бросилось в глаза, что, вопреки повседневной привычке, боевая линия Помпея успела за это время продвинуться вперед довольно далеко от своего вала. Таким образом, показалось, что возможно дать сражение на довольно удобной позиции. Когда походные колонны были уже в воротах лагеря, Цезарь сказал своим солдатам: „Надо нам в настоящее время отложить поход и думать о сражении, которого мы всегда очень хотели. Будем всей душой готовы к бою: позже нелегко нам будет найти удобный случай“. И он тотчас же вывел свои войска в боевой готовности.

Помпей, как это стало известно впоследствии, также решил, по настоянию всех своих, дать сражение. И действительно, он на совете в предыдущие дни сказал даже, что армия Цезаря будет разбита еще прежде, чем войска сблизятся. Когда большая часть была этим удивлена, то он прибавил: „Я знаю, что я обещаю нечто почти невероятное; но познакомьтесь с моим планом, чтобы затем с большей уверенностью выйти на сражение. Я убедил наших всадников (и они обещали мне это сделать) напасть при сближении обеих войск на правый, незащищенный, фланг Цезаря и атакой в тыл привести в замешательство и разбить его войско прежде, чем нами будет выпущен хоть один снаряд против неприятеля. Таким образом, мы окончим войну, не подвергая наши легионы опасности и почти без кровопролития. А это не-

трудно, так как мы очень сильны конницей“. Вместе с тем он просил всех быть готовыми к следующему дню: так как теперь, наконец, пришел давно желанный момент для сражения, то они должны оправдать высокое мнение, которого был о них он сам и все остальные.

Его сменил Лабизн. После презрительного отзыва о боевых силах Цезаря и величайших похвал плану Помпея он сказал: „Не думай, Помпей, что перед тобой то самое войско, которое победило Галлию и Германию. Я участвовал во всех сражениях и не стану наугад говорить о том, чего не знаю. От того войска осталась только малая часть: многие погибли (что было неизбежно при множестве сражений), многих унесли повальные болезни в Италии, многие разошлись по домам, многие остались на материке. Или, может быть, вы не слыхали, что в Брундисии были образованы целые когорты из тех, которые там остались под предлогом болезни? Те войска, которые вы видите, вновь организованы из последних наборов в Ближней Галлии, и большинство солдат происходит из транспаданских колоний. Вдобавок самые сильные их части погибли в двух сражениях под Диррахием“. С этими словами Лабизн поклялся вернуться в лагерь не иначе как победителем и других ободрил к тому же. Помпей похвалил его за это и поклялся в том же; из всех остальных также не оказалось никого, кто поколебался бы поклясться. Все это происходило на заседании совета, по окончании которого все разошлись с большими надеждами и ликованием; они уже мысленно предвосхищали победу, полагая, что о таком важном деле такой опытный полководец ничего не стал бы утверждать попусту.

Когда Цезарь приблизился к лагерю Помпея, то он заметил, что войско у того было построено следующим образом. На левом фланге были два легиона, переданные Цезарем в начале их раздора на основании сенатского

постановления; из них один назывался 1-м, другой 3-м. В этом месте стоял сам Помпей. Центр занимал Циципон с сирийскими легионами. Киликийский легион, соединенный с испанскими когортами, которые, как мы указали, были переправлены Афранием, был помещен на правом фланге. Эти легионы Помпей считал самыми надежными во всей своей армии. Остальные он поставил между центром и флангами, доведя число когорт до ста десяти. Всего было сорок пять тысяч человек, не считая около двух тысяч добровольцев ветеранов, собравшихся к нему из числа „льготных“ солдат его прежних армий. Их он распределил по всему фронту. Остальные семь когорт частью должны были охранять лагерь, частью были распределены по ближайшим редутам. Правый фланг его был прикрыт каким-то ручьем с крутым берегами. По этой причине он поставил всю конницу и всех стрелков и пращников на левом фланге.

Цезарь, согласно со своим прежним распорядком, поместил 10-й легион на правом фланге, а 9-й на левом, хотя от сражений под Диррахием он сильно поредел. К нему он присоединил 8-й, так что из двух легионов образовался как бы один, и приказал им поддерживать друг друга. На его фронте стояло восемьдесят когорт, в общем двадцать тысяч человек; семь когорт он оставил для охраны лагеря. На левом фланге он поручил командование Антонию, на правом — П. Сулле, в центре — Г. Домицию, а сам стал против Помпея. Вместе с тем, заметя указанную выше диспозицию неприятельских войск и боясь, как бы его правое крыло не было обойдено многочисленной конницей, он поспешно взял из третьей линии по одной когорте от легиона и образовал из них четвертую линию, которую выставил против конницы. Он дал им специальные указания и предупредил, что сегодняшняя победа зависит исключительно от храбрости

этих когорт. Вместе с тем он запретил третьей линии идти в атаку помимо его специального приказа: в подходящий момент он даст сигнал знаменем.

Когда он, по воинскому обычаю, ободрял свое войско к сражению и ссылаясь на постоянное проявление своего расположения к нему, он особенно подчеркнул следующее: солдаты сами могут быть свидетелями, как усердно он добивался мира, какие переговоры он вел через Ватиния, какие — через А. Клодия со Сципионом, как в сношениях с Либоном под Ориком он настаивал на отправлении послов к Помпею. Он никогда не хотел бесполезно проливать кровь солдат и лишать Римское государство одного из обоих войск. После этой речи, по настойчивой просьбе солдат, горевших желанием боя, он дал сигнал трубой.

В войске Цезаря был доброволец ветеран Г. Крастин, который в прошлом году был у него первым центурионом 10-го легиона, человек исключительной храбрости. Когда был дан сигнал, он воскликнул: „Следуйте за мной, мои бывшие товарищи по манипулу, и послужите вашему императору, как всегда служили. Остается только одно это сражение; после него он вернет себе свое положение, а мы — свою свободу“. Вместе с тем, смотря на Цезаря, он сказал: „Я постараюсь сегодня, император, заслужить твою благодарность — живой или мертвый“. С этими словами он первый бросился вперед с правого фланга, и за ним последовало около ста двадцати отборных добровольцев.

Между обоими войсками было ровно столько места, сколько необходимо было для взаимной атаки. Но Помпей отдал приказ ждать атаки со стороны Цезаря, не двигаясь с места, и дать его фронту растянуться. Говорили, что такой совет дал ему Г. Триарий, указавший, что первый бурный натиск неприятельской пехоты должен будет сломиться, фронт растянется, и только

тогда его солдаты должны будут в сомкнутых рядах напасть на разрозненные неприятельские части. При этом он надеялся, что неприятельские копья будут причинять меньше вреда, если солдаты останутся в строю, чем если сами пойдут навстречу неприятельским залпам; а вместе с тем солдаты Цезаря от двойного пробега изурядуются до полного изнеможения. Но, по нашему мнению, Помпей поступил без всяких разумных оснований: ведь у всех людей существует как бы врожденная возбудимость и живость, которая еще более воспламеняется от желания сразиться. Этот инстинкт полководцы должны не подавлять, но повышать. Недаром издавна установился обычай, по которому со всех сторон раздаются сигналы и все до одного поднимают крик: предполагается, что это устрашает врагов и возбуждает своих.

Во всяком случае, когда наши солдаты, по данному сигналу, бросились с поднятыми копьями и заметили, что помпеянцы не трогаются с места, то благодаря приобретенной в прежних сражениях опытности они задержали свой разбег и остановились приблизительно на середине, чтобы не достигнуть неприятеля в изнуренном состоянии; после небольшой передышки они снова побежали, пустили копья и, как им было приказано Цезарем, обнажили мечи. Но и за помпеянами дело не стало: они приняли на себя пущенные копья, выдержали атаку, удержались в своих рядах, со своей стороны, пустили в ход копья и схватились за мечи. В то же время всадники с левого Помпеева фланга, как им было приказано, поскакали все до одного; вместе с ними высыпала и вся масса стрелков и пращников. Наша конница не выдержала их атаки и несколько подалась; тем энергичнее стала насаждать конница Помпея и, развертываясь в эскадроны, начала обходить наш фронт с незащищенного фланга. Как только Цезарь это заметил, он дал сигнал

когортам образованной им четвертой линии. Те быстро бросились вперед сомкнутыми рядами и так бурно атаковали Помпеевых всадников, что из них никто не устоял; все они повернули и не только очистили это место, но и немедленно в поспешном бегстве устремились на очень высокие горы. С их удалением все стрелки и пращники остались беззащитными, и так как им нечем было обороняться, то они были перебиты. Не прерывая атаки, когорты обошли левое крыло и напали на помпеянцев с тылу, встречая, впрочем, с их стороны упорное и стойкое сопротивление.

В то же время Цезарь приказал третьей линии, которая до сих пор спокойно стояла на месте, броситься вперед. Таким образом, уставших сменили здесь свежие и неослабленные силы, в то время как другие напали с тылу. Этой двойной атакой помпеянцы не могли уже выдержать и все без исключения обратились в бегство. Следовательно, Цезарь не ошибся, что начало победы, как и сам он заявлял при ободрении солдат, должно пойти от тех когорт, которые он поставил в четвертой линии против неприятельской конницы. Действительно, они первые разбили неприятельскую конницу, они же перебили стрелков и пращников, обошли с левого фланга Помпеев фронт и первые были причиной бегства неприятеля.

Но как только Помпей увидел, что его конница разбита и та часть войска, на которую он особенно полагался, терроризована, то, не надеясь на остальных, он оставил фронт, немедленно поскакал к лагерю и тем центурионам, которые стояли на карауле у преторских ворот, громко сказал, чтобы слышно было солдатам: „Охраняйте лагерь и стойко защищайте его на случай, если положение ухудшится. Я обойду остальные ворота и буду ободрять лагерную охрану“. С этими словами он удалился в свою ставку. У него не было больше никаких

надежд на успех своего дела, и он только выжидал исхода сражения.

Загнав бегущих помпеянцев в их окопы, Цезарь решил не давать уstraшенным врагам оправиться и закричал своим солдатам, что теперь они должны воспользоваться милостью судьбы и атаковать лагерь. Хотя они были изнурены чрезвычайной жарой (сражение затянулось до полудня), но ведь они вообще охотно шли на всякое трудное дело и потому немедленно повиновались его приказу. Лагерь энергично защищали когорты, оставленные для его охраны, но с особенной храбростью фракийцы и другие вспомогательные отряды из варваров. Бежавшие же с фронта солдаты были так уstraшены и изнурены, что большей частью побросали оружие и военные знамена и думали больше о дальнейшем бегстве, чем о защите лагеря. Но и те, которые стояли на валу, не могли долее вынести множества снарядов; изнемогая от ран, они должны были оставить свой пост; и тогда все под предводительством центурионов и военных трибунов тотчас же побежали на очень высокие горы, примыкавшие к лагерю.

В лагере Помпея можно было увидеть выстроенные беседки; на столах стояла масса серебряной посуды; пол в палатках был покрыт свежим дерном, а палатки Л. Лентула и некоторых других были даже обвиты плющом; много было и других указаний на чрезмерную роскошь и уверенность в победе. Ясно было, что люди, стремившиеся к ненужным наслаждениям, нисколько не боялись за судьбу этого дня. И такие люди упрекали в излишестве несчастное и выносливое войско Цезаря, которое всегда страдало от нужды в предметах первой необходимости! Когда наши были уже в лагере, Помпей сел на коня, снял с себя императорские отличия, бросился из лагеря задними воротами и тотчас же рысью поскакал

в Ларису. Но и там он не стал задерживаться. Вместе с немногими друзьями, которые в бегстве присоединились к нему, и в сопровождении тридцати всадников он все с той же быстротой скакал день и ночь к морю. Здесь он сел на корабль с хлебом и, как говорили, часто при этом жаловался на то, что обманулся в своих предположениях: как раз те части, от которых он ожидал победы, обратились в бегство и предали его».

Да, невероятный и заслуженный триумф Цезаря.
Сокрушительное и неизбежное поражение Помпея.
История все расставляет по местам.
Таков порядок вещей.

Но Цезарь изменил бы своей природе, дай он тогда волю эмоциям и позволь своим легионам расслабиться.
«Комментарий» свидетельствует:

«Овладев лагерем, Цезарь настойчиво потребовал от своих солдат не слишком увлекаться добычей и не упустить случая довершить победу. Они согласились, и он начал окружать гору со всех сторон валом. Так как на этой горе не было воды, то помпеянцы оставили эту безнадлежащую позицию и всей массой устремились по горным высотам к Ларисе. Когда Цезарь заметил это, то он разделил свои силы, часть легионов оставил в лагере Помпея, другую отправил назад в свой лагерь, а с собой повел более удобным путем четыре легиона наперерез помпеянцам. Пройдя шесть миль, он построил свое войско в боевой порядок. Тогда помпеянцы остановились на одной горе, у подножия которой текла река. Хотя солдаты Цезаря были за весь день изнурены непрерывным трудом, и уже приближалась ночь, однако он, ободрив их, отрезал шанцами реку от горы, чтобы не давать помпеянцам ходить за водой ночью. Когда эта работа была окончена, помпеянцы отправили послов и начали перего-

воры о сдаче. Несколько лиц сенаторского сословия, представших к этому войску, спаслись ночью бегством.

На рассвете Цезарь приказал всем засевающим на горе спуститься на равнину и положить оружие. Они беспрекословно исполнили приказание: подняв руки и бросившись на землю, они со слезами умоляли его о пощаде. Он их успокоил, приказал подняться и, чтобы уменьшить их страх, сказал несколько слов о своей кротости, а затем помиловал их всех; при этом он рекомендовал своим солдатам никого из них не обижать и вещей у них не отбирать. Проявив такую заботливость о них, он вызвал к себе другие легионы и отправил те, которые привел с собою, назад в лагерь для отдыха. Затем он двинулся в поход и еще в тот же день достиг Ларисы».

Вы помните, как жестоко были умерщвлены помпейцами легионеры Цезаря, угодившие ненароком в плен. Какой разительный контраст отношения к побежденным вновь демонстрирует Цезарь.

Таково истинное благородство!

Теперь, как и прежде, немного статистики: *«В этом сражении он потерял не более двухсот солдат, но центурионов — этих героев — он лишился около тридцати. Между прочим, был убит в очень храбром бою вышеупомянутый Крастин, получивший тяжелый удар мечом в лицо. То, что он сказал перед боем, то и сделал. Цезарь был убежден, что Крастин проявил в этом сражении беспримерную храбрость, и очень высоко ценил его заслугу. Из войска Помпея пало, по-видимому, около пятнадцати тысяч человек, а сдалось более двадцати четырех тысяч (ибо даже и те когорты, которые охраняли редуты, сдались Сулле); кроме того, многие спаслись бегством в соседние города. Воинских знамен Цезарю после этого сражения досталось сто восемьдесят, а орлов девять».*

В сущности, для Помпея все было кончено.

Но Цезарь не мог теперь позволить ему скрыться.

Слишком много крови римлян пролилось из-за стремления Помпея к власти. У него были шансы (неоднократно!) завершить конфликт миром, не роняя достоинства своего и сохранив жизни своих людей. Он отверг все предложения Цезаря и встал на путь, приведший его в бездну.

Читаем в «Комментарии»:

«Цезарь решил оставить все дела и преследовать Помпея, куда бы он ни бежал: иначе он мог бы снова набрать другие войска и возобновить войну. Он проходил в день столько, сколько могла его конница, и приказал одному легиону идти следом за собой, но не таким скорым маршем.

В Амфиполе был выставлен эдикт от имени Помпея, чтобы все молодые люди этой провинции, греки и римские граждане, явились для принесения присяги. Сделали это Помпей с целью устранить у Цезаря всякие подозрения и как можно дольше скрыть свое истинное намерение продолжать бегство, или же он пытался при помощи вновь набранных сил удержать за собой Македонию, предполагая, что никто не будет его теснить,— этого нельзя было решить. Во всяком случае, он простоял на якоре только одну ночь, вызвал к себе своих амфипольских друзей и добыл у них денег на необходимые расходы. При известии о приближении Цезаря он ушел оттуда и через несколько дней достиг Митилены. Задержанный там на два дня бурей, он достал еще несколько весельных судов и прибыл в Киликию, а оттуда на Кипр. Там он узнал, что все антиохийцы и римские граждане, занимавшиеся там торговыми операциями, по взаимному соглашению взяли за оружие, с целью не

пускать его к себе, и разослали к тем помпеянкам, которые, по слухам, спаслись бегством в соседние города, гонимых с запрещением въезда в Антиохию: в противном случае они рискуют своей жизнью. То же самое произошло и на Родосе с консулом прошлого года Л. Лентулом, с консуляром П. Лентулом и некоторыми другими помпеянками: бежав вслед за Помпеем и прибыв к этому острову, они не были пущены в город и гавань: им послали сказать, чтобы они отсюда удалились, и они против воли должны были сняться с якоря. И уже по всем общинам разносилась молва о приходе Цезаря.

При известии об этом Помпей отказался от намерения отправиться в Сирию. Он взял денежные суммы у откупщиков и занял у некоторых частных лиц, погрузил на корабли большое количество меди для военных надобностей, а также вооружил две тысячи человек, которых отчасти набрал из челяди откупщиков, отчасти взял у купцов, руководясь указаниями их господ относительно их пригодности для этой цели. Так прибыл он в Пелусий.

Там случайно находился царь Птолемей, еще мальчик. Последний вел с большими силами войну с сестрой своей Клеопатрой, которую он, под влиянием своих родных и друзей, несколько месяцев тому назад лишил царской власти и изгнал из Египта. Лагерь Клеопатры был недалеко от его лагеря. Помпей послал к Птолемею просьбу принять его в Александрии в качестве гостя и друга его отца и оказать ему могущественную поддержку в несчастье. Но послы Помпея по исполнению своей обязанности завязали слишком откровенные разговоры с царскими солдатами и стали их уговаривать исполнить свой долг перед Помпеем, не презирая его в несчастье. Среди них было много солдат Помпея, которых получил от него в Сирии Габиний и перевел в Александрию, а по окон-

чании войны оставил на службе у Птолемея, отца юного царя.

Об этих разговорах узнали друзья царя, управлявшие по его малолетству царством. Боялись ли они (по крайней мере, это они говорили впоследствии), как бы Помпей не переманил к себе царского войска для захвата Александрии и Египта, или же презирали его из-за его несчастного положения, как вообще в беде люди легко обращаются из друзей во врагов,— во всяком случае, официально они дали посланцам Помпея любезный ответ и предложили ему явиться к царю. Но втайне они задумали иное: они послали начальника царских войск Ахиллу, человека чрезвычайно смелого, и военного трибуна Л. Септимия убить Помпея. Последние дружественно приветствовали его. Кроме того, его сбilo с толку некоторое знакомство с Септимием, который во время войны с пиратами служил у него центурионом. Таким обра-

Клеопатра (скульптура Уильяма Ветмора. 1858)

зом, он решился взойти на маленькое судно с немногими спутниками и был убит Ахиллой и Септимием».

Таков был бесславный и чудовищный конец Помпея, некогда знаменитого и удачливого стратега и приятеля Цезаря, имевшего все шансы на то, чтобы достойно управлять Римом...

Да, Цезарю так и не суждено было еще раз увидеться с Помпеем.

Когда он достиг Александрии, того уже не было в живых.

Вместе с тем Цезарь своим прибытием невольно подставил себя под удар. В итоге ему пришлось участвовать в двух военных кампаниях, известных сегодня как Александрийский и Африканский походы.

Поскольку главное противостояние Цезаря с Помпеем было закончено, нужды в детальном описании этих двух походов уже нет. Здесь мы вполне можем ограничиться не слишком пространным, но необыкновенно емким заключением Светония:

«Так как он [Цезарь] видел, что царь Птолемей и против него замышляет злое, ему пришлось вести здесь необычайно трудную войну, в невыгодном месте и в невыгодное время: зимой, без припасов, без подготовки, в столице богатого и хитрого врага. Победив, он отдал Египетское царство Клеопатре и ее младшему брату, не решаясь обратить его в провинцию, чтобы какой-нибудь предприимчивый наместник не смог опереться на нее для новых смут.

Из Александрии он направился в Сирию и затем в Понт, обеспокоенный вестями о Фарнаке, сыне Митридата Великого, который воспользовался случаем начать войну и уже был опьянен многими успехами. На пятый

день своего прибытия, через четыре часа после его появления, Цезарь разгромил его в одном-единственном бою. Потом он часто поминал, как посчастливилось Помпею стяжать славу полководца победами над неприятелем, который не умеет воевать. После этого он победил в Африке Сципиона и Юбу, у которых искали прибежища остатки неприятелей, и в Испании — сыновей Помпея». ¹

Характерно, что во мнении Светония Цезарь — непобедим, абсолютный триумфатор. Он недвусмысленно утверждает:

«Во всей междоусобной войне он не понес ни одного поражения. Терпеть неудачи случалось лишь его легатам: так, Гай Курион погиб в Африке, Гай Антоний попал в плен к врагу в Иллирике, Публий Долабелла потерял в том же Иллирике свой флот, а Гней Домиций Кальвин в Понте — свое войско. Сам же Цезарь неизменно сражался с замечательной удачей, не зная даже сомнительных успехов, за исключением двух лишь случаев: один раз при Диррахии, когда, обращенный Помпеем в бегство, но не преследуемый, он воскликнул, что Помпей не умеет побеждать, и другой раз в последнем сражении в Испании, когда, отчаявшись в победе, он уже помышлял о добровольной смерти.

По окончании войны он отпраздновал пять триумфов: четыре за один месяц, но с промежутками — после победы над Сципионом, и пятый — после победы над сыновьями Помпея. Первый и самый блистательный три-

---

¹ Триумфальная победа над сыновьями Помпея известна как «Испанский поход». Это была последняя война, в которой участвовал Цезарь. Подробнее о ней см. раздел «Приложение». — Г. Б.

умф был галльский, за ним — александрийский, затем — понтийский, следующий — африканский и наконец — испанский: каждый со своей особой роскошью и убранством.

Во время галльского триумфа на Велабре у него сложалась ось, и он чуть не упал с колесницы; на Капитолий он вступил при огнях, сорок слонов с факелами шли справа и слева. В понтийском триумфе среди прочих предметов в процессии несли надпись из трех слов: „Пришел, увидел, победил“, — этим он отмечал не события войны, как обычно, а быстроту ее завершения».

Как обычно бывало, празднуя триумф и принимая почести, Цезарь неизменно помнил о тех, благодаря кому его победы стали возможны: «Своим старым легионерам он выдал из добычи по двадцать четыре тысячи сестерциев, не считая двух тысяч, выплаченных еще при начале междоусобной войны. Он выделил им и землю, но не сплошной полосой, чтобы не сгонять прежних владельцев».

Простой римский люд тоже не оказался обделенным:

«Народу он роздал по десять мер зерна и по столько же фунтов масла, деньгами же по триста сестерциев, обещанных ранее, и еще по сотне за то, что пришлось ждать.

Тех, кто платил за жилье в Риме до двух тысяч сестерциев и в Италии до пятисот, он на год освободил от платы. Вдобавок он устроил пир и раздачу мяса, а после испанского триумфа — еще два обеда: первый показался ему скудным и недостойным его щедрости, поэтому через четыре дня он дал второй, неслыханно богатый.

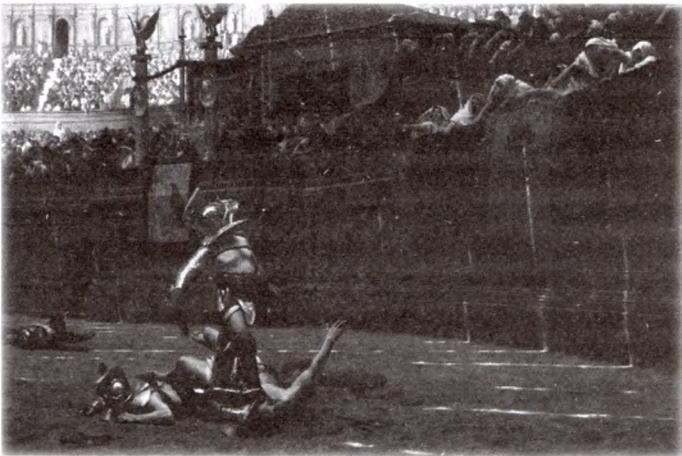
Зрелища он устраивал самые разнообразные: и битву гладиаторов, и театральные представления по всем кварталам города и на всех языках, и скачки в цирке, и

состязания атлетов, и морской бой. В гладиаторской битве на форуме бились насмерть Фурий Лептин из преторского рода и Квинт Кальпен, бывший сенатор и судебный оратор. Военный танец плясали сыновья вельмож из Азии и Вифинии.

В театре римский всадник Децим Лаберий выступал в миме собственного сочинения; получив в награду пятьсот тысяч сестерциев и золотой перстень, он прямо со сцены через оркестру прошел на свое место в четырнадцати первых рядах.

На скачках, для которых цирк был расширен в обе стороны и окружен рвом с водой, знатнейшие юноши правили колесницами четверней и парой и показывали прыжки на лошадях. Троянскую игру исполняли двумя отрядами мальчики старшего и младшего возраста.

Звериные травли продолжались пять дней (во время одной из них эффектно умертвили... жирафа; никто в Риме прежде не видал подобного зверя, но возможность эффектно его прикончить оказалась для римлян

Пальцы вниз (худ. Жан-Леон Жером. 1872)

слишком большим искушением! — Г. Б.): в заключение была показана битва двух полков по пятисот пехотинцев, двадцати слонов и триста всадников с каждой стороны; чтобы просторнее было сражаться, в цирке снесли поворотные столбы и на их месте выстроили два лагеря друг против друга. Атлеты состязались в течение трех дней на временном стадионе, нарочно сооруженном близ Марсова поля.

Для морского боя было выкопано озеро на малом Кодетском поле, в бою участвовали биремы, триремы и квадриремы тирийского и египетского образца со множеством бойцов. На все эти зрелища отовсюду стекалось столько народу, что много приезжих ночевало в палатках по улицам и переулкам; а давка была такая, что многие были задавлены до смерти, в том числе два сенатора».

Такими неслыханными торжествами было ознаменовано завершение гражданской войны, победа на Гнеем Помпеем и очередное избрание Цезаря диктатором (46 г. до н. э.). Это была уже третья его диктатура; кроме нее он получил уникальное пятилетнее право на консулат и был избран трибуном.

После Испанского похода (44 г. до н. э.) Цезарь стал пожизненным диктатором, сосредоточив в своих руках власть, достойную скорее бога, нежели человека.

Это, в известной мере, увы, и стало началом его конца...

Глава 8

СМЕРТЬ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

Многие специалисты-историки всерьез полагают, что насильственная смерть Цезаря практически была предопределена. Власть, которой он обладал, могла поразить смятением любой рассудок. При этом его враги почти не учитывали, сколько всего он свершил во благо Рима! И ведь не только на полях войны, но и в мирной жизни...

Согласно Светонию, после окончания гражданской войны Юлий Цезарь с присущей ему невероятной энергией

«обратился к устройству государственных дел. Он исправил календарь: из-за нерадивости жрецов, произвольно вставлявших месяцы и дни, календарь был в таком беспорядке, что уже праздник жатвы приходился не на лето, а праздник сбора винограда — не на осень. Он установил, применительно к движению Солнца, год из 365 дней и вместо вставного месяца ввел один вставной день через каждые четыре года. Чтобы правильный счет времени велся впредь с очередных январских календ, он вставил между ноябрем и декабром два лишних месяца, так что год, когда делались эти преобразования, ока-

зался состоящим из пятнадцати месяцев, считая и обычный вставной, также пришедшийся на этот год.

Он пополнил сенат, к старым патрициям прибавил новых, увеличил число преторов, эдилов, квесторов и даже младших должностных лиц. Тех, кто был лишен звания цензорами или осужден по суду за подкуп, он восстановил в правах. Выборы он поделил с народом: за исключением соискателей консульства, половина кандидатов избиралась по желанию народа, половина — по назначению Цезаря. Назначал он их в коротких записках, рассылаемых по трибам: „Диктатор Цезарь — такой-то трибе. Предлагаю вашему вниманию такого-то, дабы он по вашему выбору получил искомое им звание“. Он допустил к должностям и сыновей тех, кто был казнен во время проскрипций. В суде он оставил только две судейские декурии (отделение из десяти человек. — Г. Б.): сенаторскую и всадническую; третью, декурию эрарных трибунов, он упразднил.

Перепись граждан он произвел не в обычном месте и не обычным порядком, а по кварталам и через домовладельцев и число получавших хлеб из казны сократил с трехсот двадцати тысяч до ста пятидесяти тысяч. А чтобы при обновлении списков не могли возникнуть новые беспорядки, он постановил, чтобы каждый год претор по жребию замещал умерших получателей новыми из числа не попавших в списки.

Кроме того, восемьдесят тысяч граждан он расселил по заморским колониям. Желая пополнить поредевшее население города, он издал закон, чтобы никакой гражданин старше двадцати и моложе сорока лет, не находящийся на военной службе, не покидал бы Италию дольше, чем на три года; чтобы никто из сенаторских детей не уезжал из страны иначе, как в составе военной или гражданской свиты при должностном лице; и чтобы

скотовладельцы не менее трети своих пастухов набирали из взрослых свободнорожденных людей. Всем, кто в Риме занимался медициной, и всем преподавателям благородных искусств он даровал римское гражданство, чтобы они и сами охотнее селились в городе, и привлекали других.

Он не оправдал не раз возникавших надежд на отмену долговых обязательств, но постановил, наконец, чтобы платежи должников заимодавцам определялись той стоимостью, какую имели их имущества до гражданской войны, и чтобы с общей суммы долга были списаны все выплаты или перечисления по процентам; а это сокращало долг почти на четверть.

Он распустил все коллегии, за исключением самых древних. Он усилил наказания преступникам; а так как богатые люди оттого легче шли на беззакония, что все их состояние и в изгнании оставалось при них, он, по словам Цицерона, стал наказывать за убийство гражданина лишением всего имущества, а за иные преступления — половины.

Суд он правил необычайно тщательно и строго. Тех, кто был осужден за вымогательство, он даже изгонял из сенаторского сословия. Брак одного бывшего претора с женщиной, которая только накануне развелась с мужем, он объявил недействительным, хотя подозрений в измене и не было. На иноземные товары он наложил пошлину. Носилки, а также пурпурные платья и жемчужные украшения он оставил в употреблении только для определенных лиц, определенных возрастов и в определенные дни.

Особенно строго соблюдал он законы против роскоши: вокруг рынка он расставил сторожей, чтобы они отбирали и приносили к нему запрещенные яства, а если что ускользало от сторожей, он иногда посылал ликто-

ров с солдатами, чтобы забирать уже поданные блюда прямо со столов».

Деяния Юлия Цезаря — поразительный урок для нынешних героев политической арены. Он действительно заботится о будущем Рима. У него мышление государственного уровня — в истинном понимании этого определения. И ведь что обидно, он ведь еще мог столько всего свершить. Как отмечает Светоний, *«день ото дня он задумывал все более великие и многочисленные планы устройства и украшения столицы, укрепления и расширения державы: прежде всего, воздвигнуть храм Марса, какого никогда не бывало, засыпав для него и сровняв с землей то озеро, где устраивал он морской бой, а на склоне Тарпейской скалы устроить величайший театр; гражданское право привести в надлежащий порядок, отобрав в нескольких книгах все самое лучшее и самое нужное из огромного множества разрозненных законов; открыть как можно более богатые библиотеки, греческие и латинские, поручив их составление и устройство Марку Варрону; осушить Помптинские болота; спустить Фуцинское озеро; проложить дорогу от Верхнего моря через Апеннинский хребет до самого Тибра; перекопать каналом Истм; усмирить вторгшихся во Фракию и Понт дакийцев; а затем пойти войной на парфян через Малую Армению, но не вступать в решительный бой, не познакомившись предварительно с неприятелем. Среди таких замыслов и дел его застигла смерть...»*

В начале этой главы уже говорилось о предопределенности смерти Цезаря. Достижения Цезаря неоспоримы, его замыслы способны поразить воображение... Однако, когда человек наделен поистине божественной властью, это не может не отразиться на нем. Испытание властью — вообще штука серьезная. По всей видимости,

Юлий Цезарь в какой-то мере тоже не стал исключением из общего правила. Так, тот же Светоний с явным восхищением перечисляет деяния Цезаря, но тут же допускает оговорку: *«Однако все это перевешивают его слова и дела иного рода: поэтому даже считается, что он был повинен в злоупотреблении властью и убит заслуженно».*

Что же можно было инкриминировать Юлию Цезарю? Согласно Светонию,

«мало того что он принимал почести сверх всякой меры: бессменное консульство, пожизненную диктатуру, попечение о нравах, затем имя императора, прозвание отца отечества, статую среди царских статуй, возвышенное место в театре,— он даже допустил в свою честь постановления, превосходящие человеческий предел: золотое кресло в сенате и суде, священную колесницу и носилки при цирковых процессиях, храмы, жертвенники, изваяния рядом с богами, место за угощением для богов жреца, новых луперков (имеется в виду образование новой, третьей, жреческой коллегии культа бога Фавна.— Г. Б.), название месяца по его имени; и все эти почести он получал и раздавал по собственному произволу.

В свое третье и четвертое консульства он был консулом лишь по имени, довольствуясь одновременно предложенной ему диктаторской властью; в замену себе он каждый раз назначал двух консулов, но лишь на последние три месяца, так что в промежутке даже народные собрания не созывались, кроме как для выбора народных трибунов и эдиров: ибо и преторов он заменил префектами, которые вели городские дела в его отсутствие.

Когда один консул внезапно умер накануне нового года, он отдал освободившееся место одному соискателю на несколько оставшихся часов. С таким же своевластием он вопреки отеческим обычаям назначил должно-

стных лиц на много лет вперед, даровал десяти бывшим преторам консульские знаки отличия, ввел в сенат граждан, только что получивших гражданские права, и в их числе нескольких полудиких галлов. Кроме того, заведовать чеканкой монеты и государственными пода-тями он поставил собственных рабов, а управление и начальство над оставленными в Александрии тремя легионами передал своему любимчику Руфину, сыну своего вольноотпущенника.

Не менее надменны были и его открытые высказывания, о каких сообщает Тит Амний: „Республика — ничто, пустое имя без тела и облика“; „Сулла не знал и азов, если отказался от диктаторской власти“; „с ним, Цезарем, люди должны разговаривать осторожнее и слова его считать законом“. Он дошел до такой заносчивости, что когда гадатель однажды возвестил о несчастном будущем — зарезанное животное оказалось без сердца, — то он заявил: „Все будет хорошо, коли я того пожелаю; а в том, что у скотины нету сердца, ничего удивительного нет“.

Но величайшую, смертельную ненависть навлек он на себя вот каким поступком. Сенаторов, явившихся в полном составе поднести ему многие высокопочетнейшие постановления, он принял перед храмом Венеры-Прародительницы сидя. Некоторые пишут, будто он пытался подняться, но его удержал Корнелий Бальб; другие, напротив, будто он не только не пытался, но даже взглянул сурово на Гая Требация, когда тот предложил ему встать.

Это показалось особенно возмутительным оттого, что сам он, проезжая в триумфе мимо трибунских мест и увидев, что перед ним не встал один из трибунов по имени Понтий Аквила, пришел тогда в такое негодование, что воскликнул: „Не вернуть ли тебе и республику, Аквила, народный трибун?“ И еще много дней, давая ко-

Юлий Цезарь (Музей Лувра)

му-нибудь какое-нибудь обещание, он непременно оговаривал: „Если Понтию Аквиле это будет благоугодно“.

Безмерно оскорбив сенат своим открытым презрением, он прибавил к этому и другой, еще более дерзкий поступок. Однажды, когда он возвращался после жертвоприношения на Латинских играх, среди небывало бурных народных рукоплесканий, то какой-то человек из толпы возложил на его статую лавровый венок, перевитый белой перевязью, но народные трибуны Эпидий Марулл и Цезетий Флав приказали сорвать перевязь с венка, а человека бросить в тюрьму. Цезарь, в досаде на то ли, что намек на царскую власть не имел успеха, на то ли, что у него, по его словам, отняли честь самому от нее отказаться, сделал трибунам строгий выговор и лишил их должности.

Но с этих пор он уже не мог стряхнуть с себя позор стремления к царскому званию — несмотря на то что однажды он ответил плебею, величавшему его царем: „Я Цезарь, а не царь!“ — а в другой раз, когда на Луперкалиях (празднество в честь бога Фавна.— Г. Б.) перед ростральной трибуной консул Антоний несколько раз пытался возложить на него диадему, он отверг ее и отослал на Капитолий в храм Юпитера Благого и Величайшего.

Более того, все чаще ходили слухи, будто он намерен переселиться в Александрию или в Илион и перевести туда все государственные средства, обескровив Италию воинскими наборами, а управление Римом поручив друзьям, и будто на ближайшем заседании сената квиндецимвир Луций Котта внесет предложение провозгласить Цезаря царем, так как в пророческих книгах записано, что парфян может победить только царь.

Это и заставило заговорщиков ускорить задуманные действия, чтобы не пришлось голосовать за такое предложение. Уже происходили тут и там тайные сходки, где встречались два-три человека: теперь все слилось во-

едино. Уже и народ не был рад положению в государстве: тайно и явно возмущаясь самовластием, он искал освободителей. Когда в сенат были приняты иноземцы, появились подметные листы с надписью: „В добрый час! Не показывать новым сенаторам дорогу в сенат!“

А в народе распевали так:

*Галлов Цезарь вел в триумфе,
галлов Цезарь ввел в сенат.
Сняв штаны, они надели
тогу с пурпурной каймой.*

Когда Квинт Максим, назначенный консулом на три месяца, входил в театр, и ликтор, как обычно, всем предложил его приветствовать, отовсюду раздались крики: „Это не консул!“ После удаления от должности трибунов Цезетия и Марулла на ближайших выборах было подано много голосов, объявлявших их консулами. Под статуей Луция Брута кто-то написал: „О если бы ты был жив!“ — а под статуей Цезаря:

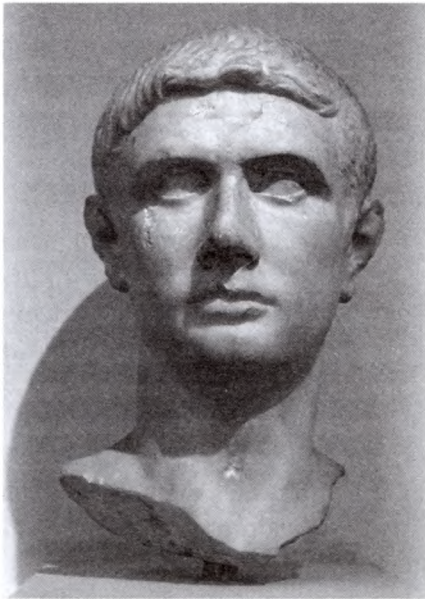
*Брут, изгнав царей из Рима,
стал в нем первым консулом.
Этот, консулов изгнавши,
стал царем в конце концов.*

В заговоре против него участвовали более шестидесяти человек; во главе его стояли Гай Кассий, Марк Брут и Децим Брут. Сперва они колебались, убить ли его на Марсовом поле, когда на выборах он призовет трибуны к голосованию, — разделившись на две части, они хотели сбросить его с мостков, а внизу подхватить и заколоть, — или же напасть на него на Священной дороге или при входе в театр. Но когда было объявлено, что в иды марта сенат соберется на заседание в курию Помпея, то все охотно предпочли именно это время и место».

Что ж, все более чем очевидно: Светоний выделяет как наибольшее прегрешение Цезаря отсутствие должного почтения к сенаторам, причем, похоже, он пишет об этом с явным порицанием. Это не народ возжелал смерти Цезаря, таково было горячее желание сенаторов, мечтавших о возвращении былых регалий. Типичный сенатский переворот, безжалостно и тупо лишивший Рим едва ли не самого великого его гражданина...

Светоний пишет о том, что смерти Цезаря предшествовали многие знамения:

«Между тем приближение насильственной смерти было возведено Цезарю самыми несомненными предзнаменованиями. За несколько месяцев перед тем новые поселенцы, выведенные по Юлиеву закону в Капую, раска-

Марк Брут (30—15 гг. до н. э. Мрамор)

пывали там древние могилы, чтобы поставить себе усадьбы, и очень усердствовали, так как им случилось отыскать в земле несколько сосудов старинной работы; и вот в гробнице, где по преданию был похоронен основатель Капуи, Капий, они нашли медную доску с греческой надписью такого содержания: „Когда потревожен будет Капиев прах, тогда потомок его погибнет от руки сородичей и будет отмщен великим по всей Италии кровопролитием“. Не следует считать это басней или выдумкой: так сообщает Корнелий Бальб, близкий друг Цезаря.

А за несколько дней до смерти Цезарь узнал, что табуны коней, которых он при переходе Рубикона посвятил богам и отпустил пастись на воле, без охраны, упорно отказываются от еды и проливают слезы.

Затем, когда он приносил жертвы, гадатель Спуринна советовал ему остерегаться опасности, которая ждет его не позднее, чем в иды марта. Затем, уже накануне этого дня, в курию Помпея влетела птичка королек с лавровой веточкой в клюве, преследуемая стаяй разных птиц из ближней рощицы, и они ее растерзали.

А в последнюю ночь перед убийством ему привиделось во сне, как он летает под облаками и потом как Юпитер пожмает ему десницу; жене его Кальпурнии снилось, что в доме их рушится крыша и что мужа закалывают у нее в объятиях: и двери их спальни внезапно сами собой распахнулись настежь».

Цезарь был, как известно, не слишком суеверен. Однако такое обилие примет, имевших неблагоприятный смысл, внутренне его насторожило.

Да и как иначе?

...Но вот наступило 15 марта 44 года до н. э.

Читаем у Светония:

«Из-за всего этого, а также из-за нездоровья он долго колебался, не остаться ли ему дома, отложив свои дела в сенате. Наконец, Децим Брут уговорил его не лишать своего присутствия многолюдное и давно ожидающее его собрание, и он вышел из дому уже в пятом часу дня (речь идет о 11 часах утра). Кто-то из встречных подал ему записку с сообщением о заговоре: он присоединил ее к другим запискам, которые держал в левой руке, собираясь прочесть. Потом он принес в жертву нескольких животных подряд, но благоприятных знамений не добился; тогда он вошел в курию, не обращая внимания на дурной знак и посмеиваясь над Спуриной за то, что, вопреки его предсказанию, иды марта наступили и не принесли никакой беды. „Да, пришли, но не пришли“, — ответил тот.

Он [Цезарь] сел, и заговорщики окружили его, словно для приветствия. Тотчас Тиллий Цимбр, взявший на себя первую роль, подошел к нему ближе, как будто с просьбой, и, когда тот, отказываясь, сделал ему знак подождать, схватил его за тогу выше локтей. Цезарь кричит: „Это уже насилие!“ — и тут один Каска, размахнувшись сзади, наносит ему рану пониже горла.

Цезарь хватает Каску за руку, прокалывает ее грифелем, пытается вскочить, но второй удар его останав-

Убийство Цезаря заговорщиками

ливает. Когда же он увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, он накинул на голову тогу и левой рукой распустил ее складки ниже колен, чтобы пристойнее упасть укрытым до пят; и так он был поражен двадцатью тремя ударами, только при первом испустив не крик даже, а стон, — хотя некоторые и передают, что бросившемуся на него Марку Бруту он сказал: „И ты, дитя мое!“

Все разбежались...»

Не люди, а жалкие крысы!

«...Бездыханный, он остался лежать, пока трое рабов, взвалив его на носилки, со свисающей рукою, не отнесли его домой, — продолжает свое повествование Светоний. — И среди стольких ран только одна, по мнению врача Антистия, оказалась смертельной — вторая, нанесенная в грудь.

Смерть Цезаря

Тело убитого заговорщики собирались бросить в Тибр, имущество конфисковать, законы отменить, но не решились на это из страха перед консулом Марком Антонием и начальником конницы Лепидом.

По требованию Луция Пизона, тестя убитого, было вскрыто и прочитано в доме Антония его завещание, составленное им в Лавиканском поместье в сентябрьские иды прошлого года и хранившееся у старшей весталки. Квинт Туберон сообщает, что со времени консульства и до самого начала гражданской войны он обычно объявлял своим наследником Гнея Помпея и даже читал это перед войском на сходке.

Но в этом последнем завещании он назначал наследниками трех внуков своих сестер: Гаю Октавию оставил три четверти имущества, Луцию Пинарию и Квинту Педию — последнюю четверть. В конце завещания он сверх того усыновлял Гаю Октавию и передавал ему свое имя. Многие убийцы были им названы в числе опекунов своего сына, буде таковой родится, а Децим Брут — даже среди наследников во второй степени. Народу он завещал сады над Тибром в общественное пользование и по триста сестерцев каждому гражданину.

День похорон был объявлен, на Марсовом поле близ гробницы Юлии сооружен погребальный костер, а перед ростральной трибуной — вызолоченная постройка наподобие храма Венеры-Прародительницы; внутри стояло ложе слоновой кости, устланное пурпуром и золотом, в изголовье — столб с одеждой, в которой Цезарь был убит. Было ясно, что всем, кто шел с приношениями, не хватило бы дня для процессии: тогда им велели сходитьсь на Марсово поле без порядка, любыми путями.

На погребальных играх, возбуждая негодование и скорбь о его смерти, пели стихи из „Суда об оружии“ Пакувия:

Не я ль моим убийцам был спасителем? —

и из „Электры“ Ацилия сходного содержания.

Вместо похвальной речи консул Антоний объявил через глашатая постановление сената, в котором Цезарю воздавались все человеческие и божеские почести, затем клятву, которой сенаторы клялись все блюсти жизнь одного, и к этому прибавил несколько слов от себя.

Погребальное ложе принесли на форум должностные лица этого года и прошлых лет. Одни предлагали сжечь его в храме Юпитера Капитолийского, другие — в курии Помпея, когда внезапно появились двое неизвестных, подпоясанные мечами, размахивающие дротиками, и восковыми факелами подожгли постройку. Тотчас окружающая толпа принялась тащить в огонь сухой хворост, скамейки, судейские кресла и все, что было принесенного в дар.

Затем флейтисты и актеры стали срывать с себя триумфальные одежды, надетые для такого дня, и, раздирая, швыряли их в пламя; старые легионеры жгли оружие, которым они украсились для похорон, а многие женщины — свои уборы, что были на них, буллы (медальоны. — Г. Б.) и платья детей.

Среди этой безмерной всеобщей скорби множество иноземцев то тут, то там оплакивали убитого каждый на свой лад, особенно иудеи, которые и потом еще много ночей собирались на пепелище».

Народ, обожавший Цезаря, всей душой скорбел по нему. В людских сердцах однако уже закипала жажда мщения: «Тотчас после погребения народ с факелами ринулся к домам Брута и Кассия. Его с трудом удержали; но, встретив по пути Гельвия Цинну, народ убил его, спутав по имени с Корнелием Цинной, которого

искали за его произнесенную накануне в собрании речь против Цезаря; голову Цинны вздели на копье и носили по улицам. Впоследствии народ воздвиг на форуме колонну из цельного нумидийского мрамора, около двадцати футов вышины, с надписью: „Отцу отечества“. У ее подножия еще долгое время приносили жертвы, давали обеты и решали споры, принося клятву именем Цезаря.

У некоторых друзей осталось подозрение, что Цезарь сам не хотел дольше жить, а оттого и не заботился о слабеющем здоровье и пренебрегал предостережениями

Брут и призрак Цезаря (1802)

знамений и советами друзей. Иные думают, что он полагался на последнее постановление и клятву сената и после этого даже отказался от сопровождавшей его охраны из испанцев с мечами; другие, напротив, полагают, что он предпочитал один раз встретиться с грозющим отовсюду коварством, чем в вечной тревоге его избегать. Некоторые даже передают, что он часто говорил: жизнь его дорога не столько ему, сколько государству — сам он давно уж достиг полноты власти и славы, государство же, если что с ним случится, не будет знать покоя, а только ввергнется во много более бедственные гражданские войны.

Как бы то ни было, в одном согласны почти все: именно такого рода смерть была ему почти желанна. Так, когда он читал у Ксенофонта, как Кир в предсмертном недуге делал распоряжения о своем погребении, он с отвращением отозвался о столь медленной кончине и пожелал себе смерти внезапной и быстрой. А накануне гибели, за обедом у Марка Лепида в разговоре о том, какой род смерти самый лучший, он предпочел конец неожиданный и внезапный.

Он погиб на пятьдесят шестом году жизни и был сопричтен к богам не только словами указов, но и убеждением толпы. Во всяком случае, когда во время игр, которые впервые в честь его обожествления давал его наследник Август, хвостатая звезда сияла в небе семь ночей подряд, появляясь около одиннадцатого часа, то все поверили, что это душа Цезаря, вознесенного на небо. Вот почему изображается он со звездой над головой. В курии, где он был убит, постановлено было застроить вход, а иды марта именовать днем отцеубийственным и никогда в этот день не созывать сенат».

Так ушел Юлий Цезарь.

СМЕРТЬ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

...Характерно, что «из его убийц почти никто не прожил после этого больше трех лет и никто не умер своей смертью. Все они были осуждены, и все погибли по-разному: кто в кораблекрушении, кто в битве. А некоторые поразили сами себя тем же кинжалом, которым они убили Цезаря».

11 января 2011 г.

Санкт-Петербург

*(В канун празднования 2060-летнего юбилея
перехода Юлия Цезаря через Рубикон)*

Приложение

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

В этом разделе нашей книги вниманию читателей представляется уникальная работа. Автор ее неизвестен, и за минувшие столетия его так и не удалось установить. По устоявшейся академической традиции этот текст принято воспринимать в качестве составной части корпуса работ, составивших так называемые «Записки Юлия Цезаря». Источником данного текста послужило издание: «Сочинения К. Ю. Цезаря. Все, какие до нас дошли от него или под его именем, с приложением его жизнеописания, сочиненного Светонием. Часть 2-я. Записки о внутренней войне и прочих походах. С латинского перевел и издал А. Клеванов. М., 1857, с. 242—265».

Текст воспроизводится с сохранением основных особенностей авторской орфографии.

Записки о войне в Испании (неизвестного автора)

INCERTORUM AUCTORUM DE BELLO HISPANIENSI

1. После поражения Фарнака и замирения Африки остатки неприятельской армии под начальством юного

Кн. Помпея, ушли в Испанию и овладели сей дальней провинцией. Пока Цезарь был занят в Италии раздачей наград, Помпей между тем собирался с силами и призвал жителей городов действовать заодно с ним. Таким образом, отчасти просьбами, отчасти насилием собрав довольно значительное войско, Кн. Помпей опустошал им нашу провинцию. Некоторые города добровольно оказывали ему пособие, другие же оказывали сопротивление. Овладев каким-нибудь городом силой, юный Помпей обыкновенно скоро находил какую-нибудь вину в самых богатых гражданах, хотя бы и оказавших ему услуги, и, казнив их, имущество их раздавал в добычу своей шайке, правильнее состоявшей из разбойников, чем из воинов. Таким образом приманкой добычи он без труда собрал значительные силы. Города, враждебные Помпею, не переставали посылать гонца за гонцом в Италию, умоляя о защите их против покушений Помпея.

2. Кай Цезарь, уже третий выбор диктатор, утвержденный и на четвертый срок, после долгого странствования, наконец постепенно прибыл в Испанию, чтобы положить конец пылавшей там войне. Тут явились к нему послы жителей Кордубы, вознамерившихся отпасть от Кн. Помпея, и сказали ему: в ночное время можно без труда занять Кордубу, тем более что он, Цезарь, неожиданно прибыл в провинцию, и что гонцы, Кн. Помпеем расставленные по всем дорогам, чтобы известить его о приближении Цезаря, все переловлены. Многие и кроме того приводили они в пользу своего мнения. Уступая их просьбам, Цезарь дал знать о своем прибытии К. Педию и К. Фабию Максиму, которые были им оставлены легатами при войске, предписывая им прислать ему немедленно на помощь конницу, набранную ими в провинции. А сам он двинулся к ним поспешнее, чем они ожидали

его прибытия, не имея при себе, как желал, вспомогательного конного отряда.

3. В это время находился с отрядом войска в Кордубе, которая считалась главным городом всей этой провинции, Секст Помпей, брат Кнеев. А сам юный Кн. Помпей осаждал город Улию, под стенами которого уже он стоял несколько месяцев. Жители этого города, узнав о прибытии Цезаря, отправили к нему послов, которым удалось благополучно миновать разъезды Помпея; послы, явясь к Цезарю, просили его прислать к ним, как можно скорее, вспомогательное войско. Цезарь, зная, что жители этого города всегда отличались верной службой народу Римскому, немедленно во вторую стражу ночи приказал идти шести когортам и такому же количеству конницы; начальство над этим отрядом Цезарь вверил одному из известных туземцев, хорошо знакомому с местностью страны Л. Юнию Пациеку. Когда он приблизился к окружавшим город войскам Помпея, то была страшная непогода и ужасно сильный встречный для осаждающих ветер. Темнота была такая, что с трудом можно было видеть человека возле себя: обстоятельство это было весьма благоприятно для нашего вспомогательного отряда. Когда он подошел к неприятельским аванпостам, то Пациек приказал всадникам ехать вперед прямо по двое через неприятельские войска. Когда кто-нибудь из неприятелей спрашивал наших, то они отвечали: «Молчите, не делайте шуму, дело в том, чтобы подобраться к стене и взять город». Стражи неприятельские, по случаю страшной непогоды, не могли быть очень бдительны, притом же они поверили тому, что было им сказано. Подошедши к воротам, наши по данному сигналу были узнаны осажденными и впущены в город. Тут пешие и конные войска, за исключением отряда, оставшегося в городе, с военными кликами бросились на непри-

ягельский лагерь. Неприятель, не ожидавший ничего подобного, в ужасе вообразил, что он уже сделался нашей добычей.

4. Отправив вспомогательный отряд в Улию, Цезарь двинулся к Кордубе, желая отвлечь Помпея от осады этого города. С похода Цезарь отправил вперед к Кордубе отряд тяжеловооруженных воинов и конницы. Приближаясь к городу, первые сели на коней позади всадников. Из города этого не могли приметить и, видя приближение нашей конницы, выслали навстречу ей сильное войско, надеясь без труда истребить ее. Но тут наши тяжеловооруженные воины соскочили с коней и завязали упорное дело, из которого немногим неприятелям удалось без вреда уйти в город. Секст Помпей в ужасе послал к брату, призывая его к себе на помощь и умоляя его поспешить, чтобы до его прихода Цезарь не овладел городом. Таким образом, Кн. Помпей вынужден был снять осаду Улии наполовину почти взятой и, вследствие письменных убеждений брата, поспешить с войсками к Кордубе.

5. Цезарь, подошедши к реке Бетису, не мог ее перейти вброд с войском, по причине ее глубины. Он приказал набросать в воду корзины с камнями и сверх их устроил мост. Тремя отделениями переведя войско свое по мосту, Цезарь подле него расположился лагерем. К стороне города мост состоял из бревен и делился на две части. Помпей, подошедши с своими войсками, стал лагерем также недалеко от моста напротив Цезаря, который, намереваясь отрезать ему путь от моста и от города, начал вести линию укреплений от лагеря к мосту. Помпей с своей стороны вознамерился сделать то же. Тогда между обоими вождями произошло страшное состязание о том, кто прежде подойдет к мосту. Вследствие этого произошел упорный рукопашный бой, в котором обе стороны, оспа-

ривая упорно друг у друга обладание мостом, теснили друг друга к реке, стараясь туда опрокинуть. Груды тел покрывали место сражения. В течение многих дней Цезарь выжидал случая предложить неприятелю бой на ровном месте, чтобы одним решительным ударом окончить войну.

6. Видя, что неприятель не желает принять сражения, и что план его с этой целью отвлечь его к себе не удался, Цезарь перевел войска через реку и ночью, приказав разложить большие огни, двинулся к Атегую, одному из самых укрепленных городов Помпеевых. Когда Помпей узнал от перебежчиков об этом движении Цезаря, то он в тот же день приказал собрать все повозки и осадные орудия, которые он было оставил позади по тесноте дорог, и удалился в Кордубу. Цезарь начал осаждать Атегуй правильной осадой и открыл перед ней траншеи. Узнав об этом, Помпей в тот же день выступил в поход. Готовясь на случай его прибытия, Цезарь укрепил позади себя все важнейшие пункты и, заняв их отрядами конницы и пехоты, прикрыл ими путь к своему лагерю. Когда Помпей приблизился к позиции Цезаря, был чрезвычайно густой туман. Под покровом его Цезаревы конные отряды отрезали и окружили со всех сторон несколько неприятельских батальонов и эскадронов и истребили их так, что весьма немногим из неприятелей удалось уйти.

7. В следующую ночь Помпей предал огню свой прежний лагерь и расположился вновь лагерем между городами Атегум и Укубисом по горам, перерезанным лощинами. Цезарь между тем, окончив линию укреплений и все предварительные работы, нужные для осады города, стал устраивать террасу и делать подступы. Местность была гористая и самой природой приспособленная к военным действиям. Только там была долина, по которой текла река Сальс, расстоянием от города Атегуя только в двух ми-

лях. Напротив города по горам расположен был лагерь Помпея в виду обоих городов; на выручку же своим он не смел идти. У Помпея находились значки и орлы тринадцати легионов, но единственные силы, на которые он рассчитывал, были два легиона туземцев, те самые, которые ушли от Требония. Один легион состоял из переселенцев, живущих в Испании. Четвертый был Африанев из Африки, ушедший оттуда вместе с Помпеем. Прочие легионы составлены были из сброда беглецов разного рода. Что же касается до легкой пехоты и конницы, то и той и другой мы далеко превосходили неприятеля.

8. Помпею в его намерении тянуть военные действия много содействовала местность страны, состоящей из горных возвышений и весьма удобной к устройству укрепленных лагерей. Трудно вести наступательную войну во всей дальней Испании, где плодородие почвы и обилие воды везде дает средства к обороне. Притом вследствие частых набегов диких народов все важнейшие пункты, как бы они ни были отдалены от городов, обнесены укреплениями и снабжены башнями. Притом строения здесь, как и в Африке, покрыты цементом, а не черепицей; они очень высоки, и в них устроены каланчи, с которых далеко видно. Притом большая часть городов этой провинции укреплены самой местностью, то есть своим положением на горах и притом так превосходно, что самый подступ к ним и нападение становятся крайне затруднительны. Таким образом находя свою защиту в местоположении, города Испании не могут быть легкой добычей неприятеля, что доказала и теперешняя война. Помпей, как мы выше сказали, расположился лагерем между городами Атегум и Укубисом, в виду их обоих, а в четырех милях от занятой им позиции находился удивительно укрепленный природой холм, известный под названием Постумиевых лагерей; его по этой

самой причине Цезарь обнес укреплениями и занял отрядом войска.

9. Помпей, позиция которого, находившаяся довольно в большом расстоянии от лагеря Цезарева, была защищена гористой местностью, надеялся без труда овладеть вышеупомянутым постом Цезаря, отделенным от него рекой, которому подать помощь при таких обстоятельствах было весьма затруднительно. В этом убеждении, в третью стражу ночи, Помпей выступил из лагеря и произвел атаку на укрепление Цезарево, надеясь таким образом помочь осажденным. Видя приближение неприятелей, находившийся в укреплении наш гарнизон, встретил их громкими кликами и градом стрел, переранившим у них много людей. Таким образом осаждающие оказывали упорное сопротивление. Когда известие об этом пришло в главный лагерь Цезаря, то он двинулся на помощь своим с тремя легионами. Узнав о приближении Цезаря, неприятель и ужасе обратился в бегство, потеряв много убитыми, а еще больше взятыми в плен, да и которым удалось уйти, то и те побросали оружие; восемьдесят щитов поднято на месте сражения.

10. На следующий день утром рано прибыл из Италии Аргуеций с конницей. Он с собой принес пять Сагунтинских знамен, отбитых им у жителей этого города. Да мы забыли еще упомянуть, что Аспренат привел еще прежде Цезарю на помощь конницу из Италии. В ту же ночь Помпей, предав огню свой лагерь, отправился к Кордубе. Царь Индо, пришедший на помощь Цезарю с своей конницей, преследуя горячо неприятеля, был захвачен воинами его туземных легионов и убит.

11. На другой день конница наша далеко преследовала по направлению к Кордубе тех, которые везли разного рода припасы в лагерь Помпея, и захватили 50 человек с лошадьми, которых и привели в лагерь. В тот же день пе-

ребежал к ним в лагерь К. Марций, служивший в войске Помпея военным трибуном. Около третьей стражи ночи произошел у стен города упорный бой. Осажденные метали в нас огнем и испробовали тут все средства, какие только существуют для бросания огня. Вслед за тем всадник Римский, К. Фунданий перебежал к нам в лагерь из стана неприятельского.

12. На другой день наши всадники захватили в плен двух неприятельских воинов из легиона туземцев; эти воины показали, будто они рабы; но их узнали воины, которые служили под начальством Фабия и Педия и перебежали от Требония. Такая вина не могла быть прощена, и пленные убиты нашими воинами. В то же время попались в плен гонцы, посланные из Кордубы к Помпею, но ошибкой зашедшие в наш лагерь. Они отпущены обратно с отрубленными руками. Следуя своему обыкновению, осажденные и в эту ночь со второй ее стражи пустили в нас множество огненных снарядов и стрел, не переставая в течение долгого времени, и переранили у нас много народу. К концу ночи осажденные сделали вылазку к тому месту, где был расположен шестой легион, растянутый на большое пространство для производства работ, и завязали упорный бой. Впрочем, они отбиты, несмотря на то что выгоды местности были все на их стороне. Когда осажденные сделали вылазку, то наши воины встретили их храбро и, хотя производили нападение с возвышенного места, однако были с большим уроном отеснены и возвратились в город.

13. На другой день Помпей начал вести траншею от своего лагеря к реке Сальсу. Тут случилось, что большая конная неприятельская партия, наткнувшись на наш небольшой пост, сбила его, причем мы потерпели урон три человека убитых. В тот же день А. Вальгий, сын сенатора (брат его остался в лагере Помпея), бросив все свое, сел

на коня и бежал к нам. В руки воинов наших попался лазутчик из второго Помпеева легиона и убит ими. В то же время со стены брошена была к нам праща, с запиской: «Когда будет положен на стене щит, то это будет знаком, что можно взять город без труда». В этой надежде некоторые из наших воинов, надеясь без опасности приблизиться к стене и овладеть городом, на другой же день начали вести к стене подкопы, и большая часть первой стены рушилась. Несмотря на это жители города обошлись с ними, как с своими, и умоляли только выпустить из города к Помпею тяжеловооруженных воинов и начальников города, поставленных в нем Помпеем. Цезарь отвечал на это, что «он привык предписывать условия, а не принимать их». По возвращении послов в город, узнав ответ Цезаря, осажденные, выпустив в нас все метательные снаряды, какие у них были, начали упорный бой на всем протяжении стен, так что большая часть наших ждали непременно вылазки. Окружив город живой стеной воинов, мы с своей стороны несколько времени поддерживали упорный бой. Выстрелом из нашей баллисты сбита башня неприятельская с пятью находившимися на ней воинами и с мальчиком, которому поручено было наблюдать за действием нашей баллисты.

14. Немного спустя Помпей устроил укрепление по сию сторону Сальса, причем наши его не тревожили. Вследствие этого Помпей возгордился, пришедши к ложному убеждению, будто он в наших пределах устроил это укрепление. На следующий день Помпей продолжал свое наступательное движение. Тут многочисленные силы неприятельские напали на наш пост, состоявший из нескольких эскадронов конницы и отряда легкой пехоты, сбили его и, пользуясь своим перевесом численности, почти совершенно уничтожили. Это происходило в виду обоих лагерей. Возгордясь своим успехом, Помпее-

вы войска, преследуя наших, далеко зашли вперед. Когда же наши, собравшись с силами, остановились и встретили неприятеля грудью, то он, ограничившись военным кликом, которым он желал показать, что не уступает в мужестве нашим, не принял предложенного ему сражения.

15. У нашего войска в случае сражения с конницей было принято за правило: когда всадник, вступая в рукопашный бой с пехотинцем, спешивается, то он никак не может с ним сравняться, что доказало и нынешнее сражение. Когда легкая неприятельская пехота неожиданно ударила на нашу конницу, то она большей частью спешила. Таким образом, произошел упорный бой, в котором всадники сражались пеши, а пехотинцы сражались как всадники. Побоище окончилось не прежде, как у самого вала неприятельского. В этом сражении пало у неприятеля 123 человека, остальные возвратились в лагерь, многие перераненные, а еще больше потеряв оружие. Наших пало трое, а ранено 12 человек наших и пять всадников. Остальную часть дня бой продолжался у стен города, как прежде. Осажденные, по обыкновению своему, осыпали нас огненными снарядами и стрелами. Потом они взялись за страшное и неслыханное злодейство. В виду нашем они начали убивать хозяев домов, где они находились, и бросать их со стены, как делается только у варварских народов, а о чем у нас подобного примера до толе не сохранила память людей.

16. К вечеру этого дня прошел в город так, что мы его не видали, гонец из лагеря Помпева с приказанием: в эту же ночь предать огню нашу террасу и башни и в третью стражу произвести вылазку. Осажденные, бросив в нас множество огней и стрел, сожгли большую часть нашей стены и отворили ворота города, обращенные к лагерю Помпея. Они произвели вылазку всеми силами,

вынесли с собой фашины завалить рвы и крючья для растаскивания наших шалашей, сделанных из соломы для защиты воинов от зимних непогод. Они взяли с собой денег и дорогие платья, надеясь, пока наши будут заниматься грабежом, пробиться к войскам Помпея, которых он водил в боевом порядке по той стороне Сальса. Хотя наши не ожидали этой вылазки, но мужественно ее встретили, отбили нападение и с большим уроном втоптали осажденных в город, ограбив их и лишив оружия; иных захватили живьем и на другой день умертвили их. В то же время один перебежчик из города принес известие, что Юний, находившийся там для ведения минных работ, видя, что началось избиение жителей города, воскликнул: «Что вы делаете за страшное и неслыханное злодеяние и преступление? Чем эти несчастные заслужили его? Разве тем, что вас впустили в дома свои к своим домашним очагам. За гостеприимство вы воздали гнусным злодеянием». Много Юний говорил в этом же роде, и ему удалось усювестить своих и остановить избиение граждан.

17. Вследствие этого, на другой день явились к нам послами из города Туллий и Катон Лузитанец. Первый сказал Цезарю: «О, если бы боги бессмертные судили мне лучше быть воином твоим, чем Кнея Помпея и мужество мое показать скорее в твоём счастье, чем в его несчастье! Его роковая слава кончалась тем, что мы, граждане Римские, будучи лишены защиты, в таких гибельных обстоятельствах, стали, можно сказать, на одну доску с его врагами. Чуждые успехов отечества, мы только перенесли его несчастья. Мы выдержали нападение стольких легионов, днем и ночью на укрепления не боялись ни ударов мечей, ни града стрел. Теперь, побежденные твоим мужеством, а Помпеем брошенные на произвол судьбы, прибегаем к твоему милосердию, ища

в нем одном себе спасения». Цезарь на это отвечал: «Могу ли я согражданам моим, сознающим свою вину, отказаться в том, в чем я никогда не отказывал иноплеменникам?»

18. Когда послы возвратились к городу и подошли уже к его воротам, то Тиб. Туллий не последовал за К. Антонием. Тот уже вошел в ворота, но, не видя Туллия, воротился за ним и схватил его за руку. Тиберий Туллий тогда выхватил из-за пазухи кинжал и нанес Антонию рану в руку. Таким образом ему и его товарищу Катону Лузитанцу удалось уйти обратно к Цезарю. В то же время перебежал к нам знаменосец первого легиона. Между прочим он показал, что в день сражения конницы из людей, находившихся под его знаменем, пало тридцать пять человек; в лагерь же Помпея не только не велено было распространять это известие, но запрещено говорить и об убыли одного человека. Один невольник, владелец которого находился в лагере Цезаря, оставив жену и сына в городе, зарезал своего господина и ушел в лагерь к Помпею тайно от наших караулов. Он прислал оттуда записку на праще, в которой сообщил сведение о мерах, какие принимаются в городе для его обороны. Таким образом передав письма, те, которые обыкновенно бросали к нам записки на пращах, возвратились в город. Немного спустя два Лузитанца родные братья перешли к нам. Они рассказывали, что Помпей в собрании воинов сказал: «Вследствие того, что городу невозможно подать помощи, он намерен ночью из виду неприятеля скрыться и удалиться к морскому берегу». На это ему один воин отвечал: «Не лучше ли идти прямо сразиться с врагом, чем показать себя беглецами?» За такой ответ этого воина тут же убили. В то же время захвачены гонцы Помпея, отправленные им в город. Цезарь письма, найденные у гонцов, приказал показать жителям города, а тому из

них, кто желает остаться в живых, приказал поджечь деревянную городскую башню. Тому, кто решился бы на этот подвиг, Цезарь обещал все, чего он только ни пожелает. Покушение зажечь эту башню сопряжено было с большой опасностью. И действительно, тот, кто хотел ее зажечь, как только приблизился к ней, был с нее убит. В ту же ночь один перебежчик сообщил нам известие, что Помпей и Лабие с большим негодованием узнали о случившемся в городе избиении граждан.

19. Во вторую стражу ночи, одна наша деревянная башня, вследствие множества пущенных в нее осажденными метательных снарядов, обнаружила сверху до второго и третьего этажа большие повреждения. В то же время у стен города происходил упорный бой, и осажденным удалось, пользуясь благоприятным для них ветром, сжечь одну нашу башню. На следующий день рано утром одна мать семейства спустилась со стены и убежала к нам. Она показала, что хотела уйти к Цезарю со всем своим семейством и прислугой, но те все были схвачены и перерезаны. В то же время брошены были со стены дощечки, на которых было написано следующее: «*К. Минаций — Цезарю*. Если ты мне обещаешь жизнь, то, будучи брошен Помпеем на произвол судьбы, я буду служить тебе с таким же мужеством и верностью, с каким служил ему». В то же время явились к Цезарю послы из города те же самые, которые и прежде, и сказали ему, что «на следующий же день сдадут ему город, буде он обещает им жизнь». На это Цезарь отвечал, что «он — Цезарь и слово свое привык держать». Таким образом, накануне одиннадцатого дня мартовских календ Цезарь овладел городом и провозглашен воинами императором.

20. Помпей, узнав от перебежчиков о сдаче города, перенес свой лагерь ближе к городу Укубису, окружил его укреплениями и расположил в них свое войско. Цезарь, с

своей стороны, двинулся вперед и расположился лагерем близ неприятельского. Вскоре после того как-то раз, рано утром, один тяжеловооруженный воин из туземного легиона перебежал к нам и сообщил нам известие, что Помпей собрал жителей Укубиса и приказал им произвести меж себя строгий разбор, кто из них держится его стороны и кто желает успеха Цезарю. Спустя несколько времени во взятом нами городе, в одном подкопе, найден тот невольник, о котором мы выше упоминали, что он убил своего господина; он сожжен на костре живьем. Около того же времени восемь тяжеловооруженных сотников (центурионов) из туземного легиона перешли к Цезарю; а наша конница имела стычку с неприятельской, где мы потеряли несколько человек из легкой пехоты ранеными. В ту же ночь пойманы неприятельские лазутчики: три из них невольники, а четвертый — воин из туземного легиона. Рабы распяты на крестах, а воину отрублена голова.

21. На следующий день из неприятельского лагеря перешли к нам несколько человек всадников и легковооруженных воинов. В то время человек одиннадцать неприятельских всадников напали на наших воинов, когда те брали воду, несколько человек убили, а других увели с собой в плен. Из всадников при этом случае взяты в плен восемь человек. На следующий день по приказанию Помпея отрублены головы семидесяти четверем человекам, которых подозревали в тайном расположении к стороне Цезаря. Остальных, на кого пало подозрение, Помпей велел отвести в город; из них сто двадцать человек бежали и ушли к Цезарю.

22. Спустя несколько времени жители Бурсаволы, захваченные нами в плен в Атегуе отправлены были вместе с нашими послами в Бурсаволу, чтобы уведомить своих соотечественников о случившемся и внушить им, какую

они могут иметь надежду на Кн. Помпея, когда воины его режут безвинных граждан и совершают многие другие злодеяния там, куда они впущены для защиты. Приблизившись к городу, наши послы, в числе коих были сенаторы и всадники Римские, не решились войти в город и отпустили туда одних туземцев. Те, после долгих переговоров, уже возвращались к нашим, но находившиеся в городе воины из ненависти к ним нагнали их и перерезали. Только двум из послов удалось уйти к Цезарю и дать ему знать о случившемся. Жители же Бурсаволы послали лазутчиков в Атегуй; узнав от них, что показания послов были справедливы, они пришли в волнение, схватили виновника избиения послов и хотели его побить камнями, говоря, что он виновник гибели их всех. С трудом избежав смерти, он просил жителей города дозволить ему самому отправиться к Цезарю и выдать себя головой: как главного виновника. Выпущенный на волю, он вышел из города и, собрав шайку вооруженных людей, он ночью обманом прокрался в город и произвел там страшные убийства. Лишив жизни старейшин города, в коих он видел своих врагов, он город подчинил своей власти. Немного спустя рабы-перебежчики показали, что имущества граждан продаются с публичного торга и никому не дозволяется уходить из города иначе как совершенно раздетому. Вследствие этого после взятия Атегуя жители Бурсаволы, отчаявшись в победе своей стороны, в страхе многие бежали в Бетурию. наших перебежчиков неприятель помещал в легкую пехоту, давая им на содержание не более шестнадцати асс в сутки.

23. Немного времени спустя Цезарь приблизил свой лагерь к неприятельскому и начал вести траншею к реке Сальсу. Когда наши воины заняты были производством работ, то на них устремились в большом числе с возвышенного места неприятельские воины, и, пока наши

успели противопоставить сопротивление, они пустили в них множество стрел и переранили очень много народу. Энний говорит, что тут наши должны были уступить напору неприятеля. Видя, как наши, что было не в их обыкновении, отступают перед неприятелем, два сотника пятого легиона перешли реку и своим мужеством остановили напор неприятеля. Они ободрили наших и двинули их вперед; но тут один из них пал пораженный стрелами, которыми осыпали нас неприятели с возвышенного места. Другой все-таки поддерживал еще бой, начинавший становиться неровным, но тут как-то остутился и упал. Неприятельские воины устремились к нему со всех сторон; но тут наши всадники, перешедши на ту сторону, ударили в середину врагов, гнали и теснили их до вала. Здесь, впрочем, занесшись далеко в средину неприятельской позиции, конница наша окружена была со всех сторон легкой пехотой неприятельской и его кавалерией. Только беспримерным мужеством удалось коннице нашей спастись от плена; теснота места, где происходил бой у неприятельских укреплений, была такова, что всадник с трудом мог защищаться. В этих обоих сражениях у нас переранено много всадников и в том числе Клодий Аквиций. Несмотря на то что бой был почти рукопашный, наши воины потеряли только двух сотников, а покрыли себя славой.

24. На другой день войска обеих сторон сосредоточились у Сорикарии; наши начали вести траншеи. Помпей, видя, что его хотят отрезать от его укрепления Аснавии, находящегося от Укубиса в расстоянии пяти миль, понял необходимость дать сражение. Долго он не решался дать его при одинаковых для себя и для нас условиях местности; но, наконец, с целью овладеть возвышенностью, более благоприятной для него, чем та, которую он занимал, по необходимости он должен был сойти на неблагопри-

ятную для него местность. Таким образом, оба войска сразились за эту возвышенность, и наше поразило неприятельское и сбило его с равнины. Сражение это увенчалось полным для нас успехом. Неприятель был разбит на всех пунктах с большим уроном, и не мужество его, а гористая местность, куда он удалился, спасла его от совершенного истребления. Притом наступление вечера воспрепятствовало нашим — что бы они непременно сделали, несмотря на то что перевес численности был на стороне неприятеля, — окружить его со всех сторон и отрезать ему отступление. Урон неприятеля простирался до трехсот двадцати четырех человек легкой пехоты и ста тридцати восьми тяжелой пехоты (легионов) убитыми. Кроме того, многие его воины побросали оружие. Так мы отплатили неприятелю за гибель двух сотников, случившуюся накануне.

25. На следующий день Помпей опять вывел войска свои на то же место, но тут остался верен своему обыкновению не сражаться с нами на ровном месте иначе, как одной конницей. Между тем как наши заняты были работами, конница непрерывно производила нападения. Воины наших легионов громкими кликами требовали сражения, полагая, что они в состоянии преследовать неприятеля и в его выгодной позиции, а потому они вышли из низменной равнины, на которой прежде были расположены, и остановились вблизи от неприятеля, хотя на равнине же, но при неблагоприятных для себя условиях местности. Несмотря на то, неприятель не решался спуститься с возвышенности и принять сражение в открытом поле; только один воин Антистий Турнион, надеясь на свои силы и считая себя непобедимым, выступил вперед. Тогда произошло единоборство, подобное тому, которое, как сказывают, случилось некогда между Ахиллом и Мемноном. На вызов Антистия выступил из наших ря-

дов К. Помпей Нигер, всадник Римский, родом из Италии. Храбрость Антистия была известна, и потому, оставив работы, все воины поспешили смотреть на единоборство. Обе армии стояли в боевом порядке и с таким вниманием смотрели, за кем из двух сражающихся останется победа, как будто она должна была решить участь всей войны. Каждая сторона ободряла своего воина, и самые опытные и сведущие люди с участием следили за ходом боя. Оба единоборца шли друг к другу навстречу на равнине, и щиты их блестели разными украшениями; но между ними бой не состоялся вследствие движения с одной стороны конницы, а с другой стороны легкая пехота выступила вперед для прикрытия укреплений. Неприятель горячо преследовал по пятам нашу конницу, отступавшую в лагерь; она, обратившись назад с криками, дружно на него ударила, смяла, обратила в бегство и гнала до самого лагеря, куда он и удалился с большой потерей.

26. Цезарь в награду за отличное мужество дал эскадрону Кассия денежную награду тринадцать тысяч сестерций, а начальнику его пять золотых ожерелий. Легкой пехоте Цезарь роздал десять тысяч сестерций. В этот же день явились к Цезарю неприятельские перебежчики А. Бебий, К. Флавий и А. Требеллий, всадники Римские из города Асты; их вооружение было, можно сказать, залито серебром. Они принесли известие, что все всадники Римские, сколько их есть в лагере у Помпея, сделали было заговор перейти к Цезарю; но, по доносу одного раба, они схвачены и посажены под стражу, откуда удалось уйти им только одним. В этот же день перехвачено письмо Кн. Помпея к жителям Урсаоны: «Нахожусь в добром здоровье и вам того же желаю. Хотя и теперь уже мы счастливо и с успехом отражаем неприятеля, но лишь только мы найдем случай сойтись с ним на ровном месте, то

скорее, чем вы можете ожидать, окончим войну. Неприятель не решается ввести в дело свое войско, состоящее из новобранцев. Он войну ведет, можно сказать, нашими средствами: осаждая порознь наши города, найденными в нем запасами поддерживает свое войско. А потому я приму меры и к защите наших городов, и к тому, чтобы войну кончить как можно скорее, решительным ударом. Я пошлю к вам скоро вспомогательный отряд. Неприятель, лишенный средств, которые он добывал в наших же городах, вынужден будет принять сражение».

27. Вслед за тем, в то время, когда наши неосторожно были растянуты для производства работ, конница неприятельская ударила на наших, когда те занимались рубкой дров в масличной роще. К нам перебежало несколько человек рабов; они дали знать, что сражение, произошедшее у Сориции накануне 3-го числа Мартовских Нон, распространило ужас в неприятельском войске и что защита отдельных фортов неприятельских вверена Аттию Вару. В тот же день Помпей снял лагерь и расположился насупротив Гиспалиса в масличной роще. Когда Цезарь собирался за ним следовать, то около 6-го часу увидели месяц. Отступая от Укубиса, Помпей отдал приказание остававшемуся в нем гарнизону сжечь город и потом удалиться в большой лагерь. Цезарь по дороге приступил к городу Вентиспонту; этот город сдался ему без сопротивления. Отсюда Цезарь двинулся к Карруке и стал лагерем против Помпея. Помпей город Карруку за то, что они затворили было перед ним ворота, сжег. У нас пойман тот воин, который заколол своего брата, и забит палками до смерти. Двинувшись отсюда, Цезарь из Мундийской равнины сошелся с Помпеем и стал лагерем не в дальнем расстоянии от его лагеря.

28. На следующий день Цезарь с своими войсками хотел уже продолжать путь, когда лазутчики дали ему знать,

что Помпей с третьей стражи ночи стоит с войском в боевом порядке. Узнав это, Цезарь поднятием флага дал знать своим войскам, чтобы они строились в боевой порядок. Цезарь поступил так, чтобы показать несправедливость слов Помпея, который писал к жителям Урсаоны, расположенным в его пользу, что «Цезарь не решается сойти на ровное место, вследствие того, что большая часть его войска состоит из вновь набранных солдат». Такого рода отзывы Помпея разуверили умы горожан. Обнадеженный их содействием, он уже надеялся исполнить все, тем более что позицию, где находился лагерь, он избрал защищенную и самой природой, и укреплениями города. Местность здесь была возвышенная, состоявшая из непрерывного ряда холмов, между которыми почти вовсе не было долин.

29. Необходимо упомянуть о том, что случилось в это время. Между обоими лагерями находилась равнина, имевшая миль пять протяжения. Сообщения Помпея были обеспечены крепостью города и гористой местностью. Спереди возвышенность переходила круто в равнину, которую перерезывал ручей, переход через который был весьма затруднителен, а на правом фланге ручей тек по болотистому и топкому месту. Сначала Цезарь, видя армию неприятельскую, расположенную в боевом порядке, надеялся, что она спустится в равнину для сражения, и все были того же мнения. Притом на равнине коннице было несравненно удобнее действовать. День был тихий и ясный, и казалось, сами боги бессмертные дали ему все условия, нужные для сражения. В нашей войске чувство радости не исключало чувства тревожного беспокойства, тем более что никто не мог предугадать, какую перемену произведет один наступающий час времени. Тогда наше войско двинулось вперед, а неприятельское, отошедши милью от города, на большее рассто-

яние удалиться от его укреплений не осмеливалось, решившись принять сражение, так сказать, под стенами города. С своей стороны неприятель, обладавший годами местности, бывшими на его стороне, также не отказывался от боя, но он желал его принять не иначе, как с своей возвышенной позиции и у стен города. Уже наши поспешно достигли до весьма затруднительной переправы через ручей, а неприятель и не думал оставлять своей выгодной позиции.

30. Неприятельские войска, расположенные в боевом порядке, состояли из тринадцати легионов; по флангам они были прикрыты кавалерией. Легкой пехоты у него было тысяч шесть и столько же вспомогательного войска. Наши войска состояли из восьмидесяти когорт и восьми тысяч конницы. Когда наше войско, прошедши равнину, вступило в неудобные места, то переход через них сопряжен был с большой опасностью потому, что неприятель угрожал с возвышенного места. Цезарь, опасаясь этого обстоятельства и того, как бы оно не обратилось ко вреду всего его войска, задержал свои войска. Солдаты с негодованием и досадой встретили приказание Цезаря, горя усердием немедленно вступить в бой. Такое замедление с другой стороны послужило к ободрению неприятеля, вообразившего, что робость овладела войском Цезаря, и что оно остановилось вследствие этого. Возгордась этим, неприятель громко приглашал наших к бою при невыгодных для них условиях, убежденный в неприступности своей позиции. Десятый легион по обыкновению был на правом крыле, на левом — третий и пятый, и там же сосредоточены были вспомогательные войска и конница. Испустив военные клики с обеих сторон, войска вступили в сражение.

31. Хотя наши превосходили мужеством неприятеля, но тот упорно защищался с возвышенного места. С обе-

их сторон раздавались громкие военные клики и пущено было множество стрел, так что была минута, когда наши усомнились было в победе. Натиск с обеих сторон и военные клики, которыми обыкновенно стараются испугать друг друга, были с обеих сторон одинаковы. Таким образом сражение продолжалось долго с равным упорством, но со стороны неприятеля много людей пало от наших дротиков. Мы уже говорили, что на правом нашем крыле стоял десятый легион; несмотря на свою малочисленность, он внушал неприятелю своей известной храбростью такой страх, что Помпей, видя стесненное положение своих на правом фланге и опасаясь, как бы он не был обойден, отправил один легион с левого фланга на правый. Пользуясь этим, наша конница начала теснить левый фланг неприятеля. Он делал мужественный отпор, и войска в бою стеснились так, что даже помощи подать им было невозможно. Военные клики смешивались с стонами умирающих и раненых, страшный звук мечей — все это должно было вселять робость в воинов, еще неопытных. «Тут, — по словам Энния, — нога теснила ногу и оружие встречалось с оружием». Наконец, несмотря на упорное сопротивление, наши стали теснить сильно неприятеля, который отступил к городу. Таким образом, неприятель потерпел поражение в самый день посвященный Вакху и был бы совершенно истреблен, если бы не нашел убежища на той самой позиции, с которой выступил для сражения. В этом сражении пало около 50 000 человек у неприятеля, если не больше; в числе убитых были Лабие и Аттий Вар. Их тела похоронены с надлежащими почестями. Тут же пало всадников Римских, частью происходивших из города Рима, частью из провинций, до трех тысяч. Мы потеряли около тысячи человек, частью пехоты, частью конницы убитыми и до пятисот человек ранеными. У неприятеля отняли мы

тринадцать орлов, множество значков и ликторские пучки; да шестнадцать военачальников взято в плен. Таковто был результат этого боя.

32. Вследствие того, что неприятель нашел себе убежище в городе Мунде, наше войско приступило к его обложению. Трупы неприятельские, оружие, щиты и дротики, найденные на поле сражения,— вот из каких материалов состоял вал. Сверху были поставлены отрубленные головы неприятелей, с одной стороны, как свидетельство победы, и с другой — для внушения страха осаждающими. Таким образом мы со всех сторон окружили неприятеля валом. Потом, по примеру Галлов, окружив город стеной из неприятельских тел, из-за нее осыпали мы неприятеля градом стрел и дротиков. Из этого сражения молодой Валерий бежал с немногими всадниками в Кордубу и дал знать Сексту Помпею, находившемуся там, о результате сражения. Помпей, узнав об этом, немедленно все деньги, сколько их у него было, роздал находившимся при нем всадникам и сказал жителям города, что он отправляется к Цезарю для переговоров о мире. Во вторую стражу ночи вышел он из города. А Кней Помпей, в сопровождении немногих пеших и конных воинов, отправился в город Картейю, где находились их морские силы; этот город от Кордубы находится в расстоянии ста семидесяти миль. За восемь миль не доходя города, П. Кальвиций, которому Помпей прежде вверял начальство над лагерем, от его имени написал письмо в город следующего содержания: «Так как он не совсем хорошо себя чувствует, то пусть ему пришлют носилки для того, чтобы отнести его в город». Вследствие этого письма Помпея отнесли в Картейю. Узнав об этом, приверженцы Помпея поняли его намерение войти в город тайно и явились к нему узнать о военных действиях. Когда они собрались в достаточном числе к Помпею, то он ушел под их защиту.

33. Цезарь после сражения, обложив со всех сторон Мунду, отправился в Кордубу. Ушедшие с поля сражения неприятельские воины заняли мост. Когда наши войска подошли к мосту, то неприятель издевался над ними, говоря, что «нас мало осталось после сражения и где мы найдем убежище?». Они упорно обороняли мост. Цезарь переправился через реку и стал лагерем.

Скапула, главный виновник восстания вольноотпущенников и рабов, с поля сражения прибыл в Кордубу и созвал и тех и других. Тут приказал он сделать для себя костер, облекся в самые роскошные одежды, приказал подать себе самый изысканный ужин; все свои деньги и все ценное имущество он роздал своим приближенным. Он спокойно поужинал, при этом возливали на него разные благовонные масла. Потом, по его приказанию, один раб его заколол его, а вольноотпущенник, служивший его гнусной страсти, поджег его костер.

34. Жители Кордубы, когда Цезарь стал лагерем подле их стен, разделились на две партии. Волнение между приверженцами Помпея и Цезаря было так велико, что шум его достигал нашего лагеря. В городе находились легионы, составленные из перебежчиков; тут же находились рабы жителей города, отпущенные на волю Секстом Помпеем, но с прибытием Цезаря опасавшиеся попасть в прежнее состояние. Тринадцатый легион начал оборонять город и, несмотря на сопротивление, которое он встретил в противной партии, он овладел частью башен и стены. Партия Цезаря отправила послов к нему, прося его прислать ей на помощь легионы. Беглецы, заметив это, старались поджечь город. В происшедшем бою они истреблены нашими, и тут погибло двадцать две тысячи неприятелей, не считая тех, которые пали вне стен города. Кордуба таким образом досталась во власть Цезаря. Пока он здесь находился, неприятельские войска, бывшие у нас

в обложении, сделали вылазку, но с большой потерей прогнаны назад в город.

35. Когда Цезарь стал приближаться к Гиспалису, из этого города вышли послы, моля его о пощаде. Цезарь обещал безопасность городу и велел войти в него легату Канинию с гарнизоном, а сам остановился лагерем под городом. В нем находился сильный отряд войска Помпея; он с негодованием видел в городе гарнизон Цезаря; особенно действовал против этого некто Филон, самый горячий защитник интересов Помпея, имевший большие связи по всей Лузитании. Тайно от Цезарева гарнизона, Филон отправился в Лузитанию и у Ления нашел Цецилия Нигра, родом туземца, имевшего под своим начальством значительный отряд Лузитанцев. С ним он двинулся снова к Гиспалису и принят в город ночью через стену. Тогда гарнизон Цезарев и его караулы истреблены острием меча, ворота города затворены и военные действия открылись снова.

36. Пока происходили эти события, послы жителей города Картеи дают знать Цезарю, что Помпей в их власти. Они надеялись этой услугой загладить в памяти Цезаря то, что они перед ним заперли ворота. В Гиспалисе Лузитанцы продолжали упорно сопротивляться; Цезарь понял, что если он будет пытаться взять город открытой силой, то защитники его, готовые на все, разрушат город и оставят ему одни развалины. Лузитанцы, с своей стороны, замыслили ночью сделать вылазку. Цезарь с умыслом не предупредил этого их намерения, о чем они не догадывались. Когда же осажденные, сделав вылазку, зажгли наши суда, находившиеся на реке Бетис, и, полагая, что наше войско занято погашением пожара, стали отступать к городу, то наша конница окружила их и истребила. Таким образом город Гиспалис снова достался в руки Цезаря; он оттуда двинулся к городу Асте, из которого яви-

лись к нему послы с изъявлением покорности. Многие из жителей Мунды, ушедшие с поля сражения в город, после долговременной осады явились к нам с изъявлением покорности. Их распределили в одном легионе, но они составили заговор: ночью, в одно и то же время, по данному сигналу они должны были произвести убийства в нашем лагере, и осажденные учинить вылазку. Впрочем, об этом умысле узнали, и заговорщики, находившиеся у нас в лагере, в следующую же ночь, в третью стражу, по данному знаку, отведены за вал и там избиты.

37. Между тем как Цезарь по пути покорял города, между начальниками города Картейи возникли раздоры из-за Помпея. Одни отправили послов к Цезарю, а другие стали в защиту Помпея. Дело дошло до неприязненных действий: и та и другая сторона усиливалась овладеть городскими воротами. Произошло большое побоище. Раненый Помпей успел захватить 20 галер и бежать с ними. Дидий, начальствовавший в Гадесе над флотом, получив известие о бегстве Помпея, немедленно погнался за ним, приказав следовать за собой поспешно берегом пешему и конному отряду. На четвертый день Дидий наконец настиг неприятеля: вынужденный отплыть из Картейи не запасшись водой, он должен был за ней пристать к берегу. Пока он наливался водой, Дидий его настиг, некоторые суда сжег, а другие захватил в плен. Помпею удалось с немногими приближенными бежать и найти убежище в укрепленном природой месте.

38. Пеший и конный наши отряды, шедшие берегом вслед за неприятелем, узнали от передовых разъездов об открытии неприятеля и спешили день и ночь. Помпей было сильно ранен в плечо и в бедро левой ноги, кроме того, он себе вывихнул ногу и потому не мог свободно ходить. Вследствие этого его несли на тех же самых носилках, на которых унесли из города. Войско Цезаря не

замедлило узнать место, где скрывался Помпей, приметив Лузитан в их военных одеждах, и окружило его со всех сторон. Несмотря на то что по возвышенной местности, занятой Помпеем, и многочисленности бывшего при нем отряда нападение на него сопряжено было с большими трудностями, наши не замедлили его атаковать. Неприятель осыпал их стрелами и, преследуя отступавших, делал их атаку безуспешной. Наши не замедлили заметить, что такого рода нападения на неприятеля и бесполезны, и сопряжены с большой потерей; а потому они решились обложить неприятеля со всех сторон. Немедленно приступив к работам с этой целью, они скоро достигли того, что могли сражаться с неприятелем грудь с грудью, устранив невыгоду местности. Не находя в ней более никакой себе защиты, неприятель искал спасения в бегстве.

39. Помпей, по случаю ран своих и вывихнутой ноги, не мог бежать скоро, притом самая местность не позволяла ему прибегнуть к употреблению коня или повозки. Неприятель, оставив свои укрепления, не имея ниоткуда помощи, был повсюду преследуем и избиваем нашими. Помпей нашел было убежище в расщелине скалы, имевшей подобие пещеры, и не скоро был бы там найден, если бы пленные не указали этого места. Таким образом Помпей был найден и убит. Цезарь находился в Гадесе, когда, накануне Апрельских Ид, голова Помпея была принесена в Гиспалис и там выставлена напоказ народу.

40. Дидий, захватив и предав смерти Помпея-младшего, был очень рад. Он удалился в соседний укрепленный городок, а некоторые суда свои приказал чинить. Лузитанцы, уцелевшие от сражения, собрались снова и, получив большое подкрепление, обратились опять к Дидию. Ему нужно было принимать меры к защите судов, и потому он неоднократно делал вылазки. Осаждающие ре-

шились воспользоваться ежедневными вылазками Дидия и, разделив войска свои на три части, устроили ему засаду. Часть их должна была зажечь наши суда, а остальные ударить на наших в то время, когда они будут спешить на помощь своим. Эти отряды неприятеля были расположены так, что их нельзя было заметить ранее той минуты, когда они дружно должны были ударить на наших. Таким образом, когда Дидий сделал вылазку и, преследуя неприятеля, отошел от города, тот по данному сигналу зажег наши суда; в то же время толпы неприятелей явились с военными кликами в тылу наших, гнавших перед собой других. Тут Дидий, храбро сражаясь, погиб с большей частью своего отряда. Некоторым из его воинов удалось захватить лодки, бывшие на берегу, а другие вплавь достигли наших судов, стоявших на якорях, и отплыли на них в открытое море. Лузитанцы захватили тут большую добычу. Цезарь из Гадеса опять прибыл в Гиспалис.

41. Фабий Максим, оставленный Цезарем под стенами Мунды для ее осады, вследствие постоянных работ, обнес ее со всех сторон укреплениями, отрезав неприятелю совершенно выход. В неприятельском гарнизоне возник раздор, кончившийся открытым боем, в котором много погибло. Прочие сделали вылазку; наши тут не щадили усилий овладеть городом и захватили в плен четырнадцать тысяч человек неприятелей. Оттуда Фабий Максим с войском двинулся к Урсаону. Город этот был обнесен сильными укреплениями, но еще более в условиях местности находил защиту от нападения неприятеля. Притом вокруг города, достаточно снабженного водой, на восемь миль во все стороны не было воды, обстоятельство весьма благоприятное для осажденных. Лесного материала для осадных работ на устройство террасы и башен нельзя было найти ближе, как в шести милях расстояния. Помпей, чтобы еще более обезопасить

город, приказал срубить все деревья, какие находились в окрестностях города, и свезти их в город. Таким образом, наши вынуждены были возить материалы, нужные для осадных работ, из города Мунды, которым они незадолго перед тем овладели.

42. Между тем как эти события происходили под стенами Мунды и Урсаона, Цезарь, прибыв в Гиспалис из Гадеса, на следующий день созвал народное собрание, и в нем сказал следующее: «С самого своего вступления в должность квестора, он преимущественно перед интересами других провинций поставил себе целью заботиться об интересах Испании, оказывая этой стране все те услуги, какие были в его силах. Получив преторство и с ним более веса и власти, он просил Сенат сложить подати, наложенные Метеллом на эту провинцию, и успел в том. Притом он взялся ходатайствовать по всем делам, по которым Испания присылала послов, как частным, так и общественным, чем навлек на себя немало неприятностей. Во время своего консульства, несмотря на то что он находился большей частью в отлучке, он заботился постоянно об интересах Испании. Но они забыли все благодеяния и его, и народа Римского и заплатили за них самой черной неблагодарностью, что доказывает и нынешняя война, и прошлые события.

Вы, ведая народное право и обычаи народа Римского, неоднократно посягали на жизнь сановников его, личность коих долженствовала быть для вас священной, что извинительно было бы только одним диким племенам. Среди белого дня злодейски, на общественной площади, хотели вы убить Кассия. Мир для вас так ненавистен, что легионы народа Римского никогда не выходят из этой провинции. Услуги, вам сделанные, вы принимаете за неприязненные действия, а последние считаете за благодеяния в отношении к вам. У вас недостает ни единоду-

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

шая в мирное время, ни энергии и храбрости на войне. Беглецом и частным человеком явился к вам Помпей, присвоив себе власть консульства и ее признаки. Он предал смерти многих граждан и собрал сильное войско против народа Римского. Вы главные виновники, что он огнем и мечом опустошил провинцию. Можете ли вы рассчитывать быть когда-нибудь победителями? Если бы вам даже удалось стереть меня с лица земли, то разве не останется у народа Римского еще десяти легионов таких, что они в состоянии не только истребить вас, но и потрясти всю вселенную? Их славой и доблестью...»

Рекомендуемая литература

- Аппиан*. Гражданские войны. Л., 1935.
- Аппиан*. Римская история. ВДИ, 1950.
- Артемидор*. Онейрокритика / Проект Р. В. Грищенко; Перев. М. Л. Гаспарова, В. С. Зилитинкевич, И. А. Левинской, Э. Г. Юнца; Комментарии И. А. Левинской. СПб.: Кристалл, 1999.
- Буассье Г.* Цицерон и его друзья. Очерк о римском обществе времен Цезаря. М., 1914.
- Властелины Рима*. М., 1992.
- Грималь П.* Цезарь. М., 2003.
- Де Сервье Ж. Р.* Жены двенадцати цезарей. М., 1998.
- Дуров С. В.* Юлий Цезарь: Человек и писатель. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
- Корнилова Е. Н.* «Миф о Юлии Цезаре» и идея диктатуры. М., 1999.
- Ливий Т.* История Рима от основания города. Т. 3—3. М., 1981—1994.
- Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.-Л., 1949.
- Машкин Н. А.* История Древнего Рима. В 2 т. М., 1956.
- Момзен Т.* История Рима. Т. III. М., 1941.
- Остерман Л.* Римская история в лицах. М., 1997.
- Парфенов В. Н.* Рим от Цезаря до Августа: очерки социально-политической истории. Саратов, 1987.
- Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. М., 1962.
- Саллюстий К.* Сочинения. М., 1981.
- Светоний Г. Т.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964.
- Тацит К.* Сочинения. В 2 т. Л., 1970.
- Утченко С. Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969.
- Утченко С. Л.* Цицерон и его время. М., 1973.
- Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. М., 1984.
- Ферреро Г.* Юлий Цезарь. Ростов н/Д, 1997.
- Этьен Р.* Цезарь. М., 2003.
- Юлий Цезарь*. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. М., 1962.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Глава 1.</i> Детство, отрочество, юность	13
<i>Глава 2.</i> Цезарь против Суллы, или Бегство из Рима ...	26
<i>Глава 3.</i> Возвращение Цезаря. Начало вхождения во власть	37
<i>Глава 4.</i> Испания: первое боевое крещение	56
<i>Глава 5.</i> Властелин Рима. Четвертое бракосочетание Цезаря	61
<i>Глава 6.</i> Галльские войны	74
<i>Глава 7.</i> Цезарь-диктатор. Гражданская война	346
<i>Глава 8.</i> Смерть Юлия Цезаря	460
<i>Приложение.</i> Последняя война Юлия Цезаря	478
Рекомендуемая литература	508

Популярное издание

Глеб Благовещенский

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

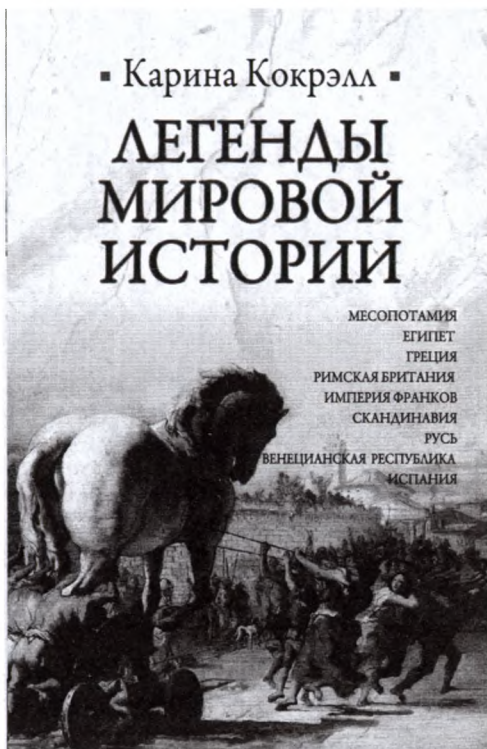
Ведущий редактор *В. Пименова*
Художественный редактор *Ю. Межова*
Технический редактор *В. Беляева*
Верстка *О. Савельевой*
Корректор *В. Леснова*

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область,
г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
198096, Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская,
д. 11, лит. А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

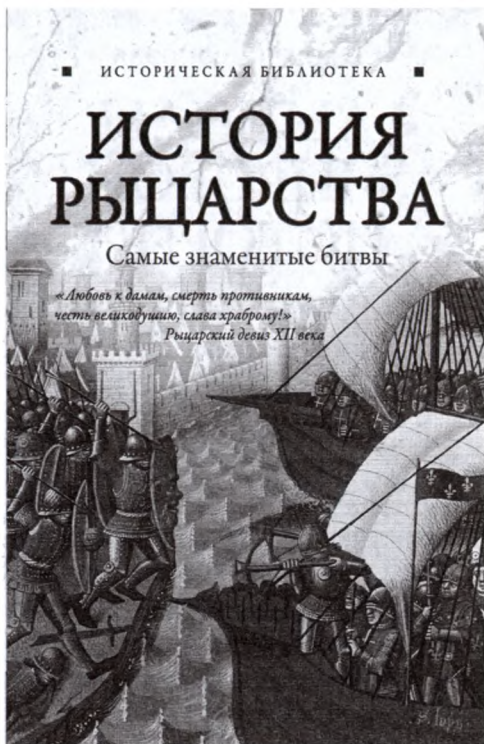

Хотите отправиться в путешествие во времени? Следуйте за автором этой книги, и вас ждет масса эмоций: вы переживете незабываемые приключения, примете участие в опаснейших путешествиях и испытаете роковые страсти.

Самые значимые исторические события описаны таким увлекательным языком, что возникает полный эффект присутствия. Серьезная фактическая информация перемешивается с элементами исторического романа, и этот взрывоопасный микс приправлен сбалансированным соусом из куража и иронии.

Эта книга о глупцах и мудрецах, о взлетах и сокрушительных падениях, о катастрофах и роковых совпадениях, о любви, предательстве, зависти и злобе, о силе и слабости человеческой и, конечно, о нас, сегодняшних.

Они возвели на высшую ступень героизма военную доблесть — человеческую добродетель, являвшуюся оплотом всякого общественного строя. Они принесли в мир то, чем он может, пожалуй, гордиться больше всего: *рыцарский дух*. Они были жестоки, но чистосердечно старались установить на земле справедливость и, путем великого насилия, совершали великие дела...

Погружаясь в неповторимую атмосферу рыцарских битв, вы ощутите дух того далекого времени, узнаете, к чему стремились, о чем мечтали, как сражались те, чья жизнь была полна приключений и окутана романтикой и кто стал легендой после смерти...

*Бесстрашный воин, гениальный стратег,
искусный политик, легендарный оболъститель,
несравненный оратор, выдающийся писатель —
это лишь часть превосходных качеств Юлия Цезаря,
что снискали ему славу в веках!*

*Исполненный внутренних противоречий,
он всегда и во всем поступал нестандартно,
как и положено великому человеку.*

*Именно поэтому на его деяниях
и было суждено учиться потомкам!*

*Книга подробно рассказывает о жизни
и подвигах Юлия Цезаря, позволивших ему
стать одним из самых знаменитых
властителей всех времен.*

ISBN 978-5-17-074514-2

9 785170 745142